

2025

Том 16. № 3

2025. Vol. 16. No. 3

DOI: [10.19181/vis.2025.16.3](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.3)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института* Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Социология Великой
Отечественной войны:
малоизученные аспекты
(к 80-летию Победы)**

/Этнокультурные смыслы патриотизма

/Культурный код России

**/Визуализация образовательных
траекторий**

/Межпоколенческий консенсус

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 3'2025

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2025. Том 16. № 3

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2025

© Vestnik instituta sotziologii, 2025

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Директор Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе ФНИСЦ РАН, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Research of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Research of FCTAS RAS, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director for Research of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

EDN: TWPLIH

О Выпуске 10

Аксенова О. В. Великая Отечественная война
и цивилизационное развитие России 10

Тема номера:

Социология Великой Отечественной войны: малоизученные аспекты (к 80-летию Победы)..... 15

Коломиец О. П., Нувано В. Н. Этнокультурные смыслы патриотизма
и исторической памяти у народов Чукотки 15

Левченко Н. В. Творческий труд как фактор Победы:
советский театр
в годы Великой Отечественной войны..... 37

Бадараев Д. Д., Винокурова А. В., Нолев Е. В.
Память о Великой Отечественной войне в регионах Дальнего Востока:
коммеморативные практики студенческой молодежи..... 52

Саралиева З. Х.-М., Кутявина Е. Е., Шинкаренко Е. А.
Пространство школьных мероприятий в Нижнем Новгороде,
посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 69

Особенности цивилизационного развития России..... 87

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Национальный культурный код:
морально-нравственный аспект 87

Скорик А. П., Шадрина А. В. Специфика донских
казачьих монастырей в оптике гендерного подхода..... 120

Пузанков И. А. О возможностях институционального
анализа казачества в рамках теорий социального конструктивизма ... 142

Проблемы российского образования 162

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Костина Н. Б.
Поколенческие отношения в научно-педагогической общности:
к постановке проблемы 162

Попова Е. С. Межпоколенческий анализ
и визуализация образовательных траекторий:
нелинейность, адаптивность, вариативность 187

Дятлов А. В., Ковалев В. В. Менеджеристские основы
нормативно-подушевого финансирования высшего образования
и его социальные эффекты..... 203

Трибуна молодого ученого	229
<i>Дудин И. В.</i> Восприятие населением России противоречия между богатыми и бедными: динамика и факторы	229
Научные форумы.....	253
<i>Богданов В. С., Шилова В. А.</i> Социально-управленческие аспекты развития искусственного интеллекта (AI): по итогам методологического семинара ФНИСЦ РАН	253
Поздравления	264
Александру Бенционовичу Гофману – 80 лет!	264
Поздравляем Зарэтхан Хаджи-Мурзаевну Сараиеву!	266
Михаилу Федоровичу Чернышу – 70 лет!	268

Contents

About the Issue 10

- Aksenova O. V.* About the issue. The Great Patriotic War
and the Development of Russian Civilization 10

Theme of the issue:

Sociology of the Great Patriotic War:

Little-Studied Aspects (on the 80th Anniversary of Victory) 15

- Kolomiets O. P., Nuvano V. N.* Ethnocultural Meanings of Patriotism
and Historical Memory among the Peoples of Chukotka 15

- Levchenko N. V.* Creative Labour as a Victory Factor:
Theatre and Other Arts in the Wartime USSR 37

- Badaraev D. D., Vinokurova A. V., Nolev E. V.*
Memory of the Great Patriotic War in the Far East regions:
Commemorative Practices of Student Youth 52

- Saralieva Z. H.-M., Kutjavina E. E., Shinkarenko E. A.*
The Space of School Events in Nizhny Novgorod Dedicated
to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War 69

Characteristics of Russia Civilizational Development 87

- Tikhonova N. E., Karavay A. V.* National Cultural Code:
Moral and Ethical Aspects 87

- Skorik A. P., Shadrina A. V.* On the Specifics of Don Cossack Monasteries
(Gender Aspects)..... 120

- Puzankov I. A.* A Social Constructivist Approach to the Analysis
of the Institutional Order of Modern Cossacks 142

Problems of Russian Education 162

- Ambarova P. A., Zborovsky G. E., Kostina N. B.*
Generational Relationships in the Academic and Teaching Community:
A Problem Statement 162

- Popova E. S.* Variability of Educational Trajectories
in an Intergenerational Context: From Simple to Complex Strategies 187

- Dyatlov A. V., Kovalev V. V.* On the Social Effects of the Managerial
Approach and Per-Capita Normative Financing of Higher Education..... 203

Young Researcher Tribune.....	229
<i>Dudin I. V.</i> Perceptions of the Rich-Poor Contradiction by the Russian Population: Dynamics and Factors 229	
Scientific Forums.....	253
<i>Bogdanov V. S., Shilova V. A.</i> Social and Managerial Aspects of Artificial Intelligence (AI) Development: Results of the Methodological Seminar of FCTAS RAS..... 253	
Anniversaries	264
Gofman A. B. 264	
Saraliev Z. H.-M..... 266	
Chernysh M. F. 268	

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.1

EDN: SXBDGN

Великая Отечественная война и цивилизационное развитие России

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Великая Отечественная война и цивилизационное развитие России 2025. Том 16. № 3. С. 10–14. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.1; EDN: SXBDGN.

For citation: Akseanova O. V. The Great Patriotic War and the Development of Russian Civilization. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 10–14. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.1; EDN: SXBDGN.

Этот выпуск Вестника Института социологии продолжает публикацию материалов о Великой Отечественной войне и Великой Победе. Мы уже писали об их актуальности и значимости для современной России, отметив недостаточную, по нашему мнению, социологическую изученность¹. Тема номера [«Социология Великой Отечественной войны: малоизученные аспекты \(к 80-летию Победы\)»](#) посвящена феноменам, которые в общероссийском дискурсе представлены на уровне в основном кинематографически-литературном. За прошедшие со времени Победы 80 лет сложился ряд устойчивых образов, среди которых и артисты, выступающие перед бойцами на передовой, и молчаливый, мудрый снайпер из числа коренных народов советского Севера. Эта образность сама по себе необходима для формирования общего представления о Победе, но не менее важно и понимание социальной реальности, скрывающейся за обобщающими картинками и символами, позволяющее преодолеть их неизбежную ограниченность

Память об Победе сегодня является одной из ключевых составляющих самосознания российского общества, соединяющих его сложную, полиэтническую конструкцию в единое целое, но пока еще неясно, каким именно образом эта целостность формируется, как в ней соотносится общее для всей страны и частное (региональное, локальное, этническое, семейное).

Открывающая рубрику статья [О. П. Коломиец, В. Н. Нувано](#) (Анадырь) [«Этнокультурные смыслы исторической памяти и патриотизма у народов Чукотки»](#) посвящена анализу этнокультурных особенностей понимания патриотизма коренными малочисленными народами Чукотского автономного округа, восприятию ими Великой Отечественной войны в условиях современных геополитических вызовов, включая специальную военную операцию. В статье показан вклад коренных народов Чукотки в Победу на фронте и в тылу. Мало кто знает, что призыву они не подлежали, но уходили воевать добровольцами. Авторы в результате полевого исследования выявили у современных жителей региона связь участия в СВО с памя-

¹ Аксенова О. В. Героическое прошлое в образе будущего. 2025. Том 16. № 2. С. 8–13

тью о Великой Отечественной войне, с социальной потребностью, с ценностными установками воина-охотника. Обнаружен также синтез этнических традиций, советского наследия, современной гражданской солидарности, который и создает в итоге патриотизм коренных жителей Чукотки, причем патриотизм местный не отделяется ими от общероссийского.

В статье [Н. В. Левченко](#) (Москва) [«Творческий труд как фактор Победы: советский театр в годы Великой Отечественной войны»](#) представлен социологический анализ деятельности фронтовых театров и бригад, осуществленный в контексте роли труда в советском обществе. Автор приходит к выводу, что в советские годы сформировалось отношение к труду как к творческому процессу и не важно, каким он был: физическим или же интеллектуальным, в мастерской художника или на сцене театра. В годы Великой Отечественной войны ярко проявилось значение именно такого восприятия труда. Творческий труд одновременно пробуждал патриотические чувства и был направлен на консолидацию многонационального советского общества, что, без сомнения, актуально и в наши дни.

Еще две статьи темы номера посвящены практикам, которые, во-первых, институционализируют историческую память, и, во-вторых, направлены на формирование патриотизма у школьников и молодежи. [Д. Д. Бадараев](#) (Улан-Удэ), [А. В. Винокурова](#) (Владивосток), [Е. В. Нолев](#) (Улан-Удэ) в статье [«Память о Великой Отечественной войне в регионах Дальнего Востока: коммеморативные практики студенческой молодежи»](#) анализируют практики студентов дальневосточных вузов, связанные с памятью о Великой Отечественной войне. Как и предыдущие авторы, исследователи выявили соединение различных форм сохранения исторической памяти, переплетение медийных, институциональных и семейных каналов в этом процессе. Установлено, что историческая память о Великой Отечественной войне для студентов вузов Дальнего Востока остается важным элементом их идентичности, но при этом обнаружена ее фрагментарность, снижение личной сопричастности к событиям военного прошлого. Обнаружено также противоречивое сочетание тенденции индивидуализации празднования 9 Мая и устойчивого интереса к мемориальным мероприятиям массового характера.

В статье [З. Х.-М. Саралиевой, Е. Е. Кутявина, Е. А. Шинкаренко](#) (Нижний Новгород) [«Пространство школьных мероприятий в Нижнем Новгороде, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне»](#) представлен анализ школьных мероприятий. Авторы приходят к выводу о том, что включение в социальное пространство осуществляется через формирование групповой идентичности (ученик школы, житель города, района, страны) и взаимодействие с социальными институтами (образование, семья, профессиональные институты). Ключевым институтом в этом взаимодействии является семья, которая выступает своего рода посредником, а семейная память конкретизирует общую историческую память.

Рубрика [«Особенности цивилизационного развития России»](#), посвящена актуальной, сложной и весьма дискуссионной теме. Эта дискуссионность связана с концептом цивилизации, интерпретаций которого

известно множество, и с той же полиэтнической конструкцией культуры российского общества и его самосознания, о которой говорилось выше. Существует ли в таком случае российская цивилизация или Россия объединяет несколько различных цивилизаций? Насколько прочно такое объединение? Можно ли в принципе использовать концепты цивилизационистики в социологических исследованиях, ведь цивилизационные свойства социума крайне сложно обнаружить социологически по причине их предполагаемой константности? Вместе с тем, в настоящее время цивилизационные концепты становятся политическим фактором, и уже по этой причине социальные науки не могут их игнорировать. [Н. Е. Тихонова, А. В. Каравай](#) (Москва) в статье [«Национальный культурный код России: морально-нравственный аспект»](#) предприняли попытку поиска моральных норм в культурном коде россиян и их специфики. Авторы пришли к выводу о применимости понятия «культурный код» в социологии и выявляют моральные нормы общие для всей России. Часть норм, по мнению авторов, устойчивы и присутствуют в составе кода. Среди них: категорическое неприятие измены Родине, которое дополняется распространенностью норм, обеспечивающих мир в многонациональной, многоконфессиональной стране и ряд других.

В рубрике также представлены статьи, демонстрирующие очень частные, специфические особенности формирования отдельных составляющих цивилизации и их изменения под влиянием факторов разного происхождения. В зоне южнорусского фронта данный процесс особо наглядно. Так, в статье [А. П. Скорика](#) (Новочеркасск), [А. В. Шадриной](#) (Ростов-на-Дону) [«Специфика донских казачьих монастырей в оптике гендерного подхода»](#) рассматриваются формирование и функционирование казачьего монастыря как социального института и его трансформации в современных условиях. Авторы обнаруживают существенные отличия исторических казачьих обителей от монастырей Центральной России, среди которых – большее число функций и более глубокие гендерные различия. Выявлен также процесс универсализации института, фиксируется существенная разница между современными монашескими обителями в исторически казачьих регионах и их предшественниками. Авторы показывают, что Церковь, выступая как объединяющая сила, вместе с тем способствует унификации, сглаживанию региональных различий, что, по сути, приводит к исчезновению феномена «казачьего» монастыря как социального института.

В статье [И. А. Пузанкова](#) (Москва) [«О возможностях институционального анализа казачества в рамках теорий социального конструктивизма»](#) рассматривается институциональная природа современного казачества как социальной общности и казачьей идентичности. Автор рассматривает механизмы воспроизводства традиционных казачьих практик, а также их адаптацию к современным социальным и политическим вызовам. Работа также затрагивает перспективу участия казаков в СВО, что способствует восстановлению исторического статуса казачества как военной силы. В статье показано, как новое казачество конструируется под влиянием вызовов времени и новых институциональных условий.

Наша традиционная рубрика [«Проблемы российского образования»](#) содержит три статьи. В работе [П. А. Амбаров, Г. Е. Зборовского, Н. Б. Костиной](#) (Екатеринбург) [«Поколенческие отношения в научно-педагогической общности: к постановке проблемы»](#) рассматриваются проблемы, обусловленные дисбалансами поколенческой структуры преподавательской общности. Авторы выявляют потенциальные зоны межпоколенческих напряжений и конфликтов, риски преувеличения роли молодого поколения, порождаемые государственной политикой в сфере высшего образования. Сделан вывод о необходимости сохранения научных школ и наставничества как бесконфликтной зоны. В числе причин этого – ее автономность от ряда факторов, включая менеджериальную культуру современных вузов.

В статье [Е. С. Поповой](#) (Москва) [«Межпоколенческий анализ и визуализация образовательных траекторий: нелинейность, адаптивность, вариативность»](#) анализируются изменения в образовательном поведении различных групп населения России. Автором сделан вывод об увеличении числа молодых людей среди поколений миллениалов и зумеров, выбирающих многосоставные траектории получения профессионального образования, что свидетельствует о развитии сферы данного вида образования. Но автор также отмечает гибкость отечественной системы, которая посредством возможности многосоставных траекторий редуцирует неравенство образовательных шансов.

Тему менеджериализации высшего образования продолжает статьей [А. В. Дятлова и В. В. Ковалева](#) (Ростов-на-Дону) [«Менеджеристские основы нормативно-подушевого финансирования высшего образования и его социальные эффекты»](#). В статье рассматривается применение нормативно-подушевого финансирования в общем контексте менеджериализации и коммерциализации российского высшего образования. Анализируется его влияние на ситуацию в российской системе высшего образования. Авторы приходят к выводу о крайней опасности данного вида финансирования, о риске имитационного достижения показателей, что ведет к снижению качества образовательного процесса, а в итоге создает риски и для развития страны.

Рубрика [«Трибуна молодого ученого»](#) представлена статья [И. В. Дудина](#) (Москва) [«Восприятие населением России противоречия между богатыми и бедными: динамика и факторы»](#). Автор на данных репрезентативных общероссийских исследований ИС ФНИСЦ РАН 2005, 2015 и 2024 гг. показывает, как менялось восприятие обозначенного в названии работы противоречия в последние десятилетия, выявляет факторы, обуславливающие болезненность его восприятия в сегодняшней России. В статье показано также, что именно субъективные (т. е. относящиеся к восприятию ситуации в обществе в целом и своего места в нем в частности), а не объективные характеристики человека имеют решающее значение для оценки противоречия между богатыми и бедными как одного из наиболее острых.

Завершает выпуск рубрика [«Научные форумы»](#) с обзором теоретико-методологического семинара памяти профессора А. В. Тихонова [«Социально-управленческие аспекты развития искусственного интеллекта \(AI\): по итогам методологического семинара ФНИСЦ РАН»](#), прошедшего в июне 2024 г.

Представленные в номере работы взаимосвязаны, большая их часть вне зависимости от проблематики имеет непосредственное отношение к специфике российского общества, которую можно обозначить цивилизационной, можно и каким-то иным образом. В любом случае речь идет о сформировавшихся в разное историческое время институтах и структурах, ценностных установках, традициях, конструктах и т. п., составивших особый, целостный мир. Великая Отечественная война – один из ключевых этапов возникновения этой специфической целостности, включающей в себя всю страну, со всеми ее регионами, локальностями и этносами. Она постоянно трансформируется, в общем и в частностях, но пока сохраняет свои ключевые свойства, несмотря на риск их размывания, который в работах авторов данного выпуска также отмечен.

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ (К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ)

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2

EDN: SAUMQY

Этнокультурные смыслы патриотизма и исторической памяти у народов Чукотки

Ссылка для цитирования: Коломиец О. П., Нувано В. Н. Этнокультурные смыслы патриотизма и исторической памяти у народов Чукотки // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 15–36. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2; EDN: SAUMQY.

For citation: Kolomiets O. P., Nuvano V. N. Ethnocultural Meanings of Patriotism and Historical Memory among the Peoples of Chukotka. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 15–36. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2; EDN: SAUMQY.

SPIN-код: 2916-0811

Коломиец Оксана Петровна¹

¹Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН, Анадырь, Россия

okkolo@mail.ru

SPIN-код: 2514-4336

Нувано Владислав Николаевич¹

¹Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН, Анадырь, Россия

vlad_nuvano@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу этнокультурных особенностей понимания патриотизма, концептов «родина» и «герой» среди коренных малочисленных народов Чукотки, исторической памяти о Великой Отечественной войне в условиях современных геополитических вызовов, включая специальную военную операцию. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения консолидирующей роли патриотизма в полиэтническом регионе. Методология исследования сочетает количественные и качественные методы. Теоретическая рамка интегрирует этнографический метод, подходы memory studies и устной истории, фокусируясь на «истории снизу». Понимание малой родины у жителей Чукотки тесно связано с местом рождения, семьей и природой. Патриотизм трактуется через призму

традиционных ценностей, таких как, защита земли, родственные узы, готовность к самопожертвованию. Так, в чукотской традиции патриотизм может осмысляться через понятия кровной солидарности. В исторической памяти о Великой Отечественной войне раскрывается вклад коренных народов Чукотки в Победу (добровольцы на фронте; строительство аэродромов трассы АлСиб в Марково и Уэлькале; тыловая поддержка – поставки пушнины, оленины, рыбной продукции, морзверя, меховой одежды, сбор денежных средств, покупка облигаций, безвозмездный труд).

Анализируются возможные причины видимого дисбаланса участия коренных малочисленных народов Чукотки и некоренного населения («приезжих») в специальной военной операции. Оно осмысливается коренными жителями как продолжение традиции памяти о Великой Отечественной войне и связано с добровольным выбором, социальной потребностью, менталитетом воина-охотника, выраженного в привычке к риску, с фатализмом.

Исследование показало, что патриотизм народов Чукотки носит убежденный характер и базируется на синтезе этнических традиций защиты «своей земли», советского наследия Великой Отечественной войны и современной гражданской солидарности. 86,2% респондентов идентифицируют себя как патриоты России. Патриотизм проявляется преимущественностью героизма (Великая Отечественная война – специальная военная операция), солидарностью перед внешними угрозами и глубокой связью с территорией.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Чукотки, этнокультурные особенности, идентичность, историческая память, патриотизм, родина, герои, Великая Отечественная война, специальная военная операция

Введение

В текущей ситуации усиления геополитической конфликтности и беспрецедентного давления на Российскую Федерацию со стороны «коллективного Запада», проведения специальной военной операции (СВО), исследования современных интерпретаций патриотизма, понятий «Родина» и «герой» среди различных этнических групп (включая коренные малочисленные народы Чукотки) приобретают особую значимость. В этом плане значимо и осмысление событий Великой Отечественной войны, роли коренных народов в достижении общей победы над нацизмом.

Цель статьи – выявить этнокультурную специфику понимания патриотизма и понятий «родина» / «герой» у коренных малочисленных народов Чукотки в контексте исторической памяти о Великой Отечественной войне и современных геополитических вызовов.

Смысловое содержание категории патриотизма составляет идея любви к своей земле, своей истории и гордость за свой народ. В современном мире понятие патриотизма, изначально предполагавшее привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям своей общины и этноса, приобрело широкий политический смысл, связанный с самоидентификацией человека с гражданской нацией, государством, Отечеством. При этом сохраняются и более ранние его разновидности – общинный, этнический и т. д., что в условиях современной России с ее историческим наследием, федеративным устройством и этнокультурным разнообразием диктует необходимость

учета и соединения в идее общегражданского патриотизма его региональных и этнических измерений. Авторы разделяют подход, что патриотизм является консолидирующей идейной основой гражданской (национальной) идентичности, которая формируется (должна формироваться) не в ущерб и не взамен, а поверх этнической, религиозной, региональной и иных форм социально-групповых идентичностей человека [1, с. 134].

В последнее время публикуются работы, в которых ученые поднимают проблему патриотизма в историческом контексте. Например, как в зависимости от смены политического режима, общественного строя и государственной идеологии менял свои формы и установки государственный патриотизм и противостоящие ему формы «не-патриотизма» [4] (космополитизм и т. п.). Социологами разрабатываются и предлагаются системы оценки уровня патриотизма на основе проективных вопросов, позволяющих типологизировать патриотизм респондентов, выделяя, в частности, прагматичный и реальный [14, с. 163]. Анализируются также современные теоретические подходы к проблеме соотношения этнической принадлежности и патриотических чувств, содержательное наполнение этнического дискурса патриотизма в регионах России [6, с. 71–72, 77]. Исследуются региональные, этнонациональные особенности в вопросах патриотического воспитания. На конкретных примерах демонстрируются практики информационной подачи и обсуждения проблемы патриотизма [25, с. 51–58]. Рассматриваются изменения в системе патриотических установок и гражданских смыслов патриотизма в контексте СВО [16, с. 24–34; 15, с. 65–81], также и другие аспекты сохранения и развития патриотической составляющей массового сознания.

Методологические основания исследования

В нашем исследовании используется методология, сочетающая количественные и качественные методы. Смешанный подход обеспечивает полноту и достоверность данных, полученных в результате массового опроса и глубинных полуструктурированных интервью.

Теоретически работа интегрирована в поле *memory studies*, исследующих историческую память как социально конструируемый образ прошлого [2; 3; 20; 23].

В исследовании используется методология устной истории, где ключевыми источниками служат интервью с участниками и очевидцами Великой Отечественной войны и СВО. Ее принцип – изучение «истории снизу» (мнения рядовых участников) и «истории изнутри» (личный опыт), фокусируясь на человеке и социуме, а не на государстве [24, с. 16].

Для связи индивидуального опыта с официальным нарративом используются т.н. эго-документы (опубликованные воспоминания и интервью). в основе исследования лежат принципы историзма, объективности, системности и источниковедческий анализ (критика и интерпретация источников).

Качественные методы (глубинные интервью) направлены на раскрытие уникальных культурных смыслов понятий «малая родина», героизма и патриотизма у представителей коренных народов Чукотки¹. В 2023–2025 гг. авторами было проведено 22 глубинных полуструктурированных интервью с жителями сел Ваеги, Уэлен, Провидение, Ламутское, Марково, Уэлькаль, городов Анадырь и Певек. Собеседники (включая общественников, волонтеров, участников/ветеранов СВО и их родственников) рассуждали о соотношении «малой» и «большой» родины и своем понимании патриотизма. Эти материалы, часто эмоционально окрашенные, дают глубокие личностные оценки происходящих событий, общественно-политической повестки и ценностных приоритетов, существенно дополняя количественные данные. Отдельным ценным источником послужили воспоминания жителей Чукотки о Великой Отечественной войне.

Количественные методы (массовый опрос) позволили выявить вариативность представлений о патриотизме, идентичности и политической ситуации среди разных групп населения Чукотки. В марте – мае 2024 г. был проведен опрос в г. Анадырь, п. Угольные Копи, с. Ваеги и с. Канчалан, в результате которого собрали 370 анкет. Выборка репрезентативна по полу (49,2% мужчин, 50,8% женщин), возрасту (основные группы: 23–34 г. – 22,2%; 35–44 г. – 24,6%; 45–54 г. – 20,3%) и типу поселения. Среди указавших национальность преобладали русские (39,5%) и чукчи (30,3%). Также в опросе приняли участие ламуты (3,2%), чуванцы (3%), эскимосы (3%), эвены (2,4%); украинцы (1,9%), юкагиры (1,1%) и др. народы. Более 44% респондентов имели высшее образование.

Самоидентификация в условиях вызовов

Несмотря на сложную демографическую ситуацию и миграционный отток, жители Чукотки демонстрируют устойчивую и многоуровневую модель идентичности. Она выстраивается на глубокой личной связи с малой родиной, органично вписывается в региональное самосознание и в общегосударственный патриотизм.

Социальные изменения и идентичность

В Чукотском автономном округе проживают представители свыше 90 национальностей. Из 47,5 тыс. жителей Чукотки 25,5 тыс. – русские. На втором месте по численности чукчи – 13,2 тыс. чел. На третьем месте украинцы – 1,5 тыс. чел. В общей численности населения округа 17 тыс. чел. – коренные малочисленные народы Чукотки (КМНЧ)².

¹ В регионе представители семи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, исторически проживающих в ЧАО – чукчи, керекы, эскимосы, эвены, чуванцы, коряки, юкагиры.

² Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Чукотский автономный округ [электронный ресурс]. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095> (дата обращения: 01.04.2025).

Численность населения ежегодно снижается (-126 чел. в 2024 г.), миграционная убыль в 2024 г. составила -242 чел. (внутри России -324 чел., международная миграция дала +82 чел.)¹.

Согласно результатам опроса, уроженцами того места, где сейчас живут, являются 46,2%, не являются 53,8% респондентов. При этом регулярно ездят в другие регионы страны, либо проживали в другом регионе ранее 53,5% респондентов.

Доля городского населения – 69,7% (33,3 тыс. чел.), сельского – 30,3% (14,5 тыс. чел.), число сельчан неуклонно снижается². В национальных селах ЧАО проживает преимущественно до 90–95% представителей коренного населения. Идет непрерывный процесс увеличения числа КМНЧ в общей численности городского населения [13, с. 62].

Происходит отток приезжего и коренного населения из сел в города и поселки (особенно в Анадырь), а также в другие регионы России. Основные причины оттока из сел: нехватка рабочих мест, низкие зарплаты, изолированность, нежелание молодежи работать в традиционных отраслях и низкое качество жизни. 35,1% опрошенных хотели бы уехать из своего населенного пункта (82% – в другие регионы РФ, 3,7% – за рубеж), при этом 44% довольны местом проживания.

Чукотский АО характеризуется высокими рейтингами по ряду номинальных показателей экономического развития региона. Часто исследователи акцентируют внимание на высоком уровне жизни населения округа, указывая на высокие заработные платы, расширенный стандарт потребления [8, с. 548].

В регионе один из самых низких уровней зарегистрированной безработицы, но удовлетворены работой лишь 41,1% опрошенных. В рейтинге регионов РФ (РИА Рейтинг-2024) Чукотка заняла 66-е место (по качеству жизни – 74-е)³. Уверены в будущем и удовлетворены качеством жизни менее половины респондентов (41,1 и 42,2% соответственно). При этом 76,8% удовлетворены отношениями с близкими.

Всероссийская перепись населения 2020 показала, что для жителей Чукотки этническая идентичность имеет существенное значение. Подавляющее большинство граждан указывали свою национальную принадлежность.

Согласно полученным данным, 62,2% респондентов никогда не забывают о своей национальности, 60% считают необходимым ощущать себя частью этнической группы. Подавляющее большинство (82,4%) положительно оценивают межнациональные отношения. Гражданская идентичность важна для 64,9%, региональная (осознание себя жителем ЧАО) –

¹ Общие итоги миграции населения Чукотского автономного округа за 2024 год [электронный ресурс] // URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 08.04.2025).

² Оценка численности населения Чукотского автономного округа на 1 января 2025 года по муниципальным образованиям [электронный ресурс]. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/27977> (дата обращения: 08.04.2025).

³ Итоговый рейтинг регионов РФ – 2024 // РИА Новости. 2024. 12.04. URL: <https://riarating.ru/infografika/20241223/630274686.html> (дата обращения: 10.02.2025).

для 45,7%, этническая принадлежность – для 42,4% респондентов. Абсолютное большинство опрошенных (>90%) считают Россию особой цивилизацией с позитивным будущим.

Понимание родины

Большинство участников массового опроса (67,3%) к понятию «родина» относят страну. Большинство ответов на вопрос о том, что считают для себя малой родиной, содержат понятия конкретного места рождения, например: «место, где общий дом»; «там, где родился»; «где вырос человек и его близкие»; «регион, в котором родился»; «место, где родился, место предков»; «где живешь»; «дом, семья, родственники»; «родной регион»; «где вырос и живешь»; «край, регион»; «родной дом»; «дом, где родился»; «там, где вырос»; «регион, где родился и живешь»; «мой город»; «мой край»; «семья»; «маленькая страна»; «где живу с близкими»; «район». При этом понимание большой родины связано с семьей, родственниками, государством, страной: «где моя родня»; «где проживают друзья»; «где является гражданином страны»; «государство, в котором живешь»; «история, государство, народ»; «необъятная любимая страна»; «Советский Союз, ныне РФ».

Собранные в ходе работы материалы дают основания утверждать, что для жителей Чукотки понятие «малой родины» имеет существенное значение, всегда ассоциируется с местом рождения, окружающими людьми (родственниками), часто с местом проживания, природой и культурой. При этом практически все респонденты отмечали эмоциональную привязанность и тоску по отношению к малой родине. Люди старшего поколения испытывают желание вернуться на малую родину и даже остаться там жить после выхода на пенсию.

«Родина... Ну большая калитка там какая-то. Из песенки. Ну, вот сразу вспоминаются эти старые советские песни. Ну, это большая страна наша и в ней маленькая родина, все в купе. Все, за что я готова отдать всю себя, свое время, если она скажет» (ж., 65, Уэлен);

«Родина – где ты родился и страна твоя, где ты вырос. Россия. Мне нравится на Чукотке. Ну, во-первых, это люди, отношения людей, то есть люди совсем другие, чем где-нибудь в больших городах. Они более честные, никто не так уж пытается тебя на каждом шагу обмануть, нагреть... Что это такое? Место, люди, язык.... Вот город, поселок, где ты живешь, это начало твоей родины. Для меня это поселок Провидения. А заканчивается Россией» (м., 34, Провидения);

«Моя малая родина для меня – Певек, город. Россия и Чукотка – моя родина по факту, и даже не то, что вот Россия, а вот конкретно Чукотка. Родина – это территория, природа, наверное, даже люди, к которым ты привык...» (ж., 30, Певек);

«Родина – место нахождения, место жительства, знакомые, коллеги с кем общаюсь. Если не задумываться, то, как бы большая родина – это страна, город, скорее страна, в которой я нахожусь, в которой я живу

и соблюдаю законы и порядки страны. Малая родина – это уже конкретно дом, может быть квартал, в котором я обитаю, в котором я живу» (м., 34, Уэлен);

«В глобальном смысле для меня родина – это Россия, страна в которой я живу и родился. Родина это для меня Чукотка, прежде всего. Место, где родной ландшафт, родные люди, и, прежде всего, родина это для меня связь с землей, с памятью предков. Предки твои жили на этой земле, и ты ощущаешь с ними связь, вот она. Вот, это место, где ты родился, вырос, воспитывался, знал людей. Родину можно сравнить с русской матрешкой. Посмотрим самую маленькую матрешку, она связана с селом Ламутское. Я там вот родился. Потом идет территория моих предков, моего народонаселения, включая и чукчей тоже, как часть своего народа. И потом уже идет географическое представление родины, это Чукотка, по отношению к другим регионам России. И наконец, самая большая матрешка – это Российская Федерация, Россия, я ощущаю себя частью...» (м., 51, Ламутское);

«При слове «родина» я про Ваеги думаю сначала. Наверное, все-таки когда-то мы туда уедем. А наша общая родина – Россия великая. Это наша настоящая Родина. Я против американцев (правительство), против Евросоюза. Мы же, народы России, никому не мешаем жить, а они все нападают. А я думаю, что мы горой за свою Родину будем стоять, и дети наши горой будут стоять. Я детям с малых лет про родину говорил. Сейчас они говорят, что если младшего на войну возьмут, то и мы все с ним пойдем» (м., 60, Ваеги).

Анализ интервью о понятии «родина» демонстрирует многоуровневость идентичности жителей Чукотки. Четко прослеживается иерархия: малая родина (родное село, поселок, город, дом), региональная родина (Чукотка), большая родина (Россия, СССР). Ключевыми составляющими родины являются место рождения и детства (фундаментальный критерий для большинства собеседников); люди (знакомые, близкие, семья) и особые отношения с ними (честность, взаимопомощь, коллективная солидарность, готовность помочь «своим»; природа и ландшафт (родные реки, горы, лес, тундра); культура и история (национальная культура, связь с предками, историческая память народа, ощущение преемственности, общая история России как основа связи с большой родиной); субъективное чувство («состояние»).

Патриотизм

Для коренных жителей Чукотки понятия «малая родина», «своя земля», «родственные узы», «семья», «дом» во все времена занимали важное место в системе традиционных ценностей. Коллективная память сохраняет легендарные сюжеты о бесстрашных чукчах-воинах, непревзойденных ламутских охотниках тундры и эскимосских морских зверобоях. Темы, затрагивающие отношение коренных жителей к воспитанию физиче-

ской силы и силы духа, к борьбе за выживание, войнам, смерти довольно часто становились предметом интереса ученых [22, с. 103; 10, с. 105; 5, с. 18; 19, с. 18].

Наши собеседники отмечали, что в прошлом чукчи по-своему понимали патриотизм. У них не было единого слова или термина для обозначения этого чувства. Однако они имели глубокие представления о своем роде, за который в случае необходимости были готовы проливать кровь. В. Г. Богораз зафиксировал распространенный термин для обозначения семейной группы – *чинъйыръын*, что означает «группа участников кровной мести» [5, с. 94]. В настоящее время в селах Ваеги и Хатырка Анадырского района жители используют слово *чин-юрыкин*, которое имеет тот же смысл, но переводится как «ближний (человек), за которого можно ловить, бить, охотиться, скрадывать, убить».

В современной жизни коренных малочисленных народов Чукотки мы также видим привязанность к родному краю, выраженную потребность в осознании себя частью своего народа, а также равнодушие и сопричастность к политическим событиям, происходящим в стране и в мире. Так, патриотами России считают себя 86,2%, патриотами Чукотки – 69,7% опрошенных жителей.

Чаще всего в комментариях о событиях в истории России, которые вызывают у респондентов чувство гордости за страну, отмечены Победа в Великой Отечественной войне, первый полет человека в космос, возвращение Крыма, СВО. Более половины респондентов отметили, что гордятся и испытывают уважение к событиям и процессам советского и современного периодов истории страны.

Результаты опроса демонстрируют высокий уровень значимости общероссийской и этнической идентичности для жителей Чукотки, а также значение региональной принадлежности и малой родины. Язык, культура, историческое прошлое, родная земля и природа, ответственность за судьбу страны являются главными объединительными началами для жителей региона. Подавляющее большинство опрошенных считают себя патриотами Чукотки и России.

Рассуждая о понятиях «патриот», «патриотизм», собеседники практически всегда говорили о родной земле, семье, родственниках, традиционных занятиях, о родине и готовности ее защищать. Мы не задавали прямых вопросов о конфликте на Украине и СВО, но разговор рано или поздно переходил именно к этой проблематике, что говорит о вовлеченности жителей Чукотки в события, происходящие в стране и мире. Общественники, приезжающие на Чукотку, отмечают высокий уровень консолидации людей, равнодушие к инициативам по сбору средств, участию в волонтерской деятельности (плетение маскировочных сетей, формирование и доставка гуманитарных грузов, проведение мероприятий в учреждениях и т. п.). Практически все респонденты едины во мнении, что необходимо принимать меры по повышению уровня патриотического воспитания среди подростков и молодежи, делать это системно и на постоянной основе.

Великая Победа в памяти коренных жителей Чукотки

Тема памяти о Великой Отечественной войне для коренных жителей Чукотки имеет глубокое историческое, культурное и социальное значение.

Несмотря на географическую удаленность Чукотки от основных фронтов, ее жители внесли значительный вклад в общую победу. Коренные малочисленные народы Чукотки были освобождены от мобилизации в годы ВОВ. При этом многие добровольно вступали в ряды Красной Армии.

Картина участия Чукотки в ВОВ складывается из множества источников: личных воспоминаний ветеранов и тружеников тыла, рассказов их семей, а также материалов исторических публикаций, посвященных этому периоду. Истории о бесстрашных летчиках, снайперах; о ежедневных подвигах простых людей – охотников, оленеводов, мастериц, жителей, занятых на работах по строительству военных аэродромов, в добывающей промышленности, стали основой для формирования исторической памяти о ВОВ в мирное время и воспитания патриотизма у последующих поколений жителей Чукотки.

Чукотский писатель Ю. Рытхэу точно описал понимание войны коренными жителями, которое выражалось во всеобщем единстве перед лицом угрозы, поддержке фронта, усилении национальной и гражданской идентичности: «Вдруг потрясающая новость – началась война! Она шла очень далеко от мыса Дежнева, но люди всей советской страны уже жили одной семьей, и боль далеких сородичей отзывалась сочувствием и болью в сердцах эскимосов и чукчей Берингова пролива. На осеннем празднестве Нутетеин пел гневные песни и сравнивал фашизм со зловонным грязным потоком, а Гитлера с волком, вскормленным ненавистью к человеку... И когда пришла весть о победе над фашистской Германией, радости людей не было границ. Это была их победа, победа их большой и сильной страны»¹.

В исторических хрониках Чукотки в годы ВОВ содержатся сведения об ушедших на фронт коренных жителях. Среди них резчик и гравер Михаил Вуквол, моряки-зверобой Кергинто (писал родным, что стреляет фашистов, как нерпу), Кальскатегин (снайпер, первый чукча – кавалер ордена Красной Звезды), Акосек, охотник-промысловик Анатолий Тыны, Тимофей Елков (летчик штурмового авиационного полка) [12, с. 116–121].

М. Вуквол писал родным с фронта: «Фашисты прут напролом, а мы бьем их, гадов. Спать почти не приходится. А как засну ненадолго – Уэлен наш вижу во сне. Только подумать, как он далеко теперь! Как человек при- выкает к своей родине! Потом всю жизнь ничто не в состоянии заменить ее... Чукотка, Россия! Как это звучит для меня!» [12, с. 121].

Известно, что из пяти жителей села Уэлькаль, воевавших на фронте, вернулся Николай Кипутка. Семен Нупатагин погиб, Сугрулик, Люнля и Экетегин пропали без вести [21, с. 92].

¹ Рытхэу Ю. Песни Берингова пролива. Нас разделяет океан. Социализм и капитализм в судьбах малых народов Севера. Главы из книг, очерки, репортажи, сообщения советских и зарубежных писателей и журналистов. Магадан: Кн. изд-во, 1969. С. 65.

«У нас пятеро ушли с Уэлькаля на фронт. Они добровольцами ушли, и мы предполагаем, что это связано с трассой АлСиб, что была возможность самолетами просто перелетать. И даже им всем – коренным жителям, отказывали в мобилизации, государство рассчитывало на помощь внутри Чукотки, то есть оставались охотники, морзвероби, рыбаки и это все было связано с обеспечением продовольствием фронта. Возможно и то, что они являлись представителями малых народов» (ж., 72, Уэлькаль).

В годы войны жители Чукотки совершили трудовой подвиг, участвуя в строительстве военной трассы АлСиб (в селах Марково, Уэлькаль, Танюер). В воспоминаниях о строительстве аэродрома в Маркове говорится, что участвовало почти все население поселка. Секретарь сельсовета чуванец Д. П. Дьячков раскорчевывал лес, нашел дорогу, по которой своим ходом по тундре трактора пришли в аэропорт, доставлял в Марково на собачьей упряжке бензин [11, с. 247].

Герой Советского Союза генерал-майор авиации И. П. Мазурук вспоминал, что «...возле маленького поселка Марково, приютившегося в тундре около реки Анадырь, пришлось вырубить под аэропорт кустарник, выкорчевывать пни, занять огороды местных жителей. Вместе с небольшой группой строителей все население, даже школьники, на носилках таскали на полосу глинистый грунт с реки и утрамбовывали его. В мирное время по существовавшим в авиации нормативам потребовалось бы 4–5 лет на такое строительство, а тогда на трассе основное и первоочередное сделали за 10 месяцев. Перегон боевых самолетов с Аляски начался 29 сентября 1942 года...» [7, с. 182].

Жительница с. Уэлькаль вспоминала: «Бабушка рассказывала, что многие молодые ребята, в том числе и ее сын Аяутка Николай, он уже был шестнадцатилетним, работали на аэродроме, куда их взяли там они и работали, но в основном они строили аэродром вместе со всеми строителями. И действительно видно результат той работы молодых людей и подростков, так как они были награждены медалями за доблестный труд во время ВОВ. У нас в Уэлькале было награждено 25 человек, было бы больше, но во время эпидемии, случившейся в 1940 годах – кори, гриппа, очень много умерло, около 65 человек, в основном мужчины, с 1941 по 1945» (ж., 72, Уэлькаль).

Весомый вклад в приближение Победы внесли жители Чукотки – оленеводы, морзвероби, охотники, рыбаки, мастерицы. «...Когда жители нашего стойбища узнали, что железо «Пыркакая»¹ нужно для того, чтобы из него больше пуль делали и били этими путями немецких фашистов, мы подумали все вместе и решили помогать прииску, и вот прислали 500 оленей на мясо. Пусть кушают люди мясо и пусть больше белого металла добывают», – вспоминал оленевод Росхитагин.

¹ «Пыркакая» – прииск Пыркакай, открытый в 1941 г. на базе разведанных россыпей олова, позднее переименованный в Красноармейский.

Самоотверженный труд отличал и чукотских рыбаков, чья продукция поступала на рыбоперерабатывающие комбинаты, отправлявшие рыбные консервы бойцам Красной Армии. Сверхплановая продукция Анадырского рыбокомбината в 1942 г. составила 5,5 млн руб.

Охотники перевыполняли план по добыче пушнины: в 1943 г. они добыли 72 тыс. белок, что было в два раза больше, чем в 1940 г. В 1945 г. добыча белого песца составила 7700 хвостов – в два раза больше показателей 1941 года. Увеличилась добыча лисиц и горностаев [7, с. 181–182].

В публикациях военного времени особо отмечалась помощь женщин: «... 760 пар добротных, теплых унтов отправили на фронт женщины-чукчанки только из одного Анадырского района. За время Великой Отечественной войны в дар Красной Армии и для населения, пострадавшего от фашистских захватчиков, женщины-чукчанки сшили 47500 предметов одежды из теплого меха и собрали 5055 метров мануфактуры. Многие девушки-чукчанки превзошли в охоте на зверя лучших мужчин-охотников, добыв тысячи шкур песца, горноста, соболя. ... Весом в общее дело был вклад и рыбаков Чукотки [7, с. 183–184].

Для Чукотки жизненно важным являлось самообеспечение, так как в годы войны значительно сократились поставки продовольствия в округ. В некоторых хозяйствах выращивали картофель, капусту и другие овощи.

«Коренное население полностью было сосредоточено на помощи фронту. Охотники – пять бригад на тот момент в селе Уэлькаль, в каждой бригаде было по шесть человек – вот они добывали морзверя в течение сезона. В летний сезон добывали моржей, лахтаков, нерп, зимой могли нерп добывать. И все, вот написано, направлялось даже на фронт, мясо в том числе. Недавно Светлана Александровна Тагъек при разговоре говорит: «Я когда-то случайно встретила на материке с женщиной, которая в годы войны была в сложных условиях, когда не было питания. Она говорит: «Знаете, что нас спасло? Мясо морзверя!». Поэтому, как отправлялось туда это мясо морзверя, мне не представляется, может Северным морским путем. Плюс, оленеводы были. Прибыли к нам несколько бригад в Уэлькаль и занимались оленеводством, то есть тоже поставляли мясо для фронта...» (ж., 72, Уэлькаль).

На Чукотке собирали деньги на постройку танковой колонны «Чукотский колхозник», звена самолетов «Советская Чукотка», авиаэскадрилий «Камчатка – фронту», «Хабаровский комсомол», танка им. ВЛКСМ, авиаэскадрильи «Советский полярник», самолета «Полярник бухты Угольной» и т. д. В Фонд обороны сдавали деньги, облигации займа, теплые вещи: за годы войны Чукотка собрала 15 млн 920 тыс. 233 руб., облигаций – на сумму 8 млн руб., передала 12 тыс. 421 оленя, 31 тыс. 516 теплых вещей для фронта и 8 тыс. 759 – для пострадавшего населения [7, с. 183–184; 11, с. 258, 259].

Сохранились воспоминания о вкладе жителей сел Наукан, Уэлен, Айон, Нешкан победу: «А женщины наши шили из кожи и меха торбаса, кухлянки, шапки, рукавицы, штаны нерпичьи. Шкуру морского

животного выделывали, а ветер и снег помогали ее отбелить. Нерпичья шкура после обработки и выдержки на морозе называется мандарка. Моя старшая сестра Эмун была такая мастерица, я все возле нее сидела и смотрела, как она шьет. У нее всему училась. Тапочки красивые сошью и в магазин несусь, чтобы продать. Они стоили тогда всего 3 рубля. А в школу я пошла, когда шла война – Великая Отечественная война против фашистов. Мы помогали фронтовикам, хоть и были детьми. Урок математики или, к примеру, русского языка отменяли, и мы начинали шить. Тогда тканей не было, а американцы привозили муку в холщовых мешках. Женщины тщательно вытряхивали остатки муки, прямо сами белые становились от мучной пыли. Потом эту мешковину стирали, кроили, а мы шили камлейки. Закройщицами были Ёйнунеун, Ёмэя, Эмун. Хорошие белые камлейки из этой мешковины у нас получались. На снегу бойца не видно. Наверно, это были маскхалаты. Еще рукавицы мы шили. Потом все готовое на карты погрузят и отвезут сначала в Уэлен, потом в Провидения, Анадырь и дальше – на фронт» [18, с. 70].

«... Было это в далекие годы Великой Отечественной войны. Охотники на пушного и морского зверя добывали много пушнины, женщины вытапливали жир морского зверя, шили теплую одежду для защитников Отчизны, и все сдавали в Фонд обороны. Тогда в колхозе «Ленинский путь» охотники уезжали зимой на определенный период времени на охотничьи участки, расположенные далеко от родного селения. Они жили в тундре в избушках, отапливая их жирниками и плавником. Мужчины посменно уходили в тундру, через пятнадцать дней возвращались с добычей, их сменяла другая группа охотников... Ценой собственной жизни чукотские охотники на трудовом фронте приближали нашу общую Победу» [26, с. 77–79].

«Началась война. В Уэлен не доходил грохот артиллерийских орудий и разрывов бомб, страшный скрежет и лязг гусениц танков, но Вуквутагин думал, что сейчас не время резать из кости фигурки моржей и нерпушек, гравировать и украшать рисунками моржовый клык: этим не поможешь фронту. Нужны настоящие вещи: пушнина, шкуры, обувь, одежда и деньги...

В эти грозные годы Вуквутагин почти перестал заниматься резьбой и вместе с колхозниками промышляет моржей, нерп и лах-таков. И лишь когда задувала пурга или подымался сильный шторм и выйти в море было невозможно, он брался за древнее чукотское гаттэ (тесло) и давал рукам привычное, любимое дело. Уэленцы, как и весь наш народ, тяжело переживали беду, которая неожиданно свалилась на плечи советских людей. Когда наступил перелом, и Советская Армия вышибла фашистов со своей территории, все почувствовали близкую победу» [17, с. 178].

«В годы войны все население Чукотки руководствовалось девизом «Все для фронта, все для Победы!». Айонцы тоже не остались в стороне. Они активно участвовали во всех передовых начинаниях: направляли личные денежные сбережения в Фонд обороны СССР, передавали личное

поголовье оленей в колхозы; девушки осваивали профессию охотника и выгодно соперничали при этом с мужчинами. Все это дало возможность значительно увеличить объемы заготовки пушнины – важнейшего источника валютных поступлений на нужды обороны, а также оленины» [9, с. 17].

«Во время войны в Чукотском районе все жили единым стремлением помочь всем, чем можно, своей стране, фронту, чтобы как можно скорее приблизить победу. Под непосредственным руководством председателя Нешканского сельсовета Тототто колхозники план по добыче моржа и вылову рыбы выполняли на 200–300 процентов» [12, с. 116].

После войны ветераны из числа коренных жителей Чукотки стали хранителями памяти, передавая ее молодежи. Их вклад в Победу служит примером единства многонационального СССР. Деятельность коренных народов в тылу, на фронте и в сохранении культурного наследия подчеркивает, что даже самые отдаленные уголки страны были вовлечены в общее сопротивление врагу.

Во Великой Отечественной войны патриотизм населения выражался в защите своей конкретной земли как части большой Родины – СССР. В современных условиях участие коренных жителей в СВО также мотивировано идеей защиты Родины, понимаемой как целостность и безопасность страны, частью которой является их родная Чукотка.

Участники СВО и их семьи видят прямую аналогию между событиями прошлого и настоящего. Участие в СВО воспринимается, как возможность продолжить традицию героизма фронтовиков и тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны, вписать свои имена в историю народа.

СВО в восприятии коренных жителей Чукотки

Специальная военная операция на Украине стала для жителей региона вехой, наполненной трагизмом, патриотизмом и героизмом одновременно, так как многие мужчины – представители коренных малочисленных народов Чукотки пошли выполнять свой гражданский долг в рамках частичной мобилизации и по большей части в качестве добровольцев. За время военных действий героически погибли десятки земляков.

Среди жителей ведется дискуссия о степени участия разных групп населения (в том числе этнических) в мероприятиях, связанных с СВО. Распространено мнение о том, что из округа уходят воевать в основном представители коренных малочисленных народов Чукотки, что «русские» и приезжие не проявляют инициативы в этом вопросе.

Для примера приведем несколько фрагментов из интервью, в которых собеседники объясняют, почему их знакомые, друзья, родственники или они сами уходят служить.

«В течение столетий чукчи упорно отстаивали свою землю. При столкновении с чужеплеменниками весь народ остро чувствовал свою солидарность. Возможно, по этой причине, в течение более 2 лет мы наблюдаем, что люди коренной национальности добровольно подписывают контракт с Министерством обороны. Почему так происходило? На наш взгляд, это было связано с тем, что люди все еще жили в рамках древних мифологических представлений, подобных скандинавским или древнегреческим. В этих мифах воспевались сила, мужество, презрение к смерти и героическая смерть в бою. Эти представления поддерживались советской идеологией, которая традиционно была особенно актуальна на окраинах России, еще не затронутых западническими влияниями... Возможно, что годы, проведенные в мире, сделали чукотских мужчин инфантильными. У них пропал интерес к жизни, они начали пить, а многие оленеводы и морские охотники остались без работы. Поэтому, когда началась война, эти люди вспомнили о былых подвигах предков и, несмотря на проблемы со здоровьем, возрастом стремятся ощутить вкус жизни через бой и смерть» (м., 61, Ваеги).

«СВО, я считаю, поменяло самым радикальным образом, и очень положительно. Эти жертвы нужны, война была неизбежна. Во время войны происходит отсечение гнилого, паразитического и в момент опасности, когда Отечеству происходит угроза, люди сплачиваются. Те, которые больше всего думают о себе, о собственном благополучии: «Благополучие моей семьи превыше всего», эти люди сваливают и прячутся – больше мотивированы материальным благом. На Чукотке это, кстати, очень хорошо видно и проявляется. Миҕытагын [т. е. русские, приезжие, чужаки] в большей части они такие, а вот те русские, которые здесь родились, долго прожили, они более патриотичны. Их дети и они сами участвуют наравне с нашими. А вот которые только приехали, у них другая мотивация: «Какая там Родина, у меня вот – заработать». Голодранец приехал, ему надо на квартиру и все прочее, детям образование – тоже надо. «Меня там убьют, искалечат, Родина сунет пенсию в зубы и все, сиди!». Он так думает. А которые пошли, иная мотивация, они эти ценности ставят выше своей жизни. Потому что непереносимость стыда» (м., 53, Анадырь).

«Коренных, конечно, их намного больше уходит [на СВО]. Я не связываю это с призывом, имею в виду добровольцев, мотивированных людей. Большинство – это местные, коренные, можно включить и русских людей, которые тут родились, это тоже часть нового чукотского народа. Они ушли, чем мотивированные? Во-первых, нужно обратить внимание, что из-за тяжелой ситуации экономической, социальной, долгое время живут в поселках, поселки разрушаются, люди бедно живут. Конечно, роль играет и материальное, но не превалирующую. Людям нужен смысл жизни, для чего он живет. А когда он уезжает туда, он становится другим, он в глазах [односельчан] становится солдатом, воином. Вот одного я знаю, он тут ходил, как бичара, потом его видел по телевидению в землянке, от дронов скрывались, у него другое лицо.

И, в-третьих, это все-таки менталитет. Всегда коренные люди, в тундре живущие, всегда жили на грани риска. Даже вот оленеводы в бригаде, они каждый день рискуют, просто этого не осознают... Война – та же охота. Еще философское отношение к жизни и смерти, немножко проще, иначе, чем у миглытагын, потому что, ну да, погибнешь ты, что поделаться» (м., 53, Ламутское).

«Да, все они герои, конечно. Не остановились, не поменяли своего решения. Здесь много коренных жителей. Я бы не сказал, что там большинство коренных. Конечно, там много с поселков молодых, потому что, ну чем там заняться? Или как говорят: «Спиться под забором, а тут я реально пойду за Родину». Это его выбор...» (м., 42, Анадырь).

«По мобилизации в ряды воинов попали много наших близких и родственники. Бытует мнение, что на войну идут «за деньгами». Но он [Витя] говорил, что если погибнет, то это судьба. И он еще говорил, что и на гражданке может погибнуть, например, от алкоголя. Говорил, что лучше погибнуть на СВО... Он пошел воевать за Родину, за братьев...» (ж., 43, Ваеги).

«У нас погибло после начала СВО двое уэлькальцев. Маленький поселочек, но до 10 человек воюют. Все уходят добровольцами, но вот сказать их причины я не смогу, что ими движет.... Я не могу сказать, что ими движут, в первую очередь, материальные блага. Скорее всего, их побудило желание за Родину постоять, потому что где бы мы не находились, мы знаем, что наша Родина – это Россия» (ж., 72, Уэлькаль).

«Я считаю, что чукотский народ вымирает, это неизбежно, он растворяется, ассимилируется. Народ обречен, в этом ничего трагического нет. Сколько народов просто растворится и все. Поэтому про наших ребят, которые уходят, я считаю, это последний поход чукотского народа на войну, это последняя его война, героическая... Мы же все, вымираем, растворяемся. Как говорится, Боженка дал чукотскому народу, прежде чем уйти в небытие, последний бой, последний поход. Благодаря этим ребятам чукотский народ останется не в анекдотах, а будет восприниматься как героический народ. Там же на СВО, кто с ними сражается, видят, что это не вот эти анекдотичные, а настоящие бойцы, люди хорошие» (м., 51, Анадырь).

«Какой-то фатализм в этом есть. Это ген воинов, ген охотников. И сама культура такая у людей, даже немного модернизированная, мотивирует на это людей. Им легче идти, всем, эвенам, русским... Я с одной стороны, согласен, что нужно ввести ограничения, особенно для молодежи. А если люди уже в возрасте, если он добровольцем идет, не думаю, что этим людям нужно запрещать» (м., 51, Ламутское).

«... Ну как, я не знаю, как это объяснить, прям, взял флаг России и побежал с этим флагом. Нет, понятно, что мы за свою страну, это конечно, мы не просто так поехали деньги заработать, мы не за этим ехали, не за наградами ехали. Мы ехали защищать, свой долг, Россию, Родину нашу. В стороне быть не собирались.... Как любил я Родину, так и люблю. Быстрее бы это все закончилось. Родина она есть Родина, куда она туда и я» (м., 53, Анадырь).

Особенно много добровольцев из национальных сел. Так, например, из села Ваеги Анадырского района, в котором на данный момент проживают 235 чел. на СВО ушли 26 чел. (в их число включены и те, кто считает себя ваежцем, но уже фактически не проживает в селе), 9 из них погибли. В самом малочисленном чукотском селе Краснено (77 чел.) из одной семьи участвуют в СВО четверо мужчин – 2 брата, зять и племянник.

Молодые люди уходят на СВО, покидая оленеводческие бригады и территориально-соседские общины морзверобоев, усугубляя тем самым кадровый голод в традиционных отраслях хозяйства. В качестве причин принятых решений добровольцев отметим поиск смысла жизни, переосмысление прошлого личного опыта, месть за погибших близких родственников, бедственное материальное положение и безысходность.

Довольно часто в интервью указывали на то, что желание мужчин – представителей коренных малочисленных народов Чукотки участвовать в СВО определяется национально-культурными особенностями и исторической памятью народа.

Собранные интервью раскрывают комплекс социальных, экономических, культурных и психологических причин, по которым жители Чукотки (как коренные, так и представители некоренных народов) идут добровольно участвовать в СВО. Но хотя все респонденты в целом поддерживали участие своих земляков в СВО, их объяснения сильно разнятся. Практически во всех высказываниях присутствует напряжение между материальными причинами и духовными мотивами. Уход на войну объясняется как пробуждение древнего «воинского кода» чукчей, их исторического опыта отстаивания земли. Это не просто патриотизм, а глубинная солидарность и желание продолжить традицию предков, которые «упорно отстаивали свою землю». Участие в войне становится способом обрести смысл, выходящий за рамки обыденной жизни. В некоторых интервью патриотизм по отношению к России сочетается с глубокой печалью о судьбе собственного (чукотского, эскимосского и пр.) этноса.

Респонденты многократно отмечали тяжелую экономическую ситуацию в поселках округа. Участие в СВО становится альтернативой социальной деградации, алкоголизму и безработице. Часто в интервью подчеркивалось, что жизнь коренных жителей и так постоянно связана с риском и смертью, поэтому участие в СВО для них менее травматично, чем для городского жителя.

Полагаем, что видимый дисбаланс участия коренных малочисленных народов Чукотки и некоренного населения («приезжих») в СВО обусловлен комплексом причин. Добровольный характер участия в СВО объясняется менталитетом воина-охотника, исторической памятью о защите земли, солидарностью перед внешней угрозой, философски иным отношением коренных народов Чукотки к риску, жизни и смерти; кризисом традиционных укладов и социальными проблемами, выраженными в разрушении сел, безработице, бедности, алкоголизме, потери смысла жизни на «гражданке». Участие в СВО дает шанс на социальное возвышение, уважение, новый статус.

Это создает контраст с воспринимаемым меньшим участием и иной мотивацией некоренного, особенно недавно приехавшего, населения. Существует широко распространенное мнение, что на СВО, особенно в качестве добровольцев, идут преимущественно представители коренных малочисленных народов Чукотки, а также давно осевшие «местные русские», в то время как «приезжие» проявляют меньшую инициативу: *«На СВО сейчас те, которые с советских времен, у них воспитание такое было, те русские 50-ти–60-ти лет, которые отсюда шли добровольцами. А почему чукчи? Я думаю, не исключая тот же социальный фактор, когда деньги нужны, пускай, может так. Или с другой стороны, я иногда думаю, может они таким образом хотели мир посмотреть другой? Потому что он в бригаде с детства, один и тот же маршрут, а тут он уезжает в другое место. Может действительно менталитет, фатализм чукотский. То есть, как-то о смерти меньше всего думают... А может это окраина идет добровольцами. Остальная [часть страны], в том числе и Москва – занята своим делом. Сюда тоже много приезжают, которые своим делом заняты. Пускай мы обижаемся: «Вот чиновники понаехали оттуда», а нам же никто не запрещает тоже быть чиновниками, тоже учиться, каким-то образом себя проявлять. Никто не запрещает, но государство вынуждено присылать сюда людей. Кто учился – тот работает. Поэтому и не идут [на СВО]. У них семьи, все сложилось... Добровольчество никто не отменял, особенно по окраинам. Я думаю, что окраины – это сила России, окраины всегда встают несмотря ни на что, ни на какие обиды, они встают за Родину. Это похоже на ВОВ» (м., 61, Анадырь).*

Заключение

Сочетание результатов количественного опроса и интервью позволили с одной стороны, увидеть обобщенный срез (в том числе этнический) общественных настроений, с другой стороны, личные оценки по предложенной проблематике. Представленные материалы демонстрируют, прежде всего, высокий уровень общественного сознания, активную гражданскую позицию жителей региона, понимание важности и ответственности за судьбу малой родины и страны в целом. Для граждан по-прежнему важны принципы социальной справедливости, приоритеты общественных интересов над личными, влияние государства на основные общественные сферы.

Отметим, что для коренных жителей Чукотки весьма высока значимость этнической идентичности, особенно для чуванцев, чукчей, эвенов и юкагиров. Для чуванцев и чукчей очень важна региональная идентичность, для русского населения принадлежность к территории имеет меньшее значение. При этом для всех этнических групп значима гражданская принадлежность.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что система патриотических установок жителей Чукотки с большой долей вероятности может рассматриваться как убежденный вариант патриотизма.

Убежденный патриотизм основывается на сохранении базовых традиционных ценностей, международного авторитета России, уважении к советскому периоду истории страны, к памяти о Великой Отечественной войне, к достижениям в науке, искусстве, культуре [16, с. 28–31]. Патриотизм на Чукотке выражается в простых и конкретных формулировках: «за своих ребят, за брата»; «Родина она есть Родина, куда она, туда и я».

В результате исследования выявлены ключевые смысловые связи между патриотизмом в Великую Отечественную войну и современностью (СВО): Чукотка воспринимается коренными жителями не просто как территория, а как земля предков, источник жизни и часть большой России, соответственно защита России – условие сохранения их малой родины и уклада жизни. Участие как в Великой Отечественной войне, так и в СВО, мотивировано осознанным и добровольным выбором защитника. Современные воины Чукотки ассоциируются обществом как наследники славы и героизма предков в Великой Отечественной войне, воплощающие те же качества мужества, стойкости и мастерства. Патриотизм выражается не только в участии в боевых действиях, но и в масштабной тыловой поддержке (гуманитарная помощь, сбор средств, поддержка семей воинов), продолжающей традиции Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Адиев А. З. Патриотический дискурс в публикациях гуманитариев Республики Дагестан // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 133–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: LXXZBO.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛО, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: ЯСК, 2004. 355 с.
4. Бакланов В. И. О патриотизме и не-патриотизме в истории России в XIX–XXI вв. // Философия. История. Образование. 2023. № 3(9). EDN: ZDKYKM.
5. Богораз В. Г. Чукчи: Социальная организация. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 216 с.
6. Васильева О. В. Смыслы патриотизма в представлениях коренных малочисленных народов Якутии и Чукотки // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 70–79. DOI: 10.24158/tipor.2023.12.7; EDN: YKVIYW.
7. Во имя народа. История Чукотского автономного округа. Органы государственной власти Чукотки / Ред. А. А. Носков. Анадырь: Дума ЧАО, 2012. 615 с.

8. Гальцева Н. В., Фавстрицкая О. С., Шарыпова О. А. Выявление причин оттока населения из успешного дальневосточного арктического региона (1990–2020 гг.) // Экономика региона. 2024. Т. 20, № 2. С. 539–555. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-13; EDN: ENGGGU.
9. Головкова Т. П. Айон. Мой остров / Отв. ред. Т. И. Бардашевич. СПб.: Алмаз-Граф, 2024. 143 с.
10. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1987. 288 с.
11. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Общ. науч. ред. Н. Н. Диков. Москва: Мысль, 1989. 492 с.
12. История Чукотского автономного округа. Здесь начинается Россия / Ред. А. А. Носков. Лаврентия: Адм-ция Чукотского муницип. р-на, 2018. 527 с.
13. Коломиец О. П. Народы Чукотки. Люди и время. Омск: Наука, 2025. 340 с. DOI: 10.70201/978-5-98806-364-3; EDN: YCFESZ.
14. Комлев В. А., Балыбердин Ю. А. и др. Оценка уровня прагматичного патриотизма молодежи Кировской области // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2023. № 1(69). С. 155–164. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_155; EDN: WPPLIW.
15. Кузнецов И. М. Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 4. С. 65–81. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.4; EDN: HIDDBV.
16. Кузнецов И. М. Ценностные маркеры российской идентичности и патриотические установки россиян: общероссийский и региональный контекст // ИНАБ. 2023. № 1. Межнациональные отношения, гражданская идентичность и интеграционные процессы в полиэтническом пространстве России. С. 24–34. DOI: 10.19181/INAB.2023.1.3; EDN: RSTOLG.
17. Леонтьев В. В. Народные умельцы // Время. События. Люди. 1946–1958 гг. / Гл. ред. И. Н. Каштанов. Магадан: Кн. изд-во, 1973. С. 172–191.
18. Наукан и науканцы: Рассказы науканских эскимосов / Сост. В. Леонова. Владивосток: ОАО «ИПК «Дальпресс», 2014. 212 с.
19. Нефедкин А. К. Военная культура чукчей (середина XVII – середина XX в.). СПб.: Лема, 2017. 456 с.
20. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50.
21. Сальникова Л. В. Уэлькальцы – У’альК’ылыг’мит. К 100-летию села Уэлькаль. М.: PressPass, 2022. 112 с.
22. Тан-Богораз В. Г. Классовое расслоение чукоч оленеводов // Советская этнография. П. 1–2. 1931. С. 93–116.
23. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

24. Щеглова Т. К. Российский опыт развития устной истории (oralhistory): организационная структура, направления и формы деятельности. 1990–2020-е гг. // Русский архив. 2021. № 9(1). С. 12–28. DOI: 10.13187/ra.2021.1.12; EDN: НЕРВЕЖ.

25. Щербина Е. А. Патриотизм в региональном измерении (на примере Карачаево-Черкесской Республики) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 51–58. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/51-58; EDN: РМНКСВ.

26. Энмынкау Н. Старики всегда учили нас добру. Ижевск: Принт-2, 2016. 256 с.

Получено редакцией: 19.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Коломиец Оксана Петровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики

Нувано Владислав Николаевич, научный сотрудник Лаборатории истории и экономики

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2

Ethnocultural Meanings of Patriotism and Historical Memory among the Peoples of Chukotka

Oksana P. Kolomiets

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N.A. Shilo FEB RAS, Anadyr, Russia

okkolo@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0027-7539

Vladislav N. Nuvano

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N.A. Shilo FEB RAS, Anadyr, Russia

vlad_nuvano@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8482-3052

For citation: Kolomiets O. P., Nuvano V. N. Ethnocultural Meanings of Patriotism and Historical Memory among the Peoples of Chukotka. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 15–36. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2; EDN: SAUMQY.

Abstract. This study analyses the ethnocultural specifics of understandings of patriotism, the concepts of “homeland” and “hero” among the indigenous peoples of Chukotka, and the historical memory of the Great Patriotic War in the context of modern geopolitical challenges, including the special military operation. The relevance of this study stems from the need to study the consolidating role of patriotism in a multiethnic region. The research methodology combines quantitative and qualitative methods. The theoretical framework integrates the ethnographic method, memory studies and oral history approaches, focusing on “history from below.” Chukotka residents’ perception of their homeland is closely linked to their place of birth, family, and nature. Patriotism is interpreted through the prism of traditional values, such as land protection, family ties, and a willingness to self-sacrifice. Thus, in the Chukchi tradition, patriotism can be understood through concepts of blood solidarity. The historical memory of the Great Patriotic War reveals the contribution of the indigenous peoples of Chukotka to the victory (volunteers at the front; construction of airfields on the AISib highway in Markovo and Uelkal; rear support – supplies of furs, reindeer meat, fish products, marine mammals, fur clothing, fundraising, purchase of bonds, unpaid labour).

The article analyses possible reasons for the apparent imbalance in participation in the special military operation between the indigenous peoples of Chukotka and the non-indigenous population (“newcomers”). Indigenous peoples view modern participation in the special military operation as a continuation of the tradition of commemorating the Great Patriotic War and it is associated with voluntary choice, social needs, and a warrior-hunter mentality, expressed in a habit of risk-taking and fatalism.

The study revealed that the patriotism of the peoples of Chukotka is deeply rooted and based on a synthesis of ethnic traditions of defending “their land,” the Soviet legacy of the Great Patriotic War and contemporary civic solidarity. 86.2% of respondents identify themselves as patriots of Russia. Patriotism is manifested through the continuity of heroism (the Great Patriotic War is a special military operation), solidarity in the face of external threats, and a deep connection to the territory.

Keywords: indigenous peoples of Chukotka, ethnocultural characteristics, identity, historical memory, patriotism, homeland, heroes, the Great Patriotic War, special military operation

References

1. Adiyev A. Z. Patriotic discourse in publications of humanities scholars of the Republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14(3): 133–148 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: LXXZBO.
2. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy. Transl. from Germ. by B. Khlebnikov. Moscow, NLO, 2014: 328 (in Russ.).
3. Assman Ya. Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Transl. from Germ. by M. M. Sokolskoy. Moscow: YaSK, 2004: 355 (in Russ.).
4. Baklanov V. I. On patriotism and non-patriotism in the history of Russia in the 19th–21st centuries. *Filosofiya. Istoriya. Obrazovaniye*, 2023: 3(9) (in Russ.). EDN: ZDKYKM.
5. Bogoraz V. G. Chukchi: Sotsial'naya organizatsiya. [Chukchi: Social organization]. 2nd ed. Moscow, LIBROKOM, 2011: 216 (in Russ.).
6. Vasil'yeva O. V. The meanings of patriotism in the ideas of the indigenous peoples of Yakutia and Chukotka. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2023: 12: 70–79 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2023.12.7; EDN: YKVIYW.
7. Vo imya naroda. Istoriya Chukotskogo avtonomnogo okruga. Organy gosudarstvennoy vlasti Chukotki [In the name of the people. History of the Chukotka Autonomous Okrug. Government bodies of Chukotka]. Ed. by A. A. Noskov. Anadyr, Duma ChAO, 2012: 615 (in Russ.).
8. Galtseva N. V., Favstritskaya O. S., Sharypova O. A. Identifying the causes of population outflow from the successful Far Eastern Arctic region (1990–2020). *Ekonomika regiona*, 2024: 20: 2: 539–555 (in Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-13; EDN: ENGGGU.
9. Golovkova T. P. Aion. My Island. Ed. by T. I. Bardashevich. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2024: 143 (in Russ.).
10. Istoriya i kul'tura chukchey. Istoriko-etnograficheskiye ocherki [History and culture of the Chukchi. Historical and Ethnographic Essays]. Leningrad, Nauka, 1987: 288 (in Russ.).
11. Istoriya Chukotki s drevneyshikh vremen do nashikh dney [History of Chukotka from Ancient Times to the Present Day]. Ed. by N. N. Dikov. Moscow, Mysl', 1989: 492 (in Russ.).
12. History of the Chukotka Autonomous Okrug. Russia Begins Here. Ed. by A. A. Noskov. Lavrentiya, Administratsiya Chukotskogo munitsipal'nogo rayona, 2018: 527 (in Russ.).
13. Kolomiyets O. P. Ethnic Groupsof Chukotka. People and Time. Omsk, Nauka, 2025: 340 (in Russ.). DOI: 10.70201/978-5-98806-364-3; EDN: YCFESZ.
14. Komlev V. A., Balyberdin Yu. A., Smirnov M. A., Morzunov A. P. Assessment of the Level of Pragmatic Patriotism of the Youth of the Kirov Region. *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Socialnye nauki*, 2023: 1(69): 55–164 (in Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2023_1_155; EDN: WPPLIW.
15. Kuznetsov I. M. Variability and Dynamics of Patriotic Attitudes of Russians in the Context of the SVO. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2024: 12: 4: 65–81 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.4; EDN: HIDDBV.
16. Kuznetsov I. M. Value Markers of Russian Identity and Patriotic Attitudes of Russians: All-Russian and Regional Context. *Mezhnatsional'nyye otnosheniya, grazhdanskaya identichnost' i integratsionnyye protsessy v polietnicheskom prostranstve Rossii*, 2023: 1: 24–34 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2023.1.3; EDN: RSTOLG.
17. Leont'yev V. V. Narodnyye umel'tsy [Craftsmen. In Time. Events. People. 1946–1958]. Ed. by I. N. Kashtanov. Magadan, Kn. izd-vo, 1973: 172–191 (in Russ.).

18. Naukan and Naukanites: Stories of the Naukan Eskimos. Comp. by V. Leonova. Vladivostok, «IPK «Dal'press», 2014: 212 (in Russ.).
19. Nefedkin A. K. Military Culture of the Chukchi (mid-17th – mid-20th centuries). St. Petersburg, Lema, 2017: 456 (in Russ.).
20. Nora P. Problems of Places of Memory. France-Memory. Transl. from Fr. by D. Khapaeva. St. Petersburg, SPbGU, 1999: 17–50 (in Russ.).
21. Salnikova L. V. The Huelkalians – U'al'K'ylyg'mit. On the 100th Anniversary of the Village of Uelkal. Moscow, PressPass, 2022: 112 (in Russ.).
22. Tan-Bogoraz V. G. Klassovoye rassloyneniye chukoch olenevodov [Class Stratification of the Chukchi Reindeer Herders]. *Sovetskaya etnografiya*, 1931: 1–2: 93–116 (in Russ.).
23. Halbwachs M. Sotsial'nyye ramki pamyati [Social Framework of Memory]. Transl. from French by S. Zenkin. Moscow, Novoye izd-vo, 2007: 348 (in Russ.).
24. Shcheglova T. K. Russian Experience in the Development of Oral History: Organizational Structure, Directions, and Forms of Activity. 1990–2020s. *Russkiy arkhiv*, 2021: 9(1): 12–28 (in Russ.). DOI: 10.13187/ra.2021.1.12; EDN: HEPBEJ.
25. Shcherbina E. A. Patriotism in the Regional Dimension (using the Karachay-Cherkess Republic as an Example). *Vestnik antropologii*, 2023: 4: 51–58 (in Russ.). DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/51-58; EDN: PMHKSB.
26. Enmynkau N. Old people have always taught us goodness. Izhevsk, Print-2, 2016: 256 (in Russ.).

The article was submitted on: June 19, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana P. Kolomiets, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Laboratory of History and Economics

Vladislav N. Nuvano, Researcher at the Laboratory of History and Economics

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ (К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ)

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.4

EDN: WKVRDM

Творческий труд как фактор Победы: советский театр в годы Великой Отечественной войны

Ссылка для цитирования: Левченко Н. В. Творческий труд как фактор Победы: советский театр в годы Великой Отечественной войны. 2025. Том 16. № 3. С. 37–51. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.4; EDN: WKVRDM.

For citation: Levchenko N. V. Creative Labour as a Victory Factor: Theatre and Other Arts in the Wartime USSR. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 37–51. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.4; EDN: WKVRDM.

Левченко Наталья Валерьевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

natalya_levchenk@mail.ru

SPIN-код: 7346-0433

Аннотация. В статье рассматриваются процессы формирования и актуализации творческого труда в жизни советского общества. За счет того, что советская культурная революция не привела к полному уничтожению прежних устоев общества, а скорее преобразовала их в новую форму, советская культура не была построена заново, она сохранила прошлое, добавив новые оригинальные черты. И одним из элементов подобного нововведения стало формирование иного, по сравнению с традиционным, отношения к труду. Практически с первых лет советской власти стали прилагаться усилия по освобождению общества от всех форм отчуждения, в том числе и отчуждения от труда. Характерным было воспитание энтузиазма, товарищества, развитие общественного труда. В результате труд (физический или художественный) стал восприниматься именно как творческий процесс. Ярким примером этого, по нашему мнению, является деятельность театральных коллективов во времена Великой Отечественной войны.

Театр в эпоху СССР рассматривается, с одной стороны, как социокультурный институт, один из основных трансляторов культурных и социальных ценностей полиэтничного советского общества, причем не важно, какие это ценности: традиционные русские или зародившиеся недавно. С другой, – как коллективное действие, где деятели искусства воодушевляли своим личным примером труда и борьбы с захватчиками. В военное время репертуар театров преимущественно содержал военную тематику, однако не только трагичность тех лет демонстрировалась постановками, но и значимость трудовых подвигов.

Создавались фронтовые театры и бригады, театральными коллективами активно осуществлялись гастроли не только в отдаленные поселения, но и на линию фронта. В статье показано, что театральное искусство воплощало пропаганду справедливого характера войны, укрепление дружбы народов, верности социалистических идей. Иллюстрируется консолидирующее значение и роль деятелей региональных театров в призыве к трудовым подвигам, формированию патриотических чувств, консолидации многонационального советского общества. Автор приходит к выводу, что в советские годы формировалось отношение к труду как к творческому процессу и не важно, каким он был: физическим, или же интеллектуальным, в мастерской художника или на сцене театра; и в годы Великой Отечественной войны ярко проявилось значение именно такого восприятия труда.

Ключевые слова: социология культуры, творческий труд, Великая Отечественная война, искусство, региональное разнообразие, советский театр, театральные коллективы, трудовые подвиги

Советский период российской истории является одним из самых противоречивых и выступает предметом острых дискуссий. Одни в первую очередь отмечают социальные гарантии, развитие науки и производства, другие – агитационно-идеологическую пропаганду и политические репрессии. В любом случае с приходом Советской власти произошли трансформации во всех сферах жизни общества. Абстрагируясь от основных причин разногласий, мы бы хотели акцентировать внимание на тех достижениях советской власти, которые прослеживаются в сфере искусства, как двигателя просвещения и воспитания масс.

В первой половине XX в. основным видом публичного искусства был театр, но к моменту образования СССР далеко не во всех даже крупных городах он в принципе существовал или был доступным для массового зрителя. Между тем, театр мог играть ключевую роль в просвещении населения, в формировании картины мира, нравственных ценностей, и это понимали политические лидеры страны: «нам нужен настоящий театр», который мог бы «вызвать все молодое, свежее, здоровое из недр «культурного» общества для создания социалистического, высокого искусства, для воскрешения Шекспира, Шиллера и многих других титанов старины, для сближения великого искусства с великими господами будущего – народа» [15, с. 61].

В 1920-х гг. активно развивались театры рабочей молодежи, организовывались драматические коллективы при заводах, фабриках и в учебных заведениях, писатели объединялись в любительские коллективы. Так, например, для многих северокавказских городов это было «время зарождения театрального искусства, время становления и поиска театрами собственного репертуара». [10, с. 195]. Со временем из самодеятельных кружков стал формироваться профессиональный театр. Социально-экономическое положение страны было тяжелым и актерам приходилось работать в неотапливаемых зданиях, в сложных бытовых условиях, с невысокой зарплатой: «в первые годы заработок артистов равнялся 18% того,

что было им назначено, а назначена была четвертая часть их довоенного заработка» [см. 10, с. 198]. Но театры сохранились и активно развивались, выполняя функцию культурного ориентира для советских граждан. Это требовало колоссального труда не только руководителей, но и самих актеров, поэтому любовь к театру, к творческой деятельности, к искусству должны были сочетаться с любовью к труду, как неотъемлемой части жизни.

Стоит отметить, что именно в советские годы выстраивалось отношение к труду как к достойному и основополагающему делу, ценности (норме, сформированной культурой) [2], когда «потребность в труде», своего рода «радость труда» [5, с. 22] не только декларировались, но и проявлялись в повседневной деятельности, как социокультурные доминанты. Сегодня мы наблюдаем, что труд перестал быть этой потребностью. Скорее имеет место стоимостное наполнение труда, без привязки к его символической ценности. При этом преобладание восприятия труда с позиции стоимости над его символическостью оборачивается изъятием «самого труда из многоликих производственных процессов, представление его как чего-то не производимого, но лишь производящего» [3, с. 52]. С другой стороны, и преобладание символическости над фактичностью несет в себе опасность, когда «уже не сам труд изымается из производственных процессов, а именно производственные процессы как бы изымаются из труда. В предельном варианте это может означать, что труд лишь производится, но уже не производит» [3, с. 52]. Именно равновесие этих значений можно было наблюдать в советскую эпоху.

Важно подчеркнуть, что до Октябрьской революции в России существовал и развивался капитализм, как основной способ производства, несмотря на сохранение монархических институтов и православия. В стране были сформированы рыночные отношения, частная собственность с характерным для этого отношением к труду как у класса собственников, так и у низших слоев. И на момент прихода советской власти капиталистический уклад в наследство оставил «трудящегося в состоянии полной забитости, полной темноты, не понимающего, что можно работать не только из-под палки капитала» [14, с. 147]. В те годы лидеры социалистической революции говорили об угнетенных массах, о помещиках-эксплуататорах. Основатель коммунистического движения К. Маркс в своих работах рассматривал труд именно с позиции отчуждения рабочего класса от процесса трудовой деятельности, от продукта своего труда, от родовой сущности. Поэтому для первых лет советской эпохи было характерно «высвобождение общественных отношений от всех форм отчуждения (советский проект)» [6, с. 213]. На протяжении 1920–30-х гг. задавалось определенное идеологическое направление для формирования отличного от капиталистического отношения к труду. Так, например, в 1930 г. И. В. Сталин во время выступления на XVI съезде ВКП(б) говорил о силе трудового соревнования, которое «превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма» [20, с. 315]. В дальнейшем эти слова переросли в советский лозунг, который использовался для идейной пропаганды. А в годы Великой

Отечественной войны Всесоюзное социалистическое соревнование способствовало значительному увеличению объема производства. В это время на предприятиях велась активная работа по снижению себестоимости продуктов, устанавливались формы поощрения за достижение высоких производственных показателей. Руководство СССР принимало меры по снижению стоимости военной продукции, внедрению новых технологий и оборудования, совершенствованию организации производства и труда. Результатом преодоления прежнего восприятия стало «рождение качественно нового отношения к труду, выражающегося через такие его формы, как энтузиазм, самоорганизация, самоуправление, солидарность, товарищество» [8, с. 386]. Это касалось не только физического труда, или труда на бытовом уровне, что транслировалось, например, в советском кинематографе (к/ф «Светлый путь», 1940), но и в области искусства, где в первую очередь играет роль вдохновение.

Таким образом, отношение к труду как к процессу самореализации и удовлетворению потребностей, к элементу творчества, когда «творческая деятельность сама по себе являлась стимулом для ее осуществления» [5, с. 22], формировалось во всех сферах общественной жизни, в том числе в сфере культуры и искусства. Хотя «предполагалось, что социалистическая революция должна принципиально изменить саму сущность культуры» [18, с. 145], когда индустриализация требовала уничтожения «вишневых садов», что «диктовалось логикой зарождающегося российского капитализма», но по факту советская культура формировалась вместе с этими «садами» [18, с. 147–148]. Сохранялись история и поэзия, продолжались постановки по классическим произведениям, народные промыслы встраивались в новую социокультурную реальность. Так, например, после революции палехские иконописцы стали учиться изготавливать папье-маше с актуальными тематическими миниатюрами, опираясь на древние традиции иконописи, при этом и развивая их. Конечно, не все так было просто, ведь еще до Октябрьской революции в России наступил хаос¹. «Многие иконописцы отдались хлебопашеству, крестьянствовали, чтобы прокормить свои семьи. Другие уезжали с семьями в хлеботорные края и оседали там, если не гибли по дороге» [17, с. 206]. Но часть мастеров продолжили художественную деятельность, рисовали декорации для театров и многое другое, а в дальнейшем преобразовали традиции древнерусской живописи, носившей исключительно религиозный, церковный характер, в миниатюры в пролетарском духе. И эти попытки активно поощрялись и продвигались верховной властью.

Что касается театрального искусства, то, как отмечает А. И. Бурченко, «новаторство советского театра заключалось в его стремлении к традиционности» [9, с. 299]. В первые послереволюционные годы существовало весьма мощное идейное течение, предполагавшее тотальное упразднение всей прежней «эксплуататорской» культуры². Но советское правительство не дало «отправить на «свалку истории» наследие «буржуазной культуры» [16, с. 19].

¹ Очевидно, что началом деструкционного процесса в Российской империи стали Февральская революция и отречение императора 15–16 марта 1917 г.

² Вдохновителем этого течения безусловно был Л. Д. Троцкий (Бронштейн), а крупнейшим представителем – Л. Авербах; к нему примыкали многие поэты, художники и архитекторы.

Еще одной отличительной чертой советской культуры «стала большая ее ориентированность на массы и сращенность с “низами” общества», когда члены общества различных слоев были включены в «культурный процесс как его активные субъекты» [7, с. 35]. Активно продвигался «культурпросвет», который включал в себя организацию походов на экскурсии и профессиональные театральные постановки, поощрение и развитие художественной самодеятельности и пр.

В результате советская культура с одной стороны активно формировалась и внедрялась в массы, основываясь на элементах прежних устоев, с другой, – была транслятором новых культурных ценностей, в том числе и ценности труда.

Исходя из вышеизложенного, на примере деятельности институтов культуры и искусства (в частности, региональных театров), в статье предпринята попытка продемонстрировать мобилизационный потенциал как самих театральных коллективов, так и роль их деятельности в мобилизации многонационального советского общества, объединения этнических народов против общего врага. Когда творческое отношение к труду, восприятие его деятелями искусства как ценности, транслирование в массы выступали одним из необходимых факторов Победы в Великой Отечественной войне. Театр в свою очередь здесь рассматривается, с одной стороны, как социальный институт, деятельность которого направлена на воспроизводство культурных и социальных ценностей советского общества [1; 22], с другой – как коллективная деятельность его сотрудников.

Творческий труд

Как показано выше, в СССР формировалось принципиально новое отношение к труду – как к творческому процессу. Речь не идет о самом творчестве как таковом, а скорее о творческом отношении к любому труду. Соответственно в данном исследовании мы рассматриваем такой труд, как «неотчужденный», когда его продукт неразрывно связан с усилиями человека, с производством продукта, с заложенным смыслом и потребностью человека в этой конкретной деятельности. В первую очередь это касается не разделения труда на рутинный и творческий, физический (механический) или интеллектуальный, а раскрывается в таких понятиях как «трудиться», «прилагать усилия». Соответственно и продукт труда рассматривается не с позиции его стоимости, полезности или инновационности, а как итог прилагаемого труда, сопричастности «творца» к своему «творению». В этом случае не имеет значения суть самого продукта, будь это какой-то товар, услуга или театральная постановка. Важность продукта, а в последствии его качество и содержательное наполнение, зависело от того, был ли он результатом усилий, стараний, встраивается ли он в общую структуру или «систему». Для этого труд должен соответствовать интересам, знаниям человека, пониманию им всех процессов и их причинно-следственных связей. Отсутствие этого сводится к неудовлетворенности как самих «творцов», так и публики результатами их «творений».

Наши рассуждения тесно связаны с пониманием З. Р. Хабибуллиной абстрактного и конкретного труда (по К. Марксу). По ее мнению, труд абстрактный «(в основе своей усредненный и унифицированный) находит свое выражение через внешнюю необходимость (чтобы выжить, человек обязан работать)», а конкретный, то есть свободный труд, «олицетворяется с внутренней мотивацией личности (человек трудится во благо общества), и в этом случае трудовая потенция становится для человека смыслом жизни, его самоцелью и главной потребностью, а не средством обеспечения существования» [24, с. 36]. В ее терминологии конкретный труд соотносится с нашим трудом творческим.

В тоже время чаще всего «творческий труд» связывают с понятием «креативности» (противовес рутинному), «как своеобразной формой инновационной деятельности», сопряженной «не только с модернизацией (обновлением), но и улучшением, созданием совершенного, более качественного и общественно полезного продукта» [21, с. 180], присущая в основном работникам, осуществляющим высокоинтеллектуальную деятельность. Однако на наш взгляд, творческий труд не отождествляется с креативностью. Физический или простой механический труд тоже может включать творческий потенциал (например, в к/ф «Светлый путь» показан новаторский подход Тани Морозовой в приготовлении картофеля). Но и творчество, основанное на вдохновении, необходимо подкреплять упорной физической и умственной деятельностью. Так, даже будучи талантливым и даже гениальным человеком, необходимо приложить много усилий, чтобы создать хорошее литературное произведение, читателям необходимо приложить усилия, чтобы понять это произведение, а актерам – чтобы убедительно сыграть его героев. В связи с этим в искусстве, которое необходимо для развития общества, трансляции культурных ценностей, основ нравственности и морали, восприятие труда как нравственно значимой части жизни не менее, если не более, важно, чем в других сферах.

Деятельность театральных коллективов в годы войны

В советские годы театр имел большое значение в сохранении и развитии культурного уровня граждан. Как до начала войны, так и во время нее, в театрах проходили постановки, где демонстрировались основные пороки общества, распад дворянского уклада, поднимались нравственные проблемы, формировался негативный образ капитализма (пьесы по произведениям: Ж. Мольера, М. Горького, А. Н. Островского, Н. В. Гоголя и др.). И выросшие на сложных классических произведениях и не менее сложной драматургии, творческие коллективы театров были способны не только формировать моральные устои и нравственные принципы советского человека, но и внушать необходимость отваги, мужества и героизма для каждого гражданина. И само общество, в которое активно внедрялось сложное театральное искусство, благодаря политике Коммунистической партии, имело основу для восприятия и осознания транслируемых идей.

Сама тема Великой Отечественной войны является особым предметом внимания в отечественном искусстве. Она была и остается одной из важных тем для писателей, драматургов и театральных коллективов, многие из которых еще в начале войны добровольно пошли воевать, продолжая при этом свою творческую деятельность. Они «вдохновляли воинов на ратные подвиги, а тружеников тыла на самоотверженный труд и оказание максимальной помощи фронту» [22, с. 154].

Поэтому театр нас интересует не только как производитель культурного продукта, но и как коллективное действие (Г. Беккер), когда произведения искусства, воплощающие в себе совместные продукты, способствуют сотрудничеству всех людей «через характер мира искусства» [25, р. 35]. В ходе осмысления искусства в капиталистическом обществе Беккер пришел к выводу, что государство рассматривает институты культуры, творческих деятелей и их продукты «как позитивную силу в жизни страны, силу, которая поддерживает социальный порядок, мобилизует население на достижение желаемых национальных целей» [4]. Можно сказать, что это было не чуждо и социализму. Так, в 1941 г. председатель Комитета по делам искусств М. Храпченко провел совещание, посвященное созданию художественных произведений на военную тематику. Одна из основных задач состояла в том, чтобы через художественные средства призвать трудящихся на защиту Отечества. Государство было заинтересовано в стремлении граждан к коллективным действиям, ведь «революционные песни могут стать основой для революционных действий; патриотические песни и фильмы могут укрепить существующие убеждения и стратификационную систему» [4].

Преобразования в учреждениях культуры проходили на самых разных уровнях, в том числе и местными партийными органами. Так, например, «27 июня 1941 г. Ростовский горком ВКП(б) обязал при проведении массовых мероприятий обеспечить высокое чувство патриотизма, ненависти к кровопролитию через соответствующие картины и спектакли» [22, с. 149]. Многие региональные театры на время прекращали работу, целые коллективы уходили на фронт, активно создавались фронтовые театральные бригады.

На Кавказе государственная филармония вначале 1942 г. создала 2 фронтовые бригады, в Краснодарском крае – «в первой половине 1942 г. действовало уже восемь фронтовых бригад» [22, с. 150]. В регионах помимо традиционных спектаклей, использовались стенные газеты, боевые «теа-сборники» и листовки, организовывались выставки, посвященные героизму советских солдат. В короткие сроки готовились одноактные пьесы, которые поднимали «массы на борьбу с фашизмом, вызывали патриотические чувства» [13, с. 1]. В Кабардино-Балкарском государственном драматическом театре, за короткий срок «поделившись на две группы, оставшиеся актеры подготовили более двадцати одноактных пьес и концертных программ» [22, с. 150].

Во всех регионах страны театральные бригады выезжали в отдаленные села, деревни, улусы, выступали в колхозах, совхозах, на заводах и фабриках. Причем они не только выполняли свои прямые функции, но

и «помогали сельчанам в уборке урожая, ремонте жилья и сельскохозяйственных объектов» [19, с. 135]. Деятели искусства воодушевляли советских людей не только своими культурными продуктами, но и личным примером труда и борьбы с фашистскими захватчиками. Яркой иллюстрацией самоотверженности послужила трагичная судьба второго набора якутской студии в Ленинградский театральный институт 1940 г. Юноши и девушки, доучившись в институте, планировали вернуться на малую родину, работать в Саха театре, однако этому помешала война. Часть из них ушла воевать на фронт, а часть осталась оборонять Ленинград. В результате практически никто из них не выжил. Эта история нашла свое отражение в театральных постановках значительно позже, только к 80-летию Победы, ей был посвящен спектакль «Кэрэкэмэ кэлигэр» («В защиту прекрасного») реж. Р. Тараховского, по произведению якутского народного поэта И. Гоголева-Кындыла.

Советская власть стремилась не только поддерживать формирование произведений на военную тематику в центре, но и развивать национальную литературу в регионах страны, оставляя за собой контроль за их идейно-патриотическим наполнением. Между тем, «новая качественная драматургия о войне рождалась трудно» и новые пьесы на актуальную тематику появились только к 1942 году [11, с. 286–287]. Но постепенно в регионах стали появляться постановки, посвященные военной теме. В Бурятии были поставлены: «Рыбаки Байкала» Н. Балдано и «Снайпер» Г. Цыдынжапова, где главный герой был прообразом реального снайпера Северо-Западного фронта. В мае 1943 г. был поставлен спектакль «Сын народа» Г. Цыдынжапова, на основе историко-биографической пьесы-хроники, о первом бурятском революционере Ц. Ранжурове, участнике революции 1905 года [19, с. 135].

Театральные коллективы обращались и к героическому прошлому страны («Давным-давно» А. Гладкова, «Батый идет на восток» (Северный Кавказ, 1942 г.), «Полководец Суворов» по пьесе И. Бехтерева и А. Разумовского и т. д.). Также проходили спектакли «Жди меня» К. Симонова и «Синий платочек» В. Катаева, в регионах на подобную тематику проходили постановки местных драматургов («Свинец» Д. Туаева, Северная Осетия).

Со временем репертуар региональных театров все больше переходил в русло военной драматургии. Спектакли, пьесы, агитационные плакаты, стихотворения и прочие произведения искусства представляли собой своеобразную хронику событий войны. Драматургия пыталась идти в ногу со временем и быть связующим звеном между насущными проблемами, коллективами театров и зрителями. Первые военные годы, отмеченные большими потерями со стороны советских войск и стремительным продвижением захватчиков, находили отражение в таких пьесах, как «Нашествие» Л. Леонова, «Русские люди» К. Симонова и др. Так, например, в «Русских людях», показаны судьбы людей, живших на оккупированных территориях, а также борьба партизан. При этом патриотизм, любовь к Отчизне

демонстрировалась не только через явные поступки героев, их образы, но и через конструкторы взаимоотношений между героями (любовь девушки-шофера Вали и командира Сафронова).

Преимущество на стороне немецкой армии оставалось длительное время, в 1942 г. захватчики еще активно продвигались к Волге и Кавказу. Драматурги пытались осмыслить причины тогдашних поражений советских войск, найти им объяснения. Например, в произведении «Фронт» А. Корнейчука явно прослеживается критический анализ хода военных событий. Через имена действующих лиц, линии сюжета показывается, что одна из причин неудач РККА заключалась в том, что во главе фронтов стояли храбрые полководцы «старой закалки», но, не понимающие особенности современной войны [11, с. 288].

В 1942 году в оккупации оказались Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ростовская область, Ставропольский край и другие регионы, которые были освобождены в 1943 году. Данные территории были стратегически важными поставщиками значимой для страны продукции, в первую очередь сельскохозяйственной, поэтому они нуждались в пристальном внимании руководства страны. Драматическими театрами тогда активно стали ставиться антифашистские пьесы местных драматургов. Такие Северо-Осетинские произведения, как «На восходе солнца» З. Аскирова, «Испытание» Х. Теунова и т. д. были посвящены героизму советского народа. В Кабардино-Балкарии вышли рассказы: «НатIэху» («Белолобый») М. М. Шибзухова, «Дадэдежлгъунлгъагъу» («Посещение дедушки») Б. К. Журтова о жителях простых людей во времена немецкой оккупации, «ЗэкъуэшитI» («Два брата») А. К. Шомахова, где раскрываются общечеловеческие ценности через национальные особенности героев рассказа. Во время оккупации адыгский драматург З. Аскиров создал пьесу «Дахэнагъуэ» (Даханого), премьера спектакля состоялась в 1944 г. Здесь легенда из народного эпоса была изложена в русле идей социализма, воспевалась борьба за свободу и независимость народа. В основе сюжета через противостояние юноши могучим темным силам была показана ценность верности благим намерениям, веры в светлое будущее, в «народное счастье». В Бурятии справедливые идеи социализма находят отражение в спектакле «Кнут тайши» (по пьесе Х. Намсараева), посвященный жизни бурятского улуса в дореволюционные времена.

Формирование ценности труда прослеживается в разных произведениях того времени. Например, в осетинской музыкальной комедии «Пæсæйыфæндон» («Желание Паша») главная героиня Паша несмотря на большое количество женихов (в том числе сына богатых родителей) предпочла бедного, но трудолюбивого юношу.

Трудовая деятельность в эти годы тесно переплеталась с актуализированной темой дружбы народов. Важное консолидирующее значение играла вынужденная эвакуация многих театральных коллективов в отдаленные регионы. Также театральными коллективами осуществлялись гастроли: например, зимой 1943 г. ведущие артисты Государственного Бурятского музыкально-драматического театра совместно с филармонией

отправили на Белорусский фронт, также они гастролировали по Дальнему Востоку [12, с. 46]. В результате подобного тесного взаимодействия региональное многообразие в искусстве экстраполировалось в общее советское культурное пространство, способствуя объединению народов.

Можно отметить, что до сих пор в региональных театрах проходят постановки пьес, посвященные теме войны и героизму советских граждан. К примеру, в Нижнетагильском театре драмы (Свердловская обл.) в 2025 г. состоялась премьера спектакля-концерта «Помните!», где отразились хроники трудовых подвигов, работа женщин и детей на заводах, жизнь тагильчан в период наплыва эвакуированных граждан.

Выводы

На момент установления советской власти в российском обществе преобладало «отчужденное» отношение к труду. Однако, на наш взгляд, оно не могло способствовать достижению тех высоких результатов (в развитии страны, в Победе над врагом), которые были достигнуты в реальности. Лидеры партии и государства прилагали усилия, чтобы формировалось отношение к труду как к творческому процессу, потребности человека, осмысленной деятельности и процессу самореализации. И не важно каким именно был труд: физическим (на производстве или в быту) или творческим, в искусстве, в том числе на театральной сцене. При этом труд не только и не столько пропагандировался Коммунистической партией, сколько воспитывался различными институтами общества, такими как театр.

В 1920–1930 гг. активно организовывались театральные коллективы при заводах, фабриках и в учебных заведениях, со временем из самодеятельных кружков стал формироваться профессиональный театр. В результате советская культура формировалась во взаимосвязи с народом, с «низами» общества. Советские граждане были плотно включены в культурный процесс, в развитие творческой деятельности, были активным субъектом восприятия новых культурных ценностей, включая ценности труда.

В годы Великой Отечественной войны ярко проявилось значение такого восприятия труда. На примере деятельности театральных коллективов нами было выявлено, что не только театральные постановки, восхвалявшие трудовые подвиги, но и сами работники театров своим примером демонстрировали необходимость общественного и ратного труда. Театральные бригады выезжали в отдаленные поселения, выступали (и зачастую помогали физически) в колхозах, совхозах, на заводах и фабриках и т. д. И это все наблюдалось в той сфере, где, казалось бы, ключевую роль должно играть вдохновение, но и здесь упорный, самоотверженный труд приобрел решающее значение. Ведь искусство только тогда могло способствовать военно-патриотическому воспитанию, укреплению морали и пониманию гражданского долга, когда само было примером трудовых усилий. Благодаря сформированному «неотчужденному» труду, сложному

театральному искусству (включая сложные классические произведения и драматургию) творческие коллективы были способны сформировать ту картину мира советского гражданина, закладывать те моральные устои и нравственные принципы, которые в конечном итоге помогли одержать Победу.

Естественно, в годы Великой Отечественной войны наряду с классическими произведениями советская власть стремилась поощрять произведения военную-патриотической направленности. Однако это стремление не сводилось к полной централизации, а было направлено на развитие национальных культур народов страны. И постепенно в регионах в русле военной драматургии стали появляться свои самобытные произведения и постановки. В этнических регионах через национальные легенды и эпосы показывались общие нравственные убеждения всего советского народа. Тогда не стоял вопрос об этнической идентичности, которая выходит на первый план только после распада СССР, скорее основная мысль состояла в том, что этносы складывались в единую советскую нацию, в единый образ советского солдата.

В ходе исследования мы еще раз акцентировали внимание на том, что советская культура формировалась на основе сложившихся традиций имперской России, которые сами были сложным конгломератом наследия глубокой архаики, православия и заимствований из западноевропейской культуры. Народные промыслы, ремесленная деятельность встраивались в новую социокультурную реальность, в театре сохранялись постановки по классическим произведениям, которые продолжают по сегодняшний день, активно развивалось этническое искусство. Все это способствовало культурному обогащению всего Союза, становлению советской культуры в целом.

Библиографический список

1. Адрианова Т. О. Театр как социокультурный феномен // Вестник ОГУ. 2014. № 7(168). С. 82–85. EDN: SQITTJ.
2. Аксенова О. В. К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия // Вестник Института социологии. 2012. Т. 3. № 5. С. 13–42. EDN: PJUOFB.
3. Ашкерев А. Ю. Философия труда // Социологическое обозрение. 2003. № 2. С. 50–70. EDN: TRRQWX.
4. Беккер Г. Искусство и государство // Spectate. 22.02.2022. URL: <https://spectate.ru/becker-art-and-the-state/> (дата обращения: 10.08.2025).
5. Бузгалин А. В. Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 20–30. DOI: 10.7868/S0132162517080037; EDN: ZGOXNX.

6. Булавка Л. А. «Новый человек»: проблема субъектности на изломах Истории // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / Под ред. А. В. Бузгалина, Б. И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 208–217.
7. Булавка Л. А. Ренессанс и Советская культура // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 35–50. EDN: HVTСОВ.
8. Булавка Л. А. Философия социального творчества: Ленин и ХХI в. // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / Под ред. А. В. Бузгалина, Б. И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 362–404.
9. Бураченко А. И. Истоки театрального идеала советской эпохи // Вестник КГУ. 2008. № 4. С. 296–301.
10. Гапеева М. С. Национальный театр 1920-х годов как средство советской пропаганды // Научный диалог. 2018. № 5. С. 194–205. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-194-205; EDN: UQMBBP.
11. Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Ч. 2.: Советский театр 1917–1991 гг. М.: ГИИ, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 696 с. EDN: EAUNQG.
12. Кириченко С. В. Творческая интеллигенция Бурят-Монголии в годы Великой Отечественной войны // Известия ИГУ. Сер. История. 2020. Т. 31. С. 44–51. DOI: 10.26516/2222-9124.2020.31.44; EDN: SYVJMQ.
13. Крылова В. К. Роль театра в консолидации общества в период Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 11. С. 1–7. EDN: NQUYAV.
14. Ленин В. И. Речь на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 года // Полное собрание сочинений Т. 41. М.: Госплитиздат, 1981. С. 138–150.
15. Луначарский А. В. Статьи о театре и драматургии. Москва, Ленинград: Искусство, 1938. 256 с.
16. Надехина Ю. П., Крюкова Е. В., Геокчакян А. Г. «Культура труда» и «культурная революция» в СССР. Деятельность ЦИТа в 1920-е – 1930-е гг. // Человек и культура. 2023. № 2. С. 15–22. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.2.40422; EDN: MJZWUI.
17. Сафронова И. А. Многоликий Палех. Иваново: ИД «Референт», 2015. 416 с.
18. Социокультурные основания советского модерна / Отв. ред. О. В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 300 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022; EDN: WJGIXG.
19. Санжиева Е. Г. Военные страницы истории бурятского музыкально-драматического театра // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4. С. 134–137. DOI: 10.18324/2224-1833-2020-4-134-137; EDN: MNDVVN.

20. Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Собрание сочинений. Т. 12. М.: Госплитиздат, 1949. 304 с.

21. Стожко Д.К. Творческий труд в контексте инновационного развития современной экономики // Наука, образование, культура. Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 3 / Под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург, 2021. С. 180–187. EDN: BQICPD.

22. Панарин А. А., Панарина Е. В. Творческая деятельность театров Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Вестник АрмГПУ. 2022. № 2 С. 148–157. EDN: JWKOML.

23. Попов Е. А. Философская рецепция в современном искусствоведении // Философия и культура. 2021. № 11. С. 46–56. DOI: 10.7256/2454-0757.2021.11.37070; EDN: PVZVWQ.

24. Хабибуллина З. Р. Творческий труд: специфика, динамика развития и характеристика системной трансформации // ЭНЕР. 2020. № 1(88). С. 32–40. DOI: 10.33293/1609-1442-2020-1(88)-32-40; EDN: JGSTQP.

25. Becker H. S. Art worlds. Berkeley etc.: Univ. of California press, Cop. 1982. XIV. 392 p.

Получено редакцией: 16.06.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Левченко Наталья Валерьевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.4

Creative Labour as a Victory Factor: Theatre and Other Arts in the Wartime USSR

Natalya V. Levchenko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

nataya_levchenk@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9052-7900

For citation: Levchenko N. V. Creative Labour as a Victory Factor: Theatre and Other Arts in the Wartime USSR. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 37–51. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.4; EDN: WKVRDM.

Abstract. This article examines the formation and mainstreaming of creative labour in Soviet society. Because the Soviet cultural revolution did not completely destroy the old foundations of society, but rather transformed them into a new form, Soviet culture was not rebuilt anew; it preserved the past while adding new, original features. One of the elements of this innovation was the development of a different attitude toward labour than the traditional one. From the very first years of Soviet power, efforts were made to liberate society from all forms of alienation, including alienation from labour. Characteristic features were the cultivation of enthusiasm, camaraderie, and the development of social labour. As a result, labour (physical or artistic) began to be perceived as a creative process. A striking example of this, in our opinion, is the activities of theatre groups during the Great Patriotic War.

During the Soviet era, theatre is viewed, on the one hand, as a sociocultural institution, one of the primary transmitters of the cultural and social values of the multiethnic Soviet society, whether traditional Russian ones or newly emerging. On the other hand, it is viewed as a collective action, where artists inspired others with their personal example of labour and the fight against invaders. During the war, theatre repertoires primarily included

military themes, but productions not only demonstrated the tragedy of those years but also the significance of labour exploits. Frontline theaters and brigades were established, and theatrical companies actively toured not only to remote settlements but also to the front lines. This article demonstrates that theatre art embodied the propaganda of the just nature of the war, strengthening friendship between peoples, and loyalty to socialist ideas. It illustrates the unifying significance and role of regional theatre figures in calling for labour exploits, fostering patriotic sentiments, and consolidating multiethnic Soviet society. The author concludes that during the Soviet years, an attitude toward labour as a creative process developed, regardless of whether it was physical or intellectual, in an artist's studio or on a theatre stage. The importance of this perception of labour was clearly demonstrated during the Great Patriotic War.

Keywords: sociology of culture, creative work, the Great Patriotic War, art, regional diversity, Soviet theater, theater groups, labor achievements

References

1. Adrianova T. O. Teatr kak sociokul'turnyj fenomen [Theatre as a socio-cultural phenomenon]. *Vestnik OGU*, 2014: 7(168): 82–85 (in Russ.). EDN: SQITTJ.
2. Aksenova O. V. K problemam metodologii issledovaniya rossiiskogo professionala kak sub"ekta socialnogo dejstviya [On the problems of methodology for studying the Russian professional as a subject of social action]. *Vestnik instituta sotziologii*, 2012: 3: 5: 13–42 (in Russ.). EDN: PJUOFB.
3. Ashkerov A. Yu. Filosofiya truda [Philosophy of Labor]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2003: 2: 50–70 (in Russ.). EDN: TRRQWX.
4. Becker H. Iskusstvo i gosudarstvo [Art and the State]. Spectate. 22.02.2022. Accessed 10.08.2025. URL: <https://spectate.ru/becker-art-and-the-state/> (in Russ.).
5. Buzgalin A. V. Creative economy: why and how private intellectual property can be limited. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 8: 20–30 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517080037; EDN: ZGOXNX.
6. Bulavka L. A. «Novyj chelovek»: problema sub"ektnosti na izlomah Istorii. Russkii marksizm: Georgii Valentinovich Plechanov, Vladimir Ilich Ulyanov (Lenin) ["New Man": the problem of subjectivity on the fractures of History. Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)]. Ed. by A. V. Buzgalina, B. I. Spring. Moscow: ROSSPEN, 2013: 208–217 (in Russ.).
7. Bulavka L. A. Renessans i Sovetskaya kultura [Renaissance and Soviet culture]. *Voprosy filosofii*, 2006: 12: 35–50 (in Russ.). EDN: HVTCOB.
8. Bulavka L. A. Filosofiya socialnogo tvorchestva: Lenin i XXI v. Russkii marksizm: Georgii Valentinovich Plechanov, Vladimir Ilich Ulyanov (Lenin) [Philosophy of Social Creativity: Lenin and the 21st Century. Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)]. Ed. by A. V. Buzgalina, B. I. Spring. Moscow: ROSSPEN, 2013: 362–404 (in Russ.).
9. Burachenko A. I. Istoki teatralnogo ideala sovetskoj epohi [Origins of the theatrical ideal of the Soviet era]. *Vestnik KGU*, 2008: 4: 296–301 (in Russ.).
10. Gapeeva M. S. National Theatre of the 1920s as a Means of Soviet Propaganda. *Nauchnyj dialog*, 2018: 5: 194–205 (in Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-194-205; EDN: UQMBBP.
11. Dmitrievsky V. N. Teatr i zriteli. Otechestvennii teatr v sisteme otnoshenii stseni i publiki. Ch. 2: Sovetskii teatr 1917–1991 gg [Theater and spectators. Domestic theater in the system of relations between the stage and the public. Part 2: Soviet theater 1917–1991]. Moscow: State Institute of Art Studies, "Canon +" ROOI "Rehabilitation", 2013: 696. (in Russ.). EDN: EAUNQG.
12. Kirichenko S. V. Creative intelligentsia of Buryat-Mongolia during the Great Patriotic War. *Izvestiya IGU. Ser. Istoriya*, 2020: 31: 44–51 (in Russ.). DOI: 10.26516/2222-9124.2020.31.44; EDN: SYVJMQ.
13. Krylova V. K. Rol' teatra v konsolidacii obshchestva v period Velikoj Otechestvennoj vojny [The role of theater in the consolidation of society during the Great Patriotic War]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2010: 11: 1–7 (in Russ.). EDN: NQUYAV.
14. Lenin V. I. Rech na 2-m Vserossiiskom soveshchanii otvetstvennikh organizatorov po rabote v derevne 12 iyunya 1920 goda. Polnoe sobranie sochinenii. T. 41 [Speech at the 2nd All-Russian Conference of Responsible Organizers for Work in the Village on June 12, 1920. In Complete Works. Vol. 41]. Moscow, Gospolitizdat, 1981: 150 (in Russ.).
15. Lunacharsky A. V. Stati o teatre i dramaturgii [Articles on Theatre and Drama]. Moscow; Leningrad, Iskusstvo, 1938: 256 (in Russ.).

16. Nadekhina Yu. P., Kryukova E. V., Geokchakyan A. G. "Labor culture" and "cultural revolution" in the USSR. Activities of the CIT in the 1920–1930. *Chelovek i kultura*, 2023: 2: 15–22 (in Russ.). DOI: 10.25136/2409-8744.2023.2.40422; EDN: MJZWUI.
17. Safronova I. A. Mnogolikii Palekh [The many faces of Palekh]. Ivanovo, ID "Referent", 2015: 416 (in Russ.).
18. Sociocultural foundations of Soviet modernity. Ed. by O. V. Aksenova. Moscow, FCTAS RAS, 2022: 300 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022; EDN: WJGIXG.
19. Sanzhieva E. G. Military pages of the history of the Buryat musical and dramatic theater. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, 2020: 4: 134–137 (in Russ.). DOI: 10.18324/2224-1833-2020-4-134-137; EDN: MNDVVN.
20. Stalin I. V. Politicheskii otchet Centralnogo Komiteta XVI s'ezdu VKP(b) 27 iyunya 1930. *Sobranie sochinenii*. T. 12 [Political report of the Central Committee to the XVI Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), June 27, 1930. In *Collected works*. Vol. 12]. Moscow, Gospolitizdat, 1949: 304 (in Russ.).
21. Stozhko D. K. Tvorcheskii trud v kontekste innovacionnogo razvitiya sovremennoj ekonomiki [Creative work in the context of innovative development of the modern economy]. In *Nauka, obrazovanie, kultura. Mezhevuz. sb. nauch. st. Vyp. 3* [Science, education, culture. Interuniversity coll. of scient. art. Iss. 3]. Ed. by K. P. Stozhko. Ekaterinburg, 2021: 180–187 (in Russ.). EDN: BQICPD.
22. Panarin A. A., Panarina E. V. Creative activity of theaters of the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Vestnik ArmGPU*, 2022: 2: 148–157 (in Russ.). EDN: JWKOML.
23. Popov E. A. Philosophical reception in modern art criticism. *Filosofiya i kultura*, 2021: 11: 46–56 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0757.2021.11.37070; EDN: PVZVWQ.
24. Khabibullina Z. R. Creative work: specificity, dynamics of development and characteristics of systemic transformation. *ENSR*, 2020: 1(88): 32–40 (in Russ.). DOI: 10.33293/1609-1442-2020-1(88)-32-40; EDN: JGSTQP.
25. Becker H. S. *Art worlds*. Berkeley etc.: Univ. of California press, Cop. 1982: XIV: 392.

The article was submitted on: June 16, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Levchenko, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Center for the Study of Russia's Regions

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ (К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ)

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.3

EDN: RQENVQ

Память о Великой Отечественной войне в регионах Дальнего Востока: коммеморативные практики студенческой молодежи¹

Ссылка для цитирования: Бадараев Д. Д., Винокурова А. В., Нолев Е. В. Память о Великой Отечественной войне в регионах Дальнего Востока: коммеморативные практики студенческой молодежи // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 52–68. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.3; EDN: RQENVQ.

For citation: Badaraev D. D., Vinokurova A. V., Nolev E. V. Memory of the Great Patriotic War in the Far East regions: Commemorative Practices of Student Youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 52–68. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.3; EDN: RQENVQ.

SPIN-код: 7075-3685

Бадараев Дамдин Доржиевич¹

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия

damdin80@mail.ru

SPIN-код: 1193-8174

Винокурова Анна Викторовна¹

¹Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

vinokurova77@mail.ru

SPIN-код: 8442-0524

Нолев Евгений Владимирович¹

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия

nolev@inbox.ru

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)») № 121031000243-5; (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») № 121031000241-1.

Аннотация. В представленной работе рассматриваются коммеморативные практики студентов трех дальневосточных вузов, связанные с памятью о Великой Отечественной войне. Теоретическая рамка исследования опирается на концепты коллективной и исторической памяти (М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассман), культурного и символического капитала (П. Бурдьё), культурной травмы (П. Штомпка), коммеморации (Дж. Гиллис), цивилизационного анализа (Н. С. Розов, Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец). Эмпирической базой исследования являются материалы анкетного опроса студентов, обучающихся в Дальневосточном федеральном университете (г. Владивосток), Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова (г. Якутск), Бурятском государственном университете им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ). Общий объем выборочной совокупности составил 616 человек. В фокусе нашего исследования – формы репрезентации Великой Отечественной войны в коммеморативных практиках студенческой молодежи. В целом, память о событиях Великой Отечественной войны в молодежной среде региона формируется на пересечении государственной политики, общественных инициатив и повседневных форм сохранения исторической памяти. Также результаты исследования показали, что в общественном сознании дальневосточного студенчества протекают процессы трансформации исторической памяти, выражающиеся в постепенном смещении от коллективных и институциональных форм коммеморации к индивидуализированным и медиатизированным практикам. Историческая память о Великой Отечественной войне для студентов вузов Дальнего Востока продолжает оставаться важным элементом формирования гражданской идентичности, но при этом характеризуется фрагментарностью и снижением личной сопричастности к событиям военного прошлого. Анализ социокультурных практик празднования Дня Победы выявил разнообразие форм участия представителей молодежи в коммеморативных мероприятиях. Все более широкое распространение получают индивидуализированные формы празднования 9 Мая. В то же время сохраняется устойчивый интерес к мемориальным мероприятиям массового характера. Память о Великой Отечественной войне у студентов дальневосточных вузов – это сложный, многоуровневый феномен, в котором переплетаются институциональные, медийные и семейные каналы трансляции. Выявленный в результате вектор изменений указывает на постепенное ослабление официальных форм коммеморативных практик, что требует усиления внимания к молодежной аудитории в рамках образовательной, информационной и культурной политики в целях сохранения и воспроизводства исторической памяти как важнейшего ресурса российской идентичности и гражданской консолидации.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, Великая Отечественная война, День Победы, коммеморативные практики, студенческая молодежь, Дальний Восток

Введение

Текущий, 2025 год – год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. И сегодня День Победы – это не просто памятная дата, а один из самых главных, мощнейших символов единства и консолидации российского общества. Консолидация социума во все времена является необходимым условием обеспечения суверенитета и национальной безопасности. Уроки Великой Отечественной войны имеют и сегодня фундаментальное значение, поскольку могут служить основой для принятия эффективных политических и управленческих решений, особенно в сложный период, который переживает наша страна.

Советский народ в годы войны убедительно доказал, что единство нации, ее сплоченность выступают в качестве определяющего фактора Победы. Благодаря подвигу и беспрецедентному мужеству советских людей была достигнута победа над нацистской Германией и милитаристской Японией, сохранена независимость и государственность нашей страны, человечество было спасено от геноцида и порабощения.

Сегодня все меньше и меньше остается участников и очевидцев событий тех трагических лет. Все чаще приходится сталкиваться с попытками пересмотра итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также с сознательным искажением исторической правды. Эти процессы имеют под собой не исторические, а политические и экономические основания. За «переписыванием истории» стоят весьма прагматичные задачи, заключающиеся в перераспределении собственности, территориальных претензиях, финансовых требованиях, конечной целью которых является ослабление роли России на международной арене и ее исключение из большой политики.

Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что на Западе уже слабо осознаются истинная сущность нацизма и его разрушительные последствия для человечества. Ведь, например, славян, евреев и представителей многих других национальностей ждала участь рабов. Совершенно забывается тот факт, что нацистская доктрина предусматривала физическое истребление целых народов и этнических групп. А сегодня главное преступление гитлеровского режима заключается в его тоталитарном характере и дефиците демократических свобод – все остальное остается в стороне, что широко обсуждается и в научном [1; 3; 6; 10; 11; 14; 17; 19], и в общественном дискурсе¹.

В свете обозначенных негативных тенденций Президентом России В. В. Путиным была поставлена важная задача по сохранению памяти и правды о Великой Отечественной войне². Большую работу в этом направлении проводят органы государственной власти, академические институты и вузы, школы, учреждения культуры и образования, различные общественные организации, в том числе и созданный в 2023 г. Национальный центр исторической памяти при Президенте РФ.

¹ См., напр.: Шигарева Ю. Роль истины в истории // Аргументы и факты. 2020. № 19(2060). С. 3. URL: <http://pressa.ru/ru/top10/detail/rol-istinyi-v-istorii-13828#/>; Кожемякин В. Торжество лицемерия. Историк о том, почему Россию обвиняют во всех грехах // Аргументы и факты. 2020. № 20(2061). С. 3. URL: https://aif.ru/society/75_victory/torzhestvo-licemeriya-istorik-o-tom-pochemu-rossiyu-obvinyayut-vo-vseh-grehah; Балашов Д. Верх цинизма. Мы не можем дать победить исторической амнезии // Аргументы и факты. 2025. № 19 от 07.05.2025. С. 8. URL: <https://aif.ru/politics/russia/verh-cinizma-sluckiy-my-ne-mozhem-dat-pobedit-istoricheskoy-amnezii>; Корнилов А. Голоса исторических деятелей напомнили о роли СССР в победе над нацизмом // Российская газета. 2025. № 9638 от 07.05.2025. URL: <https://rg.ru/2025/05/07/golosa-istoricheskikh-deiatelej-napomnili-o-rol-i-sssr-v-pobede-nad-nacizmom.html?ysclid=md4boxxuyx192222822> (дата обращения: 12.06.2025).

² Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. М.: Известия, 2020. С. 6–7 URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hOAWB1GRwEMuVtAAGREjC8Vv13VxqiW4.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).

В связи с этим важным становится не только сохранение исторической памяти, но и научное противодействие искажениям истории, так как сохранение исторической правды является неотъемлемым элементом обеспечения национальной безопасности, сохранения и передачи традиционных ценностей, воспитания патриотизма и, в целом, устойчивого развития нашего общества.

В контексте обозначенных тенденций актуализируется задача сохранения и межпоколенческой передачи исторической памяти о Великой Отечественной войне представителям молодежи. В современных условиях молодежь, по большей части не имея в силу объективных причин опыта личного контакта и взаимодействия с участниками и свидетелями военных лет, формирует свое отношение к прошлому преимущественно опосредованно, в частности, через образовательные и социокультурные практики, разнообразные мемориальные мероприятия и инициативы.

В данном ключе важным видится и выявление региональных особенностей таких форм воспроизводства исторической памяти, в том числе и на Дальнем Востоке, представляющем собой уникальный «мемориальный ландшафт», где специфика территориальной удаленности от основного театра военных действий периода Великой Отечественной войны сочетается с важной ролью региона в завершающих сражениях Второй мировой войны.

Положение Бурят-Монгольской АССР, Якутской АССР и Приморского края в годы войны, с одной стороны, характеризовалось отсутствием боевых действий на территории указанных регионов. С другой стороны, агрессивная внешняя политика милитаристской Японии, опыт недавних конфликтов у озера Хасан и на реке Халхин-Гол обуславливали атмосферу геополитического напряжения на восточных рубежах страны и детерминировали постоянную готовность к крупномасштабным военным действиям в чрезвычайных условиях всеобщей мобилизации, перевода экономики на военные рельсы и напряжения всех трудовых ресурсов для победы над фашистской Германией. Сохраняемая боеготовность частей Красной Армии на Дальнем Востоке в сочетании с успехами на западном фронте, позволила сдерживать Японию от вступления в войну против СССР. Несмотря на значительный военно-морской потенциал японских милитаристов: 10 авианосцев и линкоров, 38 крейсеров, 112 эсминцев, 65 подводных лодок, 575 самолетов морской авиации, Япония не решилась открывать второй фронт, как на этом ни настаивала германская дипломатия. На защиту Отечества было мобилизовано 517 тыс. дальневосточников, что более чем наполовину сократило численность населения, занятого в общественном производстве. Имена 123,4 тыс. чел. из них внесены в Книгу Памяти [15]. Из Бурят-Монгольской АССР на фронт было призвано свыше 120 тыс. человек, из которых почти 40 тыс. не вернулись с полей сражений [5]. В Якутской АССР, не располагавшей накануне войны крупными людскими ресурсами, на фронт отправились почти все взрослые мужчины – 59 238 чел., 25 тыс. чел. погибли на фронте [7]. Жители Приморья, Якутской и Бурят-Монгольской АССР доблестно сражались в войне с милитаристской Японией в августе 1945 г. Высшей наградой СССР – Звания Герой Советского

Союза удостоены 104 фронтовика из Приморья, 43 воина из Бурятии и 24 уроженца Якутии. Не менее значимым для приближения Великой Победы был и трудовой подвиг тыла в годы войны. В 2010 г. Владивостоку было присвоено почетное звание «Город воинской доблести», почетного звания «Город трудовой доблести» удостоены Якутск в 2022 г. и Улан-Удэ в 2023 г. Таким образом, ратные и трудовые подвиги жителей Приморья, Якутии и Бурят-Монголии в годы войны сформировали основания региональной исторической памяти, локальных нарративов и коммемораций, связанных с Великой Отечественной и Второй мировой войнами. Исходя из этого, мы бы хотели сфокусировать свое внимание на осмыслении механизмов и условий воспроизводства исторического знания о Великой Отечественной войне, ее символических образах, характерных для дальневосточной молодежи.

Теоретические и методологические основания исследования

В основу нашего исследования был положен ряд социологических концепций и объяснительных моделей: теория коллективной и исторической памяти, представленная в работах М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана. В частности, Морис Хальбвакс обосновал идею о том, что память о прошлом имеет коллективный характер, формируется внутри социальных групп и служит средством поддержания их идентичности [16]. Пьер Нора ввел в научный оборот понятие «мест памяти» [12] – символических маркеров, с помощью которых общество компенсирует утрату живой коллективной памяти и поддерживает связь с прошлым. Ассман больше заостряет внимание на культурной памяти [2], отличая ее от повседневной, акцентируя внимание на том, что культурная память поддерживается институционально, через образы, ритуалы, тексты и также выступает важным ресурсом для сохранения социальной идентичности в долгосрочной перспективе. В контексте нашего исследования все это позволяет говорить о том, что историческая память о событиях Великой Отечественной войны – это не только инструмент сохранения прошлого, но и потенциал для объединения представителей разных поколений.

Концепция культурного и символического капитала¹ П. Бурдьё [4] и культурной травмы П. Штомпки [18], которые позволяют объяснить, как определенные знания, образы и символы, в том числе и исторические, становятся базой для социального признания и воспроизводятся в обществе и одновременно переживаются как травматический опыт. Соответственно, память о Великой Отечественной войне можно рассматривать как культурно-символический капитал, влияющий на формирование гражданской идентичности, патриотических установок.

¹ Под культурным капиталом в самом общем смысле мы понимаем совокупность знаний, образовательных ресурсов, культурных навыков, позволяющих индивидам занимать определенное положение в социальной иерархии; символический капитал, по нашему мнению, включает признание, престиж, уважение, получаемые благодаря обладанию в том числе и культурным капиталом.

Теория коммеморации [20] фокусируется на анализе общественных практик и ритуалов, с помощью которых сообщества коллективно вспоминают и интерпретируют прошлое. Основной акцент делается на изучении символических форм памяти (мемориалы, церемонии, публичные ритуалы), которые служат средством поддержания социальной идентичности и способствуют воспроизведению официальных исторических нарративов. Это дает нам возможность проанализировать, как функционируют практики, связанные с празднованием Дня Победы (в частности, акция «Бессмертный полк»), какой отклик они находят в молодежной среде.

В российской науке идеи, близкие к указанным теоретическим подходам, развивались в русле цивилизационного анализа [13; 9], что позволяет рассматривать историческую память как важный ресурс воспроизводства цивилизационной идентичности и межпоколенческой преемственности.

В целом, такой комплексный подход с опорой на положения теории коллективной и исторической памяти, концепции культурного и символического капитала, культурной травмы, теории коммеморации, цивилизационного анализа послужил базой для реализации предпринятого нами эмпирического исследования в рамках мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне – 2020». Основным методом сбора данных – анкетирование. В качестве респондентов выступили студенты дальневосточных вузов: Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ, Владивосток) – 223 чел, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (СВФУ, Якутск) – 215 чел., Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (БГУ, Улан-Удэ) – 178 чел. Общий объем выборочной совокупности $n = 616$, из них девушек – 409 чел. (66,3%), юношей 207 чел. (33,7%), студентов младших курсов (1–2 курсы) – 388 чел. (62,9%), старшекурсников (3–5 курсы) – 228 чел. (37,1%). Анкетирование проводилось в онлайн-формате.

Основные результаты исследования

Отношение дальневосточного студенчества к событиям Великой Отечественной войны

В ходе проведенного исследования были собраны данные, отражающие представления учащихся дальневосточных вузов относительно личного восприятия Великой Отечественной войны, их отношения к празднованию Дня Победы, различным мемориальным практикам. Основная часть вопросов касалась того, какой отклик вызывают у молодых людей события тех лет (см. табл. 1).

Сравнительный анализ результатов ответов на данный вопрос студентов трех дальневосточных университетов позволяет выявить как общие, так и специфические региональные характеристики исторической памяти о Великой Отечественной войне, доминирующие в молодежной среде. Наиболее популярным вариантом ответа у студентов всех вузов стало

утверждение о том, что «подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений» (от 41,3 до 59,4% опрошенных). При этом наиболее высокий показатель зафиксирован в оценках студентов Северо-Восточного федерального университета, что свидетельствует о более устойчивых патриотических ориентирах и эффективных механизмах трансляции исторической памяти в Якутии. Суждение «память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников» чаще встречается в ответах студентов Бурятского госуниверситета (22,2 против 16% в ДВФУ и 10,6% в СВФУ), что также отражает специфику локальных форм исторической памяти в Бурятии и активность семейных форм передачи исторической памяти.

Таблица 1 (Table 1)

Приближается юбилейная дата Победы в Великой Отечественной войне,
какие мысли и чувства она у вас вызывает, %
*As the anniversary of Victory in the Great Patriotic War approaches,
what thoughts and feelings does this date evoke in you, %*

Варианты ответов	ДВФУ	СВФУ	БГУ
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников	16,0	10,6	22,2
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений	41,3	59,4	45,0
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы	29,3	20,7	24,3
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи	13,4	9,3	8,5

Отметим, что в ходе анкетирования наши респонденты обращали внимание на достаточно активное присутствие темы Великой Отечественной войны в современном медиапространстве. Студенты говорили об имеющихся возможностях широкого и бесплатного доступа к фильмам, телесериалам и литературным произведениям, рассказывающим о героизме советских людей в годы войны. Кроме того, в общественных местах (на билбордах, в транспорте, на информационных стендах) регулярно размещаются материалы, посвященные участникам боевых действий. В преддверии Дня Победы особое внимание уделялось тематическим новостным публикациям, рассказывающим о событиях конкретных дней военного периода 1941–1945 гг., что позволяет актуализировать историческую память в общественном сознании.

Следует подчеркнуть еще, что достаточно высока доля тех, кто отмечает постепенное ослабление интереса к событиям Великой Отечественной войны среди молодого поколения (около четверти опрошенных, усредненно по всем трем вузам – 24,7%). По мнению наших респондентов, память о войне постепенно вытесняется другими темами и проблемами, актуальными для современных молодых людей. Ветеранов и очевидцев тех событий с каждым годом становится все меньше и меньше. Практически никто из опрошенных молодых людей уже не имел возмож-

ности лично пообщаться со своими прадедами – непосредственными участниками ВОВ, узнать о тех событиях из первых уст. По мере удаления исторических событий во времени их значение становится все менее ощутимым для новых поколений. Историческая дистанция постепенно снижает чувство личностной сопричастности к событиям прошлого.

В целом, результаты исследования показали, что несмотря на сохраняющуюся важность тематики Великой Отечественной войны в сознании дальневосточной молодежи, имеет место фрагментарность исторических знаний и постепенное снижение актуальности этой темы для части студенческой аудитории. Более высокие показатели сохранности исторической памяти фиксируются в Республике Саха (Якутия) и в Республике Бурятия, что связано с особенностями региональной идентичности и культурными традициями трансляции коммеморативных практик.

Ключевые источники информации о событиях Великой Отечественной войны в представлениях студентов дальневосточных вузов

Формирование исторических представлений о событиях Великой Отечественной войны у современной молодежи в значительной мере определяется воздействием культурных и медийных нарративов. Результаты проведенного исследования указывают на преобладание образов войны, транслируемых через художественные и публицистические источники: фильмы, литературные произведения, информационные материалы. Вместе с тем, результаты нашего исследования демонстрируют, что структура источников получения информации о ВОВ в молодежной среде отличается некоторой разнородностью. В анкете был представлен вопрос о том, откуда респонденты получают знания о Великой Отечественной войне. Чаще всего упоминались художественная и документальная литература, кинематограф (как советский, так и современный), СМИ и социальные медиа. Совокупное число указаний на эти источники составило 1478¹. Вторую по значимости категорию (1200 упоминаний) заняли материалы университетской образовательной программы: учебные пособия, вузовские занятия, деятельность преподавателей, включая мероприятия по патриотическому воспитанию, участие в научно-исследовательской деятельности. В этой категории наряду с общепринятыми подходами в изучении истории Великой Отечественной войны следует отметить коммеморативные практики, характерные для исследуемых вузов. Во-первых, проведение тематических студенческих конференций, что является одной из наиболее эффективных форм коммемораций, предполагающую не только трансляцию памяти, но также более глубокое погружение в прошлое, посредством проведения самостоятельных исторических исследований. Примечательно, что празднование юбилея Победы в 2015 г. было отмечено проведением молодежных научных конференций, посвященных 70-летию окончания

¹ Общий объем выборки составил 616 респондентов. Можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому число упоминаний больше числа опрошенных.

Великой Отечественной войны во всех трех вузах: региональная студенческая научная конференция «Великая Победа в памяти поколений»; республиканская студенческая научная конференция «Бурятия помнит своих героев» (БГУ, 29 апреля) была ориентирована, преимущественно, на анализ региональных исторических событий военного периода и исследования ратной судьбы уроженцев республики, а самой популярной среди участников стала секция «Война в судьбе моей семьи» (ДВФУ, 12–15 мая); центральной темой городской студенческой конференции в Якутске (СВФУ, 7 мая) стал вклад жителей Якутии и коренных народов Севера в приближение Победы. Пандемия COVID-19 исключила возможность проведения очных студенческих конференций, посвященных 75-летию Победы в Великой Отечественной войне в мае 2020 г. 25 апреля 2025 г. в БГУ имени Доржи Банзарова состоялась Международная студенческая научно-практическая конференция «Фронт и тыл в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», посвященная 80-й годовщине Великой Победы, объединившая более 260 студентов из России, Китая, Монголии, Белоруссии и Казахстана. В этот же день в стенах СВФУ состоялась вузовская учебно-научная конференция студентов по отечественной истории, посвященная 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Формат празднования 80-летия Великой Победы в ДВФУ в рамках международной акции памяти «Великая Победа – одна на всех» не предполагал проведение студенческой конференции. Также стоит отметить формы коммеморации, увековечившие имена преподавателей и студентов вузов, принимавших участие в Великой Отечественной войне, которые являются дополнительным каналом трансляции исторической памяти за счет преемственности в образовательных учреждениях. Так к 75-летию Великой Победы перед главным корпусом БГУ торжественно открыли мемориал, посвященный преподавателям и студентам БГПИ, ушедшим на фронт в 1941–1945 гг., а во Владивостоке издали «Книгу памяти ДВФУ» [8]. Третью группу информационных каналов составили семейные источники (рассказы представителей старших поколений семьи, личные воспоминания родственников, встречи с ветеранами), что было упомянуто респондентами 667 раз.

Анализ полученных данных показывает, что семейная память о Великой Отечественной войне продолжает сохраняться в молодежной среде Дальнего Востока, хотя ее роль как источника исторической информации постепенно уступает место официальным и медийным каналам. Вместе с тем значительная часть опрошенных студентов демонстрирует высокую степень осведомленности относительно участия представителей своих семей в ВОВ. В большинстве случаев речь идет о поколении прабабушек и прадедушек. Указали на участие прадедушек в войне в среднем 55,7% опрошенных, на участие прабабушек – 35,4%. При этом следует учитывать, что для многих представителей студенческой молодежи связь их семей с историей войны в основном определяется не только и не столько участием в боевых действиях, а в большей степени сопричастностью к другим формам военного опыта. Респонденты отмечали, что их родственники трудились в тылу, были узниками концлагерей, детьми блокады, эваку-

ированными и в целом являлись свидетелями событий тех лет. Другими словами, участие старших членов семьи в событиях ВОВ фиксируется не только через фронтовой опыт.

Показательно, что практика сохранения материальных свидетельств о семейной военной истории остается достаточно распространенной. В подавляющем большинстве семей опрошенных хранятся реликвии военных лет: награды, фотографии, письма, официальные документы и т. п. (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Какие реликвии военных лет хранятся в ваших семьях, %
(допускался выбор нескольких вариантов ответа)
*What wartime relics are preserved in your family, %
(multiple answers were allowed)*

Варианты ответов	ДВФУ	СВФУ	БГУ
Награды	77,2	77,2	72,7
Фотографии	72,8	60,8	66,7
Документы	31,6	27,8	28,8
Письма	29,8	26,6	24,2
Грамоты/благодарности/статьи из газет	24,6	22,8	22,7
Военный билет	22,8	21,5	21,2
Вещи военных лет	21,1	19,0	16,7
Мемуары/воспоминания/дневники	2,6	12,7	6,1
Другое	2,6	0,0	0,0

Наличие семейных артефактов, связанных с Великой Отечественной войной, позволяет выделить среди них несколько основных категорий, сохраняющих память о военном прошлом на уровне семейной традиции. К первой группе относятся материальные реликвии: награды, личные вещи участников войны, а также иные предметы, обладающие именно символической ценностью. Вторую категорию составляют визуальные объекты, представленные в основном фотографиями, фиксирующими память о поколении фронтовиков и тружеников тыла. Третью группу формируют документальные источники: письма, наградные листы, почетные грамоты, личные воспоминания в форме заметок и дневниковых записей. Как видно из таблицы 2, чаще всего сохраняются именно материальные реликвии ВОВ – боевые и юбилейные ордена и медали. Гораздо реже респонденты указывали на сохранившиеся в семье фотографии военных лет, еще реже отмечали личные и официальные документы. Это позволяет предположить, что в массовом сознании именно материальные реликвии рассматриваются как основной носитель семейной памяти о Великой Отечественной войне. Выявленные практики сохранения различных видов артефактов свидетельствует о продолжающемся воспроизводстве семейной исторической памяти. Сохраняемые объекты становятся важным ресурсом

межпоколенческой трансляции символических образов и воспоминаний о событиях 1941–1945 гг., способствуя формированию у молодежи чувства сопричастности к Великой Отечественной войне.

Таким образом, выявлена множественность и разноуровневость каналов трансляции исторического знания о ВОВ, где официальные и медийные источники сочетаются с семейными формами передачи памяти молодому поколению.

*Студенты вузов Дальнего Востока
о праздновании Дня Победы: мнения, суждения, оценки*

Восприятие событий военных лет через семейные нарративы позволяет выявить значимую роль внутрисемейной памяти в формировании отношения молодежи к Великой Отечественной войне. В данном ключе празднование 9 Мая приобретает особую значимость, поскольку именно семейные традиции во многом определяют, как интерпретируется эта дата представителями молодого поколения. Сам День Победы в массовом сознании дальневосточного студенчества преимущественно воспринимается как день памяти о родных, прошедших войну (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Чем для вашей семьи является День Победы, %
What does Victory Day mean for your family, %

Варианты ответов	ДВФУ	СВФУ	БГУ
«Праздник со слезами на глазах»	32,1	30,8	23,3
День памяти о родных, прошедших войну	36,2	45,3	48,1
День гордости за СССР	13,4	12,9	15,9
Просто выходной	14,3	9,5	11,6
Другое	4,0	1,5	1,1

Таким образом, восприятие празднования 9 Мая в семьях студентов дальневосточных вузов сохраняет личностную направленность. Главное содержание Дня Победы для молодежи связано с памятью о своих корнях, о предках, участвовавших в Великой Отечественной войне, а не с официальными государственными ритуалами или идеологическими конструктами. Воспоминания об ушедших родственниках, их боевом и трудовом вкладе в Победу через семейную коммуникацию воспроизводят индивидуализированные формы исторической памяти. Стабильность таких практик играет важную роль в поддержании преемственности и межпоколенческой идентичности в молодежной среде.

Также полученные нами результаты показывают, что в семьях студентов дальневосточных вузов практики, связанные с празднованием Дня Победы, весьма вариативны (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Как вы обычно проводите 9 Мая, %
(допускался выбор нескольких вариантов ответа)
How do you usually spend Victory Day, %
(multiple answers were allowed)

Варианты ответов	ДВФУ	СВФУ	БГУ
Смотрю парад по ТВ (на Красной площади, местный)	45,5	61,2	49,2
Принимаю участие в акции «Бессмертный полк»	37,5	48,8	34,4
Участвую в праздничных мероприятиях	34,8	41,8	27,5
Просто гуляю и отдыхаю	33,5	33,3	27
Поздравляю ветеранов	20,5	29,4	26,5
За праздничным столом	19,2	20,9	20,6
Возлагаю цветы к Вечному Огню, памятникам	12,9	20,4	12,2
Сам или вместе с родными хожу на кладбище, где похоронены родные – участники ВОВ	6,3	2,5	7,9
Другое	4,5	1,5	1,6

Данные в таблице 4, показывают, что наиболее распространенной практикой продолжает оставаться просмотр парада на Красной площади, что указывает на значимость медиатизированных каналов в формировании образа памятной даты. При этом акция «Бессмертный полк» сохраняет функцию массовой коммеморативной практики, обеспечивая вовлечение молодежи в символические формы празднования Дня Победы. Можно отметить и региональные различия. Студенты СВФУ и БГУ больше вовлечены в коллективные мероприятия, организуемые в публичном пространстве. У студентов ДВФУ более выражены индивидуализированные формы досуга на 9 Мая, не связанные с официальной праздничной программой. Возможно, это объясняется спецификой Владивостока как более космополитичного города по сравнению с Якутском и Улан-Удэ, что формирует более «мобильную» и автономную культуру празднования Дня Победы. А в Якутии и Бурятии чаще сохраняются персонализированные практики мемориальной активности, включающие непосредственное взаимодействие с ветеранами.

Таким образом, можно констатировать факт трансформации форм празднования Дня Победы в молодежной среде. Выявлено, что акцент постепенно смещается в сторону индивидуальных и медийно опосредованных практик, в то время как традиционные формы официального участия отходят на второй план. При этом акция «Бессмертный полк» остается важнейшим элементом современного коммеморативного пространства, выполняющая функцию публичного воспроизводства коллективной памяти о Великой Отечественной войне.

Заключение

На основании произведенного анализа можно сделать некоторые предварительные выводы.

Во-первых, несмотря на сохраняющуюся значимость темы Великой Победы в общественном сознании дальневосточного студенчества происходят процессы трансформации исторической памяти, выражающиеся в постепенном смещении от коллективных и институциональных форм коммеморации к индивидуализированным и медиатизированным практикам.

Во-вторых, историческая память о Великой Отечественной войне для студентов вузов Дальнего Востока продолжает оставаться важным элементом формирования гражданской идентичности, однако характеризуется фрагментарностью и снижением личной сопричастности к событиям военного прошлого, восприятие которого формируется по большей части опосредованно: через образовательные учреждения, средства массовой информации и социальные медиа, культурные нарративы, тогда как внутрисемейные формы передачи памяти постепенно утрачивают статус основного источника исторического знания. Тем не менее, сохранение в семьях реликвий военного времени свидетельствует о том, что семейная память все же остается одним из основных, хотя и не доминирующим каналом межпоколенческой трансляции исторического опыта.

В-третьих, анализ социокультурных практик празднования Дня Победы выявил разнообразие форм участия молодежи в коммеморативных мероприятиях. При этом все более широкое распространение получают индивидуализированные формы празднования 9 Мая. В то же время сохраняется устойчивый интерес к мемориальным мероприятиям массового характера, что подтверждается высокой вовлеченностью дальневосточных студентов в акцию «Бессмертный полк», рассматриваемую как ключевой элемент современной символической культуры памяти о войне.

Таким образом, на современном этапе историческая память о Великой Отечественной войне сохраняется у дальневосточного студенчества. Но, как можно судить на основании проведенного исследования, она представляет собой сложный, многоуровневый феномен, в котором переплетаются институциональные, медийные и семейные каналы трансляции. Вектор изменений указывает на постепенное ослабление официальных форм коммеморативных практик, что требует усиления внимания к молодежной аудитории в рамках образовательной, информационной и культурной политики в целях сохранения и воспроизводства исторической памяти как важнейшего ресурса российской идентичности и гражданской консолидации. Также необходимо развивать специфические региональные подходы к патриотическому воспитанию, включающие, в первую очередь, инициативы «снизу», например, школьные и студенческие проекты, акции, отражающие место и роль конкретного региона в ВОВ, его вклад в общую Победу, повышать значение сохранения семейных форм памяти как важного элемента устойчивого воспроизводства исторического знания в условиях увеличивающейся исторической дистанции от событий Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Адиев А. З. 80-летие Победы в Великой Отечественной войне: роль исторической памяти в воспитании патриотизма в Дагестане // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 2. С. 14–31. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.2; EDN: JCMNBC.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: ЯСК, 2004. 328 с.
3. Бубнов А. Ю., Комплеев А. В. Великая Отечественная война в региональной политике памяти (на материалах анализа социальных медиа Курской области) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2(83). С. 342–354. DOI: 10.35775/PSI.2022.83.2.003; EDN: LDGXOM.
4. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская и др.; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
5. Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов, комментарии, перечень документов / Науч. ред. Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2020. 848 с.
6. Горячев А. И., Лутцев М. В. Великая Отечественная война в контексте глобального противостояния России и Запада // Военный академический журнал. 2021. № 2(30). С. 5–13. EDN: MXIOP.
7. История Якутии. В 3 т. Т. 3 / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. Новосибирск: Наука, 2021. 592 с.
8. Книга памяти. Ветераны фронта и тыла ДВФУ / Под ред. И. А. Осецкой. Владивосток: ДВФУ, 2020. 466 с.
9. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. В 2 т. Т. 1. Теория и история цивилизаций. М.: ИЭС, 2006. 768 с.
10. Микрюков В. Ю. Не помнит мир спасенный // Знать и помнить войну: сб. ст. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 203–212. EDN: YJCKSL
11. Никонова С. И. Историческая память о Великой Отечественной войне как моральный ресурс воспитательной работы в вузах (на примере поискового проекта «Факел») // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. СПб.: Санкт-Петербургский горный ун-т, 2015. С. 112–114.
12. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / Пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50.
13. Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: НГУ, 1992. 215 с.

14. Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2020. 352 с.
15. Ткачева Г. А. На алтарь Отечества. Дальневосточники на фронтах Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 5–15. EDN: MVBCEJ.
16. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
17. Чирков М. С. Великая Победа в современном массовом сознании: к проблеме исторической памяти на пространстве бывшего СССР // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 152–154.
18. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
19. Шульц Э. Э. Великая Отечественная война в контексте важности исторических событий для современного российского общества // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 4 (37). С. 41. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-4-41-41; EDN: DIDLOV.
20. Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. J. R. Gillis. Princeton: Princeton University Press, 1994. 304 p.

Получено редакцией: 16.07.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадараев Дамдин Доржиевич, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии

Винокурова Анна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук

Нолев Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-организационного отдела

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.3

Memory of the Great Patriotic War in the Far East regions: Commemorative Practices of Student Youth¹

Damdin D. Badaraev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia

damdin80@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8173-7175

¹ **Acknowledgements.** The article was carried out within the state assignment “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th – 21st Centuries)”, No. 121031000243-5; “Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States”, No. 121031000241-1.

Anna V. Vinokurova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

vinokurova77@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6415-4680

Evgenii V. Nolev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia

nolev@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-7756-7791

For citation: Badaraev D. D., Vinokurova A. V., Nolev E. V. Memory of the Great Patriotic War in the Far East regions: Commemorative Practices of Student Youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 52–68. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.3; EDN: RQENVQ.

Abstract. The paper examines the commemorative practices of students at three Far Eastern universities related to the memory of the Great Patriotic War. The theoretical framework of the study is based on the concepts of collective and historical memory (M. Halbwachs, P. Nora, J. Assmann), cultural and symbolic capital (P. Bourdieu), cultural trauma (P. Sztompka), commemoration (J. Gillis), and civilisational analysis (N. S. Rozov, B. N. Kuzyk, Yu. V. Yakovets). The empirical basis of the study is formed by the materials of a questionnaire survey of students studying at the Far Eastern Federal University (Vladivostok), North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Yakutsk), Buryat State University named after D. Banzarov (Ulan-Ude). The total sample size was 616 people. Our study focuses on the forms of representation of the Great Patriotic War in the commemorative practices of student youth. Overall, the memory of the events of the Great Patriotic War among young people in the region is formed at the intersection of state policy, public initiatives, and everyday forms of preserving historical memory. The results of the study also showed that processes of historical memory transformation are taking place in the public consciousness of Far Eastern students, expressed in a gradual shift from collective and institutional forms of commemoration to individualised and mediated practices. Historical memory of the Great Patriotic War for university students in the Far East continues to be an important element in the formation of civic identity, but is characterised by fragmentation and a decrease in personal involvement in the events of the military past. An analysis of sociocultural practices surrounding Victory Day celebrations revealed a diversity of youth participation in commemorative events. Individualised forms of May 9th celebrations are becoming increasingly widespread. At the same time, interest in mass memorial events remains strong. The memory of the Great Patriotic War among students at Far Eastern universities is a complex, multi-layered phenomenon, intertwining institutional, media, and family channels of communication. The resulting trend of change points to a gradual weakening of official forms of commemorative practices, necessitating increased attention to youth audiences within educational, informational, and cultural policies to preserve and promote historical memory as a crucial resource for Russian identity and civic consolidation.

Keywords: historical memory, collective memory, the Great Patriotic War, Victory Day, commemorative practices, student youth, the Far East

References

1. Adiev A. Z. The 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War: The Role of Historical Memory in the Patriotic Education in Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*, 2025: 16: 2: 14–31 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.2; EDN: JCMNBC.
2. Assmann J. Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Transl. from Germ. by M. Sokolskaya. Moscow, YaSK, 2004: 328 (in Russ.).
3. Bubnov A. Yu., Kompleev A. V. The Great Patriotic War in the Regional Policy of Memory (by the Materials of the Analysis of the Social Media of the Kursk Region). *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*, 2022: 12: 2(83): 342–354 (in Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2022.83.2.003; EDN: LDGXOM.
4. Bourdieu P. Practical Reason. Transl. from Fr. by A. Bikbov, K. Voznesenskaya et al.; scientific ed. of the transl. and afterword by N. Shmatko. St. Petersburg, Aleteya, 2001: 562 (in Russ.).
5. Buryatiya v godi Velikoi Otechestvennoi voini 1941–1945 gg. Sb. dokumentov, kommentarii, perechen dokumentov [Buryatia during the Great Patriotic War 1941–1945. Collection of documents, comments, list of documents]. Ed. by L. V. Kuras. Irkutsk, Ottisk, 2020: 848 (in Russ.).

6. Goryachev A. I., Lutsev M. V. The Great Patriotic War in the Context of the Global Confrontation Between Russia and the West. *The Military Academic Journal*, 2021: 2 (30): 5–13 (in Russ.). EDN: MXIOP.
7. The History of Yakutia: in 3 vol. Vol. 3. Ed. by A. N. Alekseev; S. I. Boyakov. Novosibirsk, Nauka, 2021: 592 (in Russ.).
8. Kniga pamyati. Veterani fronta i tila DVFU [The Book of Memory. Frontline and Rearline Veterans of FEPU]. Ed. by I. A. Osetskaya. Vladivostok, DVFU, 2020: 466 (in Russ.).
9. Kuzyk B. N., Yakovets Yu. V. Tsivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushchee. V 2 t. T. 1. Teoriya i istoriya tsivilizatsii [Civilizations: Theory, History, Dialogue, Future. In 2 vols. Vol. 1. Theory and History of Civilizations]. Moscow, IES, 2006: 768 (in Russ.).
10. Mikryukov V. Yu. The Saved World Does Not Remember. In To Know and Remember the War: Collection of Articles. Moscow, RUSAYNS, 2017: 203–212 (in Russ.). EDN: YJCKSL.
11. Nikonova S. I. Historical Memory of the Great Patriotic War as a Moral Resource for Educational Work at Universities (Based on the Search Project “Fakel”). In Current Issues of Humanitarian Knowledge in a Technical University. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gornyi un-t, 2015: 112–114 (in Russ.).
12. Nora P. Between Memory and History: The Problem of Lieux de Mémoire. Transl. from Fr. by D. Khapaeva; scientific ed. of the transl. by N. Koposov. St. Petersburg, SPbGU, 1999: 17–50 (in Russ.).
13. Rozov N. S. The structure of civilization and world development trends. Novosibirsk: NGU, 1992: 215 (in Russ.).
14. Thank You, Great-Grandfather, for the Victory: Monograph Based on the Monitoring Data “Russian Students about the Great Patriotic War” (2005–2010–2015–2020). Ed. by Yu. R. Vishnevskii. Ekaterinburg, Ural. un-t, 2020: 352 (in Russ.).
15. Tkachova G. A. Na altar Otechestva. Dalnevostochniki na frontah Velikoi Otechestvennoi voini, 1941–1945 gg. [On the Altar of the Motherland. Far Eastern people at the fronts of the Great Patriotic War]. *Rossya i ATR*, 2010: 2: 5–15 (in Russ.). EDN: MVBCEJ.
16. Halbwachs M. The Social Frameworks of Memory. Transl. from Fr. and int. article by S. Zenkin. Moscow, Novoe iz-vo, 2007: 348 (in Russ.).
17. Chirkov M. S. The Great Victory in Modern Mass Consciousness: to the Problem of Historical Memory on the Space of the Former USSR. In Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation. Chita, ZabGU, 2019: 152–154 (in Russ.).
18. Sztompka P. Sociology of Social Change. Transl. from Eng.; ed. by V. A. Yadov. Moscow, Aspekt Press: 416 (in Russ.).
19. Shults E. E. The Great Patriotic War in the Context of the Importance of Historical Events for Contemporary Russian Society. *Nauka. Obschestvo. Oborona*, 2023: 11 (4): 41 (in Russ.). DOI: 10.24412/2311-1763-2023-4-41-41; EDN: DIDLOV.
20. Commemorations: The Politics of National Identity. Ed. J. R. Gillis. Princeton, Princeton University Press, 1994: 304.

The article was submitted on: July 16, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Damdin D. Badaraev, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of Department of History, Ethnology and Sociology

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social Sciences

Evgenii V. Nolev, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of Scientific and Organizational Department

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ (К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ)

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.5

EDN: WSNBHR

Пространство школьных мероприятий в Нижнем Новгороде, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

Ссылка для цитирования: Саралиева З. Х.-М., Кутявина Е. Е., Шинкаренко Е. А. Пространство школьных мероприятий в Нижнем Новгороде, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 69–86. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.5; EDN: WSNBHR.

For citation: Saralieva Z. H.-M., Kutyavina E. E., Shinkarenko E. A. The Space of School Events in Nizhny Novgorod Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 69–86. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.5; EDN: WSNBHR.

SPIN-код: 4454-9711

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна¹

¹Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

zara@fsn.unn.ru

SPIN-код: 4651-0976

Кутявина Елена Евгеньевна¹

¹Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

kutyavina@fsn.unn.ru

SPIN-код: 5902-3028

Шинкаренко Елена Александровна¹

¹Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

elenashinkarenko@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования социологических аспектов школьных мероприятий, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. В качестве теоретико-социологической основы анализа авторами использованы: теория социализации Э. Эриксона, теория значимых других Дж. Г. Мида, идеи Дж. Урри о социальном и физическом пространстве и «капитале мобильности», а также исторические концепты «мест памяти» П. Нора и коммеморации.

На основе контент-анализа материалов интервью с руководителями школ Нижнего Новгорода, проведенных в апреле текущего года, выделено 12 факторов, отражающих форматы патриотического воспитания школьников, а также специфику мероприятий в год 80-летия Победы (общие рамки патриотического воспитания, постоянные структуры патриотического воспитания, внутришкольные культурно-массовые мероприятия, специфика школьных форматов, роль педагогов, школьный музей как особое пространство, привлечение ветеранов в школы, форматы района и города, исследования семейной памяти, Бессмертный полк как всероссийская акция, тематические путешествия, межстрановое взаимодействие). Выстроена последовательность мест памяти разного уровня: школьный – районный – городской – общероссийский – международный. Места памяти обеспечивают включение школьников в социальное и физическое пространство соответствующего уровня; развитию их капиталов мобильности. Включение в социальное пространство осуществляется через формирование групповой идентичности (ученик школы, житель города, района, страны) и взаимодействие с социальными институтами (образование, семья, профессиональные институты). Семья как социальная группа и институт выступает своего рода посредником во взаимодействии школьника с другими социальными институтами, а семейная память отражает и конкретизирует историческую память.

Отмечается значимость эмоциональных характеристик процесса патриотического воспитания: эмоциональное отождествление со значимыми социальными группами, опыт эмпатии, субъективное преломление исторических событий.

Анализ лексем, составляющих перечисленные факторы, позволил авторам интерпретировать праздничные школьные мероприятия как органичную часть патриотического воспитания школьников, соответствующую актуальным задачам процесса социализации (преодоление кризисов, характерных для школьного возраста, формирование группы обобщенных других как основы социальной идентичности) и способствующую наращиванию капитала мобильности.

Исследование является частью лонгитюдного исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне, проводимого социологами Нижнего Новгорода в сотрудничестве с вузами Приволжского федерального округа с 2005 по 2025 гг.

Ключевые слова: социология, историческая память, патриотическое воспитание школьников, социализация, социальное пространство, физическое пространство

Введение

Великая Отечественная война занимает особое место в исторической памяти и культурной идентичности россиян. Социологические исследования показывают, что россияне считают победу в Великой Отечественной войне важнейшей датой российской истории¹; большинство думает,

¹ Какие даты российской истории мы считаем важнейшими? И какие – знаем? Исследование ФОМ 2014 г. URL: <https://fom.ru/posts/11896>; Великая победа — главное событие в истории нашей страны в XX веке ВЦИОМ 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke> (дата обращения: 01.07.2025).

что победу в Великой Отечественной войне нужно использовать для патриотического воспитания молодежи¹. По данным исследования ВЦИОМ это не просто праздник, а символ национальной гордости и единства, абсолютное большинство россиян всех возрастов убеждены, что память о Великой Отечественной войне важно сохранять².

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью социологического осмысления роли и значения патриотического воспитания школьников как ключевого элемента процесса социализации. Сегодня перед обществом остро встает проблема формирования гражданской позиции молодого поколения, которое должно осознавать свою принадлежность к историческому наследию страны и понимать значимость патриотических ценностей.

Цель исследования заключается в определении места патриотического воспитания школьников в процессе социализации учащихся на примере мероприятий, посвященных знаменательной дате – 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В этой связи представляется весьма актуальным выявление ключевых факторов достижения основных целей социализации молодого поколения, в том числе в рамках программ патриотического воспитания.

Также важно выявить значение в патриотическом воспитании «мест памяти» как вещественных знаков исторической памяти (мемориалов, музейных экспозиций и пр.) и как социальных практик и символов, объединяющих людей. Последнее представляется особенно значимым для регионов, непосредственно не затронутых боевыми действиями и не имеющих памятных мест, непосредственно связанных со сражениями Великой Отечественной войны. Памятные места в этом случае организуются на основе локальной истории (например, история завода), истории конкретных людей (например, героев Советского Союза), на основе социальных практик. Нижегородская область, как город трудовой доблести, регион древний, с богатой историей может предоставить в этом плане очень много возможностей.

Научная новизна исследования состоит в систематизации на основе теорий социализации и концепции «мест памяти» П. Нора [5] эффективных практик патриотического воспитания школьников в контексте подготовки к празднованию 80-летия Великой Победы.

Теоретико-методологические основания исследования

При интерпретации результатов исследования мы опирались на теорию социализации Э. Эриксона, который рассматривал социализацию как последовательное преодоление жизненных кризисов [12, с. 102]. Согласно

¹ Великая победа — главное событие в истории нашей страны в XX веке. ВЦИОМ 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke> (дата обращения: 01.07.2025).

² Великой Победе — 80 лет! ВЦИОМ 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 01.07.2025).

этому подходу, на период обучения в школе приходится два кризиса: «созидание – чувство неполноценности» (примерно с 1 по 8 класс) и «идентичность – спутанная идентичность» (старшие классы). При благополучном разрешении первого кризиса ребенок учится «завоевывать признание посредством производства разных вещей и предметов. Он развивает у себя настойчивость, приспосабливается к неорганическим законам мира, орудий труда и может стать активной и заинтересованной единицей производственной ситуации» [12, с. 133]. Активно развиваются целеустремленность, навыки коллективной деятельности, умение сотрудничать, помогать и принимать помощь. Второй кризис разрешается формированием гармоничной и позитивной личностной идентичности – подросток осознает общность с социальными группами, объединяет множество групповых идентичностей в некую целостность. Если соотнести эту стадию с аналогичным этапом формирования самости в теории Дж. Г. Мида – формируется набор «значимых других» [4, с. 225–235].

Составляющей процесса социализации является и наращивание капиталов различных типов – культурного, социального, символического. Так, Дж. Урри как тип капитала рассматривал перемещения в физическом пространстве – поездки, экскурсии, прогулки; использует концепцию капитала подвижности (мобильности), «чтобы связать парадигму мобильности с темой социально-пространственного неравенства» [10, с. 123]. Капитал подвижности (мобильности), то есть перемещения в физическом пространстве и потенциал таких перемещений, конвертируется в другие типы капитала, например, в культурный, социальный, символический. В теории социального исключения пространственная удаленность, ограничения перемещений рассматриваются как одна из причин социального исключения (эксклюзии) и как следствие – бедности; и наоборот – пространственная мобильность может стать фактором «включения» [1; 2; 13]. Соответственно, перемещения – актуальные или потенциальные, хорошее знание города, родного края, страны (не теоретическое, а основанное на опыте) способствуют успешной социализации, становлению позитивной идентичности с родным краем, развитию патриотизма. Не случайно патриотическое воспитание молодежи часто объединено с туристическим движением и краеведением [3]. Поэтому для рассмотрения пространственных характеристик школьных мероприятий, посвященных 80-летию Победы и патриотического воспитания школьников, мы обратились к идеям Дж. Урри о социальном и физическом пространстве и мобильности.

Дж. Урри отмечал также «укрепление чувства проживания посредством перемещения в пределах границ сообщества» [11, с. 204] и «институциональное поминовение», связанное с конкретными местами [11, с. 198]. Происходит объединение социального и физического пространства и социального времени, на основе чего формируется «идентичность места» [11, с. 204].

Идентичность места составляет основу «мест памяти». «Места памяти» – понятие, предложенное французским историком П. Нора. «Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет,

а значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [5, с. 26]. Ключевым фактором формирования мест памяти П. Нора считал «желание помнить», выражаемое в действиях — практиках коммеморации. Места памяти могут быть материальными (музеи, памятники) и нематериальными (праздничные даты, ассоциации ветеранов) [5, с. 40–43]. Коммеморация (от лат. *memorialis* — памятный) — сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого; совокупность публичных актов их «вспоминания» и (пере)осмысления в современном контексте [6, с. 237–241].

Методика сбора и анализа эмпирических данных

Данное исследование является частью лонгитюдного исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне, проводимого социологами ННГУ им. Н. И. Лобачевского, вузов Приволжского федерального округа (ПФО) и Приволжского филиала ФНИСЦ РАН¹ [7; 8; 9]. В апреле 2025 г. кафедрой общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н. И. Лобачевского была проведена серия полустандартизированных интервью с директорами школ Нижнего Новгорода о школьных мероприятиях, посвященных 80-летию Великой Победы. Всего в исследовании приняли участие 9 чел. В каждом районе города методом случайного отбора была выбрана одна школа. Исключение составил только Советский район, где участвовали 2 школы (общеобразовательная и гимназия), в одной из школ проводилась апробация инструментария, в другой — проведено интервью по итоговому гайду. В выборку попали как общеобразовательные школы, так и гимназии/лицеи. Продолжительность интервью от 40 минут до одного часа.

Для обработки полученных данных использовался метод контент-анализа с привлечением специализированного пакета Лекта. Базовый словарь составил 32539 слов, рабочий — 130 семантических цепочек. В результате было получено 15 факторов. Объясняющая способность модели 35%. В рамках данной работы рассмотрено 12 факторов, отражающих форматы патриотического воспитания школьников, а также специфику мероприятий в год 80-летия Победы.

Ограничения метода

Исследование носило инициативный характер, ограничивалось городом Нижним Новгородом и было реализовано силами сотрудников кафедры. Собранный материал дает возможность описания разнообразия

¹ Исследование включало в себя: массовые опросы жителей ПФО (2005, 2010) и учащейся молодежи Нижнего Новгорода (2005, 2010, 2015, 2025 гг.); анализ содержания учебников по истории (2005, 2010, 2015 гг.). Замеры по сопоставимому инструментария позволили проследить динамику исторической памяти, ее поколенческие аспекты, появление новых форм исторической памяти, которые служат сохранению непрерывности истории даже на большом временном промежутке, объединяют людей. Гайд интервью разработан с учетом результатов опросов прежних лет.

спектра мероприятий без возможности широких обобщений и выявления распространенности тех или иных сюжетов. Однако мы считаем полученный материал важным для понимания спектра форматов и масштабов мероприятий патриотического характера на примере школ города. Тем более Нижний Новгород – город святого князя Александра Невского, Минина и Пожарского может считаться одним из главных центров российского патриотизма, хранителем исторической памяти и традиции патриотического воспитания. В период Великой Отечественной войны бои не затронули Нижегородскую землю, однако и сам г. Горький¹, и другие города области – Арзамас, Выкса были местом трудового подвига, жители их самоотверженным трудом на благо фронта внесли значительный вклад в Победу.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы для сравнения опыта организации мемориальных мероприятий с другими регионами и временными периодами.

Результаты исследования

Выявленные в результате исследования факторы были скомпонованы в сюжеты, посвященные школьному и внешкольному пространству (район, город, страна). Сюжет «Пространство школы» составили факторы: «общие рамки патриотического воспитания», «постоянные структуры патриотического воспитания» «внутришкольные культурно-массовые мероприятия», «специфика школьных форматов», «роль педагогов», «школьный музей как особое пространство». Сюжет «Пространство района, города, страны» образован факторами: «привлечение ветеранов», «форматы района и города», «исследования семейной памяти», «Бессмертный полк как всероссийская акция», «тематические путешествия», «межстрановое взаимодействие».

Фактор «Общие рамки патриотического воспитания» образован лексемами «воспитание», «программа», «патриотизм», «советник», «государство», «документы». Основное содержание фактора посвящено уровням и регулированию патриотического воспитания школьников: *«Есть постоянно действующие программы. Указ президента, программы министерства, департамента, школы. «Есть общая программа «Патриотическое воспитание в России подрастающих поколений», которая подписана Владимиром Путиным. Далее, соответственно, из этой программы вытекают направления работы Министерства образования Нижегородской области, дальше Департамент образования, дальше школа»* (директор общеобразовательной школы, Советский р-н).

Для реализации обозначенных направлений есть календари мероприятий и постоянно существующие структуры патриотического воспитания. Соответствующий фактор («Постоянные структуры патриотического воспитания») образован лексемами «Орлята», «волонтеры», «учителя», «звено». Сюда относятся всероссийские структуры

¹ Так назывался Нижний Новгород с 1932 по 1990 г. в честь выдающегося русского писателя А. М. Пешкова, писавшего под псевдонимом Максим Горький

сообщества «Орлята», «Движение первых»: *«Для управления проектами есть два человека на уровне муниципалитета, два муниципальных координатора. Один координирует деятельность советников, другой координирует деятельность «Движения первых». ... Федеральный проект по патриотическому воспитанию идет целый год. Это не одноразовое событие. Учебный процесс, безусловно, который закладывает базу. То есть, это не только одно событие, когда мы проводим 9 мая тематическую линейку»* (директор лицея, Московский р-н). Помимо всероссийского уровня, существуют структуры на базе школ: *«Проект, который реализует военно-патриотический клуб «Патриот», задействует основное и среднее звено школы»* (директор общеобразовательной shk., Автозаводский р-н).

Мероприятия, реализуемые к памятной дате, можно ранжировать по форматам, уровням, масштабам. Фактор «Внутришкольные мероприятия» образован лексемами «митинг, традиции, цветы, мемориал, стихи, память». Сюда отнесены *культурно-массовые мероприятия*, реализуемые школой собственными силами без привлечения сторонних ресурсов и акторов. Фиксируется многообразие форматов. *Творческие*: концерт в честь Дня Победы, конкурсы чтецов, заметки в школьной газете, конкурс рисунков, выставка плакатов. *Символические*: возложение цветов, торжественная линейка, митинг. *Спортивные*: соревнования «Кубок Победы: 80 лет Славы». *Образовательные*: классные часы, дискуссии, беседы. В некоторых школах особое место занимают мемориалы о блокадном Ленинграде. В школе Ленинского района мемориалом служит камень, привезенный из блокадного города. В школе Приокского района «жители блокадного города» выделены в особую категорию, о которой пишут сочинения.

Регулярность воспроизведения практик патриотического воспитания и их коллективность образуют «места памяти» – материальные (Вечный огонь, памятники, камень из Санкт-Петербурга и т. п.) и нематериальные (возложение цветов, тематические сочинения, конкурсы чтецов). Практики коммеморации объединяют не только школьников, но и более широкий круг участников; они становятся основой различных групповых идентичностей.

Во внутришкольные форматы вовлечены все учащиеся: *«Мы пытаемся всех детей, а их у нас более 1500, задействовать во всех мероприятиях. Работает, конечно же, большая команда»* (директор общеобразовательной shk., Канавинский р-н). В то же время можно говорить о специфике. Во-первых, по возрасту учеников: *«Старшеклассники готовы сами рассуждать о войне, и здесь лучше всего подойдет формат дискуссии. Как правило, подростки видели всего несколько популярных фильмов и читали несколько книг о войне в рамках школьной программы, — но даже с небольшими знаниями они имеют право на собственное мнение, не нужно их останавливать и прерывать»* (директор общеобразовательной shk., Автозаводский р-н); *«Начальная школа, подростки, подростковые классы, приоритет, конечно, героической тематике. Мы активно используем ресурсы, которые связаны с проведением выставок. Например, выставка,*

посвященная пионерам-героям. В прошлом году ребята на основании этой выставки проводили проектные исследования, делали проектные работы. Это тот образ героя, который нужен детям» (директор лицея, Московский р-н); «С номерами там могут выступать и младшие школьники, и подростки пятых, sixth, седьмых классов. С младшими школьниками нельзя так трагично переживать. События трагические, тяжелые. Морально это для детей тяжело. Все-таки это для старших классов. Начальная школа, учитывая специфику возраста, каждый класс готовит тоже свои номера» (директор лицея, Сормовский р-н).

Во-вторых, возможна специфика для учащихся профильных классов: «Есть специфика, поскольку мы городской ресурсный центр по инженерному образованию. У нас есть профильный класс. Профильные классы и предпрофильные классы. С пятого класса дети учатся в инженерных классах, в которых ведется особая профориентационная работа, ориентирующая на то, чтобы они потом в вузах не просто выбирали специальность, а именно инженерные специальности. Готовим новое поколение квалифицированных кадров для нашей отечественной промышленности, прежде всего для нижегородской. Здесь воспитательная работа тоже специфическая. У нас есть традиционные мероприятия, которые проводятся уже для этих профильных и предпрофильных инженерных классов. Например, мы вывозим больше 200 детей на Горьковское море в лагерь «Сокол» (директор лицея, Сормовский р-н).

Специфика учащихся профильных классов может проявляться не только в школе, но и за ее пределами: «В классах Росгвардии в школе специфики нет. На них просто лежит большая нагрузка, то есть они являются и участниками парадов, они ведут экскурсии, выступают на мероприятиях различных. Эти классы востребованы больше во внешкольных акциях» (директор общеобразовательной shk., Советский р-н).

Респонденты подчеркивают, что для учеников любого возраста необходимо эмоциональное вовлечение в проблематику: «Если урок из свободного разговора и обсуждения превратится в лекцию, прочитанную менторским тоном, ученикам будет не интересно» (директор общеобразовательной shk., Автозаводский р-н); «В концертах у нас участвуют дети всех уровней; и начальный, и средний, и старший. Это универсальное. Но мы не всех выпускаем, потому что концерт должен таким образом пройти, чтобы была задета душа человека. Как говорится, слезы должны быть на глазах» (директор общеобразовательной shk., Советский р-н).

Успешное прохождение актуальных для школьного возраста кризисов социализации – «созидание/чувство неполноценности» и «идентичность/спутанная идентичность» – предполагает совместное проживание эмоций с группой сверстников. И для умения сотрудничать с конкретной малой группой, и для построения групповой идентичности важно эмоциональное отождествление себя с ней. Значим опыт эмпатии, без которого невозможно взаимодействие. Таким образом, совместное переживание эмоций является частью практик коммеморации и сохранения «мест памяти».

Одними из важнейших акторов патриотического воспитания и реализации тематических мероприятий выступают учителя. Фактор «Роль педагогов» образован лексемами «педагог», «поддержка», «интерес». Активно вовлечены педагоги гуманитарных дисциплин (история, литература, музыка): *«В этом году увеличили количество мероприятий, направленных на усиление патриотического воспитания: смотр-конкурс солдатской песни и строя “Аты-баты, шли солдаты”, тематические лекция для учеников на уроках истории: “Третьей мировой быть не должно”, “Образ русского солдата-освободителя в исторической литературе”, “Поэты военной поры”»* (директор общеобразовательной шк., Ленинский р-н); *«Проводим встречи, рассуждения на определенную тематику, связанную с Великой Отечественной войной. Это и рассуждение о судьбе семьи в истории войны, роль женщины, роль солдата, роль учителя, педагога. Эти встречи проводятся уже четверть века. Бессменный руководитель этих встреч – выпускница школы, учитель истории и обществознания. Был литературный вечер, на котором ученики делали литературные постановки, посвященные именно 80-летию Победы»* (директор лицея, Сормовский р-н). Помимо работы на уроках, углубление в тематику возможно через научные поиски, участие в научных обществах учащихся: *«То есть я, как учитель, тоже в течение всей своей трудовой деятельности провожу эту работу, связанную с поисковыми работами, с научными обществами учащихся»* (директор общеобразовательной шк., Приокский р-н).

Не остаются в стороне и учителя технических предметов: *«У каждого ребенка, если мы говорим об этом возрасте, есть то, что ему интересно. Мы должны этот интерес поддержать. Если ребенку интересны танки, машины, то пусть этот ребенок поучаствует в выставке технического творчества, посвященной Победе. Мы в этом направлении сейчас работаем, будет у нас выставка такая. Поэтому здесь большая роль взрослого человека, прежде всего, учителя»* (директор общеобразовательной шк., Автозаводский р-н).

В пространстве школы можно выделить отдельное подпространство – школьный музей. Соответствующий фактор образован лексемами «стенд», «поисковая», «рассказ», «музей», «материал». Он может иметь военно-патриотическую направленность, например, в одной из школ организован музей гвардейских минометных частей. *«Музей существует в школе с 1979 г. Он создавался ветеранами гвардейских минометных частей «Катюш», которые проживали в микрорайоне Кузнечиха. Когда я была учителем истории, это было одно из основных направлений моей работы. Сейчас в функции директора внесли корректировку, я являюсь консультантом работы музея, а музеем занимаются молодые учителя истории, экскурсии проводят сами ученики»* (директор общеобразовательной шк., Советский р-н).

Возможно сочетание форматов: *«У нас в школе два музея. Один музей – «Канавино на рубеже веков» – как вообще быт развивался и до Алеши Пешкова, а второй музей – это «Горьковский пионер». Как*

раз сейчас, для выставки «Горький¹ – город трудовой доблести» дети соответствующие материалы изучают» (директор общеобразовательной shk., Канавинский р-н). В одной из школ патриотическое воспитание имеет форму инкультурации, в музее можно увидеть предметы быта и образцы народных промыслов. Школьный музей может существовать не только в реальном, но и виртуальном пространстве: «На нашей странице Вконтакте организован виртуальный музей, называется, «Книга памяти гимназии 13». (заместитель по воспитательной работе, гимназия, Нижегородский р-н).

Если выходить за рамки пространства школы, предусматриваются мероприятия с привлечением отдельных людей или групп, сотрудничество с другими институтами (предприятия, семья). Фактор «Привлечение ветеранов в школы» образован лексемами «приглашение», «встречи», «концерт». Традиционное приглашение ветеранов на классные часы или школьный концерт со временем претерпевает изменения: «Уходят участники, и уходит та самая историческая память, потому что пригласить кого-то сейчас в школу, чтобы он рассказал об этом, практически невозможно. Их просто нет. Да, они все по домам, мало кто выходит, многим уже более 90 лет» (директор лицея, Советский р-н). Школьников привлекают к мероприятиям с участием ветеранов вне стен школы: «Сейчас это все сложнее. Возраст дает о себе знать. Ребята, которые ездили вручать медали к 80-летию, немножечко ветеранов расспрашивали» (директор общеобразовательной shk., Советский р-н).

По словам руководителей школ, с учетом возрастной специфики ветеранов Великой Отечественной войны, расширяется круг тех, кого приглашают для участия в патриотических мероприятиях: «В 2023 г. в школе проходила встреча учеников с ветеранами Великой Отечественной войны, Чеченской и Афганской войн «Связь поколений» (директор общеобразовательной shk., Автозаводский р-н).

Праздничные мероприятия затрагивают не только пространство школы. Можно выделить несколько уровней: район города, город, пространство между городами и странами. Фактор «Форматы района и города» образован лексемами «Автозавод», «Сормово», «предприятия», «микрорайон», «экскурсия». На уровне районов упоминалось посещение районных мемориалов, несение Вахты памяти: «Традиционно районный митинг проходит у нас у Стелы Героев, которая находится в Канавинском районе у ДК Железнодорожников. Еще назову один проект – «Улицы-герои», в нашем городе очень много улиц, которые носят имена героев. Дети весной начали готовить новый проект, изучают улицы и пишут о героях» (директор общеобразовательной shk., Канавинский р-н); «В апреле и накануне 9 мая все школьники автозавода будут стоять у Вечного огня Славы в Автозаводском районе» (директор общеобразовательной shk., Автозаводск р-н).

¹ Так назывался Нижний Новгород с 1932 по 1990 г. в честь выдающегося русского писателя А. М. Пешкова, писавшего под псевдонимом Максим Горький.

На уровне города школы принимают участие в Зарницах: *«В этом году у нас широкомасштабно прошла Зарница – 250 человек. Зарница у нас традиционная. Наши команды на протяжении предыдущих годов были победителями городской Зарницы»* (директор общеобразовательной shk., Приокский р-н).

Можно выделить специфику не только географического пространства, но и пространства социальных институтов, когда школы сотрудничают с предприятиями района. Это могут быть экскурсии: *«Например, в прошлом и в этом году мы с группой ребят ездили на экскурсию на Автозавод. Там очень хороший музей. Часть экспозиции посвящена именно тому, как ГАЗ работал во время Великой Отечественной войны. Маленьких детей обязательно в Кремль водим, где военная техника стоит»* (директор лицея, Советский р-н); *«Московский район, где находится лицей, – особенный, по сути дела, здесь центр военно-промышленного комплекса. Разного рода предприятия, которые и сейчас выпускают продукцию соответствующего назначения. Экскурсия на территории родного района, города, имеется в виду и производственный сегмент, – это и музей Автозавода, это и Красное Сормово, то есть те предприятия, которые в годы войны обеспечивали нашу победу. Дети с удовольствием посещают музеи крупных предприятий. Например, музейный комплекс нашего авиационного завода и учебный центр машиностроительного завода»* (директор лицея, Московский р-н).

Связь школьных мероприятий, посвященных 80-летию Победы и патриотическому воспитанию школьников, с физическим и социальным пространством выражается в двух аспектах – практики коммеморации и развитии капитала мобильности.

Участвуя в практиках коммеморации, школьники поддерживают места памяти различного уровня и масштаба: школа (школьный музей), район города (музей ГАЗ), город (Вечный огонь), страна (мемориальный комплекс в Волгограде, Бессмертный полк). Это участие может поддерживать не только групповую идентичность, но и связь с другими институтами: семьей, предприятиями.

Развитие капитала подвижности (мобильности) происходит за счет накопления знаний о различных локациях, о возможных направлениях и способах перемещений, накопления опыта перемещений. Особенно значимы физические, «телесные» перемещения (хотя Дж. Урри учитывает роль и виртуальных перемещений). Туристические походы, поездки, экскурсии дают новую информацию, новые образы, сочетающие визуальные, тактильные, кинетические и другие впечатления. Это буквально «укрепление чувства проживания посредством перемещения в пределах сообщества» [11, с. 204] связанное с совместным переживанием эмоций.

Более глубокое погружение дает *научно-исследовательское* направление: *«Есть предмет “Индивидуальный проект” в 10-м и 11-м классах. Дети, которые выбрали углубленные предметы, готовят проекты именно в этом направлении. В этом году готовили проекты “Автозавод в годы Великой Отечественной войны”, буквально через две недели мы принимаем участие в технологической олимпиаде с проектом на ГАЗе»* (директор общеобразовательной shk., Автозаводский р-н)

Формат исследовательской работы помогает связать школу не только с предприятиями города, но и служит каналом взаимодействия с семьей. Фактор «Исследования семейной памяти» образован лексемами «исследования, проект, конкурс, страница». Осмысление роли семьи имеет разную форму, но существует во всех школах.

«Написание «Книги памяти» — это работа и родителей, и детей, делается к каждой юбилейной дате. У нас есть несколько уже томов» (директор общеобразовательной shk., Советский р-н).

«Сейчас все учащиеся, педагоги, родители принимают участие в нашем школьном проекте, который мы реализуем, — это поисково-исследовательский проект “По страницам войны”. Каждый ребенок каждого класса будет готовить свою страничку в альбом памяти. Это и «Семья в годы войны», и рассказы детей войны» (директор общеобразовательной shk., Автозаводский р-н).

«Участвовали в XXVI городском историческом поисково-исследовательском конкурсе «Моя семья в истории страны». Заняли второе место. Разговоры также проходят в формате беседы на классном часе, на уроках истории, где дети рассказывают реальные истории своих родственников» (директор общеобразовательной shk., Ленинский р-н).

Акция Бессмертный полк охватывает всю страну. Участие в ней имеет не только семейный, но и школьный формат: *«Когда проводится шествие «Бессмертного полка», дети с родителями в нем принимают участие. В школе “Бессмертному полку” посвящена большая экспозиция. Когда мы делали поисковую работу, это было как раз к прошлогодней юбилейной дате, оформили большой стенд. Как правило, на линейку 9 мая ребяташки приходят с портретами своих родных фронтовиков»* (директор лицея, Московский р-н); *«В рамках акции «Бессмертный полк» ученики нашей школы приносят фотографии членов своей семьи, участвовавших в ВОВ. Эти фотографии мы размещаем на стенде вместе с краткой историей их подвигов»* (директор общеобразовательной shk., Ленинский р-н); *«На концерте к 9 мая тоже предлагается ребятам, у кого есть портреты своих ветеранов, приходит с их портретами»* (директор общеобразовательной shk., Советский р-н).

Реализация мероприятий патриотического воспитания выходит за рамки района или города. Праздничные мероприятия к памятной дате могут иметь межрегиональный и межстрановой характер. В рамках проектов дети посещают другие города, связанные с Победой: *«Сегодня очень много знаковых проектов. Например, региональный проект “Уроки с путешествием”. Наши дети едут в Волгоград, а дети Волгограда — в Нижний Новгород. Все десятиклассники, до одного. Это шикарный проект и необыкновенная возможность для детей. Дети создают видеоролики, привозят оттуда великолепные воспоминания и фотографии. Мы обязательно приглашаем детей других классов послушать рассказ об этом городе»* (директор общеобразовательной shk., Автозаводский р-н).

Помимо посещения других регионов страны было упомянуто сотрудничество с другими государствами: *«В этом году активно сотрудничаем и с Белоруссией, город Гомель, школа 27. Готовим большие телемосты*

с городами – то есть, это будет не одна, а две виртуальные экскурсии» (директор общеобразовательной шк., Канавинский р-н); «Есть программа муниципальная, бесплатная для детей поездка в Белоруссию, по местам войны, партизанского движения, Катынь как символ» (директор лицея, Московский р-н).

Заключение

Школьные мероприятия, посвященные 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, проходят в различных форматах. Можно выделить культурно-массовые мероприятия (творческие, символические, образовательные, спортивные), научно-исследовательские форматы, а также межинституциональные связи школы как части института образования с институтами семьи и труда. Анализ успешных практик патриотического воспитания показывает, что достижение целей патриотического воспитания возможно лишь когда оно соответствует актуальным задачам конкретного этапа социализации и реализуется в формах, адекватных возрастным особенностям учащихся.

Руководители школ в интервью описывали успешные, эффективные, с их точки зрения, формы мероприятий. На основе контент-анализа материалов интервью можно выделить признаки эффективных мероприятий (соответствуют целям патриотического воспитания, хорошо воспринимаются школьниками, вызывают эмоциональный отклик) и факторы их эффективности.

Роль «мест памяти»

«Места памяти» выступают значимыми элементами социальной памяти общества. Они формируют гражданскую и культурную идентичность и способствуют осознанию учащимися своей принадлежности к культурному наследию страны.

Зависимость методов воспитания от возраста обучающихся

Успешность формирования патриотических ценностей напрямую зависит от возрастных особенностей школьников. Для младших классов эффективны мероприятия, направленные на эмоциональное восприятие истории; подросткам необходимы проекты, предполагающие исследовательскую деятельность и рефлекссию. Актуальными задачами социализации на этом этапе являются: формирование способностей выстраивать отношения с группами, основ трудовых качеств (целеустремленности, трудолюбия, представлений о будущей профессии); становление социальной идентичности; выстраивание группы обобщенных других. Позитивная групповая идентичность – основа поддержания групповых норм и ценно-

стей. Поэтому важной частью патриотического воспитания является становление позитивной гражданской и культурной идентичностей. Группа обобщенных других должна быть большой, разнообразной, и соответствовать структуре общества. Сначала это конкретные малые группы – семья, группа сверстников, школьный класс; позже включаются большие группы – профессиональные группы, жители города, россияне.

Эффективность групповых форматов мероприятий

Наиболее эффективные формы патриотического воспитания включают групповые интерактивные мероприятия («живые уроки», квесты, экскурсии, спортивно-патриотические игры, экскурсии по историческим местам), способствующие активному вовлечению школьников в процесс познания исторического наследия. Практики комеморации объединяют людей, служат для поддержания общей памяти групп (семья, ученики школы, жители района, города, страны). Это не только совместное «вспоминание» исторических событий, но и совместное переживание эмоций. Руководители школ отметили важность эмоционального отклика школьников на праздничные мероприятия, живого восприятия; в интервью упоминаются различные эмоции: радость, гордость, скорбь.

Интеграция патриотического воспитания со значимыми для школьников видами деятельности

Эффективное воспитание патриотизма невозможно вне связи с учебной деятельностью. Интеграция уроков истории, литературы, обществознания позволяет обеспечить глубокое понимание школьниками культурного контекста изучаемых событий. Руководители школ подчеркивают научную, историческую основу организации школьных музеев, сотрудничество с вузами и научными организациями. Называли и другие виды деятельности – научная, спортивная, профориентационная, досуговая.

Географический контекст и локализация мероприятий

Фактор пространства изначально не был заложен в инструментарий, мы не задавали вопросов о том, где проводятся мероприятия – в школе или в других местах. Но результаты интервью показали значимость этого фактора, что и дало основания сделать его темой данной статьи. Например, школьные музеи часто объединяют локальную историю (историю города, района, завода) и историю страны, сохраняют местную память о Великой Отечественной войне. В школьном музее, который может быть посвящен истории Нижнего Новгорода или какой-то его части (Автозавод, Сормово), организуются выставки, устанавливаются мемориальные доски, связанные с событиями времен Великой Отечественной войны. Нижний Новгород – город трудовой доблести, во время войны здесь работали военные заводы,

госпитали. Связь исторической памяти с реальными локациями современного города усиливает достоверность информации, сглаживает ощущение временного разрыва.

В 2025 году, в год 80-летия Победы, живая память о Великой Отечественной войне поддерживается уже не очевидцами, а практиками коммеморации. Даже дети войны – уже очень пожилые люди, ветеранов остались единицы. И работники школ, и школьники осознают риск разрыва преемственности исторической памяти и необходимость ее поддержания.

Проведенное исследование, несмотря на его предварительный характер, небольшой охват респондентов, показало, что нижегородские школьники участвуют в практиках коммеморации разного уровня – от школы, района до межстранового взаимодействия; поддерживают реальные и символические места памяти; развивают капитал мобильности. Особую значимость физических, «телесных» перемещений и их эмоциональных аспектов подтверждают другие исследования авторов о возможностях спортивного туризма и краеведения в патриотическом воспитании школьников и формировании идентичности с малой родиной [3].

Библиографический список

1. Дмитриева А. В. Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 98–114. EDN: PBDXAH.
2. Ильин В. И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 25–47.
3. Кудрин А. В. Кутявина Е. Е. Роль спортивного туризма и краеведения в патриотическом воспитании школьников: социологический аспект // Синописис современного образования. Ч. 2. Ульяновск: ЗЕБРА, 2025. С. 97–100. EDN: ZUQDEN.
4. Мид Дж. Г. Аз и я / Американская социологическая мысль. Под общ. ред. В. И. Добренкова. М.: МУБУ, 1996, С. 225–235.
5. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. СПб.: СПбГУ, 1999, С. 17–50.
6. Огоновская И. С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа: сб. ст. / Науч. ред. Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 237–241. EDN: BJYYVA.
7. Саралиева З. Х., Балабанов С. С., Куконков П. И. Великая Отечественная в памяти поколений. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2005. 80 с. EDN: RBHDJH.
8. Саралиева З. Х., Балабанов С. С., Куконков П. И. Великая Отечественная в памяти поколений: монография. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2010. 63 с. EDN: RVXCID.

9. Саралиева З. Х., Широкалова Г. С., Куконков П. И. Учащиеся о Великой Отечественной войне. Н. Новгород: НИСОЦ, 2015. 49 с. EDN: ZHLQVJ.
10. Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. М.: Праксис, 2012. 576 с.
11. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: ВШЭ, 2012. 336 с.
12. Эриксон Э. Х. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ., общ. ред. Толстых А. В. М.: Прогресс, 1996. 340 с.
13. Ярошенко С. С. Северное село в режиме социального исключения // Социологические исследования. 2004. № 7(243). С. 71–82. EDN: OXAAQB.

Получено редакцией: 10.07.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы

Куत्याвина Елена Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы

Шинкаренко Елена Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.5

The Space of School Events in Nizhny Novgorod Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War

Zaretkhan H.-M. Saraliev

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia

zara@fsn.unn.ru

ORCID: 0000-0002-4825-1584

Elena E. Kutyavina

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia

kutyavina@fsn.unn.ru

ORCID: 0000-0001-8157-7132

Elena A. Shinkarenko

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia

elenashinkarenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0009-8664

For citation: Saraliev Z. H.-M., Kutyavina E. E., Shinkarenko E. A. The Space of School Events in Nizhny Novgorod Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 69–86. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.5; EDN: WSNBHR.

Abstract. This article presents the results of a study examining the sociological aspects of school events dedicated to the 80th anniversary of victory in the Great Patriotic War. The authors used E. Erikson's theory of socialisation, J. G. Mead's significant other theory, J. Urry's ideas on social and physical space and "mobility capital," as well as

P. Nora's historical concepts of "places of memory" and commemorations as the theoretical and sociological basis for their analysis. Based on a content analysis of interviews with Nizhny Novgorod school principals conducted in April of this year, 12 factors were identified that reflect the formats of patriotic education for schoolchildren, as well as the specifics of events during the 80th anniversary of Victory Day (general frameworks for patriotic education, permanent patriotic education structures, in-school cultural events, specifics of school formats, the role of teachers, the school museum as a special space, engaging veterans in schools, district and city formats, family memory research, the Immortal Regiment as an all-Russian event, thematic trips, and inter-country interaction). A sequence of places of memory at different levels was constructed: school – district – city – all-Russian – international. Places of memory ensure the inclusion of schoolchildren in the social and physical space of the corresponding level and the development of their mobility capital. Inclusion in social space occurs through the formation of a group identity (school student, city, district, or country resident) and interaction with social institutions (education, family, professional institutions). The family, as a social group and institution, acts as a kind of mediator in the student's interaction with other social institutions, and family memory reflects and concretises historical memory.

The importance of emotional characteristics in the patriotic education process is noted: emotional identification with significant social groups, the experience of empathy, and a subjective interpretation of historical events.

An analysis of the lexemes comprising these factors allowed the authors to interpret festive school events as an integral part of patriotic education for schoolchildren, consistent with the current challenges of the socialisation process (overcoming crises characteristic of school age, forming a group of generalised others as the basis of social identity) and contributing to the growth of mobility capital.

The study is part of a longitudinal study of the historical memory of the Great Patriotic War, conducted by sociologists in Nizhny Novgorod in collaboration with universities of the Volga Federal District from 2005 to 2025.

Keywords: sociology, historical memory, patriotic education of schoolchildren, socialization, social space, physical space

References

1. Dmitriyeva A. V. Social inclusion/exclusion as modern society structuration principle. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2012: 2: 98–114 (in Russ.). EDN: PBDXAH.
2. Il'in V. I. The Russian heartland in social structure. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2010: 13 (4): 25–47 (in Russ.).
3. Kudrin A. V. Kutyavina E. E. The role of sports tourism and local history in patriotic education of schoolchildren: sociological aspect. Synopsi of Modern Education. Part 2. Ul'yanovsk, ZEBRA, 2025: 97–100 (in Russ.). EDN: ZUQDEN.
4. Mead G. H. The I and the me. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought]. Ed. by V. I. Dobrenkov. Moscow, MUBU, 1996: 225–235 (in Russ.).
5. Nora P. Problematika mest pamyati. *Frantsiya-pamyat'* [The problem of memory locations. In France-memory]. Transl. from Fr. by D. Khapayeva. St. Petersburg, SPbGU, 1999: 17–50 (in Russ.).
6. Ogonovskaya I. S. Commemorative practices as a tool for preserving the Memory of Russia's military history. In *One tragedy for all and one victory: coll. of art.* Ed. by R. R. Khisamutdinova. Orenburg, OGPU, 2021: 237–241 (in Russ.). EDN: BJYYVA.
7. Saraliyeva Z. H., Balabanov S. S., Kukonkov P. I. Velikaya Otechestvennaya v pamyati pokoleniy [The great patriotic war in the memory of generations]. Nizhniy Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2005: 80 (in Russ.). EDN: RBHDJH.
8. Saraliyeva Z. H., Balabanov S. S., Kukonkov P. I. Velikaya Otechestvennaya v pamyati pokoleniy: monografiya [The Great Patriotic War in the memory of generations: monography]. Nizhniy Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2010: 63 (in Russ.). EDN: RVXCID.
9. Saraliyeva Z. H., Shirokalova G. S., Kukonkov P. I. Students about the Great Patriotic War. Nizhniy Novgorod, NISOTs, 2015: 49 (in Russ.). EDN: ZHLQVJ.
10. Urri J. Mobilities. Transl. from Eng. by A. V. Lazareva. Moscow, Praksis, 2012: 576 (in Russ.).
11. Urri J. Sociology beyond societies: types of mobility for the 21st century. Transl. from Eng. by D. Kralechkin. Moscow: VShE, 2012: 336 (in Russ.).
12. Erikson E. H. Identity youth and crisis. Transl. from Eng. by Tolstykh A. V. Moscow, Progress, 1996: 340 (in Russ.).

13. Yaroshenko S. S. Severnoye selo v rezhime sotsial'nogo isklyucheniya [The rural north in the mode of social exclusion]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2004: 7(243): 71–82 (in Russ.). EDN: OXAAQB.

The article was submitted on: July 10, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zaretkhan H.-M. Saralieva, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General Sociology and Social Work

Elena E. Kutyavina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of General Sociology and Social Work

Elena A. Shinkarenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of General Sociology and Social Work

ОСОБЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6

EDN: YPEACQ

Национальный культурный код: морально-нравственный аспект¹

Ссылка для цитирования: Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Национальный культурный код: морально-нравственный аспект // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 87–119. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6; EDN: YPEACQ.

For citation: Tikhonova N. E., Karavay A. V. National Cultural Code: Moral and Ethical Aspects. *Vestnik instituta sotsiologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 87–119. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6; EDN: YPEACQ.

SPIN-код: 1448-9948

Тихонова Наталья Евгеньевна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

netichon@rambler.ru

SPIN-код: 9242-9957

Каравай Анастасия Вадимовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

karavayav@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлена попытка определить, входят ли какие-то моральные нормы в состав культурного кода россиян, а также в чем именно заключается специфика этих норм и насколько россияне единодушны в их восприятии. Для получения ответов на поставленные исследовательские вопросы с использованием больших языковых моделей AI (ChatGPT, Gemini и др.) была сформирована картина разнообразия подходов к изучению культурного кода наций в мировой науке и проведен глобальный библиометрический анализ, результаты которых также представлены в статье. На основе полученных результатов, был осуществлен эмпирический анализ данных исследований 2000, 2015 и 2024 гг. из базы Института социологии ФНИСЦ РАН, а также данных 7 волны World Values Survey (WVS). Он показал, что

¹ Статья подготовлена в рамках работ по гранту РНФ № 25-18-01067 «Ценностно-мировоззренческая мобилизация российского общества в условиях возросших угроз и вызовов суверенитету страны».

для россиян характерна специфическая система моральных норм, отличия которой и от норм, типичных для стран условного Запада, и от характерных для стран «мирового большинства», позволяют утверждать, что ряд этих норм может рассматриваться как отдельный элемент национального культурного кода. В их числе, согласно проведенному исследованию, находятся: устойчиво отрицательное отношение к гомосексуальным связям и связанным с этим аспектам образа жизни (однополые браки и т. д.) на фоне допущения достаточно большой свободы гетеросексуальных отношений; категорическое неприятие измены Родине, которое дополняется распространенностью норм, обеспечивающих мир в многонациональной и многоконфессиональной стране; отрицание допустимости обогащения за счет других. Также выявлено широкое по сравнению с другими странами распространение морального релятивизма в отношении выполнения своих обязанностей перед государством (уплата налогов и т. д.), хотя на нормативном уровне большинство россиян все же признает недопустимость уклонения от этих обязанностей. Динамический анализ показал устойчивость широкой распространенности перечисленных норм, а использование кластерного анализа продемонстрировало неоднородность россиян с точки зрения восприятия ими моральных норм и подтвердило, что некоторые из них достаточно устойчивы, чтобы быть включенными в состав культурного кода нации. Также можно считать доказанным, что сама категория культурного кода может быть применима в социологических исследованиях.

Ключевые слова: культурный код, культурная идентичность, ментальность, нормативно-ценностные системы, кросс-культурные сравнения, моральные нормы, моральный релятивизм, традиционные ценности, русская цивилизация, социальные нормы

В последние годы российские специалисты в области социальных наук все активнее начинают употреблять понятие «национальный культурный код». Это не удивительно – в условиях резкого усиления противостояния с Западом и активизации поиска национальной идентичности в условиях борьбы за новый мировой порядок понимание специфики особенностей культуры, характерной для «Русского мира», действительно является насущной необходимостью. Однако рост интереса к данной проблематике характерен не только для российских ученых. На фоне глобального столкновения цивилизаций и выхода на авансцену мировой истории стран, ранее относившихся к периферии мир-системы, растет интерес к ней и ученых других стран. Первый вопрос, который встает в этой связи, это вопрос о том, что вообще включает в себя национальный культурный код, из каких элементов он состоит? Второй – в чем специфика этих элементов и, главное, их сочетания, в разных культурных ареалах мира? Применительно к нашей стране эти вопросы дополняются еще одним вопросом – а есть ли у России та специфика ее национального культурного кода, который отличает ее не только от стран коллективного Запада, но и от стран «мирового большинства»? И есть ли страны, которые примыкают к ней по этому коду, составляя тот самый «Русский мир», судьба которого решается сейчас не только в научных дискуссиях, но и на полях сражений?

Разумеется, мы не ставим перед собой задачи ответить на все эти вопросы в рамках одной статьи, да это и невозможно. Предмет нашего исследования гораздо скромнее – это отношение россиян к определенным моральным нормам. При анализе этого отношения мы стремились не только описать его, но и дать ответ на следующие вопросы: в чем именно

заключается специфика моральных норм россиян? Насколько они едины душины в этом отношении? Входят ли какие-то моральные нормы в состав культурного кода нации в целом?

Проблематика культурного кода в литературе: основной вектор исследований и разработанность темы

Проблематика культурного кода становится в последние годы все более популярной не только в общественном дискурсе, но и в научной литературе. Так, только за период с 2014 г., когда проблема национальной идентичности резко актуализировалась в результате усиления конфронтации с коллективным Западом и поиска соответствующего базовым принципам российской цивилизации пути развития, отечественными специалистами в области социальных наук опубликовано по связанным с данной проблематикой темам, согласно данным научной электронной библиотеки Elibrary, более двух тысяч статей и книг. Спектр тематики этих публикаций очень широк. В их числе и попытки разобраться в сущности самого понятия «культурный код» [1; 9; 14; 17], и связь его с особенностями российской истории [20; 29], и его особенности в разных регионах России, у отдельных этносов или в отдельных социальных группах [6; 24; 31], и способы использования этого кода в практических целях, например в рекламе [7], и роль для него отдельных понятий (например, слова «авось [19]) и т. д. Однако комплексно особенности культурного кода русского народа в целом рассматриваются буквально в считанных публикациях [20; 11]¹, при этом сам культурный код чаще всего ассоциируется авторами с понятиями «архетип» или «менталитет».

В целом в каждой науке под культурным кодом обычно понимается что-то свое. Однако есть в его трактовках и общее: культурный код есть набор неких элементов культуры, которые наделены значимыми смыслами, отличают одну культуру от другой и обеспечивают более эффективное взаимодействие для представителей соответствующей культуры. Таким образом, культурный код в любом случае должен включать в себя элементы культуры, которые типичны для нации в целом (т. е. разделяются большинством представителей данной культуры), имеют устойчивый во времени характер, тесно связаны между собой в рамках единой системы смыслов и имеют определенную специфику на фоне культур других стран [34; 36; 37; 38; 41; 42; 43; 44 и др.]. При этом для представителей семиотики элементами культурного кода выступают знаки и символы, для культурологов и социологов – нормы и ценности, для психологов – подсознательные образы и т. д. Более того, даже среди социологов и культурологов культурный код трактуется по-разному. Так, структуралисты и постструктуралисты (К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Фуко, К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Фуко) определяют его как систему знаков, структурирующих восприятие и поведение; представители культурсоциологии (или культуральной социологии – cultural sociology) (Д. Александер и др.) – как коллективные смысловые рамки, структурирующие публичную жизнь; специалисты, фокусирую-

¹ Нельзя не упомянуть в этом контексте и такие вышедшие ранее работы как [10; 32].

щиеся на проблематике идентичностей (Э. Гоффман и др.) – как элемент механизмов маркировки «своих» и «чужих»; символические интеракционисты (Г. Блумер и др.) – как интерпретативные структуры в процессе взаимодействия; занимающиеся проблематикой ценностей и социокультурных измерений (Г. Хофстеде, Ш. Шварц, Р. Инглхарт) – как агрегированные устойчивые паттерны мышления и поведения в культурах и т. д.

Далее мы будем ориентироваться прежде всего на трактовку культурного кода в работах Дж. Александера [34], для которого культурный код представлял собой совокупность символических, поведенческих, ценностных и коммуникативных норм, характерных для определенной социальной группы и детерминирующих восприятие, интерпретацию и практики ее членов. Соответственно, структура культурного кода при таком подходе включает различные типы норм, обусловленных особенностями характерных для конкретной культуры смыслов, в том числе – и норм морали¹. Элементы культурного кода при такой его трактовке могут изменяться во времени, хотя изменения эти происходят сравнительно медленно, поскольку устойчивость – одна из сущностных характеристик культурного кода. В то же время при некоторой изменчивости норм, входящих в состав отдельных элементов культурного кода, сама структура кода (то есть наборы символических, поведенческих, ценностных и коммуникативных норм) остается неизменным. Моральные нормы входят в этой структуре в систему норм, регулирующих поведение индивидов.

Стоит подчеркнуть также, что основная масса публикаций, связанных с культурным кодом, относится в отечественных науках к культурологии, философии, лингвокультурологии, семиотике и т. д. В этом отношении они продолжают традицию, сформировавшуюся еще в XX в. – уже тогда основной вклад в работу над этой проблематикой вносили специалисты по теории культуры и лингвисты. Так, например, можно вспомнить в этой связи работы Ю. М. Лотмана – одного из первых разработчиков структурно-семиотического метода изучения культуры в советской науке [15], Б. С. Ерасова – одного из крупнейших специалистов в сфере отличия культур западного типа от западной цивилизации [4], автора концепции маятниковых циклов и роли раскола в истории России А. С. Ахиезера [2] и многих других². Современная ситуация в данной области представлена на рисунке 1, составленном на основе обращения к большим языковым моделям, а также результатов традиционных методов поиска научной информации. Он отражает частоту обращения к концепции культурного кода в академических источниках³ и демонстрирует, что это понятие активно используется буквально во всех социальных и гуманитарных науках.

¹ «За рамками» рассмотрения остаются при таком подходе знаковые системы и символы, особенности коммуникации (в том числе невербальной), также входящие в состав культурного кода.

² Эти работы – лишь отдельные примеры публикаций, относящихся к различным направлениям научных исследований.

³ Этот анализ проводился в несколько этапов. На первом из них с помощью запросов к нескольким большим языковым моделям (LLM) искусственного интеллекта (ChatGPT, Gemini, PerplexityAI, Claude, YandexGPT) были получены списки наиболее цитируемых работ и наиболее известных в данной области ученых, а также наиболее часто встречающихся терминов. Использование нескольких LLM позволило полнее оценить разнообразие изучения культурного кода в мировой

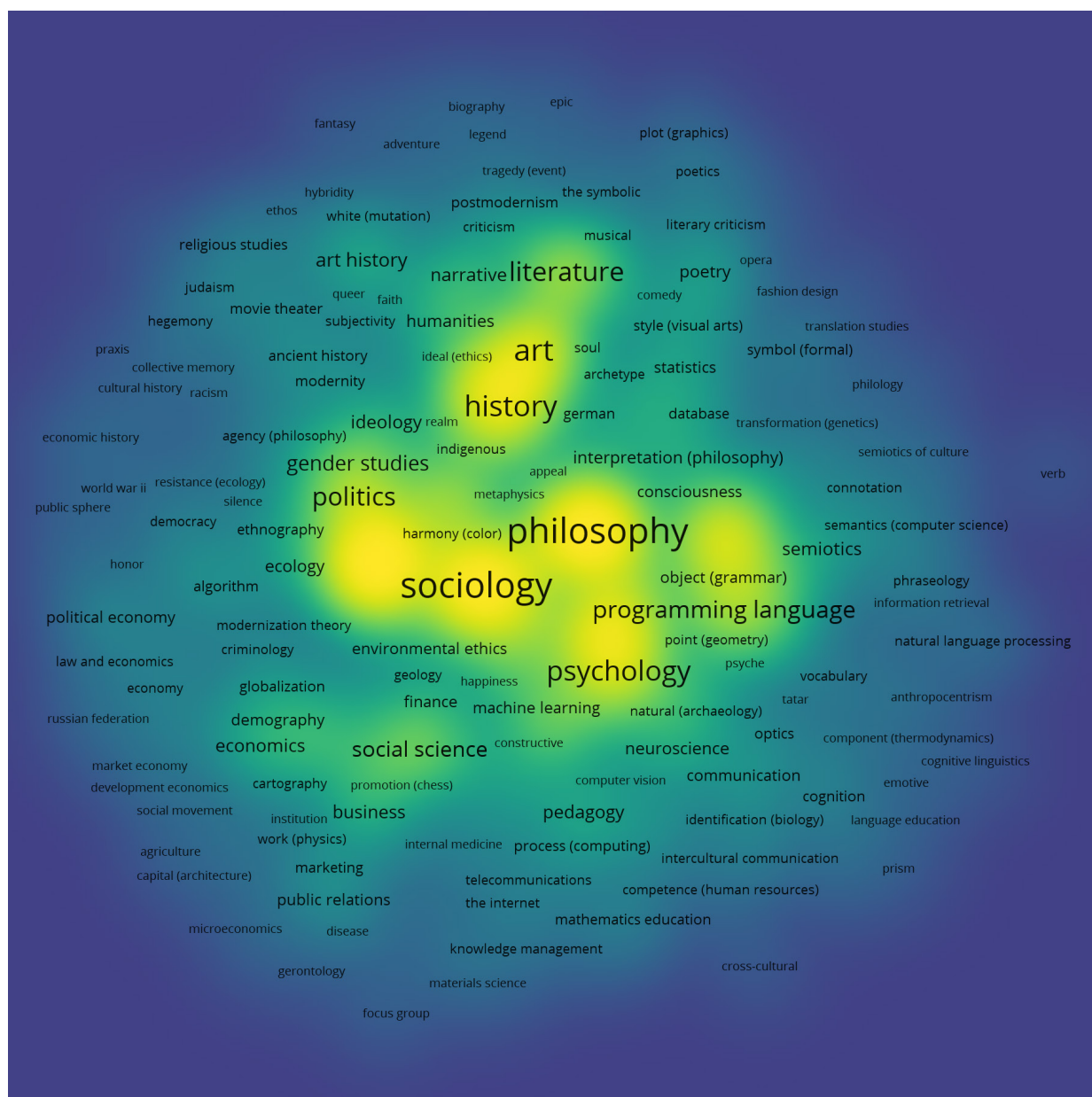

Рис. 1. Тепловая карта концентрации исследований по запросу «культурный код» в рамках разных научных направлений

Figure 1. Heat map of research concentration on the query “cultural code” within different scientific fields

Источник: OpenAlex¹ (май 2025 г.)

Несмотря на это, социологических исследований, посвященных особенностям культурного кода российской нации в целом или так называемого «русского мира», а не только представителей отдельных этносов или представителей субкультур, все еще очень мало. Конечно, это не означает, что соответствующая проблематика вообще остается за пределами внимания

науке, а также минимизировать вероятность получения недостоверных данных. На втором этапе с помощью полученных данных проводился библиометрический анализ источников в глобальных массивах научной информации ([Dimensions.ai](#), [Lens.org](#), OpenAlex и Google Scholar).

¹ Тепловая карта построена с помощью ПО VOSviewer. На рисунке показаны результаты анализа частоты встречаемости термина «культурный код» в разных областях знания – чем ярче и теплее цвет, тем чаще в соответствующей области встречается рассматриваемый термин.

При этом, несмотря на подчеркивание многими учеными роли нравственных ценностей для российской культуры и даже противопоставление ее именно по этому критерию материалистически ориентированной западной культуре, анализ морально-этического аспекта национального культурного кода на данных социологических исследований в литературе представлен более чем скромно. К числу немногих исключений относятся буквально считанные работы [18; 22; 23], хотя сами особенности взглядов россиян на мораль и их отношения к различным моральным нормам постоянно находятся в поле зрения российских социологов. Можно сказать, что в этом отношении российские социологи следуют в фарватере западной науки (а вслед за ней и науки стран «мирового большинства»), в которой данный аспект проблематики культурного кода, несмотря на значительное смещение акцентов в его изучении на протяжении последних 35 лет (рис. 2), находится на периферии внимания исследователей.

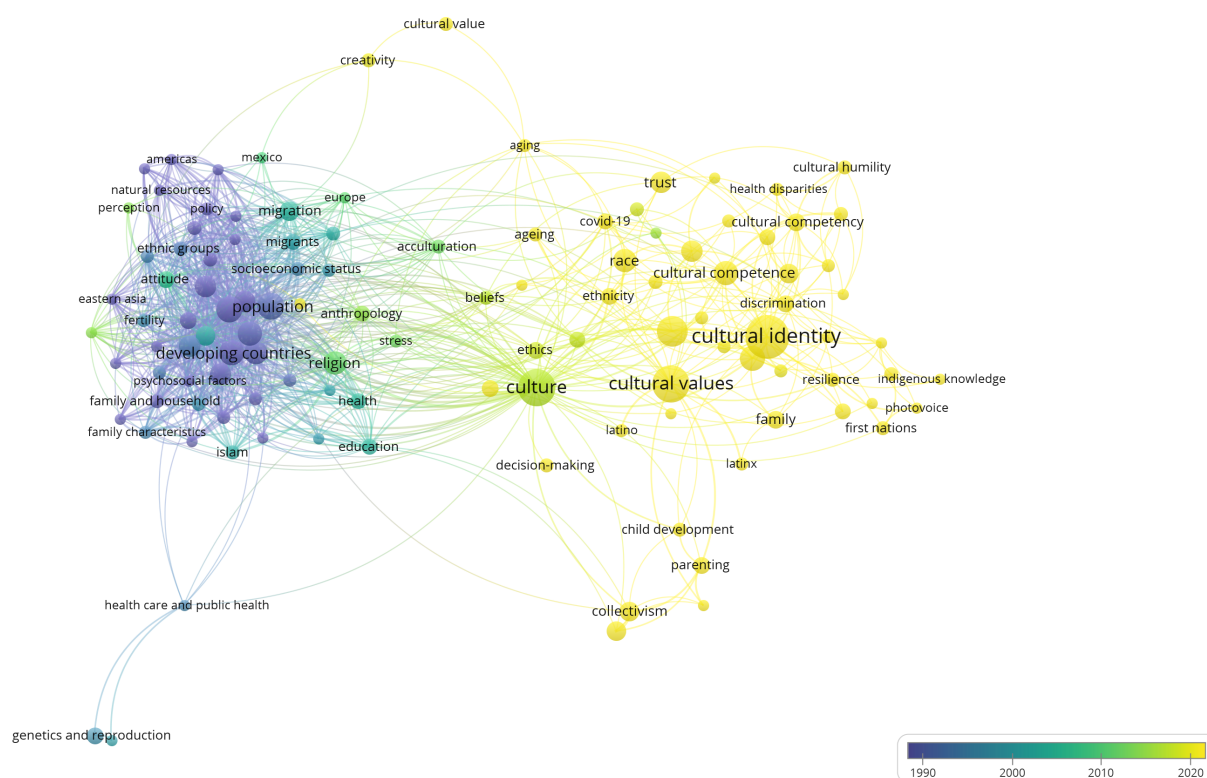

Figure 2. Shift in the focus of social research on the cultural code from 1990 to 2025 (May 2025)

Источник: Dimensions.ai¹

¹ Рисунок построен с помощью ПО VOSviewer. На рисунке представлена динамика контекста, в который встраивалось рассматриваемое понятие на протяжении всего периода публикации доступных в соответствующей базе статей.

В то же время нельзя сказать, что в остальном российские ученые следовали по характерному для мира в целом вектору изучения культурных кодов. Как видно на рисунке 2, этот вектор существенно видоизменялся и прошел в ходе своей трансформации несколько этапов, отражая все более глубокое понимание исследователями внутренней структуры культурного кода представителей различных сообществ (наций, локальных сообществ, представителей субкультур и т. д.). Для первого из них (1990-е гг.) характерна была концентрация на проблематике факторов успешности развития как отдельных стран, так и целых регионов мира (в т.ч. роль природных ресурсов, этнического состава населения, его здоровья и т. п.), т. е. культурный код интересовал исследователей прежде всего как фактор развития. Этот его аспект всегда интересовал отечественных исследователей мало, и сейчас находится на периферии их интересов.

Второй этап анализа проблематики культурного кода (2000-е гг.) ознаменовался продолжением и развитием этих линий анализа. Однако при этом произошло смещение фокуса внимания исследователей от американского континента к Европе, повысился их интерес к проблематике миграции и мигрантов. Гораздо большее внимание стали привлекать проблемы образования и воспитания как факторов его освоения т. д.

Третий этап изучения культурного кода (2010-е гг.) продемонстрировал сдвиг фокуса внимания исследователей к проблемам культуры в широком смысле этого слова. Этот сдвиг отразился и на отдельных сюжетах. Так, от проблематики мигрантов внимание переключилось на проблему взаимовлияния культур и интеграции в другую культуру с освоением ее норм, ценностей и традиций. Тогда же впервые в числе основных направлений научных исследований, связанных с изучением культурного кода социологами, появляется и проблематика этических норм.

Наконец, четвертый этап (2020-е гг.) продемонстрировал еще большую выраженность этого тренда. При всем многообразии сюжетов, которые связываются сейчас авторами с проблематикой культурного кода, однозначно доминируют над всем остальным проблемы идентичностей и ценностей как ядра любой культуры. Учитывая это не удивительно, что ключевое место среди работ социологов, связанных с данной проблематикой, занимают труды Р. Инглхарта и Ш. Шварца [43; 48] (рис. 3). Отметим, однако, что, хотя в целом рисунок 3 позволяет представить себе «расстановку сил» на поле исследований культурного кода, однако он далеко не полон. Так, например, на нем отсутствует Г. Хофстеде, внесший своей типологией культурных измерений огромный вклад в анализ ментальных основ различных культур [42].

Не представлены на рисунке 3 и российские социологи. Отчасти это связано с тем, что понятие культурных кодов начало использоваться ими сравнительно недавно, а до этого проблемы ключевых характеристик нормативно-ценностных систем россиян и стоящих за ними смыслов не связывались ими с проблематикой культурного кода. Отчасти же такая ситуация обусловлена внешними ограничениями, прежде всего – изолированностью русскоязычной литературы в преимущественно англоязычном

научном пространстве. Тем не менее, российскими социологами и социальными психологами (А. В. Андреевской, Е. Н. Даниловой, Н. И. Лапиным, Н. В. Латовой, Н. М. Лебедевой, В. С. Магуном, М. Г. Рудневым, А. Н. Татарко и др.) была проделана в данном направлении большая работа, хотя моральная составляющая этого кода и сейчас продолжает оставаться для отечественных ученых во многом «terra incognita».

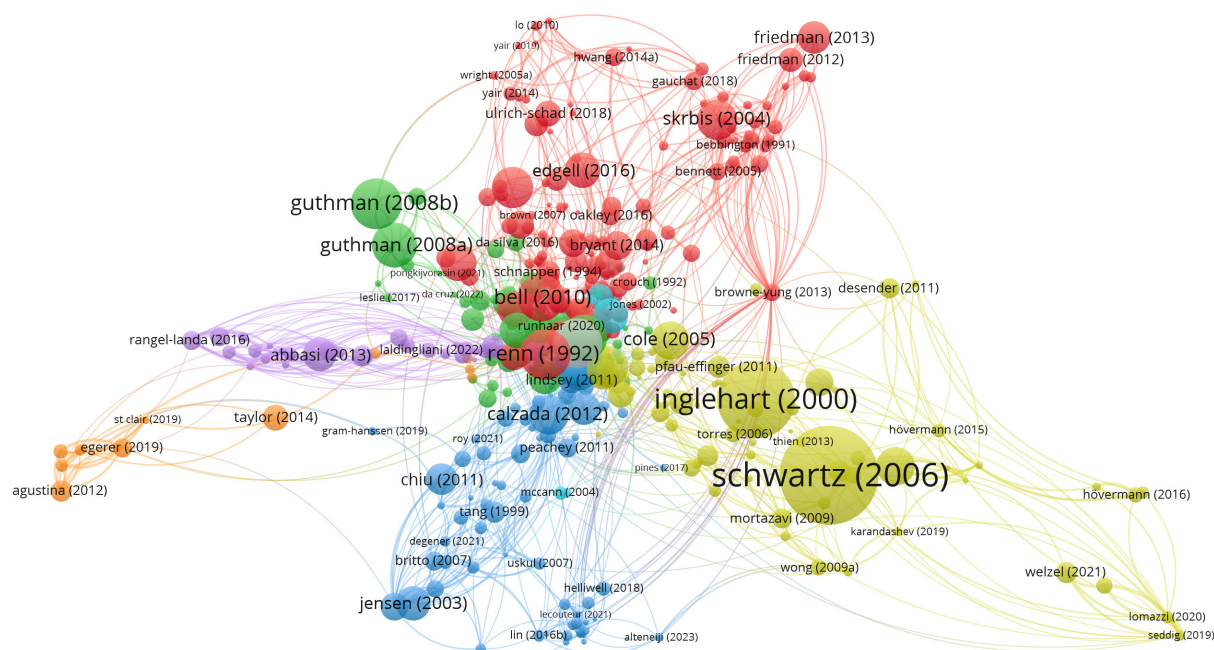

Рис. 3. Представители социальных наук, внесшие в последние десятилетия основной вклад в изучение культурных кодов (май 2025 г.)

Figure 3. Social scientists who have made major contributions to the study of cultural codes in recent decades (May 2025)

Источник: Dimensions.ai¹

Что же касается зарубежных исследований данной проблематики, то библиометрический анализ открытых научных данных² выявил четыре основных тематических кластера в исследованиях взаимосвязи культур-

¹ Кластеризация работ проводилась с помощью ПО VOSviewer на основе выгрузки библиометрических данных с портала Dimensions.ai по запросу «культурный код». На рисунке показаны представители разных тематических полей. Размер «узла» говорит о том, насколько авторитетна работа для представителей соответствующего кластера. Следует отметить, что само предметное поле, связанное с понятием «культурный код», оказалось в высокой степени фрагментированным – алгоритмы программы выделили свыше 200 тематических кластеров. На рисунке представлены 7 самых крупных из них. Красный кластер включает работы, относящиеся к культурным особенностям поведения [38; 46 и др.]; желтый – анализ кросс-культурных различий [36; 43; 48 и др.]; синий – проблемы миграции и адаптации мигрантов в новой культурной среде в условиях глобализации [34 и др.]; зеленый – специфику продуктов разных культур и национальной кухни [39 и т. д.]; фиолетовый – ценности для здоровья продуктов из разных культур [33 и др.]; голубой – различия в восприятии медицины и болезней в разных культурах [47 и др.]; оранжевый – сохранение мигрантами своей культурной самобытности [49 и др.].

² Библиометрический анализ проводился на выгрузке данных (15011 источников) с платформы Lens.org по ключевым словам в статьях из раздела «Социология». При анализе использовались понятия: “Moral Foundations Theory”, “Moral Norms”, “Value Systems”, “Moral Relativism”, “Ethical Imperatives”.

ного кода и морально-этических норм: институциональный (связанный с законами, институтами и формированием моральных норм «сверху»), социокультурный (охватывающий роль специфики ценностных систем, идентичностей, социальных ролей и т. д. для моральных норм), образовательно-воспитательный (фокусирующийся на роли особенностей социализации в условиях разных культур для морального облика личности) и практический (отражающий особенности повседневной этики в определенных условиях, например в период ковид-пандемии).

В нашей статье мы хотели бы ответить на встающие на фоне актуализации в современных условиях проблематики культурного кода населения нашей страны вопросы о том, как относятся ее граждане к различным моральным нормам? Что является для них «моральными максимумами» и насколько они в этом единодушны? Отличаются ли они в этом отношении от жителей других стран и регионов мира? Главным же исследовательским вопросом выступит вопрос о том, является ли отношение россиян к регулирующим поведение человека моральным нормам составляющей их национального культурного кода.

Для ответа на этот вопрос нами использовались две базы данных. Одна из них представляла собой базу данных Института социологии ФНИСЦ РАН, и прежде всего массив данных 15 волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, проведенной в апреле 2024 г. ($n = 2000$). Этот Мониторинг проводится уже более 10 лет по общероссийской выборке, репрезентирующей население страны по Федеральным округам, а внутри них – по типам поселений, возрасту и полу. В анкете опроса присутствовал вопрос «Какие из следующих поступков, на Ваш взгляд, никогда не могут быть оправданы, какие допустимы иногда, а к чему надо относиться снисходительно?». Для оценки динамики морально-нравственных установок россиян использовались также данные 2 волны этого Мониторинга, проходившей в марте 2015 г. ($n = 4000$) с построенной по тем же принципам выборкой¹ и исследования «Россияне о судьбах России в XX в. и своих надеждах на новое столетие»² ($n = 1776$), проведенного в марте 2000 г. с той же моделью выборки, что и в Мониторинге ИС ФНИСЦ РАН, только вместо отсутствовавших тогда Федеральных округов на первом этапе построения выборки использовались данные по 13 территориально-экономическим районам согласно районированию Росстата. Упомянутый выше вопрос анкеты во всех этих исследованиях задавался в одной и той же формулировке, хотя набор действий, отношение к которым надо было определить, совпадал не полностью: 7 из 19 действий, отношение к которым замерялось в 2024 г., присутствовали во всех трех опросах; еще 3 вида действий – в опросах 2000 и 2024 гг.; 6 – в опросах 2015 и 2024 гг.; 1 – в опросах 2000 и 2015 гг. Новыми в опросе 2024 г. стали 2 вида действий: воспитание детей однополыми парами и эвтаназия.

¹ Подробнее см. об этом исследовании [21].

² Подробнее см. об этом исследовании [8].

Второй базой данных, использованной в исследовании, была база World Values Survey (WVS) – международного исследовательского проекта, в котором участвуют десятки стран¹. Для анализа специфики отношения россиян к ряду моральных норм были использованы данные 7-й волны этого исследования, проходившей в России в 2017 г. (для России $n = 1810$).

Конечно, четверть века для анализа динамики моральных норм как составной части культурного кода – сравнительно небольшой временной отрезок, и это можно отнести к числу ограничений представленного исследования. Однако, учитывая насыщенность этих нескольких десятилетий, «спрессованность» в них исторического времени, а также по крайней мере дважды произошедшую за период с 2000 г. смену установок в ключевой для любой культуры дилемме «коллективизм – индивидуализм», устойчивость части этих норм на фоне изменчивости других позволяет выделить то их «ядро», которое безусловно входит в состав культурного кода россиян, а анализ специфики этих норм в сравнении с отношением к ним представителей других стран вносит в эту картину дополнительные штрихи.

Отношение россиян к некоторым нормам морали и его динамика

Как свидетельствуют эмпирические данные, россиян нельзя считать моральными релятивистами – по подавляющему большинству действий, представленных в таблице 1, они являются сторонниками позиции «Никогда не может быть оправдано». Фактически есть только два вида действий, которые большинство россиян считает допустимыми – это эвтаназия и аборт. И то, и другое отражает низкую ценность чужой жизни в системе ценностей россиян, отсутствие ее сакральности. При этом самоубийство ими осуждается, что отражает значимость собственной жизни.

Интересно, что наиболее широко распространено осуждение действий, относящихся к взаимодействию с другими людьми или реализуемых в индивидуальном порядке (употребление наркотиков, самоубийство, жестокое отношение к животным). Что же касается норм, регулирующих отношения индивида с государством, то с ними картина иная. Даже измена Родине не является в этом отношении исключением, поскольку Родина – это все-таки не государство. Обратим внимание и на то, что обогащение за счет других осуждается подавляющим большинством россиян, а следовательно вопрос о легитимности приобретенных в последние десятилетия состояний продолжает оставаться актуальным в глазах населения страны. Помимо того, что эти состояния, чтобы иметь моральное оправдание, должны быть заработаны честно, они должны быть сформированы за счет собственных усилий, знаний и способностей. Это важно, поскольку такой настрой населения создает благоприятные условия для национализации многих структур негосударственного сектора при полной поддержке

¹ Официальный сайт исследования: www.worldvaluessurvey.org.

общества. Даже среди родившейся уже после начала рыночных реформ 1990-х гг. молодежи норму об абсолютной недопустимости обогащения за счет других разделяют 73% (при 87% среди тех, кто старше 65 лет).

Таблица 1 (Table 1)

Нормативное отношение россиян к ряду действий, которые в российской культуре традиционно осуждаются, 2024 г., %
(отранжировано по доле ответивших «Никогда не может быть оправдано»)¹
Normative attitude of Russians towards actions that are traditionally condemned in Russian culture, 2024, % (sorted by response to “Never can be justified”)

Действия	Никогда не может быть оправдано	Иногда это допустимо	К этому надо относиться снисходительно
Употребление наркотиков	91	6	3
Измена Родине	88	7	4
Однополые браки	87	6	7
Воспитание детей однополыми парами	86	9	5
Гомосексуализм	84	7	9
Оскорбление чувств верующих	83	11	6
Самоубийство	80	13	6
Жестокое обращение с животными	80	16	4
Обогащение за счет других	79	16	4
Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей	74	20	6
Проституция	73	15	11
Дача/получение взятки	71	23	5
Пьянство, алкоголизм	68	20	12
Уклонение от уплаты налогов	66	26	7
Хамство, грубость, нецензурная брань	66	27	7
Уклонение от службы в армии	54	33	13
Эвтаназия	50	35	15
Аборт	27	51	22

Источник: опрос ИС ФНИСЦ РАН.

Во вторую группу норм, разделяемых большинством россиян, хотя уже и не подавляющим их большинством, попали все нормы, регулирующие отношения граждан с государством, а также ряд норм, не просто регулирующих межличностные отношения, но и относящихся к уголовно наказуемым деяниям. Такое отношение россиян к этим нормам говорит о слабой моральной легитимации соответствующих запретов.

¹ Зеленым фоном выделены действия, по которым доля считающих, что они никогда не могут быть оправданы, превышает ¼ опрошенных, желтым – где она составляет большинство, но менее ¾, а розовым – где она менее 50%. Затруднившиеся с ответом в таблице не представлены, т. к. по всем позициям кроме эвтаназии их было менее 1%.

Наконец, не воспринимаются большинством россиян как требующие осуждения уже упоминавшиеся эвтаназия и аборт. При этом в отличие от ряда других норм, по которым молодежь занимает менее жесткую позицию, отношение к аборту не зависит от возраста. Что же касается эвтаназии, то молодежь относится к ней более лояльно, чем россияне старше 35 лет (ее осуждают только 45% молодежи при 52% среди остальных россиян).

Насколько устойчивы соответствующие моральные нормы? Рассмотрим сначала те из них, по которым есть данные, чтобы оценить как изменилась распространенность этих норм за последние четверть века (рис. 4).

Рис. 4. Динамика осуждения россиянами отдельных действий, негативно оцениваемых официальной моралью, 2000–2024 гг., %¹
Figure 4. Dynamics of Russians’ condemnation of certain actions that are negatively evaluated by official morality, 2000–2024, %

Источник: я опрос «Россияне о судьбах России в 20-м веке и своих надеждах на новое столетие» РНИСиНП 2000 г. и Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г.

Первое, что обращает на себя внимание на рисунке 4 – это то, что ано-
мия 1990-х гг. по большинству норм постепенно преодолевается. Ярче всего
это видно на таких нормах, регулирующих отношения индивида с государ-

¹ В группу «Распространенность не изменилась» включены действия, по отношению к которым изменения в ответах «Никогда не может быть оправдано» находились в пределах статисти-
ческой погрешности.

ством, как отношение к уплате налогов и уклонение от службы в армии. Это говорит о росте легитимности деятельности российского государства в глазах россиян. Гораздо менее терпимо, чем по итогам «лихих 90-х» стали относиться россияне и к проституции, абортам, самоубийству.

Если же говорить о более коротком временном периоде, а именно десятилетии с 2015 по 2024 гг., то обращает на себя внимание прежде всего устойчивость отношения населения страны в этот период ко многим нормам (рис. 5). Это, казалось бы, заставляет предполагать, что основной «рывок» в преодолении аномии 1990-х гг. пришелся на 2000-е гг. Однако данные свидетельствуют о том, что динамика была более сложной – одни нормы, например регулирующие отношение к проституции, действительно ужесточились еще в 2000-е гг., и в 2015 г. ее осуждали уже 73%, что совпадает с данными 2024 г. Та же тенденция характерна и для отношения к употреблению наркотиков или жестокого обращения с животными. Однако другие, как нормы, осуждающие уклонение от уплаты налогов или от службы в армии, оставались в 2015 г. еще практически на уровне 2000 г., а изменения отношении к ним россиян к 2024 г. объясняются, видимо, событиями последних лет.

Рис. 5. Динамика осуждения россиянами отдельных действий, негативно оцениваемых официальной моралью, 2015–2024 гг., %¹
Figure 5. Dynamics of Russians’ condemnation of certain actions that are negatively evaluated by official morality, 2015–2024, %

Источник: Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г.

¹ В группу «Распространенность не изменилась» были включены все действия, по отношению к которым изменения в ответах «Никогда не может быть оправдано», находились в пределах статистической погрешности.

Все это говорит о том, что отношение россиян к части норм зависит от внешних обстоятельств и не может рассматриваться как элемент национального культурного кода, в то время как другие могут претендовать на этот статус. Таковы, прежде всего, нормы, которые устойчиво разделяются более чем 70% населения на протяжении по крайней мере последней четверти века, вместившей в себя очень много разных событий. В их число, наряду с такими общечеловеческими нормами как недопустимость употребления наркотиков, входят нормы, отражающие условия для успешного многовекового сосуществования в рамках одной страны представителей разных этносов и конфессий (недопустимость публичного проявления неприязни к представителям других национальностей или оскорбления чувств верующих), говорящие о толерантности в отношении традиционных для нашей страны особенностей ее населения как о базовых элементах национального культурного кода. Относится к ним и категорическое осуждение измены Родине. Несколько неожиданным после почти четырех десятилетий экономических реформ, но бесспорным элементом культурного кода выступает и недопустимость обогащения за счет других, характерная даже для трех четвертей родившейся уже в XXI столетии молодежи.

Насколько уникальны особенности отношения россиян к ряду моральных норм? По данным World Values Survey (VWS)¹ такая уникальность просматривается. В WVS в вопросе о допустимости тех или иных предполагающих оценку с позиций морали действий используется десятибалльная шкала, предусматривающая ответы от «Никогда не допустимо» до «Всегда допустимо». Для сравнения отношения к ряду моральных норм в России и других странах, представленных на рисунке 6, мы выбрали из данных этого международного исследования 6 действий разного характера (набор действий, отношение к которым замеряется в WVS, не полностью совпадает с их набором в Мониторинге ИС РАН). Что же касается стран, то мы сравнивали 8 крупных и достаточно развитых государств, которые имеют очень разную историю, а население которых многонационально и исповедует различные религии. Кроме того, Казахстан имеет во многом общее с Россией историческое прошлое.

Как видно на рис. 6, Россия по особенностям распространения в ней 6 рассматриваемых моральных норм занимает промежуточное положение между странами коллективного Запада (представленным на рисунке синим цветом) и «мирового большинства» (данные по которым даны на нем зеленым цветом). Однако при этом в ней самое толерантное из 8 рассматриваемых стран отношение к уклонению от уплаты налогов. Кроме того, в ней наиболее высокие показатели толерантности к взяточничеству, также наносящего вред государству. Наконец, толерантность отношения россиян к абортam нехарактерна для стран «мирового большинства», к которым она тяготеет в целом чуть сильнее, чем к западным странам.

¹ Официальный сайт исследования: www.worldvaluessurvey.org. См. также [40].

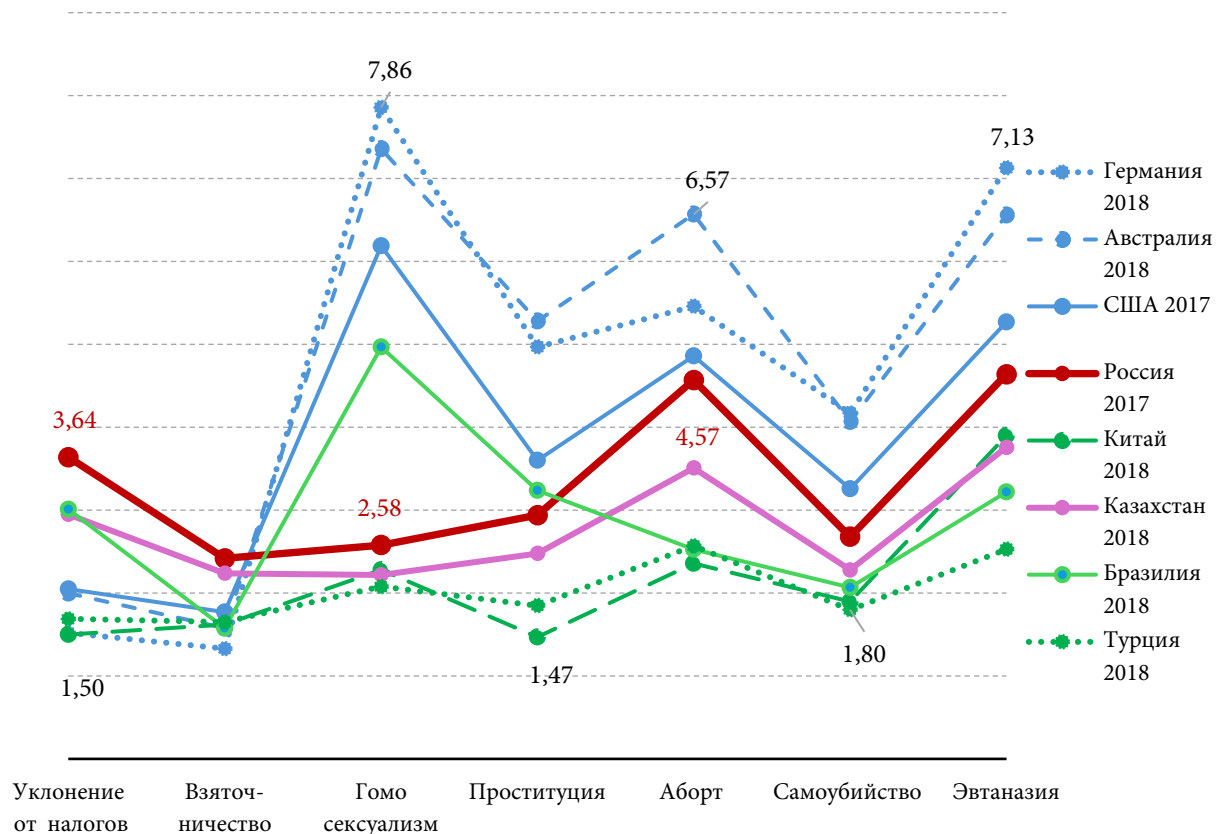

Рис. 6. Средний балл оценок россиянами и гражданами 7 других государств допустимости отдельных действий по десятибалльной шкале, где 0 означает «Никогда не может быть оправдано», а 10 – «Всегда может быть оправдано», отражающий отношение, 7 волна WVS¹

Figure 6. Average score of Russians and citizens of 7 other countries on the permissibility of certain actions on a 10-point scale, where 0 – “Never can be justified” and 10 – “Always can be justified,” reflecting the attitude, 7 wave WVS

Источник: опросы World Values Survey 2017–2018 гг.

Тем не менее, при всей ее специфичности, такая картина не уникальна – ситуация в Казахстане очень близка к российской, а сам Казахстан, как и Россия, занимает в отношении рассматриваемых моральных норм промежуточное положение, хотя у него это выражено менее ярко. Это говорит о роли для восприятия моральных норм не только специфики культуры, связанной с цивилизационными особенностями, но и исторического прошлого, в данном случае – включенности по крайней мере на протяжении последних двух веков в орбиту «Русского мира».

С учетом же дискурса о роли культуры для формирования моральных норм все это означает, что для россиян характерен определенный морально-правовой нигилизм в отношении своих обязанностей перед государством, а также негативное (и, как было показано выше, очень

¹ Данные по каждой из представленных на рисунке 6 стран взяты с официального сайта исследования. Представленные на рисунке вопросы в анкетах WVS идут под № Q 180–181 и 187–188. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения 13.06.2025).

устойчивое) отношение к гомосексуальным отношениям. Кроме того, данные WVS позволяют говорить об их довольно толерантном на фоне стран «мирового большинства» подходе к моральным нормам, регулирующим отношения в сексуальной сфере. Так, добрый секс набрал в России 6,07 балла при 3,68 в Китае, 2,35 в Турции, 5,96 в Бразилии. Весьма толерантны россияне и к разводам, которые они в массе своей считают оправданными (6,09 балла при 3,69 в Китае, 4,40 в Турции и 6,22 в Бразилии). Что же касается сакральности жизни, то в этом отношении россияне однозначно занимают промежуточную позицию между западной и незападной культурами. Таким образом, культурная специфика России очевидна, но состоит она не только в ее непопадании в поле западной культуры или культуры стран «мирового большинства», но и в структурных особенностях распространённости определенных моральных норм. При этом позиция населения страны в отношении к своим обязанностям перед государством подводит к выводу, что культурный код может содержать как позитивные (способствующие развитию страны), так и негативные элементы. В то же время, как видно из данных рисунка 4, этот нигилизм за последние четверть века заметно уменьшился, хотя и остается характерной особенностью системы моральных норм населения страны.

В контексте выделения элементов национального культурного кода среди различных моральных норм важно также, что среди россиян есть и те, кто не разделяет характерные для подавляющего их большинства моральные нормы. Это ставит вопрос о необходимости структурирования представителей массовых слоев по их отношению к нормам морали. Данная задача решалась нами с помощью двухэтапного кластерного анализа, позволившего выделить 4 кластера, наибольший из которых включал 701 респондента, а наименьший – 361. Дальнейший анализ показал, что их представители различаются числом моральных норм, которые разделяет большинство в каждом из них, а также ранговым порядком этих норм. С определенной долей условности мы дали этим кластерам названия в диапазоне от «моралистов-максималистов» до «моральных релятивистов». Условность соответствующих названий связана с тем, что даже среди «моральных релятивистов» большинство все-таки принимало 5 норм из 18, а среди «условных релятивистов» большинство разделяло даже почти 2/3 норм, отношение к которым замерялось в опросе (табл. 2).

Из данных таблицы 2 хорошо видно, какие именно нормы разделяются даже «условными релятивистами», а какие – постепенно размываются и слабеют по мере движения от «моралистов-максималистов» к «моральным релятивистам». Если первыми осуждаются все рассматриваемые действия, то уже среди «сторонников большинства моральных норм» распространённость осуждения основной части этих действий ослабевает, а эвтаназия и особенно аборт уже даже воспринимаются как допустимые.

Таблица 2 (Table 2)

Отношение к некоторым моральным нормам в кластерах россиян, различающихся жесткостью их взглядов в отношении морали, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г.¹
Attitude to certain moral norms in clusters of Russians who differ in the rigidity of their views on morality, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 2024

Считают, что никогда не может быть оправдано	Моралисты-максималисты (24%)	Сторонники большинства норм (35%)	Условные релятивисты (23%)	Моральные релятивисты (18%)
Однополые браки	100	99	96	37
Воспитание детей однополыми парами	100	99	94	36
Гомосексуализм	100	94	98	29
Измена Родине	100	94	98	51
Употребление наркотиков	100	99	89	65
Самоубийство	100	90	77	41
Оскорбление чувств верующих	100	94	74	50
Проявление неприязни к другим национальностям	98	82	51	58
Жестокое обращение с животными	98	84	63	70
Обогащение за счет других	99	88	76	40
Проституция	100	82	71	25
Хамство, грубость, нецензурная брань	97	74	51	28
Пьянство, алкоголизм	100	74	47	40
Дача/получение взятки	99	88	46	31
Уклонение от уплаты налогов	100	88	29	28
Уклонение от службы в армии	99	62	25	14
Эвтаназия	99	42	39	14
Аборт	70	11	24	7
Сколько действий считает никогда не допустимыми	18 из 18	15 из 18	11 из 18	5 из 18

Источник: Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г.

¹ Желтым фоном выделены значения более 50%, но менее 90%. Зеленым фоном – 90% и более. Жирным шрифтом выделены три максимальных значения в каждом кластере.

«Условные релятивисты» в массе своей воспринимают как допустимые дополнительно к ним уклонение от службы в армии и от уплаты налогов, взяточничество, а также пьянство. Первые три из этих 4 позиций относятся к упоминавшимся выше особенностям отношения россиян к своим обязанностям перед государством. Соответственно, «размытость» моральных норм начинается с делегитимизации тех из них, которые относятся к взаимоотношениям индивида и государства. Однако при этом для них (как и для «условных релятивистов») абсолютно недопустимым остается все связанное с гомосексуальными отношениями, а также измена Родине. Это, как и устойчивость данных норм во времени или связь их между собой, позволяет утверждать, что они относятся к ядру норм, входящих в культурный код нации. В отношении гомосексуализма это видно также из международных сравнений. Можно отнести к этому ядру также относящиеся к самосохранительным нормам «общечеловеческого» характера запреты на употребление наркотиков и самоубийство, а также специфическое для России осуждение таких действий как обогащение за счет других и оскорбление чувств верующих. Все они даже среди условных релятивистов однозначно осуждаются более чем $\frac{3}{4}$ соответствующего кластера.

Подчеркнем также, что измену Родине считает недопустимой большинство даже среди «моральных релятивистов», хотя ко всему, связанному с гомосексуальными отношениями, они (и только они) относятся вполне толерантно. На первый взгляд, это говорит о том, что «моральных релятивистов» характеризует принятие так называемых «западных ценностей». Однако на самом деле для этого кластера характерна скорее аномия, чем восприятие права на гомосексуальные отношения как ценности. Во всяком случае, такая гипотеза напрашивается исходя из состава данного кластера – в нем относительно часто можно встретить рабочих и рядовых работников торговли (продавцов, кассиров и т. п.) (42 при 26% среди моралистов-максималистов). В то же время для специалистов на должностях, предполагающих высшее образование, ситуация обратная – их больше среди «моралистов-максималистов» (23 против 14% у «моральных релятивистов»). При этом среди «моральных релятивистов» чаще встречаются жители сельской местности (38% жителей сел и поселков городского типа при 29% среди моралистов-максималистов). Шире представлена в их составе и молодежь до 35 лет (39 при 22% среди «моралистов-максималистов»), а также атеисты и «внеконфессиональные верующие» (20 и 13% соответственно при 9 и 5% в составе «моралистов-максималистов»). Учитывая отношение к религии в современной России, это говорит, на наш взгляд, впрочем, не столько даже об особенностях их религиозных взглядов, сколько о нонконформизме как важной черте их психологического портрета.

Статистическая проверка связей принадлежности к тому или иному кластеру и отношения к различным нормам с помощью коэффициента корреляции Спирмена показала, что сильнее всего значимость различных моральных норм для представителей 4 рассматриваемых кластеров проявляется в их отношении к такому действию как уклонение от уплаты

налогов (коэффициент корреляции Спирмена 0,607). Выше мы уже не раз определяли толерантность к нему россиян как характерную особенность моральной составляющей их культурного кода, хотя на нормативном уровне уклонение от уплаты налогов большинством из них все же не приветствуется. Высокие значения коэффициента корреляции Спирмена были также у отношения к уклонению от службы в армии (0,585) и даче или получению взятки (0,562), то есть у тех моральных норм, которые тоже относятся к нормам, регулирующим взаимодействие граждан с государственными институтами.

С содержательной точки зрения интересным представляется разница у представителей разных кластеров отношения к эвтаназии – только среди «моралистов-максималистов» ее осуждают почти 100%, в то время как в трех остальных кластерах большинство ее допускает. Таким образом, отношение к эвтаназии является с точки зрения жесткости моральных норм очень значимым дифференцирующим фактором, а ее отрицание является единственным качественным отличием кластера «моралистов-максималистов» от трех остальных. Лояльное отношение к ней у большинства в трех кластерах россиян, не относящихся к максималистам в отношении норм морали, говорит о том, что возможно быстрое изменение позиции в отношении ее значительной части населения. Разумеется, речь в данном случае идет не о тех россиянах, для которых ее отрицание обусловлено их отношением к жизни как сакральной ценности, но последние на три четверти входят в число «моралистов-максималистов». Из этого следует, что необходима подготовка к совершенствованию регулирующего эвтаназию законодательства, которая, учитывая сложность данной проблемы, наверняка займет немало времени.

В контексте характерности разных норм для представителей двух пар кластеров, т. е. (1) абсолютных или относительных моралистов и (2) условных или безусловных моральных релятивистов, интересно также, что кластерный анализ, проведенный на данных 2015 г., продемонстрировал во многом схожую картину их численности и характерных для них норм. Тогда основные различия этих пар кластеров тоже относились не столько к нормам, регулирующим межличностные отношения или касающимся самого человека, сколько к действиям, относящимся к обязанностям индивидов перед государством. Это подтверждает сделанный выше вывод о том, что разложение традиционных для россиян моральных норм (как и их восстановление, что видно на примере преодоления морального релятивизма 1990-х годов в последние четверть века) начинается с изменения восприятия действий, регулирующих отношения индивидов с государством. Это значит также, что отношение именно к этим действиям в наибольшей степени зависит от внешней обстановки и политики самого государства. Наконец, поскольку отношение к этим действиям закреплено законодательно, а не только в морали, речь в данном случае может идти и о правовом нигилизме значительной части россиян, а не только об их моральном релятивизме.

В контексте обсуждения в мировой науке специфики моральных норм в культурах разного типа внимания заслуживает также связь отношения к различным осуждаемым официальной моралью действиям с базовыми ценностями и установками представителей различных кластеров. Как показал анализ¹, теснее всего деление на кластеры связано (табл. 3) из 600 с лишним переменных массива 2024 г. с патриотическими ценностями (или их отсутствием), а также с обусловленными неоэтакратическим характером развития нашей страны на протяжении столетий [26; 30] установками, отражающими понимание цивилизационной специфики России. Это говорит о значимости особенностей системы моральных норм для национального культурного кода.

Таблица 3 (Table 3)

Некоторые особенности ценностей и связанных с видением цивилизационной специфики России установок в кластерах россиян, различающихся жесткостью их взглядов в отношении морали, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г.²
(отранжировано по величине разрыва между полярными кластерами)
Some features of values and attitudes related to Russia’s civilizational specificity in the clusters of Russians who differ in the severity of their views on morality, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 2024 (sorted by the magnitude of the gap between the polar clusters)

Особенности взглядов	Моралисты-максималисты	Сторонники большинства норм	Условные релятивисты	Моральные релятивисты	Разрыв, п.п.
Ценности и установки					
Считают, что Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать	57	48	43	28	29
Считают, что Россия – особая цивилизация, в ней никогда не при-вьется западный образ жизни	80	78	78	55	25
Считают, что инди-видуализм, либе-рализм и западная демократия россия-нам не подходят	79	72	69	54	25

¹ Использовалась разновидность корреляционного анализа, основанного на показателях хи-квадрата в программе Chi-squared Automatic Interaction Detector (Chaid).

² Желтым фоном выделены значения, превышающие 50% для тех ценностей и установок, которые разделялись большинством не во всех кластерах.

Продолжение таблицы 3

Особенности взглядов	Моралисты- максималисты	Сторонники большинства норм	Условные релятивисты	Моральные релятивисты	Разрыв, п.п.
Ценности и установки					
Считают, что если СМИ или блогеры нарушают инте- ресы государства, их свободу следует ограничить	77	77	72	54	23
Считают, что люди должны поддержи- вать свою страну, даже если она не права	72	62	56	46	26
Считают, что Россия не должна стремиться к укреп- лению державной мощи, лучше поза- ботиться о благосо- стоянии собствен- ных граждан	26	34	38	47	21
Считают, что пра- вительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют ин- тересы государства	64	52	53	47	17
Не готовы пожерт- вовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей	49	58	65	61	12

Источник: Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г., расчеты авторов.

Дополнительную информацию о связи деления на кластеры с разным набором моральных норм и особенностей национального культурного кода дает то, что представители разных кластеров очень сильно различаются по своим политическим ориентациям, а также характерным для них идентичностям и уровню доверия как к политическим институтам (табл. 4), так и к окружающим их людям. Так, даже родственникам среди моральных релятивистов доверяют менее половины (45%) при том, что в остальных кластерах таких большинство, а среди «моралистов-максималистов» – даже 70%. Интересно при этом, что Церкви (РПЦ МП), Президенту и Правительству РФ россияне доверяют чаще, чем родственникам. Это верно (за исключением отношения к Церкви) даже для «моральных релятивистов».

Таблица 4 (Table 4)

Некоторые особенности политических установок и институционального доверия в кластерах россиян, различающихся жесткостью их взглядов в отношении морали, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г.¹ (отранжировано по величине разрыва между полярными кластерами)

Some features of political attitudes and institutional trust in clusters of Russians who differ in the rigidity of their views on morality, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 2024 (sorted by the magnitude of the gap between the polar clusters)

Установки	Моралисты-максималисты	Сторонники большинства норм	Условные релятивисты	Моральные релятивисты	Разрыв, п.п.
На выборах Президента страны в марте 2024 г. проголосовали за В.В. Путина	76	67	59	40	36
Доверяют Церкви	75	68	52	44	31
Не относят себя к сторонникам СВО на Украине	10	17	21	40	30
Доверяют Президенту России	88	83	77	59	29
Считают, что путь, которым идет Россия, даст в перспективе положительные результаты	86	82	78	59	27
Считают, что страна нуждается в стабильности, она важнее чем перемены	78	70	68	52	26
Доверяют Правительству России	73	68	60	51	22
Доверяют ЦИК РФ	59	53	42	37	22
Считают, что при всех своих недостатках власть в России заслуживает поддержки	84	85	81	63	21
Доверяют судебной системе	52	40	34	37	15

Источник: Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г., расчеты авторов.

¹ Желтым фоном выделены значения более 50% для тех установок, которые разделялись большинством не во всех кластерах.

Как видим, взаимосвязь отношения к рассматриваемым моральным нормам с идейно-политическими взглядами россиян также просматривается достаточно отчетливо. Таким образом, отношение к моральным нормам – это не автономный блок мировоззрения человека, а тесно связанный с другими его блоками компонент взглядов индивида, связанный с освоением им в процессе социализации определенного культурного кода. Не останавливаясь на этом подробно, отметим все же, что в этот блок входят также идентичности человека¹, специфика его жизненных целей и стремлений², а также восприятие места и роли России в мире, ее оценки как великой державы или ее цивилизационной близости к странам Запада или же Востока. Так, для ориентированных на близость России и Запада характерна большая распространенность толерантного отношения к разным формам прерывания жизни (чаще встречающаяся именно в странах Запада), а для ориентированных на близость России к странам Востока (Китай, Япония, Индия и т. д.) типична широкая распространенность полного отрицания всех форм насильственного прерывания жизни.

Выводы

Проблема культурного кода находится в фокусе внимания многих наук, причем каждая из них подходит к нему по-разному. Активные исследования этого феномена идут и в социологии, где в последние годы они связаны преимущественно с анализом идентичностей и ценностей как ядра любой культуры. Однако, хотя серьезных исследований как идентичностей, так и ценностей было немало, и те, и другие в российской социологии рассматриваются обычно вне проблематики культурного кода нации. Даже участие российских социологов в международных кросс-культурных исследованиях и активизация использования зарубежных методик изучения культурных различий населения разных стран в 2000-х и 2010-х гг. не привели к развороту в сторону проблематики культурного кода – в основном речь шла о «специфике» или «особенностях» системы ценностей россиян на фоне населения других стран. Тем более оставалась на периферии исследовательского интереса морально-нравственная составляющая этого кода, хотя в период расцвета русской философии именно ей при анализе судеб России уделялось повышенное внимание – достаточно вспомнить идеи о роли нравственности в российской культуре и ее специфике таких философов, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др., чьи работы на новом уровне продолжили знаменитый спор западников и славянофи-

¹ Так, «моралисты-максималисты» характеризуются очень широким кругом четко выраженных идентичностей – у 45% их присутствуют 7 и более таких идентичностей, в то время как для «моральных релятивистов» этот показатель составляет лишь 17%.

² Честно прожить свою жизнь, например, стремятся 100% моралистов-максималистов, а 73% из них это даже уже удалось, в то время как среди моральных релятивистов таких меньшинство (48%). Зато последние в массе своей (68%) хотели бы иметь собственный бизнес, в то время как среди «моралистов-максималистов» таких лишь 48%. Существенно различаются они и распространенностью других жизненных целей.

лов (впоследствии евразийцев). В основном в фокусе внимания социологов вплоть до последнего времени находились лишь унаследованные от советской эпохи или обусловленные переходным характером пришедшего ей на смену этапа развития страны особенности мировоззрения россиян (концепции Homo soveticus Ю. А. Левады, «Парадоксального человека» Ж. Т. Тощенко и т. д.).

В 2020-е гг., для мира прежде всего в связи с пережитым в ходе пандемии COVID-19 на фоне массовых смертей нравственным шоком, а для России – также резким обострением конфронтации с Западом и актуализацией необходимости понимания специфики России, исследования этической направленности актуализировались. Стали появляться отдельные работы, где делались попытки на эмпирических данных выявить специфику национального культурного кода в разных областях – от нормативных представлений о сущности взаимоотношений гражданина и государства или оптимальной модели самого этого государства до особенностей системы ценностей россиян, прежде всего молодежи. Однако анализ морально-нравственной составляющей российского культурного кода сосредотачивался при этом в основном на его патриотическом компоненте [5].

Предпринятая в данной статье попытка частично восполнить этот пробел показала, что, во-первых, в составе национального культурного кода, наряду с другими его структурными элементами (символическими и коммуникативными нормами, а также ценностями и регулирующими поведение нормами, которые не относятся к морали (например, нормами права, специфическими традициями и т. д.)¹, действительно присутствует морально-нравственная составляющая. Она тесно связана с пониманием россиянами цивилизационной специфики нашей страны и патриотизмом, а также отражает специфику их ценностей (в широком смысле слова) на фоне стран как коллективного Запада, так и «мирового большинства». Более того – Россия выступает в данном отношении своего рода ядром «Русского мира», демонстрируя соответствующие особенности наиболее ярко.

В числе особенностей моральных норм россиян, которые можно рассматривать как элементы их культурного кода, следует отметить, во-первых, хорошо видный на фоне ситуации в других странах негативизм в отношении гомосексуальных отношений и связанных с ним аспектов образа жизни. Практически одинаковая распространенность этого негативизма в разных поколениях и устойчивость соответствующих взглядов во времени независимо от внешних событий также подтверждают значимость нормы о недопустимости гомосексуальных отношений для населения страны и позволяет говорить о ней как о составляющей культурного кода нации при достаточно большой общей сексуальной свободе, допускаемой системой ее моральных норм. В то же время нужно отметить наличие в российском обществе при-

¹ Напомним, что культурный код анализируется нами в рамках подхода, характерного для культурсоциологии. При этом за рамками нашего рассмотрения при таком подходе остаются знаковые системы, подсознательные образы и смыслы и многие другие элементы культурного кода.

мерно 20% людей, которые относятся не только к гомосексуализму, но даже к однополым бракам или воспитанию в таких семьях детей вполне толерантно. Это отражает наличие в нем на протяжении длительного исторического периода значимого по численности мировоззренческого меньшинства, специфику которого уже неоднократно анализировали отечественные ученые [2; 27; 28].

Второй их характерной особенностью, которую также можно отнести к национальному культурному коду, выступает недопустимость для россиян измены Родине и убеждение в необходимости поддерживать ее, даже если она не права. Эти нормы дополняются нормами, способствующими поддержанию мира в многонациональной и многоконфессиональной стране (недопустимость проявления неприязни к представителям других национальностей и оскорбления чувств верующих).

Третьей их особенностью выступает убежденность в недопустимости обогащения за счет других. Эта моральная норма также широко распространена, устойчива во времени и доминирует во всех поколениях. Однако специфична ли она только для россиян (или представителей «Русского мира» в целом), надо еще проверять – у нас эмпирического материала для такой проверки, к сожалению, не было. Возможно, что она относится к разряду широко распространенных среди россиян общечеловеческих норм, к которым относятся прежде всего запреты на самоуничтожающие практики (употребление наркотиков, самоубийство, алкоголизм). Однако более вероятным представляется все же, что эта норма характерна далеко не для всех культур.

Характерной особенностью россиян выступает также довольно широкая по сравнению с другими странами распространенность среди них морального релятивизма в отношении норм, предполагающих выполнение определенных обязанностей с их стороны перед государством (выплату налогов, службу в армии, отказ от взяток). И хотя этот релятивизм не затрагивает на уровне «должного» большинство населения, т. е. оно не считает соответствующее поведение допустимым, однако можно говорить о достаточно большой толерантности россиян к соответствующим действиям в случае их совершения. Это свидетельствует о том, что культурный код может содержать не только способствующие успешному развитию страны или нейтральные для реализации данной цели компоненты, но и негативные, разрушительные. Важно подчеркнуть, что при следовании государства курсом, который кажется россиянам правильным и соответствующим их представлениям о должном, готовность к принятию норм, отражающих обязанности гражданина перед ним, повышается (что характерно, в частности, для последних лет). Однако даже в таких условиях толерантное отношение к нарушению соответствующих норм продолжает оставаться характерной особенностью системы моральных норм граждан нашей страны на фоне граждан других стран.

Если учесть готовность к принятию большего или меньшего числа моральных норм и их структуру, то можно выделить в массовых слоях россиян четыре кластера. Два из них, составляющие в совокупности устойчиво

доминирующую с показателем в 57–59% часть населения, включают в себя приверженцев подавляющего большинства из 18 рассматривавшихся норм. Два других, совокупная численность которых лишь немногим превышает 40% и также устойчива во времени, включают более или менее последовательных моральных релятивистов. Между собой два последних кластера различаются наличием или отсутствием аномии – во третьем, более многочисленном (23%), об аномии говорить не приходится, поскольку его члены в большинстве своем разделяют почти 2/3 рассматривавшихся норм, а характерные для национального культурного кода нормы (т. е. не только характерные для россиян в целом, но устойчивые во времени и связанные между собой) присутствуют в системе моральных норм большинства из них. Члены же четвертого кластера, составляющего 18% всех россиян, характеризуются не только отрицанием более чем 2/3 рассматривавшихся нами норм, но и непринятием норм, входящих в национальный культурный код. Эти «моральные релятивисты» сильно выделяются на общем фоне спецификой своих взглядов также и по другим вопросам – своему отношению к власти и проводимому ею курсу, к СВО, к идее о цивилизационной специфике России, к Западу, а также своими идентичностями, уровнем доверия к окружающим людям и ряду значимых социальных институтов, пониманием, что им не удастся честно прожить свою жизнь и т. д., т. е. составляют мировоззренческое меньшинство по многим вопросам, активно дебатированным в российском обществе.

Подводя итоги анализа, еще раз подчеркнем – несмотря на всю гетерогенность россиян с точки зрения их отношения к тем или иным моральным нормам, возможно выделить среди этих норм такие, которые можно рассматривать как часть национального культурного кода. При этом одни из них характерны скорее для стран «мирового большинства», другие – для западной цивилизации, а часть нетипична для обоих этих векторов развития человечества и отражает особый вектор развития российского общества. Таким образом, спецификой культурного кода россиян в отношении входящих в него моральных норм выступают как особенности восприятия отдельных норм, так и их общая структура, нехарактерная для цивилизационных ареалов стран условного «Запада» и столь же условных стран «мирового большинства».

Библиографический список

1. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Код культурный // Прикладная культурология. Энциклопедия / Сост. и научн. ред. И. М. Быховская. М.: Согласие, 2019. С. 270–273. EDN: WMGERK.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. М., 1991. Филос. общ-во СССР. 470 с. EDN: QOPRVV.
3. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. 344 с. EDN: OFXFBB.

4. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614; EDN: SBTVHF.
6. Зыкин А. В. Формирование культурного кода этносов Алтая // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 6А. С. 79–92. EDN: ZAGMNV.
7. Иванова А. П., Ягодкина М. В. Культурные коды в современной рекламе // Ученые записки НовГУ. 2018. № 8(33). С. 5. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.8(33).5; EDN: YUFHOM.
8. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Летний сад, 2004. 280 с. EDN: QOCSCR.
9. Изотова Н. Н. Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 1. С. 122–127. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.016; EDN: WWKBKX.
10. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: ИНМЭ, 1994. 367 с.
11. Кричевский Н. А. Русские глубинные скрепы: культурный код национального характера. 2-е изд. Уч. пос. М.: Дашков и К, 2022. 400 с. EDN: VKDEUV.
12. Латова Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. 2016. Т. 7. № 4. С. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN.
13. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000. 191 с. EDN: SGUGQD.
14. Лосев Д. В. Культурный код: определение понятия и практическая проблематика феномена: теоретический обзор // НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2024. Т. 4. № 2. С. 132–140. DOI: 10.30853/ra20240020; EDN: MTVFPD.
15. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. 703 с. EDN: QWYFLB.
16. Магун В. С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58. DOI: 10.31857/S013216250029336-2; EDN: RIAJNU.
17. Меркулова Н. Г. Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Регионоведение. 2015. № 2(91). С. 188–196. EDN: UCMEVP.
18. Молодежь и Россия будущего / Отв. ред. М. К. Горшков, М. Е. Фрадков, Н. Е. Тихонова. М.: РИСИ; Весь Мир, 2023. 394 с. EDN: OAGDSK.

19. Никулкина О. Г. Ключевые слова русской языковой культуры // Глобальный научный потенциал. 2025. № 1(166). С. 178–181. EDN: ZEUTKI.
20. Овсянников В. П. Русский социокультурный тип: миф или реальность // Запад-Россия-Восток. 2014. № 8. С. 81–88. EDN: TFXUGV.
21. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2 / Отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. 432 с. EDN: VNKUTL.
22. Российское общество и вызовы времени. Кн. 8 восьмая / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2025. 352 с.
23. Рыбина М. Н. Морально-этический контекст русской социально-экономической мысли // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4. С. 144–150. DOI: 10.24158/tipor.2024.4.17; EDN: BFYZTM.
24. Савицкий В. М. Этноспецифика культурных кодов // Этническая культура. 2020. № 3(4). С. 40–44. DOI: 10.31483/r-86172; EDN: SFGHIA.
25. Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 5–19. EDN: NXPUCV.
26. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 5–20. EDN: IPVFXH.
27. Тихонова Н. Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения // Мир России: Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 4. С. 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35; EDN: NQSIBT.
28. Тихонова Н. Е. Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // ПОЛИС. Политические исследования. 2024. № 5. С. 136–153. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.09; EDN: ICDAIE.
29. Шевченко В. Н. Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 29–47. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47; EDN: TVQKCE.
30. Шкаратан О. И. Становление постсоветского неоэтакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 5–22. EDN: JXENXH.
31. Шпынева Е. М., Голубчикова М. Г. Опыт изучения особенностей культурного кода представителей регионов России (на примере Иркутской области) // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1(104). С. 419–422. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-419-422; EDN: YXQDEA.
32. Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. 3-е изд., доп. М.: Знание, 2017. 642 с. EDN: ZMHOKV.
33. Abbasi A. M., Khan M. A. et al. Ethnobotanical appraisal and cultural values of medicinally important wild edible vegetables of Lesser Himalayas-Pakistan // Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine. 2013. Vol. 9. P. 1–13. DOI: 10.1186/1746-4269-9-66.

34. Alexander J. C. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford University Press, 2003. 296 c.
35. Chiu C. Y., Gries P. et al. Toward a social psychology of globalization // *Journal of Social Issues*. 2011. Vol. 67. No. 4. P. 663–676. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2011.01721.x.
36. Cole W. M. Sovereignty relinquished? Explaining commitment to the international human rights covenants, 1966-1999 // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. No. 3. P. 472–495. DOI: 10.1177/000312240507000306.
37. Fatehi K., Priestley J. L., Taasoobshirazi G. The expanded view of individualism and collectivism: One, two, or four dimensions? // *International Journal of Cross-Cultural Management*. 2020. Vol. 20. No. 1. P. 7–24. DOI: 10.1017/S0003975600007116.
38. Giesen B., Eisenstadt S. N. The construction of collective identity // *European Journal of Sociology*. 1995. Vol. 36. P. 72–102. DOI: 10.1017/S0003975600007006.
39. Guthman J. Neoliberalism and the making of food politics in California // *Geoforum*. 2008. Vol. 39. No. 3. P. 1171–1183. DOI: 10.1016/j.geoforum.2006.09.002.
40. Haerpfer C., Inglehart R. et al. (eds) *World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0*. Madrid, Spain; Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2022. DOI: 10.14281/18241.24.
41. Haidt J. *The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion*. N. Y.: Vintage Books, 2012. 419 p.
42. Hofstede G., Minkov M., Hofstede G. J. *Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. Mc Graw-Hill, 2010. 561 p.
43. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
44. Jackson J. C., Medvedev D. Worldwide divergence of values // *Nature Communications*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 2650. DOI: 10.1038/s41467-024-46581-5.
45. Lebedeva N., Fons V. D., Galyapina V. N. Multiple Social Identities in the Post-Soviet Context // *Non-Western Identity. Research and Perspectives* / Ed. by B. Adams, F. van de Vijver. Switzerland: Springer, 2021. P. 131–150. DOI: 10.1007/978-3-030-77242-0_8.
46. Renn O., Burns W. J. et al. The social amplification of risk: Theoretical foundations and empirical applications // *Journal of Social Issues*. 1992. Vol. 48. No. 4. P. 137–160. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1992.tb01949.x.
47. Shilling C. Culture, the ‘sick role’ and the consumption of health // *The British Journal of Sociology*. 2002. Vol. 53. No. 4. P. 621–638. DOI: 10.1080/0007131022000021515.

48. Schwartz S. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // *Comparative Sociology*. 2006. Vol. 5. No. 2-3. P. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357.

49. Taylor J. R., Lovell S. T. Urban home gardens in the Global North: A mixed methods study of ethnic and migrant home gardens in Chicago, IL // *Renewable Agriculture and Food Systems*. 2015. Vol. 30. No. 1. P. 22–32. DOI: 10.1017/S1742170514000180.

Получено редакцией: 25.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихонова Наталья Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник; профессор-исследователь

Каравай Анастасия Вадимовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6

National Cultural Code: Moral and Ethical Aspects¹

Natalia E. Tikhonova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia

netichon@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-5826-4418

Anastasia V. Karavay

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

karavayav@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3122-4819

For citation: Tikhonova N. E., Karavay A. V. National Cultural Code: Moral and Ethical Aspects. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 87–119. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6; EDN: YPEACQ.

Abstract. This article attempts to determine whether certain moral norms are part of the Russian cultural code, as well as the specific features of these norms and the extent to which Russians agree on them. To answer these research questions, large-scale AI language models (ChatGPT, Gemini, etc.) were used to generate a picture of the diversity of approaches to studying the cultural code of nations in global scholarship and conduct a global bibliometric analysis, the results of which are also presented in the article. Based on these results, an empirical analysis of survey data from 2000, 2015, and 2024 from the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, as well as data from the 7th wave of the World Values Survey (WVS), was conducted. It demonstrated that Russians are characterised by a specific system of moral norms that differ both from those typical of nominal West and those characteristic of the “global majority”, suggesting that a number of these norms can be considered a separate element of the national cultural code. According to the study, these include: a persistently negative attitude toward homosexual relations and related lifestyle aspects (same-sex marriage, etc.) while allowing for a relatively high degree of freedom in heterosexual relations; a categorical rejection of treason, which is complemented by the prevalence of norms that ensure peace in a multiethnic and multi-religious country; and a denial of the permissibility of enrichment at the expense of others. A widespread as compared to other countries moral relativism regarding the fulfillment of one’s obligations to the state (paying taxes, etc.) was also revealed, although at the normative level, the majority of Russians still recognise the inadmissibility of evading these obligations. Dynamic analysis demonstrated the consistent, widespread prevalence of these norms, while cluster analysis demonstrated

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of the work under the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-01067 “Value-based and ideological mobilization of Russian society in the context of increased threats and challenges to the country’s sovereignty”.

the heterogeneity of Russians' perceptions of moral norms and confirmed that some of them are stable enough to be included in the nation's cultural code. It can also be considered proven that the category of cultural code itself can be applied in sociological research.

Keywords: cultural code, cultural identity, mentality, normative value systems, cross-cultural comparisons, moral norms, moral relativism, traditional values, Russian civilization, social norms

References

1. Avanesova G. A., Kuptsova I. A. Cultural code. In *Applied Cultural Studies. Encyclopedia*. Comp. and ed. by I. M. Bykhovskaya. Moscow, Soglasie, 2019: 270–273 (in Russ.). EDN: WMGERK.
2. Akhiezer A. S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opy'ta* [Russia: Critique of historical experience: in 3 vols]. Moscow, Filos. obshe-vo SSSR, 1991: 470 (in Russ.). EDN: QOPRVV.
3. Gotovo li rossijskoe obshchestvo k modernizacii? [Is Russian society ready for modernization?]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumma, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2010: 344 (in Russ.). EDN: OFXFBB.
4. Erasov B. S. *Civilizacii: universalii i samobytnost* [Civilizations: universals and originality]. Moscow, Nauka, 2002: 524 (in Russ.).
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Self-regulation of life-meaning values in the cultural space of youth. *Vestnik instituta sotziologii*, 2019: 10(4): 164–186 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614; EDN: SBTVHF.
6. Zykin A. V. Formation of the cultural code of the Altai ethnic groups. *Kultura i tsivilizatsiya*, 2018: 8(6A): 79–92 (in Russ.). EDN: ZAGMNV.
7. Ivanova A. P., Yagodkina M. V. Cultural codes in modern advertising. *Uchenye zapiski NovGU*, 2018: 8(33): 5 (in Russ.). DOI: 10.34680/2411-7951.2020.8(33).5; EDN: YUFHOM.
8. *Izmenyayushhayasya Rossiya v zerkale sociologii* [Changing Russia in the mirror of sociology]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Letnii sad, 2004: 280 (in Russ.). EDN: QOCSER.
9. Izotova N. N. Cultural code: semiotic aspect. *Kultura i tsivilizatsiya*, 2020: 10(1): 122–127 (in Russ.). DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.016; EDN: WWKBKX.
10. Kasyanova K. O russkom nacional'nom haraktere [On the Russian national character]. Moscow, INME, 1994: 367 (in Russ.).
11. Krichevskii N. A. Russian deep bonds: the cultural code of national character. 2nd ed. Moscow, Dashkov i K, 2022 (in Russ.). EDN: VKDEUV.
12. Latova N. V. Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on G. Hofstede's concept). *Vestnik instituta sotziologii*, 2016: 7(4): 155–179 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN.
13. Lapin N. I. *Puti Rossii: sociokulturnye transformacii* [Paths of Russia: sociocultural transformations]. Moscow, IF RAN, 2000: 191 (in Russ.). EDN: SGUGQD.
14. Losev D. V. Cultural code: definition of the concept and practical problems of the phenomenon: theoretical review. *NovGU im. Yaroslava Mudrogo*, 2024: 4(2): 132–140 (in Russ.). DOI: 10.30853/pa20240020; EDN: MTVFPD.
15. Lotman Yu. M. *The semiosphere*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 2010: 703 (in Russ.). EDN: QWYFLB.
16. Magun V. S. Evolution of basic values of the Russian population, 2006–2021. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 12: 44–58 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250029336-2; EDN: RIAJNU.
17. Merkulova N. G. Mentality – cultural code – language of culture: on the correlation of concepts. *Regionologiya*, 2015: 2(91): 188–196 (in Russ.). EDN: UCMEVP.
18. *Youth and Russia of the future*. Ed. by M. K. Gorshkov, M. E. Fradkov, N. E. Tikhonova. Moscow, RISI; Ves' Mir, 2023: 394 (in Russ.). EDN: OAGDSK.
19. Nikulkina O. G. Key words of Russian language culture. *Global'nyi nauchnyi potentsial*, 2025: 1(166): 178–181 (in Russ.). EDN: ZEUTKI.
20. Ovsyannikov V. P. Russian sociocultural type: myth or reality. *Zapad-Rossiya-Vostok*, 2014: 8: 81–88 (in Russ.). EDN: TFXUGV.

21. Russian society and the challenges of the times. Book 2. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir, 2015: 432 (in Russ.). EDN: VNKUTL.
22. Russian society and the challenges of the times. Book 8. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2025: 352 (in Russ.).
23. Rybina M. N. Moral and ethical context of Russian socio-economic thought. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2024: 4: 144–150 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2024.4.17; EDN: BFYZTM.
24. Savitskii V. M. Ethnospecificity of cultural codes. *Etnicheskaya kultura*, 2020: 3(4): 40–44 (in Russ.). DOI: 10.31483/r-86172; EDN: SFGHIA.
25. Tikhonova N. E. Dinamika normativno-cennostnoj sistemy rossijskogo obshhestva (1995–2010) [Dynamics of the normative-value system of Russian society (1995–2010)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011: 4: 5–19 (in Russ.). EDN: NXPUCV.
26. Tikhonova N. E. Sociocultural modernization in Russia (experience of empirical analysis). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2008: 3: 5–20 (in Russ.). EDN: IPVFXH.
27. Tikhonova N. E. Specifics of the worldview of supporters of the western path of development for Russia in mass strata. *Universe of Russia. Sociologiya. Etnologiya*, 2023: 32(4): 6–35 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35; EDN: NQSIBT.
28. Tikhonova N. E. Ideological segmentation of the mass strata of the population in the context of escalating confrontation with the West (an empirical analysis). *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, 2024: 5: 136–153 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2024.05.09; EDN: ICDAIE.
29. Shevchenko V. N. Ontological constants of Russia as a civilization-state in the context of world history. *Filosofskie nauki*, 2019: 62(1): 29–47 (in Russ.). DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47; EDN: TVQKCE.
30. Shkaratan O. I. Formation of post-Soviet neoetacracy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2009: 1: 5–22 (in Russ.). EDN: JXENXH.
31. Shpyneva E. M., Golubchikova M. G. Experience in studying the features of the cultural code of representatives of Russian regions (on the example of the Irkutsk region). *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2024: 1(104): 419–422 (in Russ.). DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-419-422; EDN: YXQDEA.
32. Yakovenko I. G. Cognition of Russia: a civilizational analysis. 3rd ed., revised. Moscow, Znanie, 2017: 642 (in Russ.). EDN: ZMHOKV.
33. Abbasi A. M., Khan M. A. et al. Ethnobotanical appraisal and cultural values of medicinally important wild edible vegetables of Lesser Himalayas-Pakistan. *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*, 2013: 9: 1–13. DOI: 10.1186/1746-4269-9-66.
34. Alexander J. C. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003: 296.
35. Chiu C. Y., Gries P. et al. Toward a social psychology of globalization. *Journal of Social Issues*, 2011: 67(4): 663–676. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2011.01721.x.
36. Cole W. M. Sovereignty relinquished? Explaining commitment to the international human rights covenants, 1966–1999. *American Sociological Review*, 2005: 70(3): 472–495. DOI: 10.1177/000312240507000306.
37. Fatehi K., Priestley J. L., Taasoobshirazi G. The expanded view of individualism and collectivism: One, two, or four dimensions? *International Journal of Cross-Cultural Management*, 2020: 20(1): 7–24. DOI: 10.1017/S0003975600007116.
38. Giesen B., Eisenstadt S. N. The construction of collective identity. *European Journal of Sociology*, 1995: 36: 72–102. DOI: 10.1017/S0003975600007006.
39. Guthman J. Neoliberalism and the making of food politics in California. *Geoforum*, 2008: 39(3): 1171–1183. DOI: 10.1016/j.geoforum.2006.09.002.
40. Haerpfer C., Inglehart R. et al. (eds) World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0. Madrid, Spain; Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2022. DOI: 10.14281/18241.24.
41. Haidt J. The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion. New York: Vintage Books, 2012: 419.
42. Hofstede G., Minkov M., Hofstede G. J. Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival. Mc Graw-Hill, 2010: 561.

43. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 2000: 65(1): 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
44. Jackson J. C., Medvedev D. Worldwide divergence of values. *Nature Communications*, 2024: 15(1): 2650. DOI: 10.1038/s41467-024-46581-5.
45. Lebedeva N., van de Vijver F., Galyapina V. N. Multiple social identities in the post-Soviet context. In Adams B., van de Vijver F. (eds) *Non-Western Identity: Research and Perspectives*. Switzerland: Springer, 2021: 131–150. DOI: 10.1007/978-3-030-77242-0_8.
46. Renn O., Burns W. J. et al. The social amplification of risk: Theoretical foundations and empirical applications. *Journal of Social Issues*, 1992: 48(4): 137–160. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1992.tb01949.x.
47. Shilling C. Culture, the ‘sick role’ and the consumption of health. *British Journal of Sociology*, 2002: 53(4): 621–638. DOI: 10.1080/0007131022000021515.
48. Schwartz S. A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 2006: 5(2–3): 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357.
49. Taylor J. R., Lovell S. T. Urban home gardens in the Global North: A mixed methods study of ethnic and migrant home gardens in Chicago, IL. *Renewable Agriculture and Food Systems*, 2015: 30(1): 22–32. DOI: 10.1017/S1742170514000180.

The article was submitted on: June 25, 2025

INFORMATON ABOUT THE AUTHORS

Natalia E. Tikhonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Main researcher; Professor-researcher

Anastasia V. Karavay, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

ОСОБЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.7

EDN: ZCSHDP

Специфика донских казачьих монастырей в оптике гендерного подхода

Ссылка для цитирования: Скорик А. П., Шадрина А. В. Специфика донских казачьих монастырей в оптике гендерного подхода // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 120–141. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.7; EDN: ZCSHDP.

For citation: Skorik A. P., Shadrina A. V. On the Specifics of Don Cossack Monasteries (Gender Aspects). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 120–141. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.7; EDN: ZCSHDP.

SPIN-код: 7327-9553

Скорик Александр Павлович¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

s_a_p@mail.ru

SPIN-код: 4699-5590

Шадрина Алла Валерьевна¹

¹Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

bergson@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика монастыря как социального института в условиях особого социума – казачества. В общественном сознании монастырь традиционно воспринимается как закрытый церковный институт, где в храме и кельях молятся монахи, мало взаимодействующие с внешним, «светским» миром. Однако в рассматриваемых в данной статье «казачьих» своекоштных монастырях обстановка складывалась несколько иная. Эти обители выполняли множество функций: богослужебную, социального призрения, социально-политическую, депозитарную, вотчинную (владельческую), поселенческую (монастырско-подворную), благотворительную и архивную. По мнению авторов, фронтирная и гендерная концепции позволяют взглянуть на ряд проблем монастырской жизни и значение монастырей в социальном пространстве несколько иначе, ведь южнорусский фронт (где сложилось казачество) дифференцировал монастыри на два типа: располагающиеся непосредственно на территории донского казачества и создаваемые за ее пределами. Гендерно ориентированные, «казачьи» монастыри выделялись

реализацией социально-призренческой функции: в мужском варианте они принимали новых насельников из числа пожилых, больных и увечных казаков, в женском варианте насельницами становились казачьи вдовы, оставшиеся без своих кормильцев, и девицы казачьего происхождения, оказавшиеся за рамками социализации в большинстве случаев по воле своих отцов. Это еще с одной стороны характеризует воинский тип религиозности донского казачества, и, хотя Господь уравнил мужчин и женщин в праве веры и молитвы, но овеществленная мужская вера казаков, знак доверия в ситуации, занимающей важное место в традиционной казачьей культуре, в определенной мере противостоит женской конспиративистской ментальности казачек с ее верой в молитву, в заговор, в отмаливание грехов не только личных, а также своих возлюбленных мужчин-воинов. Сравнивая исторически существовавшие казачьи монастыри, как мужские, так и женские с современными монашескими общинами, расположенными в исторически казачьих регионах, авторы приходят к выводу, что последние заметно отличаются от своих предшественников. Это приводит к необходимости поставить вопрос о ретроспективном заимствовании прежнего позитивного социального и культурного опыта «казачьей» монастырской жизни.

Ключевые слова: гендерная концепция, монашество, монастырь, типы религиозности, фронтир, функции монастырей

Закрепление казачества на соседних и не освоенных Московским государством южных территориях, помимо доминирующих военно-политического и культурно-этнического аспектов, имело и религиозную составляющую, вносящую существенную лепту в организацию социального пространства. Здесь ощутимую роль играли православные монастыри, отличавшиеся от обитателей как центрального, так и северо-западного регионов России, и называемые нами как раз в силу наличия ряда особенных черт «казачьими» монастырями [22, с. 64]. Эти монашеские общины веками функционировали по своему внутреннему распорядку, и в локально-нормативном плане монастырь определяется как «церковное учреждение, в котором проживает и осуществляет свою деятельность мужская или женская община, состоящая из православных христиан, добровольно избравших монашеский образ жизни для духовного и нравственного совершенствования и совместного исповедания православной веры» [23, с. 427]. Общины православных христиан, жизнедеятельность которых традиционно и долгосрочно протекала в публично отграниченном пространстве монастырей, были (и являются сегодня) мужскими и женскими. Гендерная их обусловленность при анализе конструирования гендера во взаимодействии опирается на драматургический интеракционизм Ирвинга Гофмана [7], когда создание образа непосредственно зависит от доступа к ресурсам, но они в монастырях как раз-таки ограничены, и, естественно, человек в определенных пределах лишается исходных возможностей для исполнения и презентации своей гендерной принадлежности. Однако в рассматриваемых нами «казачьих» своекоштных монастырях¹ гендерные модели и стере-

¹ Казачьи своекоштные монастыри – это церковные учреждения, находящиеся на материально-финансовом обеспечении, не зависящем, ни от государства, ни от епархии, функционирующие за счет пожертвований казаков и средств, выделяемых Войском Донским.

отипы действовали несколько иначе, нежели в других монастырях Русской Церкви. Именно социальному позиционированию и анализу этих особенностей посвящена настоящая статья. Предметом нашего исследования становится целостный религиозный комплекс, включающий в себя: религиозное сознание казачества; деятельность мужских и женских монастырей; гендерную религиозность казаков и казачек; отношения монастырей, казачества и властных институтов; трансформацию функций монастырей. Исследование этого религиозного комплекса выводит нас на понимание базисных механизмов социальной инкультурации, в чем, как мы полагаем, нуждается отечественная социология.

Однако, поскольку монастыри – феномен весьма старинный, изучать их имеет смысл на историческом материале, а не только на актуальных данных.

Появление монастырей в южнорусском фронтире

Проблема становления религиозной идентичности населения Дикого Поля¹, отличавшегося разнородностью и лабильностью, сопряжена с понятием южнорусского фронта. Первый период его формирования начался во второй половине XVI в., с покорения царем Иоанном IV Астраханского ханства и завершился началом Смутного времени [16, с. 13]. Несмотря на отсутствие у Московского царства того времени единой концепции освоения южнорусских земель, взятие Казани и Астрахани русскими воинами (и казаками в том числе), строительство ряда новых городов на юге России обусловило значительный приток в Дикое Поле не только татар, ногайцев, но и большой доли русского населения. Так сформировался конфессиональный тип фронта как «области проникновения той или иной религиозной системы на новые для нее территории» [1, с. 33]. Об этом свидетельствовало и донесение 1548 г. путивльского воеводы, князя М.М. Троекурова царю Ивану IV: «Ныне, государь, казаков на Поле много: и черкасцев², и кыян³, и твоих, государевых, вышли, государь, на Поле со всех украин» [25, с. 7]. Донесение указывает на социальную разнородность в происхождении казачества, проживавшего и активно действовавшего на окраинных землях («всех украин»), вне государственных территорий, а в пожилом возрасте частично пополнявшего монашество, причем, слово «украин» политического значения не имело.

¹ Дикое поле – это историческая область неразграниченных и слабозаселенных причерноморских и приазовских степей между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке. С древнейших времен она населялась кочевыми, скотоводческими народами, и только с XVIII в. началось освоение ее русскими. Исключение составляло донское и запорожское казачество, существовавшее в более ранние времена.

² С большой долей вероятности в приведенном контексте имелись в виду донские казаки.

³ «Киянами» в Древней Руси обозначали демократические слои населения Киева, горожан всех положений и рангов. Судя по контексту, речь шла о запорожских казаках.

О большом количестве великорусского населения на территории Дикого Поля свидетельствовал бывший подьячий Посольского приказа времен царя Алексея Михайловича Григорий Котошихин, называвший среди казаков, живших близ Азова, москвичей, в том числе московских бояр, торговых людей и крестьян, «и иных городов», крещеных татар, запорожских казаков, поляков [2, с. 7]. На преобладании в составе донского казачества великорусского по происхождению населения настаивает историк Н. А. Мининков [17, с. 4, 74].

Началом завершающего этапа формирования южнорусского фронта стало взятие донскими казаками города-крепости Азов [16, с. 14] в 1637 г., которое хронологически совпало со сложным процессом институционализации религиозных представлений формирующегося донского казачества. На эти представления о вере оказали влияние казаки-запорожцы, бежавшие в значительном числе на Дон от преследований польских властей [17, с. 103], навязывавших им Брестскую унию и католицизм. Беженцы из числа запорожских казаков основали на Дону в Черкасском городке собственную станицу [6, с. 90–93; 24, с. 59, 104]. Однако, донское казачество по социально-политическому выбору своей верхушки отдавало предпочтение вхождению в состав Русской Церкви, благодаря ходатайству царя Алексея Михайловича перед патриархом Московским Иосифом [9, с. 483]. Подчеркнем, эта тенденция сложилась еще до церковного раскола 1654–1666 гг.

Неотъемлемой частью религиозных представлений раннего казачества была любовь к монастырям и особое отношение к монашескому служению, как элементам мировоззрения казаков, происходивших из великорусского населения, но социальными институтами казачьи, как и иные российские монастыри становятся лишь при Екатерине II. У казаков существовали традиции принесения обетов и присущий им выбор знаковых мест коллективного (войскового) и индивидуального (монашеского, частного) паломничества. Причем, в монахи шли так называемые «казаки-старики», которым реально от роду насчитывалось около 40 лет, поскольку в те времена старение физически происходило раньше, а помноженное на экстремальный образ повседневности это не вызывало особого удивления, когда и не очень пожилых казаков (казачек) дети называли дядуня (бабуня).

Идея «фронтирных монастырей» у донских казаков заметно отличалась от древнерусской традиции ктиторий – обителей, устраиваемых по инициативе и на средства представителей княжеско-боярской элиты. На основе религиоведческой компаративистики можно сделать вывод, что фронтирные обители характеризовались следующими чертами: 1) минимальная подчиненность епархиальному архиерею (к примеру, казаки, минуя епископа, отсылали в Посольский приказ ряд ходатайств об обидах монастырю от коротоячан, т. е. о притеснениях местных жителей Покровскому монастырю, делегируя эту проблему светской власти); 2) обитель использовалась казаками по их желанию, например, в качестве места отдыха на пути в Москву и обратно; 3) игумен монастыря, благодаря

щедрым пожертвованиям казаков и видимости защиты от обидчиков, посягавших на монастырские угодья, находился в полной зависимости от них, и выполнял все требования своих покровителей.

Тем самым, образование «казачьих» своекоштных монастырей имело другие социальные алгоритмы, нежели на внутренних российских территориях, и в этом плане показательна траектория возникновения Монастырского городка, первого из монастырей донского казачества, получившего казачье наименование городка и монастырский статус.

Гегемонная маскулинность Монастырского городка

Социальная составляющая мужского монашеского делания выступала первостепенной функцией монастыря для формирующегося казачества, обусловленной его воинским типом религиозности [22, с. 76]. Такой тип религиозности предполагал: 1) ограниченное количество ситуативных треб, когда частные богослужения совершались по мере надобности, скажем, исповедь умирающих и отпевание казаков, не предполагавшие наличия богослужебной утвари; 2) торжественное принесение групповых обетов (далеко не всегда казаками соблюдавшихся) и коллективных молитв, в связи с критическими событиями в казачьей повседневности, например, отправлением в поход за зипунами (добычей), тяжелой войной с соседями-неприятелями, эпидемией, иными форс-мажорными обстоятельствами; 3) пристрастие к ладанкам, «живым помочам» и складням, носимым казаками преимущественно на груди в качестве оберега, на что обращали внимание и другие исследователи, в частности, К. В. Воденко с соавторами [5, с. 62]; 4) произнесение казаками молитв, отклоняющихся от канонических текстов, но с обращением к Богу для реализации актуальной потребности. Тем самым, мы отстаиваем концепцию о «воинском типе религиозности, пересекающемся и одновременно отличающемся от канонического и сектантского типов религиозности» [22, с. 76].

На вершине жизненного пути, особо не нуждавшиеся прежде в Божественной помощи в актуальной повседневности, обусловленной военизированным образом жизни, казаки обращались к Богу, вспоминали традиции, прививавшиеся им в детстве. Для них завершением жизни часто становился уход в монастырь, где они залечивали раны, отдыхали в старости, получали надежное пристанище и гарантию сохранения по христианским канонам и, возможно, спасение души после смерти, ибо совершение смертного греха – убийства – было их профессией, а принесение монашеских обетов, по поверьям того времени, освобождало от всех ранее совершенных грехов. Вот здесь и включается механизм гегемонной маскулинности по защите той части казаков, какие по определению должны встретиться с естественной смертью, но казачья идеология и культурные представления славянского воинского коллектива обуславливали социальную защиту и экспектации немощных мужчин-казаков. В таком институциональном контексте и появляется пер-

вый своекоштный монастырь в Земле Донских казаков – Монастырский городок, о котором известно из работ донского краеведа середины XIX в., протоиерея Воскресенского собора в Черкасске Г. А. Левитского. История Монастырского городка обычно связывается с завоеванием казаками крепости Азов, Азовским осадным сидением, а затем с панихидами по убиенным донцам в монастырской часовне, сожженной¹ в 1644 г. [3, с. 302; 4, с. 92; 13, с. 133; и др.]. Но все без исключения сообщения о панихидах ограничиваются церковно-историческим контекстом, а, с точки зрения гендерной повестки, речь идет о совокупности социальных практик и жизненных стратегий, избранных казачьей общиной, в гендерно-этнографическом плане рассмотренных М. А. Рыбловой, раскрывающей социокультурную специфику мужских военизированных казачьих сообществ на Дону со времени их зарождения до первой трети XIX в. [20, с. 13]. Мы же в функционировании первого монастыря наблюдаем множественность моделей маскулинности с иерархией отношений гегемонии, доминации / субординации и маргинализации: 1) монахи-основатели (относительно привилегированная часть – иеромонахи); 2) постриженные в монахи на месте (рясофоры); 3) жители (паломники, трудники, послушники) городка-подворья, причем, все они мужского пола (о женщинах источники ничего не сообщают), прошедшие отречение от прежних социальных статусов при поселении в монастыре и смиренном принятии монашеского образа жизни.

Монастырский городок казаки построили около 1593 г. в Монастырском урочище, в 7 верстах ниже по Дону от Черкасского городка [14, с. 112–113]. Насельниками обители являлись приглашенные для совершения богослужений монахи Киевского Межигорского монастыря [14, с. 112], поскольку среди донских казаков монахов не было. Уточнение происхождения насельников нового подворья важно в плане понимания монастырской иерархии, ведь Межигорский монастырь, располагавшийся недалеко от Киева, особо почитался малороссийскими казаками, находился на положении ставропигиального монастыря, и в 1650-х гг., после разрушения поляками-католиками Трахтемировского монастыря, стал главным войсковым монастырем запорожского казачества. В период строительства Монастырского городка, Межигорский монастырь почитался черкасами (т. е. донскими казаками), хотя и не имел тогда статуса войскового. Тем самым, донцы монастырь не обустроивали сами, а пригласили монахов из Межигорья. Это объяснимо тем, что казаки, происходившие из центральных областей России и даже российских окраин (Воронежской и Тамбовской губерний) предпочитали для поклонения русские монастыри, например, Соловецкий, о чем повествуют многие документы Посольского приказа [8]. Основание Монастырского городка и рекрутирование в него малороссийских иеромонахов можно считать правомерной инициативой малороссийских казаков, мигрировавших на Дон. Подтверждением служит факт обратной религиозной взаимосвязи, когда этот монастырь выступал также

¹ Ныне мемориальная каплица в Монастырском урочище восстановлена, и в РПЦ она называется часовней во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Причем, часовня выстроена не совсем на том месте, где была изначально.

источником монахов-священников и для Запорожской Сечи [14, с. 112]. Тем самым, складывалась некая иерархия в отношении казаков к тем или иным мужским монастырям, которые они были готовы посещать в качестве паломников, и это отвечало их социальным ожиданиям, ибо там наличествовала приемлемая для казачьей культуры религиозная и гендерная идентичность и протекала вторичная морально-нравственная социализация казаков-воинов, возвращавшихся из военных походов с богатой добычей, а, соответственно, доставлявших щедрые пожертвования монастырям.

Монастырский городок по внешней конфигурации мало чем отличался от других укрепленных казачьих городков, располагавшихся в зоне южнорусского фронта, и был вооружен пушками. Визуальным признаком православного монастыря являлась богато украшенная часовня, где ежедневно отправлялось православное богослужение иеромонахами Киевского Межигорского монастыря, присылаемыми по просьбе донских атаманов [14, с. 112]. Насельники монастыря могли дать отпор внезапно напавшему неприятелю. В результате повседневного взаимодействия сложилась модель доминации / субординации исключительно социогендерного порядка, когда казаки и монахи проживали рядом, каждый занимался своим делом, но они оказывали поддержку друг другу на благо местного сообщества и в служении Богу.

До трагического сожжения турками-мусульманами в 1644 г. Монастырского городка с часовней, межигорские иеромонахи отправляли и в Черкасске все христианские требы¹; они же участвовали в Азовском походе, где 18 июня 1637 г., «отслужив молебен под стенами Азова и причастив Донское 7-ми тысячное ополчение Святыми Тайнами, окропив оружие их святой водою, благословили казаков на взрыв Азовских стен и на ратный бой с турками» [14, с. 113]. Причем, по данному обету погибших погребали на кладбище Монастырского городка, которое до настоящего времени не сохранилось, но о нем напоминает восстановленная в 1867 г. (и вновь отреставрированная и освященная в 2005 г.) часовня. Монахи в ситуации штурма города-крепости Азов выполняли и внецерковную социальную роль (сражались вместе с казаками), производную от основной деятельности. Здесь мы наблюдаем классическую драматургию символического интеракционизма по модели Ирвинга Гофмана, гендерно ориентированную составом участников взятия Азова, если исходить из трактовок гендерной концепции. Так, при попытке турок отбить обратно Азов, на крепостных стенах вместе с казаками оборонялись 800 (!) женщин-казачек, а еще храбро билась тысяча казаков-запорожцев. Поражение от защитников Азова во главе с атаманом Войска Донского Осипом Петровым оказалось сильнейшей социальной травмой для отступившего объединенного войска, где участвовали даже наемники из Западной Европы. В результате даже турец-

¹ Первые упоминания о Черкасском городке на Дону в исторических актах датируются 1570 г. Казаки уже жили в Черкасском городке, когда 1593 г. появился Монастырский городок. Действительно, в 1643 г. турки сожгли не только Монастырский, но и Черкасский городок в отместку за их военно-политическое унижение под Азовом. Но в 1644 г. Черкасский городок, в отличие от Монастырского, был восстановлен и сделался главным центром донского казачества вплоть до 1804 г.

кий военачальник паша Гуссейн-дели от постигшего его «стыда и унижения» умер, возвращаясь в Османскую империю. Такая же участь постигала многих иностранных завоевателей, возжелавших нанести стратегическое поражение России в ее эндемическом геополитическом поле.

Насельниками городка были не только межигорские монахи, туда поступали «на вечную жизнь все старые и от ран увечные донские казаки для окончания дней своих в повседневных молитвах, а желавшие из них иночества, принимали здесь монашеский постриг» [15, с. 141].

Монастырский городок сохранился в исторической памяти населения Донского региона до наших дней, и Монастырское урочище, в котором стоит мемориальная каплица (поминальная часовня), по-прежнему притягивает людей. Урочище славно не только наличием памятников, но и тем, что здесь похоронены представители трех исторически разных поколений героев Азовского осажденного сидения, Гражданской и Великой Отечественной войн. Сегодня это единственный пример, однозначно свидетельствующий о функционировании типа «казачьих» своекоштных монастырей, характерных непосредственно для территории Дона.

Монастырский городок своим существованием, во-первых, помог установить религиозную преемственность с другими монастырями, в частности, с Киевским Межигорским монастырем; во-вторых, выполнял важную роль духовного центра донского казачества в 1593–1637 гг.; в-третьих, здесь православными монахами совершались богослужения по каноническому обряду; в-четвертых, городок представлял собой укрепленное поселение, монастырское подворье, способное оказать сопротивление неожиданно появившемуся неприятелю; в-пятых, это сакральное место исторической силы донского казачества, и сегодня притягивающее казаков и иные группы населения Дона; в-шестых, это яркий пример гегемонной маскулинности традиционной казачьей идеологии и культурно-исторических представлений о генерализующих поселениях Казачьего Присуда (своего рода «обетованной земли казаков»).

Донской регион соответствовал категории гегемонной маскулинности, в трактовке австралийского социолога Р. Коннелл [11], а Войско Донское может рассматриваться как гегемонный властный институт, где женщины выполняли подчиненную гендерную роль. В настоящее время гегемонная маскулинность сменилась феминной, ведь в Ростовской области сегодня функционируют только три монастыря: Свято-Иверский женский монастырь (Ростов н/Д), где настоятельствует игуменья Рахиль (Ковалева), Донской Старочеркасский Ефремовский мужской монастырь (ст. Старочеркасская Аксайского р-на) и Покровский Верхнемакеевский мужской монастырь (слобода Верхнемакеевка Кашарского р-на Ростовской области). В женском монастыре насчитывается 35 насельниц, в Старочеркасском мужском – около 20 монахов (по сведениям из личной беседы с настоятелем, игуменом Сергием (Коломицем), а численность Верхнемакеевского монастыря официально не разглашается, из устных свидетельств его посещавших известно, что там выполняют послушание менее 5 насельников.

В социальном плане мужские монастыри, если не приглаживать сложившуюся ситуацию, представляют собой общежитие холостяков, не прошедших социализацию и не желающих социализироваться. «Проблемных» монахов без лишней огласки отправляют в Покровский Верхнемакеевский мужской монастырь. Возникает закономерный вопрос, сможет ли, например, такая община достойно принять казаков из числа ветеранов СВО, если они решат последовать примеру предков и принять монашеский постриг?! Возможна ли реализация таких социальных ожиданий?

Анализ современной деятельности Донского Старочеркасского Ефремовского мужского монастыря позволил выявить реализацию следующих функций: богослужебной, просветительской, благотворительной, миссионерской и антисектантской. Монастырь осуществляет взаимодействие с Аксайским юртом войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское».

«Казачий» Покровский женский монастырь как социальное пристанище

Донские ктиторы (благотворители) не ограничивались материальной поддержкой мужских монастырей, ведь, с одной стороны, вложить денежные средства в ктиторею считалось благоразумным поступком, а, с другой стороны, оказать поддержку женщинам, стремящимся к иночеству, являлось христианской добродетелью. Так возник в 1623 г. Воронежский Покровский женский монастырь, основанный старицей Марфой и 30 инокинями. Он долго служил пристанищем для вдов и незамужних дочерей казаков, будучи единственным в бассейне Дона, которому оказывали материальную помощь донские казаки, что зафиксировано в актах монастыря: «В тот монастырь, донские казаки, въезжают с Дону наши, холопей твоих, матери и сродницы по обещанию своему пострижены, а иные погребены, а кроме девица монастыря выехать с Дону сродницам нашим для душевного спасения негде: девичих монастырей, кроме того монастыря смежно к Дону нет» [10, с. 36]. Монастырь выполнял типичные для любой обители богослужебные функции: организация деятельности общины православных христианок, пострижение послушниц в монахини, погребение усопших по христианской традиции. За реализацию социальных ожиданий: найти в монастырских стенах приют их вдовам и дочерям, донские казаки в течение XVII в. не раз выступали с ходатайством перед правительством, и оно «находило полезным поощрять казаков, чтобы тем усилить их служебную ревность» [18, с. 189].

К концу XVII в. материальное положение монастыря ухудшилось, поскольку на его земли стали претендовать жители городка Коротояка. В обители тогда начались нестроения между монахинями, опиравшимися в конфликте на воронежских родственников, и произошла смена игуменьи. Игуменью Иулианию (Прибыткову) церковные власти вытребовали в Москву, лишили сана и сослали на послушание в Новгородский

Тихвинский монастырь. Настоятельницей монастыря стала игуменья Вера. Поданная женской обителью челобитная к Войску Донскому вызвала челобитье со стороны Войска к великим государям Иоанну и Петру о защите монастыря от обид коротоячан [18, с. 187]. Однако есть иное объяснение этого конфликта, поскольку игуменью Иулианию в 1688 г. вызвали в Москву из-за ставших известными ее контактов с донской ревнительницей «старой веры» старицей Капитолиной. Покровский монастырь тогда привлекал у себя не принимавших пострига вдов, болящих, последовательниц «старой веры», и одновременно получал специальную ругу (выплату из государственной казны на каждую монахиню в отдельности, не менее 2 руб. на инокиню) [18, с. 199]. Получалось, что донские казаки защищали старообрядческие традиции перед Московскими государями, поддерживавшими Православную (по понятиям старообрядцев, «никонианскую») Церковь. Однако казачество выступало в данном случае не против православия, а наперекор церковной иерархии; оно противостояло навязываемым Дону священнослужителям и действовало вопреки епархиальной бюрократии.

Покровительство донских казаков обусловило «уклонения монастыря от подчинения епархиальному начальству и обращения за заступничеством пред высшим правительством к донскому казачеству» [18, с. 174]. Нестроения в жизни Покровского монастыря обнаружились при святителе Митрофане, епископе Воронежском. Так, в 1699 г. монастырский священник Петр «бил челом» Митрофану, что «вклады в монастырь, рубля по три и по четыре с каждой вновь постригаемой, игуменья Ирина с сестрами промеж собою делят по кельям, а в церковь Божию ничего не дают; да также кои старицы мрут, а их кельи остаются, и они отдают свойственникам их, а иные сами продают, и те деньги по себе же берут, а записки никакой приходу и расходу не записывают исстари и не хотят; да также кои вотчинные угодыя отдают на откуп [в аренду. – *авт.*], из тех денег не дают же на церковное строение» [18, с. 186]. Если на челобитную посмотреть иначе, то монахини во главе с игуменьей занимались самообеспечением, ведь никакого смысла в накоплении денежных средств в монастыре нет, кроме как потратить на монастырские надобности. Что подтолкнуло священника Петра подать жалобу – человеческая жадность, или пастырская зависть, или мужская мизогиния (а гендерный аспект здесь также присутствует), или просто глупость, ныне судить сложно, но челобитная возымела действие, и Воронежский архипастырь занялся упорядочением и регламентацией внутренней жизни обители. Чем он при этом руководствовался, установить теперь вряд ли возможно, но не только религиозными соображениями, ибо его деятельность в епархии была направлена на накопление средств для храмового строительства. В 1699 г. игуменья Ирина ходатайствовала перед Патриархом Московским и всея Руси Адрианом о приписке обители к Патриаршим домовым монастырям, но получила отказ, и к отказу явно причастен авторитетный воронежский епископ, святитель Митрофан, ибо вряд ли бы стал патриарх принимать столь ответственное решение, не связавшись с влиятельным местным архиереем.

В епархиальном конфликте донские казаки решили поддержать Покровский женский монастырь. В ответ на челобитную Войско получило в 1685 г. резкую отповедь, в которой цари Иоанн и Петр требовали, чтобы Донское войско «впредь в такие дела не вступались, потому что такие дела им не надлежат, и наперед сего атаманы и казаки старые никогда в такие дела не вступались, а буде какое дело есть того монастыря у стариц, и они б били челом им, великим государям, на Москве сами и против их челобитья, в чем пристойно их, государственной, указ учинен был» [18, с. 188]. Так центральная власть пресекла влияние донских казаков. В монастыре хранился ценный архив, где с XVII в. берегались уникальные документы, определявшие его имущественные права и внутреннюю жизнь, часть из них опубликовал С. Е. Зверев [10].

Нестроения в монастырях, которым покровительствовали донские казаки, и нежелание тамбовского и воронежского архиереев иметь дело с такими «ктиторами», обусловило основание в Земле Донских казаков собственного Усть-Медведицкого Преображенского женского монастыря. В 1785 г. по ходатайству войскового атамана Войска Донского, генерал-майора А.И. Иловайского, переживавший тогда не лучшие времена, Усть-Медведицкий мужской монастырь преобразовали в женский, для чего туда перевели всех 40 девиц Сиротинского девичьего собрания, составлявшего женскую православную общину под руководством диакона Сиротинской станицы Василия Михайлова. Первой настоятельницей монастыря стала вдова войскового старшины Мария Абрамовна Карпова.

В целом же, «казачий» своекоштный Воронежский Покровский женский монастырь реализовывал, кроме обычных богослужебной и социально-призренческой функций, иные направления в повседневной деятельности: привечал представительниц старообрядчества с территории Дона, занимался самообеспечением за пределами обители, добивался автономии в делах внутреннего управления и привилегий (причисления к Патриаршим домовым монастырям), и пр. Однако женский монастырь не смог должным образом в длительной перспективе развить депозитарную, вотчинную (владельческую), поселенческую (монастырско-подворную) функции. Когда же влияние донских казаков на дела монастыря практически сошло на нет, то они выхлопотали преобразование Усть-Медведицкого мужского монастыря в женский, который после многих перипетий действует и в настоящее время.

Существование женских обителей, создаваемых казаками вдали от линии южнорусского фронта, это не только удовлетворение насущных потребностей казачек в вознесении благодарственных молитв Всевышнему, но и реализация гендерной, женской религиозности, хотя дискуссии на тему о гендерной дифференциации православной веры до сих пор продолжаются. Тем не менее, для воцерковленных казачек, равно как и для других россиянок, православная вера в рамках социальных экспектаций – это, прежде всего, жертва и труд, облагораживание своей души молитвой. Однако для казачки нередко попадание в монастырь являлось также выходом из противоречивой жизненной ситуации: угасание домашнего хозяйства без

мужа, желание лучше устроиться при материальном неблагополучии, просроченное время выхода замуж для старых дев, семейный разлад в большой казачьей семье, когда казаки-отцы насильно сдавали нескольких своих дочерей (до четырех одновременно) на монастырское попечение, и пр. Социализация казачек в монашеской обители имела ограниченный характер, за исключением познания богослужебных практик.

Поэтому мы поддерживаем исследовательскую позицию по «изучению женских эго-документов, женских жизненных сценариев», поскольку именно вот так можно «увидеть, как за кажущимися случайностями жизни, очень индивидуальными жизненными путями и предстоящими добровольными решениями скрывается социально-структурирующее начало» [19, с. 16], что и происходило в «казачьих» своекоштных женских монастырях.

На примере современного Свято-Иверского женского монастыря можно наблюдать три жизненных сценария. Во-первых, это обеспечение функционирования большого архитектурного комплекса. Во-вторых, Иверский монастырь находится на полном самообеспечении за счет деятельности монашеской трудовой коммуны сельскохозяйственного профиля (с преимущественно тяжелым ручным трудом). В-третьих, монастырь осуществляет на своей территории экскурсионно-туристические программы, принимает паломников и обеспечивает доступ посетителей к почитаемому народом водному источнику. Тем самым, социально-структурирующее начало Свято-Иверского женского монастыря заметно отличается от его исторических предшественников на донской земле.

Религиоведческая компаративистика жизнедеятельности «казачьих» монастырей

«Казачьи» монастыри находились в полосе южнорусского фронта, носившего не только цивилизационный характер в рамках межкультурного пограничья, где сталкивались различные религиозные системы, хотя казаки не выполняли исключительной миссионерско-религиозной роли, но они охраняли, по их мнению, «Божью дорогу», имея в виду реку Дон, связывавшую их с русскими землями, веками ограждали Русь от атак «басурманов». В своих монастырях казаки стремились защитить свое видение православной веры и, прежде всего, права мирянина и заслуженного воина на безмятежную старость, достойное успокоение тела и совести, уход души в мир иной после приличествующего погребения усопшего в пределах принятой православной традиции. Некоторые параллели этой традиции можно найти в практике св. Иосифа Волоцкого (1439–1515) по организации приютов для увечных воинов. Военно-политические особенности южнорусского фронта предопределяли относительную свободу донских казаков в отстаивании автономного статуса проказацких монастырей, где они устанавливали привычные, как у себя на Дону, порядки внутримонастырской жизни, соответствующие их социальным ожиданиям, хотя назвать такое положение вещей ценностным фронтиром нельзя.

Кроме рассмотренного выше Монастырского городка, существовали следующие казачьи обители: Чернеевский Никольский мужской монастырь (основан в 1573 г.) у города Шацка на Рязанщине; Борщевский Свято-Троицкий мужской монастырь (ок. 1613); Усть-Медведицкий во имя Преображения Господня, или Межигорская Спасова пустынь (1665); Мигулинский во имя Святой Троицы (1690); Кременской во имя Вознесения Господня (1693).

Один из старейших казачьих монастырей, Чернеевский Никольский мужской монастырь, как нам удалось установить, выполнял четыре основные функции: богослужебную, когда донцы принимали иноческий постриг и кардинально меняли свой социальный статус; социально-призренческую, когда они получали гарантированную возможность устроить на постоянное проживание пожилых и увечных, а, соответственно, заранее формировали благополучную жизненную перспективу мирного пребывания в монастыре; депозитарную, когда они могли вложить и сохранить большую часть своих добытых в военных походах активов; вотчинную, где за пределами Дона казаки чувствовали себя как дома и являлись полноправными распорядителями в монастырских делах. Именно вотчинная функция считалась главенствующей, ибо от нее зависело все остальное.

Второй по значимости, Борщевский Свято-Троицкий мужской монастырь функционально обеспечивал богослужебные потребности, включая иноческий постриг, также решал социально-призренческие задачи, принимая к себе пожилых и увечных казаков, служил подворьем для поселения части донских казаков в прилегающей слободке, где царили типичные казачьи нравы. Донские казаки считали монастырь войсковым, своекоштным и практически добились для него автономии от Воронежского епархиального архиерея.

«Казачьи» монастыри Чернеевский и Борщев выполняли несвойственные для других монастырей Русской православной Церкви социально-политические функции, ведь донские казаки часто использовали их в целях, далеких от мыслей о спасении души. Как замечал П. В. Никольский, полумирской характер монастырей, выражавшийся в поступлении в них инвалидов, а также определение государственной руги (выплаты) не только на монастыри, но и на отдельных монахов, почти неизбежно делали в это время монастыри особножитными [18, с. 199], в которых монахи вместе собирались только для общей молитвы. Монастыри служили перевалочным пунктом для беглых крестьян на Дон и посольских казачьих станиц, следовавших с Дона в Москву и обратно.

Однако какие бы функции «казачьи» своекоштные мужские монастыри ни выполняли, богослужебная оставалась базисной, ведь казаки приходили на богомолье, причем, не важно, в каком качестве: насельников, паломников, гостей, жителей монастырского подворья. Казаки-воины являлись преимущественно с благими намерениями, а в Св. Писании говорилось: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф., 5:9). Во фронтирном регионе не хватало той самой любви, сочувствия, поддержки, которую казаки находили в монастырях, в той же Матфеевой

пустыни, и здесь не избежать аналогий символического интеракционизма евангелического текста и поименования «казачьего» своекоштного мужского монастыря. И если бы не было православной веры в душах казаков-воинов (а «душа по природе христианка», согласно известному теологу Тертуллиану), то не существовало бы и славных побед донского казачества.

При этом в казачьей среде (как в прошлом, так и в наши дни) заметна тенденция принятия церковных усилий по богослужению как некоей обязательной, официальной программы, которую необходимо выполнить и соблюсти безусловные для исполнения религиозные практики, что в итоге приводит к несколько притворной религиозности. Следует подчеркнуть маскулинный характер воинского типа религиозности казачества, приносимого в монастыри казаками, чей боевой путь оказывался завершен, а вот мужская мудрость у них как раз нарождалась. Изначально казак убежден, что он должен «воевать» (где-то на стороне, отбиваясь от неприятеля, направляясь в поход за зипунами и т. п.), и он ищет «свою войну», а нашедши, пройдя эту самую войну, затем отходит в сторону в поисках спасения своей души. Причем, часто казак воюет до последнего, и материальное бытие его волнует сейчас, а божественное, спасение души – это дело грядущего. Казак принимает мысль о вере как средстве достижения поставленной цели и его всегда сопровождает мысль об Отечестве земном как цели его мужской защиты, главенствующей задачи своего участия в войне, без которой ему сложно представить собственное существование.

Само появление ряда своекоштных мужских православных монастырей, особенно Монастырского городка, обуславливалось воинским типом религиозности донского казачества. С одной стороны, это может трактоваться как социокультурный феномен, а, с другой, интерпретироваться как результат религиозных практик гендерного порядка в достаточно широком диапазоне деяний от эмоциональной рефлексивности делового эпистолярия до внесения материально-финансовой руги (выплат и пожертвований) из средств войсковых капиталов и части военной добычи. При анализе монастырской повседневности «казачьих» обителей плодотворными могут считаться гендерные мыслительные модели донского казачества, где гегемонная маскулинность предопределяет цель, процесс и результат. Но понимаемая нами проблема казачьей доминации в отношениях с Русской православной Церковью на историческом этапе до окончательного вхождения в подчинение Московскому Патриархату не подчеркивает общей гегемонии казачества над церковной организацией, равно как и стремление церковных иерархов к упорядочению и регламентации внутренней жизни «казачьих» монастырей, проведения ими исключительно анти-казачьей религиозной политики. Русская Церковь традиционно выступала в качестве теистической корпоративной структуры, тесно связанной с государственной властью, с помощью которой она проводила желаемые для нее административные решения. Это проявилось в ряде социальных конфликтов с «казачьими» монастырями, исторически продемонстрировавшими гендерный тип религиозности, когда численно преобладавшие мужские монастыри постепенно стали уступать место женским. К началу

XX в. в Области Войска Донского – регионе, подчиненном, в первую очередь, военным нуждам иррегулярного казачьего Войска, всего действовали 8 монастырей, из которых только два были мужскими. Вместе с тем, следует непременно отметить существование вплоть до 1930-х гг. отдельных келеек «подземников», когда пожилые донские казаки небольшими группами селились в вырытых пещерах за пределами поселений, в дальних урочищах, но это лишь отчасти связано с монастырской культурной традицией.

Монастыри Русской Церкви в изученной социальной реальности стали неотъемлемой частью повседневности донского казачества, начиная с последних десятилетий XVI в. Воинами южнорусских фронтирных территорий и значительно позже Войсковой канцелярией Войска Донского монашеские обители понимались как гендерные социальные институты, в которых казаки, получившие ранения или ставшие немощными, могли обрести место, где о них будут хорошо заботиться, а затем похоронят по христианским канонам. Женские «казачьи» обители также воспринимались как гендерные социальные институты, но туда донские казаки привозили казачьих вдов, оставшихся без своих кормильцев, и девиц казачьего происхождения (до четырех сестер одновременно!), для которых отцы не могли найти достойных (на их взгляд!) мужей. Однако, помимо имманентно присутствующих православным монастырям богослужебной и социально-призренческой функций, «казачьи» своекоштные монастыри выполняли инаковые, генерализующие повседневность, функции: социально-политическую, депозитарную, вотчинную (владельческую), поселенческую (монастырско-подворную), благотворительную и архивную.

«Казачий» своекоштный монастырь представлял собой культурную целостность, а «каждая культурная общность обладает спецификой знакового множества, отличающей ее от других культурных образований, но в то же время семейство множеств и семейство семейств знаковых множеств объединены хотя бы одной, общей для всех, системой знаков, что позволяет рассматривать их как единое образование» [21, с. 153]. Соответственно «казачьи» своекоштные мужские монастыри выступали как важнейшие центры казачьей культуры, ибо, с позиций социосемиотики, они являлись тем самым символическим пересечением для казачьего сообщества, местом исторической силы Дона, обладающим знаковой мощью.

В своекоштных монастырях первичная гендерная гегемония казачьих мужских сообществ трансформировалась во вторичный статус социально незащищенных лиц из числа пожилых, больных и увечных казаков, ради которых в их социальных экспектациях другие казаки становились активными групповыми ктиторами (благотворителями), выступали последовательными защитниками социально-религиозных прав монастырей, вступали в острые и длительные конфликты с российскими государственной и церковной властями. Гендерно ориентированные «казачьи» своекоштные монастыри продемонстрировали два вытекающих отсюда типа религиозности, и, хотя Господь уравнил мужчин и женщин в праве веры и молитвы, овеществленная мужская вера казаков в определенной мере противостояла самоотреченной женской вере казачек, при этом единство

православной веры казаков и казачек не подлежит никакому сомнению при всех гендерных особенностях обращения к Богу. Именно в этом коренятся истоки религиозного притяжения для казаков своекоштных мужских и женских православных обителей.

Донцы стремились легитимизировать свое господство над монастырями (правда, это не всегда им удавалось), чтобы их использовать за пределами свойственных этим социальным институтам функций в рамках воинского типа религиозности, хотя они исторически в большинстве своем всегда оставались правоверными христианами (но их нельзя именовать *homo religiosus*, исходя из философско-антропологической концепции Макса Шелера), в каких бы в религиозно-государственных конфликтах казаки не оказывались, поэтому их благодарные потомки сегодня с искренними чувствами глубокого морально-религиозного удовлетворения до сих пор публично и гордо произносят патриотичный фразеологический оборот: «Служу вере Православной, Дону и Отечеству!».

Современные перспективы возрождения казачьих монастырей

Развитие процессов возрождения казачества, активное его вовлечение в военную службу с участием в боях в зоне СВО (до 19,5 тыс. казаков, находящихся постоянно на линии фронта), поддержка казачества политическим руководством России и высшими иерархами Русской православной Церкви (5 марта 2010 г. по инициативе Патриарха создан даже Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством) актуализирует проблему воссоздания казачьих монастырей, ибо уже десятки тысяч казаков вернулись из зоны СВО, многие казачки, к сожалению, не дождались своих близких домой. Душевное здоровье посттравматической социальной группы казаков и казачек нуждается в поддержке Русской православной Церкви. Однако, остается больной проблемой самоидентификация казаков, и по этой причине казачья составляющая монастырей сегодня никак не фиксируется, к примеру, чуждым этот вопрос оказался Свято-Иверскому женскому монастырю и Донскому Старочеркасскому Ефремовскому мужскому монастырю, поскольку они не готовы обращать внимание на казачье происхождение насельников и насельниц, подчеркивать именно этот их социокультурный статус. Более того, современная концепция РПЦ настаивает на идее универсальности и отказывается учитывать особенности субкультур, в том числе и малых народностей. В связи с этим наблюдается резко негативное отношение ряда церковных иерархов РПЦ к казакам, практически не высказываемое широкой аудиторией, что предопределяет исключение даже мысли об официальной регистрации в монастырях насельников-казаков. С другой, светской стороны такой вопрос является исключительно внутрицерковным делом и предметом религиоведческой концептологии.

Современные монастыри в Ростовской области (как, мужские, так и женские) утратили характерные черты обителей, создававшихся в свое время донскими казаками для реализации социальных ожиданий. Во-первых, казачья составляющая минимизирована, сведена по большей мере к окормлению донских казаков как мирян. Во-вторых, современная теологическая православная концепция генерализующей тенденцией функционирования монастырей объявляет вознесение молитвы к Богу, хотя негласной задачей остается «добывание средств» на содержание обители, внесение епархиального налога и др. Утрачена прежняя социальная составляющая, присущая монастырям дореволюционного периода, а они, в том числе, содержали приходские школы, где обучали мальчиков (в мужских) и девочек (в женских) грамоте, домашнему ремеслу и рукоделию. Также при обителях функционировали небольшие богадельни. Сегодня Донской Старочеркасский Ефремовский мужской монастырь пытается призывать престарелых монахов и верующих, но очень ограниченное число.

С 2014 г. Вознесенский войсковой всеказачий Патриарший собор в Новочеркасске, главный храм Донского казачества является Патриаршим кафедральным собором Патриарха Московского и всея Руси. Со времени освящения его в 1905 году он принял социально-культурную эстафету и статус главного войскового храма от старинного Воскресенского войскового собора в станице Старочеркасской (ныне относится к Аксайскому р-ну Ростовской обл.) и действительно (причем, и сегодня!), воспринимается донскими казаками как «второе солнце Дона». Понятие «сакральность» вполне применимо к храму в Новочеркасске, ибо от этого собора зримо исходит свет благодати, очищающий повседневный мир, донское казачье пространство – когда от креста главного купола сияющие лучи реально распространяются на расстояние до 15 километров за счет встроенных в крест кристаллов горного хрусталя, и такой физический эффект потрясает любого казака и гостя Дона. Архитектурное изящество храмового здания окунает человека в мир непередаваемой словами красоты, созданной человеческим гением, от чего просто захватывает дух, причем, как на просторе большой соборной площади, где всегда любят собираться казаки, так и внутри, где буквально сжалось и сохранилось историческое время донского казачества, самые ценные для него образы, например, на главном купольном барабане удалось сберечь точный список чудотворной Аксайской иконы Божией Матери Одигитрии. При виде Вознесенского войскового всеказачьего Патриаршего собора в Новочеркасске и нахождении внутри главного казачьего храма душу донского казака наполняет гордость за свой Тихий Дон, за эту неповторимую малую Родину, в чем мы неоднократно убеждались лично при встречах с казаками. Перечисленные выше характеристики собора в Новочеркасске предопределили его три статуса: 1) главная святыня Дона; 2) наивысшее положение Патриаршего в Русской Православной Церкви; 3) всеказачьего, т. е. для всего российского казачества.

Мы полагаем, что пришла пора сделать следующий шаг по учреждению на Дону казачьего монастыря, и он по силам предстоятелю Русской православной Церкви. С помощью попечения Патриарха Кирилла, с учетом его личной целеустремленности, открытости, спокойствия и умения находить компромисс, как мудрого епископа, мужская обитель на Дону сможет решить обозначенную нами актуальную насущную проблему социального признания казаков, избирающих монастырскую жизненную траекторию. Причем, желательно, чтобы Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл принял бы высшее духовное водительство над казачьим монастырем и сделал его Патриаршим домовым монастырем. К тому же, Концепция Русской Православной Церкви по духовному окормлению казачества, которая утверждена Высшим Церковным Советом 9 сентября 2015 г. в пункте 4.1, подпункт «е» предусматривает: «восстановление культурного наследия (в том числе памятников казачьей культуры, казачьих храмов и монастырей)», что в практическом отношении предполагает, как говорится в пункте 4.7, подпункты «в» и «г», «участие в разработке проектов реставрации и восстановления памятников казачьей культуры, казачьих храмов и монастырей»; «взаимодействие с общественными организациями и учреждениями культуры в сфере сохранения и возрождения памятников культуры, в том числе православных храмов, часовен и монастырей» [12]. Иначе говоря, появление казачьих монастырей в настоящее время относится к числу актуальных социальных экспектаций (ожиданий и надежд) донского казачества и Русской православной Церкви.

Библиографический список

1. Баева Л. В. *Типология и проблемы изучения южно-российского фронта* // Вестник ВГУ. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 2(22). С. 32–38. EDN: SNEFNB.
2. Балугев П. С. Исторические и статистические описания станиц и городов, посещаемых г[осподином] военным министром при объезде Его Превосходительством Области Войска Донского в 1900 году / Сост. Генерального штаба полковником П. С. Балугевым. Новочеркасск: Области Войска Донского тип., 1900. 242 с.
3. Броневский В. Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод: В 4 ч. СПб.: В тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1834. Ч. 1. 322 с.
4. Быкадоров И. Ф. Донское Войско в борьбе за выход в море (1546–1646 гг.). Париж: Изд. А. Е. Алимова, 1937. 120 с.
5. Воденко К. В., Иванченко О. С., Шевченко О. М. Боевые традиции казачества в годы Великой Отечественной войны и в современности // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 2. С. 50–70. EDN: EILHPQ.
6. Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев: Госполитиздат УССР, 1957. 462 с.

7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 302 с. EDN: QONBER.
8. Донские дела: в 4 кн. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1898. Кн. 1. 1081 с.
9. Донские дела: в 4 кн. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. Кн. 4. 1014 с.
10. Древние акты Воронежского Покровского девичьего монастыря / Собраны и приготовлены к изданию преподавателем Воронежской духовной семинарии С. Е. Зверевым. Рязань: Рязанская ученая архивная комиссия, 1890. VIII, 47 с.
11. Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: НЛО, 2015. 425 с. EDN: WRKYTR.
12. Концепция Русской Православной Церкви по духовному окормлению казачества. URL: <https://www.skvk.org/wp-content/uploads/2015/10/concept.pdf> (дата обращения: 30.08.2025).
13. Королев В. Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Дончак, 2007. 239 с.
14. Левитский Г., прот. Монастырское урочище или Монастырский городок // Донские войсковые ведомости. 1866. № 22. С. 112–113.
15. Левитский Г., прот. Монастырское урочище или Монастырский городок // Донские войсковые ведомости. 1866. № 26. С. 141–142.
16. Мизис Ю. А., Скобелкин О. В., Папков А. И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского ун-та. Гуманитарные науки. 2015. № 10(150). С. 7–15. DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15; EDN: VBXUCH.
17. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д.: Ростовский ун-т, 1998. 510 с. EDN: XHFEEB.
18. Никольский П. В. Положение монастырей Воронежской епархии при святителе Митрофане // Воронежская старина. Воронеж: Типолитография В. И. Исаева, 1903. Вып. 2. С. 170–210.
19. Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Методология эмоциональной рефлексивности при анализе текстов, описывающих религиозные практики мужскими и женскими информаторами // Религия, религиозные организации, стратегии и практики дерадикализации: гендерный аспект / Под ред. О. С. Мутиевой, С. В. Сиражудиновой. Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 12–17. EDN: VHFCXI.
20. Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2009. 51 с. EDN: NLBSPL.
21. Скорик А. П., Лукичев П. Н. Станица или столица: культурологический аспект возрождения казачества // ПОЛИС. Политические исследования. 1992. № 3. С. 153–155. EDN: UIAVSR.

22. Скорик А. П., Шадрина А. В. Социовитальный характер религиозности в повседневности донского казачества // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 2. С. 61–80. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5; EDN: YXPVDZ.

23. Собрание документов Русской Православной Церкви. Нормативные документы. М.: МП РПЦ, 2013. Т. 1. 544 с.

24. Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского: В 2 кн. Ростов на/Д: Терра, 2005. Кн. 1. 224 с.

25. Тюменцев И. О. Казачьи городки XVI – начала XVIII столетий: перспективы изучения // Перспективы изучения казачьей истории в условиях новых вызовов времени / Отв. ред. А. В. Венков. Ростов на/Д: ЮНЦ РАН, 2023. С. 7–31. EDN: JIYFUV.

Получено редакцией: 23.02.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук

Шадрина Алла Валерьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела гуманитарных исследований

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.7

On the Specifics of Don Cossack Monasteries (Gender Aspects)

Alexander P. Skorik

Platov South-Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russia

s_a_p@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1283-8137

Alla V. Shadrina

Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

bergson@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1925-0216

For citation: Skorik A. P., Shadrina A. V. On the Specifics of Don Cossack Monasteries (Gender Aspects). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 120–141. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.7; EDN: ZCSHDP.

Abstract. The article examines the specifics of the monastery as a social institution within a distinct society—the Cossacks. In the public consciousness, a monastery is traditionally perceived as a closed ecclesiastical institution, where monks pray in the church and cells, interacting little with the outside, secular world. However, in the “Cossack” self-supporting monasteries examined in this article, the situation was somewhat different. These monasteries performed a variety of functions: liturgical, social welfare, socio-political, depository, patrimonial (ownership), settlement (monastery-household), charitable, and archival. According to the authors, frontier and gender concepts allow us to view a number of issues of monastic life and the significance of monasteries in social space from a slightly different perspective, as the southern Russian frontier (where the Cossacks emerged) differentiated monasteries into two types: those located directly within the territory of the Don Cossacks and those established outside it. Gender-specific “Cossack” monasteries distinguished themselves by their social and charitable functions: in the male version, they accepted new residents from among the elderly, sick, and disabled Cossacks; in the female version, residents included Cossack widows left without their breadwinners, and young women of Cossack descent, who found themselves outside the social sphere, mostly at the behest of their fathers. This, in another way, character-

ises the warrior-like religiosity of the Don Cossacks. Although God equalised men and women in the right of faith and prayer, the embodied male faith of the Cossacks, a sign of trust in a situation that occupies an important place in traditional Cossack culture, to a certain extent counters the female conspiratorial mentality of Cossack women, with its belief in prayer, in conspiracy, and in atonement for the sins of not only their own but also those of their beloved male warriors. Comparing historical Cossack monasteries, both male and female, with modern monastic communities located in historically Cossack regions, the authors conclude that the latter differ significantly from their predecessors. This raises the question of the retrospective adoption of the previous positive social and cultural experiences of “Cossack” monastic life.

Keywords: gender concept, monasticism, monastery, types of religiosity, frontier, functions of monasteries

References

1. Baeva L. V. Typology and problems of studying the South Russian frontier. *Vestnik VGU. Ser. 7: Filosofija. Sotsiologija i sotsialnye tehnologii*, 2014: 2(22): 32–38 (in Russ.). EDN: SNEFNB.
2. Baluyev P. S. Istoricheskie i statisticheskie opisanija stanic i gorodov, poseshhaemyh gospodinom voennym ministrom pri ob'ezde Ego Prevoshoditel'stvom Oblasti Vojska Donskogo v 1900 godu. Sostavleno General'nogo shtaba polkovnikom P. S. Baluevym. [Historical and statistical descriptions of villages and towns visited by Mr. by the Minister of War during His Excellency's detour of the Donskoy Army Region in 1900. Compiled by Colonel P. S. Baluyev of the General Staff]. Novocherkassk, Oblasti Vojska Donskogo tipografija, 1900: 242 (in Russ.).
3. Bronevsky V. B. Istorija Donskogo Vojska, opisanie Donskoj zemli i Kavkazskih mineral'nyh vod: V 4 chastjah. Chast 1 [The history of the Don Army, description of the Don land and Caucasian mineral waters: In 4 parts. Part 1] St. Petersburg, V tip. Ekspeditsii zagotovlenija gosudarstvennyh bumag, 1834: 1: 322 (in Russ.).
4. Bykadorov I. F. Donskoe Vojsko v bor'be za vyhod v more (1546–1646 gody) [The Don Army in the struggle for going to sea (1546–1646)]. Paris, Izd. A. E. Alimova, 1937: 120 (in Russ.).
5. Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Shevchenko O. M. The Fighting Traditions of the Cossacks during the Great Patriotic War and in Modern Times. *Vestnik instituta sotziologii*, 2025: 16(2): 50–70 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4; EDN: YXPVDZ.
6. Golobutsky V. A. Zaporozhskoe kazachestvo [Zaporizhia Cossacks]. Kiev, Gospolitizdat Ukrainskoj SSR, 1957: 462 (in Russ.).
7. Hoffman Irving. Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni [Presenting oneself to others in everyday life]. Transl. from Eng. by A. D. Kovaleva. Moscow, Kanon-press-C: Kuchkovo pole, 2000: 302 (in Russ.). EDN: QOHBER.
8. Donskie dela: v 4 knigah [Don affairs: in 4 books]. St. Petersburg, Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov, 1898: 1: 1081 (in Russ.).
9. Donskie dela: v 4 knigah [Don affairs: in 4 books]. St. Petersburg, Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov, 1913: 4: 1014 (in Russ.).
10. Drevnie akty Voronezhskogo Pokrovskogo devich'ego monastyrja. Sobrany i prigotovleny k izdaniyu prepodavatelem Voronezhskoj duhovnoj seminarii S. E. Zverevym [Ancient acts of the Voronezh Pokrovsky Maiden Monastery. Collected and prepared for publication by the teacher of the Voronezh Theological Seminary S. E. Zverev]. Ryazan, Rjazanskaja uchjonaja arhivnaja komissija, 1890: VIII: 47 (in Russ.).
11. Connell R. Gender and Power: Society, the Person, and Gender Politics. Transl. from Eng. by T. V. Barchunova. Moscow, NLO, 2015: 425 (in Russ.). EDN: WRKYTR.
12. The Russian Orthodox Church's Concept for the Spiritual Care of the Cossacks. Accessed 30.08.2025. URL: <https://www.skvk.org/wp-content/uploads/2015/10/concept.pdf> (in Russ.).
13. Korolev V. N. Donskie kazach'i gorodki [Don Cossack towns]. Novocherkassk, Donchak, 2007: 239 (in Russ.).
14. Levitskiy G., archpriest. Monastyrskoe urochishhe ili Monastyrskij gorodok [Monastic tract or Monastic town]. *Donskiye voyskovyye vedomosti*, 1866: 22: 112–113 (in Russ.).
15. Levitskiy G., archpriest. Monastyrskoe urochishhe ili Monastyrskij gorodok [Monastic tract or Monastic town]. *Donskiye voyskovyye vedomosti*, 1866: 26: 141–142 (in Russ.).
16. Mizis Yu. A., Skobelkin O. V., Papkov A. I. Teoria frontira i jug Rossii v XVI – pervoi polovine XVIII vekov [Theory of the frontier and the South of Russia in the XVI – first half of the XVIII century]. *Vestnik Tambovskogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2015: 10(150): 7–15 (in Russ.). DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15; EDN: VBXUCH.

17. Mininkov N. A. Donskoe kazachestvo v epoxu pozdnego srednevekovya (do 1671 goda) [Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)]. Rostov-on-Don, Rostovskii un-t, 1998: 510 (in Russ.). EDN: XHFEEB.
18. Nikolsky P. V. Polozhenie monastyrej Voronezhskoj eparhii pri svjatitele Mitrofone [The situation of the monasteries of the Voronezh Diocese under St. Mitrofan]. *Voronezhskaja starina*. Voronezh, Tipolitografija V. I. Isaeva, 1903: 2: 170–210 (in Russ.).
19. Pushkareva N. L., Pushkareva I. M. Methodology of emotional reflexivity in the analysis of texts describing religious practices by male and female informants. In *Religion, religious organizations, strategies, and practices of deradicalization: a gender perspective*. Ed. by O. S. Mutievoj, S. V. Sirazhudinovej. Mahachkala, ALEF, 2022: 12–17 (in Russ.). EDN: VHFCXI.
20. Ryblova M. A. Men's communities of the Don Cossacks as a socio-cultural phenomenon of the XVI – first third of the XIX century. Abstract of the diss. ... dr. of hist. sci. St. Petersburg, 2009: 51 (in Russ.). EDN: NLBSPL.
21. Skorik A. P., Lukichev P. N. Stanica ili stolica: kul'turologicheskij aspekt vozrozhdenija kazachestva [Stanitsa or stolitsa: the cultural aspect of the revival of the Cossacks]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, 1992: 3: 153–155 (in Russ.). EDN: UIAVSR.
22. Skorik A. P., Shadrina A. V. The sociovital nature of religiosity in the daily life of the Don Cossacks. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15(2): 61–80 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5; EDN: YXPVDZ.
23. Sobranie dokumentov Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Normativnye dokumenty [Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Normative documents]. Moscow, MP RPTs, 2013: 1: 544 (in Russ.).
24. Sukhorukov V. D. Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo: V 2 kn. [Historical description of the Land of the Don Army: In 2 books]. Rostov-on-Don, Terra, 2005: 1: 224 (in Russ.).
25. Tyumentsev I. O. Cossack towns of the XVI – early XVIII centuries: prospects for studying. In *Prospects for Studying Cossack History in the Face of New Challenges*. Ed. by A. V. Venkov. Rostov-on-Don, JuNTs RAN, 2023: 7–31 (in Russ.). EDN: JIYFUV.

The article was submitted on: February 23, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander P. Skorik, Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences

Alla V. Shadrina, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Humanitarian Studies

ОСОБЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8
EDN: ELGUVQ

О возможностях институционального анализа казачества в рамках теорий социального конструктивизма

Ссылка для цитирования: Пузанков И. А. О возможностях институционального анализа казачества в рамках теорий социального конструктивизма // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 142–161. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8; EDN: ELGUVQ.

For citation: Puzankov I. A. A Social Constructivist Approach to the Analysis of the Institutional Order of Modern Cossacks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 142–161. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8; EDN: ELGUVQ.

**Пузанков
Илья Андреевич¹**

¹НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

iapuzankov@hse.ru

SPIN-код: 9114-3054

Аннотация. В данной работе предложен конструктивистский взгляд на институциональную природу казачьей общности и составляющих казачьей идентичности в целом. Автор опирается на концепции П. Бергера, Т. Лукмана и Р. Брубейкера. Современное российское казачество представляется как динамичная социальная общность, формирующаяся под влиянием исторических традиций, вызовов времени и новых институциональных условий, что оказывает значительное влияние на ее идеологическое и социальное самоопределение в российском обществе. Автор рассматривает политико-правовые, культурно-исторические, экономические и образовательные аспекты казачьей общности, выявляя ключевые механизмы легитимации социального знания и некоторые составляющие казачьей идентичности. Формально закрепленный порядок рассматривается как результат внешней проекции (экстернализации) акторов и основа для интериоризации норм казаками. Наряду с этим акцентируется значимость культурного знания в социализации, которое действует в рамках институционально закрепленных норм, задающих векторы развития сообщества. В исследовании подчеркивается акцент на стремление к исторической преемственности социокультурных форм казачества в современных условиях, в результате чего значимая часть социального знания подвергается релегитимациям и переинтерпретациям. В результате начавшегося в конце 1980-х годов процесса возрождения казачества как социальной общности, оно сейчас представляется формализованной структурой, интегрированной в государственную систему, со значимыми ролями в современных общественно-политических процессах. Особое внимание уделено взаимодействию реестрового и нереестрового казачества, анализу нормативных актов, регулирующих деятельность казачьих обществ, и влиянию

религиозных, образовательных и медийных институтов на формирование коллективной идентичности казаков. Рассматриваются механизмы воспроизводства традиционных казачьих практик, а также их адаптация к современным социальным и политическим вызовам. Работа также затрагивает перспективу участия казаков в СВО, что способствует восстановлению исторического статуса казачества как военной силы. Отмечается, что, несмотря на различия между реестровыми казачьими обществами и казачьими НКО, отсутствие жестких барьеров между ними может способствовать их интеграции и консолидации.

Ключевые слова: казачество, социология, реестр, институциональный порядок, легитимация, идентичность, социальный конструктивизм, СВО

Введение

Современное казачество, начиная с позднего СССР до сегодняшнего дня прошло значимый путь от организации военно-спортивных или военно-исторических клубов, до вполне институционализированных региональных, федеральных и международных организаций. А после событий мая 2014 и особенно февраля 2022 г., в ситуации СВО, оно обрело свое реальное военное бытование в формах добровольческих казачьих подразделений. Несмотря на существенный прогресс в интеграции казачьей общности, сохраняется ряд проблем в связи с пониманием его идентичностной компонентности, что в основном выливается в дискуссии о родовой, этнической природе казачества и, с другой стороны, социальной и социокультурной [14; 5]. С точки зрения конструктивистского¹ подхода к пониманию групп (в том числе этнических) данный вопрос будто бы снимается, о чем может свидетельствовать сам исторический путь казачества и периодически проходивший процесс показачивания² [23; 18; 16]. Ниже более детально рассмотрим данный вопрос, здесь же стоит отметить, что на примере казачества можно наблюдать то, что Ф. Барт [28] называл «культурным знанием», а также – символический порядок и его границы. В данной работе мы рассматриваем институциональный уровень знания в социально-конструктивистском смысле или, конкретнее, институциональный порядок в социальной общности казачества. Для этого нами анализируются его организационные формы, где, с одной стороны, существует реестровое казачество³, а, с другой, крупнейшие нереестровые организации: Союз казаков (бывший Союз казаков России) и Союз казаков воинов России

¹ Методологическая позиция, подразумевающая несуществование (др. подход: непостижимость) объективно данной реальности и предполагающая ее постоянное конструирование в процессе взаимодействия индивидов.

² У термина существует несколько значений, общая суть их сводится к записи в казаки (часто не по личному выбору, а в силу акта государственной власти) лиц, не имеющих до этого таких статусно-ролевых и идентификационных позиций.

³ Группа казаков составляющих систему казачьих обществ, несущих добровольную государственную и иную службу на основании ФЗ РФ № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» от 5 декабря 2005 г.

и Зарубежья (СКВРиЗ)¹. Интерес к данному предмету обусловлен тем, что конструирование общности в значительной степени происходит в ходе институционализации в результате идеологически заданных социально-политических процессов в рамках соответствующих социальных институтов [14]. Вместе с тем, институциональная структура той или иной общности позволяет выделить предъявляемые вовне и запрашиваемые у ее членов составные идентичности, позволяющей выделять общность из всего многообразия социального ландшафта. В этом случае можно вычленить и существующие институциональные основания социализации членов общности, т. е. те существующие входы, которые институционально предъявлены для лиц, мотивированных быть включенными в данную общность.

Обзор литературы по проблеме

С учетом активного участия казачества в современных социально-политических процессах России оно становится значимым объектом анализа для истории, социологии, политологии, антропологии и других социальных наук. Оставляя за рамками нашего внимания исследования истории казачества до его возрождения в конце XX в., отметим корпус работ, сосредоточенных на современных процессах возрождения казачества как социальной общности. Можно выделить среди них работы Т. В. Таболиной [21], В. П. Водолацкого [7], Н. Ф. Бугая [5], О. В. Рвачевой [17], А. В. Фалалеева [25], А. В. Бредихина [3], в которых авторы комплексно рассматривают процессы и ключевые направления возрождения казачества, обращаясь к анализу организационных, правовых, политических, этнокультурных, экономических, служебных и др. аспектов процесса становления казачества, как институционально организованного субъекта социально-политической действительности. Ряд авторов занимались исследованиями, посвященными этнополитическим конфликтам, экстремизму и роли казачества в данных процессах; таковыми можно выделить С. М. Маркедонова [11], С. А. Кислицына [10], С. В. Усатова [24], А. В. Баранова [1], Г. О. Мациевского [12] и др. Отдельно упомянем исследования, посвященные проблематике казачества с точки зрения социального конструктивизма – работы М. А. Рыбловой [19; 20], А. А. Озерова [13] и О. В. Рвачевой [17]. В них рассматриваются вопросы конструирования социальной идентичности казачества, этнического конструирования, сложносоставности самоидентификации казаков. Они являются методологическими ориентирами использования конструктивистского подхода к исследованию казачества. В целом, на сегодня имеются исследования казачества по целому ряду направлений, которые подробно раскрываются в диссертации О. В. Рвачевой [16]. Основные из них – это политическая активность казачества, хозяйственная деятельность казачьих обществ, исследование роли и функций казачества в современном обществе, вопросы

¹ Часть казачества остается за пределами организаций, потому, выпадает из поля нашего зрения, предполагающего институциональный взгляд.

служебной деятельности казачества, аспекты социокультурного возрождения и конструирования новых культурных явлений, проблемы казачьего образования и вопросы идентичности казачества. Отметим интерес зарубежных авторов [26; 31; 27], которые, рассматривая также проблемы идентичности, видят казачество преимущественно как «военно-политический проект» — инструмент государства для решения внутренних и геополитических вопросов¹.

Несмотря на существенную проработку отдельных направлений исследовательских вопросов в отношении современного казачества, оно остается актуальным объектом исследования, в том числе для социологического осмысления его институционального порядка, как раз в виду своей активной деятельности, представленности во властных структурах, институциональной связи с различными социальными институтами, участия в СВО, репрезентации в медиа и т. п.

Теоретико-методологические основания исследования

В качестве теоретико-методологических оснований для рассмотрения институционального порядка современного казачества нами будет использован социально-конструктивистский подход социологии знания (как продолжение традиции конструктивистского взгляда на данную социальную группу). Ниже мы коснемся вопроса об эвристическом значении этого подхода для изучения современного казачества. Само знание здесь рассматривается как некая совокупность реальности или, как это называют П. Бергер и Т. Лукман [2], «универсумы», воспринимаемые в качестве объективной реальности. Иначе говоря, все, что кажется естественным в социальной жизни, когда-то возникло из взаимодействий между людьми. Этот процесс двоичен: знание интернализуется как само собой разумеющееся и одновременно воспроизводится через экстернализацию, оставаясь подвижным и изменяемым: «Знание об обществе является ... реализацией в двойном смысле слова — в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности» [2, с. 111]. Для того, чтобы знание воспринималось естественной данностью ему необходимо пройти легитимацию и институционализацию, т. е. оно должно быть объяснено и оправдано. Важно понимать, что легитимация знания приводит к определенному институциональному порядку², который усваивается новыми поколениями в процессе социализации.

¹ «Группы молодых людей воспитываются в соответствии с официальной государственной идеологией, чтобы стать будущей военной и полицейской элитой государства» [27. с. 11].

² Институциональный порядок — это набор социальных конструктов, формирующих реальность через взаимодействие индивидов. Институциональный порядок понимается в тесной связи с понятием социальной роли, т. е. совокупность институциональных социальных ролей их характер и взаимосвязь и являются основой данного порядка: «Все роли представляют институциональный порядок ...роли помогают поддержанию ... интеграции в сознании и поведении членов общества, т. е. они особым образом связаны с аппаратом легитимации данного общества» [2. с. 126].

зации¹. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, легитимации могут происходить на высоком теоретическом уровне, однако, не только и не в большей степени — «на дотеоретическом уровне у каждого института имеется массив знания рецептов, передаваемого по наследству...того знания, которое поддерживает соответствующие данному поведению институту правила поведения» [2, с. 110]. Мы делаем акцент на теоретически осмысленную сферу легитимации, в частности — на формально-институциональный порядок как структурную основу социального знания. Следует подчеркнуть диалектический характер взаимосвязи между легитимацией и ее объектами: с одной стороны, теории легитимируют социальные институты, с другой — сами институты могут адаптироваться под теоретические конструкторы. Легитимации нередко имеют исторический и повторяющийся характер, а традиции подвержены реинтерпретации без разрушения институциональной устойчивости [2, с. 109, 115–116]. Это особенно актуально в контексте казачества, где историческое наследие активно воспроизводится, но — почти никогда в изначальной форме. Социальное знание не является монолитным — оно включает в себя подуниверсумы со своими системами легитимации, акторами и механизмами воспроизводства, зачастую конкурирующими между собой. Это является важным для нашего объекта, так как несмотря на во многом общую символическую систему, современное казачество организационно не является единым сообществом, в первую очередь в своем базовом разделении на реестровое и нереестровое. Реестровое, в свою очередь, разделяется на казачьи войска по территориальному основанию, во многом повторяющему деление в Российской империи. А нереестровое — на объединения, существующие, как правило, в организационно-правовых формах НКО и в юридическом смысле от них ничем не отличающиеся, кроме присутствия в наименовании слов «казак» и его производных. Конкурирующие подуниверсумы особо интересны, когда представляют собой оппонентов в одном культурно-символическом пространстве, в данном случае казачества. Возникает проблема «посвященных» и «непосвященных» в тот или иной подуниверсум, возникают определенные процедуры и механизмы для допуска к знанию, выстраиваются барьеры и т. д. [28]. Во многом вопросы легитимации одних, как «общепринятых», а вторых как «еретиков» или, по крайней мере, «альтернативных» это вопросы власти, хотя в случае с казачеством, картина и не так однозначна. Здесь сложно следовать рекомендации о необходимости «передвинуть вопросы об исторически наличных концептуализациях реальности с абстрактного «что?» к социологически конкретному «кто говорит?» [2, с. 190]. Вопрос «что?» также является важным аспектом анализа субуниверсумов общности для понимания сложившегося институционального порядка, который, будучи результатом процессов легитимации, одновременно сам воспроизводит и легитимирует знание. В работе, опираясь на описанный выше теоретический конструкт и используя ряд нормативно-правовых актов, имеющих

¹ «Легитимация «объясняет» институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным значениям. Легитимация оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер ее практическим императивам» [2, с. 153].

отношение к казачеству, а также материалы СМИ, мы рассмотрим основные положения формального институционального порядка (или, вернее, порядков) современной казачьей общности.

Также дополнительно коснемся конструктивистского подхода к пониманию групп. Данная проблематика имеет достаточно обширную традицию изучения в социальных науках [29; 30; 4]. Суть такого взгляда основывается на отрицании примордиалистского понимания группы, как чего-то самого по себе существующего и относительно статичного, отождествления социальной группы и категории, ее означающей. Говоря языком Р. Брубейкера [4], формирование группы, а если точнее групповости¹ образуется не само по себе, а посредством тонкой политики заинтересованных лиц. Через использование различных категорий (например, этнизации конфликтов, которые могут и не являться этническими по сути) и каналов распространения, заинтересованные лица в результате могут, с различной степенью успеха, мобилизовывать людей, вызывать сплочение, увеличивая уровень групповости по какому-то признаку. При таком подходе к анализу групп, стоит рассмотреть вопросы о «степени групповости, связанной с конкретной категорией в конкретной ситуации, и о политических, социальных, культурных и психологических процессах, посредством которых категории наделяются групповостью» [4, с. 33]. Отметим, что чаще всего за той или иной группой стоят те или иные организации, «представляющие интересы» ее членов. С учетом наличия разной групповости, в нашем случае, сведенной под зонтичную категорию «казачество», существует и конкуренция между организациями, претендующими на право представления интересов тех, кто себя таким образом идентифицирует. Очевидно, что большинство групп, к которым относятся и те, кто понимается под категорией «казаки», являются мнимыми группами в понимании М. Вебера. Свою действительную реальность они чаще всего обретают при именовании группы извне. В этой связи Р. Брубейкер предлагает рассмотреть «организационные и дискурсивные пути категорий — процессы, посредством которых они институционализируются и внедряются в административные порядки» [4, с. 33], а также методологический подход — рассматривать данные процессы как снизу — сосредотачивая взгляд на участниках групп, рассматривая как ими воспринимаются, усваиваются и воспроизводятся категории групповости, так и сверху, что представляет собой анализ способов распространения и насаждения категорий, их институционализацию, организационный аспект, дискурсивную формулировку, как группы становятся социокультурными или политическими проектами основанными на категориях. Это отражает и наш взгляд на институционально-правовую категоризацию как один из механизмов групповости. Стоит акцентировать внимание на особых ситуациях, когда групповость может расти: «драматические события, в частности, могут оживить групповое чувство и повысить ранее существовавшую степень групповости» [4, с. 37]. Для рассматриваемого нами объекта таковым может служить СВО, как событие по крайней мере

¹ «Базовой аналитической категорией должна служить не некая сущность — «группа», а групповость — зависимая от контекста концептуальная переменная» [4, с. 30].

потенциально способное повысить групповость, а также реально обеспечить усвоение ряда милитари-категорий, которые долгое время предписывались и озвучивались, но не имели возможности для реализации на практике.

Основные положения дуальности легитимации знания и выстраиваемого формального институционального порядка, казачьих субуниверсумов с добавлением проблематики мобилизации групповости через категории и актуальные кризисные события позволит рассмотреть запрашиваемые и одновременно институционально задаваемые составные идентичности современного казака, институциональные основания социализации в сообществах, а также интегративный потенциал всей социальной общности. В качестве основных категорий анализа или институциональных областей, будут использованы основные социальные поля общности, такие, как: политико-правовые аспекты общности, экономико-хозяйственный сектор, идеолого-религиозные основания, культурные элементы, реинтерпретированные в современности, а также образовательные и информационные ресурсы.

Институциональный порядок реестрового казачества

Касательно структуры реестрового казачества, в настоящий момент она представляет собой четко выстроенную систему акторов, организаций, институтов, их нормативного содержания, тех или иных отношений с окружающим институциональным контекстом. Здесь не обращаемся к рассмотрению истории формирования существующего институционального порядка, хотя такое исследование именно с позиций социального конструктивизма было бы интересным, остановимся лишь на его текущем состоянии. Высокий уровень унификации формального институционального порядка в реестровых казачьих обществах позволяет обобщить их и анализировать как единое целое (признавая достаточно серьезные различия социокультурных составляющих у разных сообществ, что, при данном анализе незначимо).

Для понимания причин возникновения государственного реестра казачьих обществ, коснемся вопроса определения казачества. Оно имеет достаточно широкий спектр различных пониманий. Встречаются определения казачества как социокультурной, этносословной или квазисословной групп, некоего социального проекта и др. Значимый аспект понимания природы казачества – акцент на этнической составляющей общности. Именно в результате борьбы различных субуниверсумов знания в плане самоидентификации казаков, а также при участии внешних политических сил и возникает существующий организационный ландшафт казачества. Первоначальное движение возрождения казачества, происходящее снизу (grassroots), вскоре было подхвачено властью, которая стала активным актором, во многом модулируя процессы и итоговые формы возрождения общности [17]. Часто это было движение на ощупь, чем и можно объяснить множество законодательных инициатив, которые или вообще не

были в итоге приняты, либо же существенно трансформировались. Как отмечает О. Рвачева, взаимодействие власти и казачества двигалось по двум направлениям: 1) поддержка возрождения культурно-традиционных форм общности, что могло быть рассмотрено как актуализация этнической составляющей казачества (как ключевое направление развивалось до середины 1990-х годов); 2) акцент на некоторых видах государственной службы, как актуализация квазисословной¹ составляющей. Именно второе направление в конечном итоге возобладало в дискурсе власти с середины 1990-х годов и закрепилось как доминирующее с 2005 г. когда был принят ФЗ «О государственной службе российского казачества» и, позже, Концепция государственной политики РФ в отношении российского казачества (2008, 2011 гг.)². В этой борьбе субуниверсумов казачьего возрождения ярко проявляется сложносоставная идентичность казачества, а также сложность с копированием исторических форм его институционального порядка. Подробно сами субуниверсумы знания, процессы легитимации и релегитимации в казачьем и государственном дискурсе, акторы и институциональные формы были разобраны вышеупомянутым автором [16], мы здесь не фокусируемся на процессуальности институционального порядка, а переходим к его современному состоянию.

Государственный реестр уже представляет собой некий институциональный порядок, в котором заключено знание казачества о службе, как ключевой составляющей. Такую внутреннюю диспозицию данный порядок запрашивает у членов сообщества, казаков. В этом смысле важно понимать, что идея службы или служения является нормативной доминантой коллективной идентичности реестровых казаков. Это знание, легитимированное в законодательном акте, институционально ограничивается, выстраивая то, что Бергер и Лукман называли допуском «посвященных» и закрытостью для остальных. Только реестровое казачество имеет право на официальную, поощряемую государственную службу в качестве казаков, другие общественные объединения этого не имеют. Характер предполагаемой службы очерчивается исходя из реинтерпретации исторического прошлого казачества и в первую очередь концентрируется на милитаризованных, охранных и правоохранительных основах содействия соответствующим государственным институтам. Данный порядок закреплен как в ФЗ № 154, так и в Концепции гос. политики в отношении казачества, где законодательная база представляет собой механизм легитимации знания, а государство является основным актором-организацией, стоящей за данной легитимацией. В Стратегии гос. политики РФ в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. дается определение казачества – это «социокультурная общность, сформированная в ходе многовекового служе-

¹ Сословие, все же, как актуальное группообразование в постсоветский период уже не могло быть воспроизведено.

² ФЗ от 5.12.2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»; Концепция гос. политики РФ в отношении российского казачества. Утверждена Президентом РФ 3.07.2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/639> (дата обращения: 11.01.2025).

ния казаков Российскому государству и обществу»¹, что также институционально задает и определяет основы знания о самоидентификации казаков отсекая остальные понимания и задавая вектор движения общности.

Важно, что вместе с этим формальным порядком, выстраивается и определенная система ролей, в первую очередь на федеральном и региональном уровнях. Это находит выражение в различных должностных позициях и организациях, главной из которых можно назвать совет по делам казачества при Президенте РФ. Таким образом, выстраиваются внешние связи одного институционального порядка (казачества) с другим (государством), субуниверсум знания общности включается в национальный универсум. И в случае с казачеством, эта внешняя связь является ключевой для понимания сложившегося институционального порядка реестра.

Дополняя вышесказанное, отметим Указ Президента РФ от 16.09.24 о создании казачьего мобилизационного резерва², что дополнительно институционально легитимирует знание (становящееся статусом) о казачестве как о воинах (идея службы дополнительно маркируется). Таким образом можно сказать, что существующие в различных дискурсах представления о казачестве как о воинах, в свете проходящей СВО, где общность снова представлена в реальной военной практике, путем данной легитимации, институционально обретает основания и закрепляет исторический характер уже не демонстрируемой ранее службы парамилитари и охраны порядка, а именно военной службы в полном смысле.

Говоря об институциональном порядке внутри реестрового казачества, отметим, что реестр представляет собой институционализированную систему организаций в форме воссозданных, в большой степени исторических, войсковых казачьих обществ, которых на данный момент насчитывается 12³. В эти войсковые общества для их большей интеграции и координации было в 2018 г. включено Всероссийское казачье общество (ВсКО), в которое по умолчанию входят все члены остальных войсковых обществ. Это дополнительно усилило включение институционального порядка казачества в порядок государства. Важным показателем этого является то, что устав данного общества утверждается лично Президентом РФ, Атаман общества назначается и освобождается от должности также Президентом РФ, ряд организационных аспектов деятельности ВсКО проводится по согласованию с Советом при Президенте РФ по делам казачества и т. д.

Другим важным составляющим институционального порядка казачества является религиозное знание, организационно представленное, преимущественно Русской Православной Церковью Московского Патриархата

¹ Стратегия гос. политики РФ в отношении российского казачества на 2021–2030 годы. Утверждена Президентом РФ 9.08.2020 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rKlDz3Q6T4Yw0rXuMnwCd3YaQzZVLrr.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).

² Указ Президента РФ от 16.09.2024 № 794 «О внесении изменений в Стратегию гос. политики РФ в отношении российского казачества на 2021–2030 годы. № 505». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/aIBAN3VtaSy9c52An77ZyAxaLo9V9cuw.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).

³ Войсковые казачьи общества: Всевеликое войско Донское, Центральное, Черноморское казачьи войска, Волжское, Енисейское, Забайкальское, Иркутское, Кубанское, Оренбургское, Сибирское, Терское, Уссурийское казачьи общества.

(РПЦ МП), хотя также встречаются казаки-старообрядцы. Такое взаимодействие является результатом переинтерпретации и релегитимации части исторического прошлого казачества, как естественного субуниверсума знания о том, что вера является ключевой доминантой духовного мира казака – «Казак без веры – не казак» [6]. В качестве внешних акторов и механизмов легитимации данного знания отметим существующий в РПЦ комитет по взаимодействию с казачеством¹, возглавляемый митрополитом Кириллом (Покровским), который также возглавляет Синодальный отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами. Это символически и дискурсивно указывает на принадлежность казачества силовому институциональному сектору. Теоретической основой знания и соответствующего институционального порядка отметим Концепцию РПЦ по окормлению казачества². Отметим, однако, что РПЦ распространяет свою концепцию не только на реестровое казачество, но на все казачьи объединения, которые находятся на ее канонической территории. Внутри самого казачества также происходят процессы легитимации религиозного знания, как части институционального порядка общества. В каждом (от первичных, в конкретных поселениях, так и до уровня войскового и всероссийского) казачьем обществе существуют в той или иной мере активные роли войскового священника, обеспечиваются процессы включения духовенства в организационную и ритуальную деятельность казачества³ [15]. Есть различные мнения относительно реальной воцерковленности казаков, однако в данном случае важно, что это знание закрепляется как часть формального нормативно-институционального порядка общности. Наслаиваясь на идею служения Отечеству, оно легитимирует казачество как «Православное воинство России». О чем свидетельствуют нарративные конструкции, встречающиеся как в официальных, ритуальных дискурсах, так и в нарративах самих казаков [16].

Значимым составляющим институционального порядка также является образовательный аспект казачества. Образование одновременно является институциональной структурой, а также и средством легитимации знания внутри сообщества. Устав ВСКО объявляет одной из целей деятельности (уставы войсковых обществ дублируют) развитие непрерывного казачьего образования. Уже создана достаточно широкая сеть организаций, работающих на достижение заявленной цели, существуют казачьи детские сады, школы, кадетские корпуса. Существует казачий университет МГУТУ им. К. Г. Разумовского, также в 2021 г. создана «Ассоциация образовательных организаций высшего образования, реализующих образовательные программы с использованием исторических и традиционных ценностей российского казачества». В данную ассоциацию уже вошли 26 ВУЗов, в том

¹ Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством. URL: <https://www.skvk.org/> (дата обращения: 13.01.2025).

² Концепция РПЦ по духовному окормлению казачества: URL: <https://www.skvk.org/wp-content/uploads/2015/10/concept.pdf> (дата обращения: 13.01.2025).

³ Новости комитета. URL: <https://www.skvk.org/category/news-2/news/> (дата обращения: 17.05.2025).

числе ведущие региональные ЮФУ, КубГУ, КубГТУ, ЗабГУ, РГЭУ (РИНХ), ОГУ и др. фактически охватывающие все войсковые казачьи общества. Таким образом, казачье образование сейчас – главный институциональный механизм социализации, как на первичном уровне, так и на вторичном. С точки зрения социального конструирования общности – данный элемент институционального порядка представляется одним из важнейших в разрезе легитимации субуниверсума казачества. Деятельность в рамках образовательного института является одной из приоритетных на настоящий момент, о чем упоминалось и на пресс-конференции Атамана ВскО В. Кузнецова, в ноябре 2024 г.: «на сегодняшний день на казачьих образовательных программах разного уровня обучается свыше 300 тыс. человек, а также по всей стране открыты 32 кадетских казачьих корпуса¹». Также Атаман Кубанского казачьего войска, крупнейшего на настоящий момент, говорит об уже «качественно выстроенной системе непрерывного казачьего образования в регионе. С малых лет казачатам прививают чувство патриотизма, любви к Отечеству»². Здесь мы также находим определенную систему организаций и, соответственно, ролей. Так в 2020 г. был организован Союз казачьей молодежи России, целями которого заявлены «участие детей и казачьей молодежи в реализации гос. политики в отношении казачества на территории РФ; привитие подрастающему поколению традиционных казачьих морально-нравственных норм и ценностей, воспитание чувства патриотизма и верности Отечеству в казачьей молодежной среде³», возникают ролевые позиции в рамках данного союза. В ряде регионов такие структуры появились еще раньше, например в Краснодарском крае Союз казачьей молодежи Кубани был образован в 2017 г., внутри ВУЗов образуются молодежные казачьи сотни, организуются процессы и мероприятия, направленные на социализацию учащихся и интернализацию складывающейся системы знания, как естественного порядка (регулярные казачьи слеты, конференции и фестивали, конкурсы «лучший казачий класс», «лучшая казачья школа» и др.). Образовательные процессы в современном казачестве также интересны в виду того, что в большей степени, как публично, так и исходя из нормативно предписанных действий, исторически казачество представляется маскулинным сообществом, однако объединения казачьей молодежи включают в институциональный порядок и девушек-казачек. Но несмотря на это, нормативная и ролевая система еще остается более ориентированной именно на казаков-мужчин, и переконструирование этого только предстоит.

Важной частью формального институционального порядка являются также экономическая деятельность казачества. Несмотря на то, что данный аспект, наименее институционально закреплён и практически

¹ Атаман ВскО сообщил, что в зону СВО войдет 26-й казачий батальон. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/22491427> (дата обращения: 13.01.2025).

² Интервью зам. губернатора Краснодарского края, атамана ККВ А. Власова. URL: <https://vsko.ru/intervyu-zamestitelya-gubernatora-krasnodarskogo-kraya-atamana-kubanskogo-kazachego-vojska-aleksandra-vlasova/> (дата обращения: 18.05.2025).

³ Союз казачьей молодежи России. URL: <https://vsko.ru/kazachya-molodezh-rossii/soyuz-kazachej-molodezhi-rossii/> (дата обращения: 13.01.2025).

развит, в отдельных реестровых войсках (например, Всевеликое войско Донское (ВВД) и Кубанское казачье войско (ККВ)) идет активное развитие казачьей экономики. Например, на отчетном сборе ККВ в ноябре 2024 г. губернатор Краснодарского края В. Кондратьев отметил, что по его решению в каждом муниципалитете края в течение года должен появиться казачий рынок: «Необходимо продолжить создавать казачью экономику. Только сильные хозяйства способны стать опорой для казачьих обществ, открыть новые возможности для укрепления самостоятельности ККВ»¹. В различных регионах, даже не традиционно казачьих, региональные власти предоставляют землю казачьим обществам для хозяйственной деятельности. Например, в Белгородской области в 2022 г. был одобрен законопроект, содержащий следующее: «Земельные участки в аренду без проведения торгов будут предоставляться казачьим обществам на территории муниципального района или городского округа, в пределах которого объединение осуществляет деятельность в соответствии со своим уставом... земли должны быть использованы для сельскохозяйственного производства, сохранения и развития традиционного образа жизни и хозяйствования казачьих обществ»². Таким образом экономическая составляющая казачества также начинает институционализироваться и закрепляться в предьявляемом знании, которое опирается на историческое прошлое, когда казачество являлось экономически независимой общностью. Отметим, что системности казачья экономика еще не получила, однако есть отдельные примеры успешного хозяйствования казаков и активную институционализацию данного сектора. В данном случае видится то действие легитимации, когда знание (в форме нормативно правовых актов) легитимирует институт, во многом с нуля создавая его.

Отметим собственно специфические институты казачества, которые составляют важнейшую часть институционального порядка сообщества. В первую очередь, это институт самоуправления, категоризованный и представленный в различных формах и ролевых позициях, таких как Казачий круг, Совет атаманов, Совет стариков, Суд чести и др. Все эти формы, закреплены в уставах реестровых обществ. Данные институциональные формы самоуправления и соответствующие им ролевые наборы в основе взяты из исторического прошлого, релегитимированы и встроены в институциональный порядок. В первую очередь, это призвано способствовать интернализации казаками знания об исторической преемственности традиций, правопреемственности нынешними казаками исторических форм казачества, и, в том числе, на аффективном уровне воспроизводить коллективную идентичность общности. Все это дополняется специфическими культурными институтами внутри казачества, которые также обретают свое место в современном институциональном порядке, закрепляясь в нормативных актах, организациях и практиках. Таковыми являются различные творческие песенные и танцевальные коллективы,

¹ В. Кондратьев: России и Краснодарскому краю нужно сильное и сплоченное казачье войско. URL: <https://admkrasnodar.ru/content/1131/show/771178/> (дата обращения: 13.01.2025).

² Аренда госземель для казаков. URL: <https://belduma.ru/news/detail.php?ID=82384> (дата обращения: 13.01.2025).

где одним из самых заметных, является Кубанский казачий хор, который был включен в структуру ККВ (также отметим ансамбль «Казачи России» под рук. Л. Милованова, но это все же художественный коллектив, в казачьи институции не включенный), различные казачьи фестивали регионального и федерального уровней, воспроизводство традиционных ремесел, исторических форм обращения с оружием (фланкировка, рубка, умение обращаться с нагайкой и др.), традиционных видов спорта, джигитовки и др.

Значимую роль в процессе легитимации казачьего субуниверсума также играют СМИ и социальные медиа [22]. Особо эта роль проявляется в регионах, где традиционно проживало казачество. Подробный анализ казачьего присутствия в социальных сетях приведен в работе А. Каменцева [9], здесь же кратко обрисуем данный аспект в его значении для институционального порядка общности. Каждое войсковое общество, а также отдельные организации имеют свои сайты, страницы/каналы в социальных сетях, существуют также информационные порталы казачьей направленности, адресованные безотносительно, реестровым или не являющимся таковыми казакам или просто интересующимся данной проблематикой (например, «Казачий Информационно-Аналитический Центр»¹, «Казачье Единство»², «Российское казачество»³ и др.). Выходят в федеральных СМИ материалы, касающиеся современного казачества (в частности в разрезе СВО), можно, например, вспомнить прошедшую в ТАСС пресс-конференцию атамана ВскО В. Кузнецова, по итогам работы ВскО в 2024 г. Характер присутствия казачества в данном поле, в целом, сопряжен с тем, что было описано выше. Аналогично раскрываются взаимоотношения с Государством, с Церковью, предъявляются результаты деятельности казачества, соотносенные с пониманием государственной службы (в том числе на СВО), представляются экономические, культурные практики и т. д. Таким образом СМИ и социальные медиа – это один из важнейших механизмов легитимации и трансляции знания о современном казачестве и возникающем на его основе институциональном порядке общности как для самих казаков, так и для общества в целом.

Институциональный порядок нереестрового казачества

Аналитически рассмотрев основные элементы институционального порядка реестра – это политико-правовые аспекты статуса, идеологические основания, специфические культурные основы, реинтерпретированные в современности, экономико-хозяйственный статус, а также образо-

¹ Межрегиональная общественная организация «Объединенная редакция казачьих средств массовой информации «Казачий Информационно-Аналитический Центр». URL: <https://kazak-center.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).

² Информационное агентство «Казачье Единство». URL: <https://kazak-edinstvo.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).

³ Портал «Российское казачество». URL: <https://kazachestvo.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).

вательные и информационные ресурсы легитимации знания – взглянем на нереестровую или «общественную» часть казачества. В данной работе мы оставим за рамками людей, идентифицирующих себя как казаков, но находящихся вне какой-либо организации.

В качестве главных примеров нереестрового казачества остановимся на двух указанных выше некоммерческих организациях – это Союз казаков и СКВРиЗ. Рассматривая уставные документы и структуру данных организаций, отметим, что практически все вышесказанное, исключая институциональную возможность государственной службы в качестве казака, присутствует и в указанных организациях. Здесь нам не стоит снова разбирать и во многом дублировать основы институционального порядка нереестровых казаков, они также сфокусированы на идеалах служения Отечеству, развитию казачьей культуры, образовательной деятельности, экономической составляющей и т. д. Однако, вслед за П. Бергером и Т. Лукманом, отметим, что степень возможностей легитимации знания и создания на его основе доминирующего универсума, зависит от ресурсов акторов. В данном случае, большинство ресурсов сконцентрированы именно в реестре, как госструктуре. Но отметим некоторую разницу положения указанных двух сообществ, СКВРиЗ¹ достаточно близко стоит к реестровому казачеству, о чем свидетельствуют многочисленные контакты и наличие институциональных партнерских отношений, также, например, наличие того факта, что казачий генерал и бывший войсковой атаман ВВД, а ныне депутат Госдумы В. Водолацкий является председателем высшего совета СКВРиЗ. Объединение Союза казаков имеет гораздо менее выраженную связь с реестровым казачеством. Одной из главных причин несогласия с реестром в данном случае является выраженный акцент на родовитости, например в положении Союза казаков закреплено, что Верховным атаманом может быть избран только потомственный казак. Это единственная организация, вынесшая этот пункт, как необходимый критерий ролевой позиции². При этом, на обыденном уровне и среди реестра, хотя чаще всего без особой рефлексии на тему этничности³ также наблюдается некое ранжирование «родовых» и «неродовых» казаков. Данный инструмент используется, как легитимация именования себя как казака без необходимости «становиться казаком». Вторым фактором, хотя напрямую и не касающимся проблематики формального институционального порядка, является то, о чем в одной из бесед сказал один из представителей Союза казаков: «проблема в том, что в основном в реестре работают люди казаками, ... в основном, и они пришли в организацию с корыстью. Но не все, есть и хорошие люди. А общественники – это казаки, которые болеют душой за свою историю и за свою многострадальную землю и хотят жить заветами предков» (Войсковой

¹ Важным отметить, что в реестр могут входить лишь граждане РФ, тогда как в СКВРиЗ могут состоять и иностранцы (напр. потомки эмигрировавших казаков).

² Также это единственная организация, фиксирующая ролевую позицию священника в ряде формализованных казачьих собраний (например, Круг), как обязательную. В уставах реестровых обществ отмечается лишь возможность участия представителей РПЦ.

³ В процессе полевых исследований, результаты которых в данной статье не используются, встречались «родовые» казаки, однако большинство из них на вопрос об этносе, с которым они себя ассоциируют называли русский.

старшина, СК)¹. Здесь мы видим проблему того, что реестр также может восприниматься как социальный лифт и сложившийся порядок эту возможность оставляет, что в каких-то моментах компрометирует его в глазах нереестрового казачества. Однако, достаточно давно, и в последнее время еще более актуализируясь, звучат нарративы о необходимости единства, преодоления сложившейся разобщенности. Конечно, причины существования раскола имеют достаточно глубокие корни, которые необходимо проследивать с истоков возрождения казачества и формирования различных организационных стратегий и форм, но, отметим, что глубоких барьеров институциональных порядков для преодоления раскола в этих двух общностях нет.

Финальным пунктом отметим, важную роль СВО, которую вслед за Р. Брубейкером можно назвать тем самым кризисным событием, которое в потенциале может приводить к повышению групповости и сплоченности людей с одной самокатегоризацией. Известно, что казачьи добровольческие подразделения, комплектуются не по принципу принадлежности к реестру или казачьим НКО, и тем более не по родовому. Об этом, говоря о казачьей бригаде «Терек» portalу Российское казачество рассказывал атаман ВскО В. Кузнецов. Несмотря на то, что формально бригада связана с реестровым Терским казачьим войском, в ее составе воюют представители других реестровых обществ, а также казаки вне реестра: «Для меня абсолютно нет разницы – реестровый казак или нереестровый, все родные. Мы одна большая семья. Сейчас тот момент, когда мы не на словах, а на деле объединились. У нас и реестровые казаки, и не реестровые – все родные, все свои, неважно из какого субъекта РФ²». Таким образом, обретая свое реальное боевое наполнение идентичностной категории воинов, казачество в потенциале обретает усиливающуюся внутреннюю групповость, подкрепляемую политикой группообразования сверху, формируется тот интегративный потенциал для единства, работа с которым пока только предстоит.

Заключение

Нами были рассмотрены основные элементы формального институционального порядка казачества, а именно: политико-правовой аспект социального знания о нем, идеологическая составляющая, механизмы легитимации и передачи знания (религиозные и образовательные составляющие), формирующиеся экономико-хозяйственные аспекты, специфические культурно-исторические институты общности. Анализ позволяет сделать вывод, что все это в совокупности указывает на ряд институционально запрошенных диспозиций личности, как результата успешной социализации и идентификации казака. Также выявлена роль СМИ и социальных медиа, как одного из ключевых средств легитимации и репрезентации социального

¹ Полевые материалы автора собраны летом 2024 г.

² Кузнецов В. Нас воспринимают как освободителей. URL: <https://kazachestvo.ru/20230523/431123.html?in=t> (дата обращения: 14.01.2025).

знания казачества как общности, в том числе и для внешней среды. Также нами выявлено отсутствие существенных барьеров в институциональных порядках реестрового и нереестрового казачества для интеграции, и в свете актуальных боевых действий, в которых казачество в своем большинстве, организационно и уже институционально представлено, общность потенциально обретает свою историческую роль и новый импульс для интеграции (СВО как кризисное событие для повышения групповости). И в этом смысле методологическая основа социального конструктивизма в отдельных положениях П. Бергера, Т. Лукмана и Р. Брубейкера является адекватным теоретическим инструментом для интерпретации данных процессов. Конечно, не только из различных институционально закрепленных и легитимированных областей знания складывается современный характер казачества как социальной общности, однако этот предъявляемый как норма порядок, являясь продуктом экстернализации акторов, одновременно является и материалом для интериоризации казаками и рамкой, в которой последующие экстернализации могут быть проведены. Несомненно, что внутреннее обыденное, культурное (или в терминах П. Бергера и Т. Лукмана, дотеоретическое) знание имеет значимый вес в процессах социализации казаков, однако закрепленный или закрепляющийся формальный институциональный порядок задает векторы развития новых и реинтерпретации исторически перенятых субуниверсумов знания внутри общности и в конечном счете работает на идеологическом уровне, влияя как на повседневные практики, так и на стратегические ориентиры казачества.

Библиографический список

1. Баранов А. В. Роль кубанского казачества в этнополитических и геополитических процессах в Краснодарском крае // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3. С. 80–89. EDN: YSGBLN.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 334 с.
3. Бредихин А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. С. 6–18. DOI: 10.24411/2070-1381-2017-00016; EDN: YRHFFL.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: ВШЭ, 2012. 408 с.
5. Бугай Н. Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX – XXI вв.). М., 2015. 276 с.
6. Воденко К. В., Иванченко О. С., Шевченко О. М. Боевые традиции казачества в годы Великой Отечественной войны и в современности // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 2. С. 50–70. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4; EDN: EILHPQ.
7. Водолацкий В. П. Казачество в современном обществе: социологическое измерение: дис. д-ра социол. наук. М., 2011. 266 с.

8. Денисова Г. С., Ковалев В. В. Казачество в современной России: обретение социального статуса // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN.
9. Каменцев А. А. «Живы вопреки»: коллективная память казаков в социальных сетях // Tempus et Memoria. 2023. Т. 4. № 2. С. 16–28. DOI: 10.15826/tetm.2023.2.048; EDN: RCEMIT.
10. Кислицын С. А. Южнорусское казачество и этнополитические конфликты на Дону и Северном Кавказе // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Ростов н/Д: СКАГС, 2003. С. 219–232.
11. Маркедонов С. М. Неоказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 5. С. 161–174.
12. Мациевский Г. О. Роль казачества в противодействии экстремизму и этносоциальным конфликтам на Кубани. Краснодар: Парабеллум, 2017. 160 с.
13. Озеров А. А., Хоперская Л. Л. Возрождение казачества: современные методологические и правовые подходы. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2006. 80 с.
14. Озеров А. А. Конструктивистский подход к исследованию истории казачества // Философия права. 2006. № 3. С. 69–74. EDN: IEIEGW.
15. Пузанков И. А. «У казака вся жизнь – война, в казачьем сердце страха нет!», или как сегодня становятся казаками // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 4. С. 41–61. DOI: 10.19181/inter.2022.14.4.3; EDN: ACDNHI.
16. Рвачева О. В. Возрождение казачества на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ: дис...д. ист. н. Волгоград, 2022. 582 с.
17. Рвачева О. В. Возрождение казачества юга России в конце XX – начале XXI века. Волгоград: ВолГУ, 2021. 390 с.
18. Рудиченко Т. С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX – начала XXI века // Вторичные формы традиционной народной культуры. Краснодар: Традиция, 2010. С. 136–146.
19. Рыблова М. А. Казаки возвращаются! История и судьба одной научной теории // Казачество: прошлое и настоящее. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 278–285.
20. Рыблова М. А. Конструкты, образы и символы «этнического казачьего возрождения» на Юге России // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2017. С. 341–348. EDN: YVNSMS.
21. Таболина Т. В. Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности. М., 1997. 33 с.
22. Тишков В. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: МЦ Карнеги, 1997. С. 15–43.

23. Тюменцев И. О. Модернизационный потенциал и сценарии развития казачьего движения на Юге России // Современное состояние и сценарии развития юга России. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2006. С. 232–237.
24. Усатов С. В. Правоохранительный потенциал современного казачества // Общество и право. 2010. № 2. С. 296–301. EDN: NDYGN.
25. Фалалеев А. В. Местное казачье самоуправление: правовые основы, формы реализации, перспективы (на примере Волгоградской области) // Legal Concept. 2012. № 1. С. 67–71. EDN: PBWJKR.
26. Arnold R. Testing Constructivism: Why Not More “Cossacks” in Krasnodar Kray? // Post-Soviet Affairs. Palo Alto, 2014. No. 30(6). P. 481–502. DOI: 10.1080/1060586X.2014.889365.
27. Baranec T. Russian Cossacks in Service of the Kremlin: Recent Developments and Lessons from Ukraine // Russian analytical digest. 2014. No. 153. P. 9–12.
28. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Bondaries». Amsterdam, 1994. P. 11–33.
29. Hamilton D. L., Sherman S. J., Lickel B. Perceiving Social Groups: The Importance of the Entitativity Continuum // Intergroup Cognition and Intergroup Behavior / Ed. by C. Sedikides, J. Schopler, C. A. Insko. N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. P. 47–74.
30. Hechter M. Principles of Group Solidarity. Berkeley: University of California Press, 1987. 288 p.
31. Skinner B. Identity Formation in the Russian Cossack Revival // Europe-Asia Studies. 1994. No. 6. P. 1017–1037. DOI: 10.1080/09668139408412214.

Получено редакцией: 06.01.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пузанков Илья Андреевич, аспирант школы по социологическим наукам

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8

A Social Constructivist Approach to the Analysis of the Institutional Order of Modern Cossacks

Ilya A. Puzankov

HSE University, Moscow, Russia

iapuzankov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-4906-7823

For citation: Puzankov I. A. A Social Constructivist Approach to the Analysis of the Institutional Order of Modern Cossacks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 142–161. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.8; EDN: ELGUVQ.

Abstract. The paper proposes a constructivist perspective on the institutional nature of the Cossack community and the components of Cossack identity as a whole. The author draws on the concepts of P. Berger, T. Luckmann, and R. Brubaker. Modern Russian Cossacks are presented as a dynamic social community, shaped by historical traditions, the challenges

of the times, and new institutional conditions, that significantly influence their ideological and social self-determination in Russian society. The author examines the political, legal, cultural, historical, economic, and educational aspects of the Cossack community, identifying key mechanisms for the legitimisation of social knowledge and certain components of Cossack identity. The formally established order is viewed as the result of externalisation by actors and the basis for the internalisation of norms by Cossacks. The importance of cultural knowledge in socialisation is also emphasised, as it operates within the framework of institutionally enshrined norms that define the vectors of community development. This study emphasises the pursuit of historical continuity in the sociocultural forms of Cossacks in modern times, resulting in a significant portion of social knowledge being relegitimised and reinterpreted. Following the revival of the Cossacks as a social community that began in the late 1980s, they now appear as a formalised structure integrated into the state system, with significant roles in contemporary socio-political processes. Particular attention is paid to the interaction between registered and non-registered Cossacks, an analysis of regulations governing the activities of Cossack societies, and the influence of religious, educational, and media institutions on the formation of the collective identity of the Cossacks. The mechanisms for the reproduction of traditional Cossack practices are examined, as well as their adaptation to contemporary social and political challenges. The work also addresses the prospect of Cossack participation in the Special Military Operation, that contributes to the restoration of the Cossacks' historical status as a military force. It is noted that, despite the differences between registered Cossack societies and Cossack non-profit organisations, the absence of rigid barriers between them can facilitate their integration and consolidation.

Keywords: cossacks, sociology, registry, institutional order, legitimization, identity, social constructivism, SMO

References

1. Baranov A. V. The Role of the Kuban Cossacks in the Ethnopolitical and Geopolitical Processes in Krasnodar Region. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2018: 3: 80–89 (in Russ.). EDN: YSGBLN.
2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Transl. from Ger. by E. Rutkevich. Moscow, Medium, 1995: 334 (in Russ.).
3. Bredikhin A. V. Ethnosocial Identity of Contemporary Russian Cossacks. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2017: 61: 6–18 (in Russ.). DOI: 10.24411/2070-1381-2017-00016; EDN: YRHFFL.
4. Brubaker R. Ethnicity Without Groups. Transl. from English. Moscow, VSHE, 2012: 408 (in Russ.).
5. Bugai N. F. Cossacks of Southern Russia: Constitutionality, Evolution, Modernity (20th – 21st Centuries). Moscow, 2015: 276 (in Russ.).
6. Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Shevchenko O. M. Combat traditions of the Cossacks in the Great Patriotic War and in modern times. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025: 16: 2: 50–70 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4; EDN: EILHPQ.
7. Vodolatsky V. P. Kazachestvo v sovremennom obshchestve: Sotsiologicheskoe izmerenie [Cossacks in Modern Society: Sociological Measurement]: diss. of dr. of sociol. sci. Moscow, 2011: 266 (in Russ.).
8. Denisova G. S., Kovalev V. V. Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 14–36 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN.
9. Kamentsev A. A. “Alive Despite All the Odds”: Collective Memory of Cossacks in Social Networks. *Tempus et Memoria*, 2023: 4: 16–28 (in Russ.). DOI: 10.15826/tetm.2023.2.048; EDN: RCEMIT.
10. Kislitsyn S. A., Kirichenko A. V., Sholokhov V. A. Yuzhnorusskoe kazachestvo i etnopoliticheskie konflikty na Donu i Severnom Kavkaze [South Russian Cossacks and Ethnopolitical Conflicts in the Don and North Caucasus]. In *Konflikty na Severnom Kavkaze i puti ikh razresheniya* [Conflicts in the North Caucasus and Ways to Resolve Them]. Rostov-on-Don, SKAGS, 2003: 219–232 (in Russ.).
11. Markedonov S. M. Neokazachestvo na Yuge Rossii: ideologiya, tsennosti, politicheskaya praktika [Neo-Cossacks in Southern Russia: Ideology, Values, Political Practice]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz*, 2003: 5: 161–174 (in Russ.).
12. Matsievskii G. O. The Role of the Cossacks in Countering Extremism and Ethnosocial Conflicts in Kuban. Krasnodar, Parabellum, 2017: 160 (in Russ.).
13. Ozerov A. A., Khoperskaya L. L. Vozrozhdeniye kazachestva: sovremennyye metodologicheskiye i pravovyye podkhody [The Revival of Cossacks: Modern Methodological and Legal Approaches]. Rostov-on-Don, YUNC RAN, 2006: 80 (in Russ.).

14. Ozerov A. A. Konstruktivistskii podkhod k issledovaniyu istorii kazachestva [Constructivist Approach to Studying Cossack History]. *Filosofiya prava*, 2006: 3: 69–74 (in Russ.). EDN: IEIEGW.
15. Puzankov I. A. “A Cossack’s Whole Life Is War, There Is No Fear in a Cossack’s Heart!” or How They Become a Cossacks Today. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*, 2022: 14(4): 41–61 (in Russ.). DOI: 10.19181/inter.2022.14.4.3; EDN: ACDNHI.
16. Rvacheva O. V. The Revival of Cossacks in the South of Russia in the Soviet Period (Mid-1920s – Early 1940s) and in the Post-Soviet Period (1990s – 2000s): A Historical and Comparative Analysis: diss. of dr. hist. sci. Volgograd, 2022: 582 (in Russ.).
17. Rvacheva O. V. The Revival of Cossacks in Southern Russia in the Late 20th – Early 21st Century. Volgograd, VGU, 2021: 390 (in Russ.).
18. Rudichenko T. S. Traditsionnaya kul’tura donsokikh kazakov i sotsial’nye protsessy kontsa XX – nachala XXI veka [Traditional Culture of Don Cossacks and Social Processes of the Late 20th – Early 21st Century]. In *Vtorichnyye formy traditsionnoy narodnoy kul’tury* [Secondary Forms of Traditional Folk Culture. Krasnodar, Traditsiya, 2010: 136–146 (in Russ.).
19. Ryblova M. A. «Kazaki vozvrashchayutsya!» Istoriya i sud’ba odnoi nauchnoi teory [“Cossacks Are Back!” The History and Fate of One Scientific Theory]. *Kazachestvo: Proshloe i Nastoyashchee*, 2010: 3: 278–285 (in Russ.).
20. Ryblova M. A. Constructs, Images, and Symbols of the “Ethnic Cossack Revival” in the South of Russia. In *Cossacks of Russia in Revolts, Turmoil, and Revolutions (On the Centennial of the 1917 Events)*. Rostov-on-Don, YUNC RAN, 2017: 341–348 (in Russ.). EDN: YVNSMS.
21. Tabolina T. V. Kazachestvo na rubezhe XXI veka: problemy i vozmozhnosti [Cossacks at the Turn of the 21st Century: Problems and Opportunities]. Moscow, 1997: 33 (in Russ.).
22. Tishkov V. Identichnost’ i kul’turnye granitsy [Identity and Cultural Boundaries]. In *Identichnost’ i konflikt v postsovetских gosudarstvakh* [Identity and Conflict in Post-Soviet States]. Moscow, 1997: 15–43 (in Russ.).
23. Tyumentsev I. O. Modernizatsionnyi potentsial i stsennarii razvitiya kazach’ego dvizheniya na Yuge Rossii. [Modernization Potential and Development Scenarios of the Cossack Movement in the South of Russia]. In *Sovremennoe sostoyanie i stsennarii razvitiya yuga Rossii* [Current State and Scenarios of Development of the South of Russia]. Rostov-on-Don, 2006: 232–237 (in Russ.).
24. Usatov S. V. Pravookhranitel’nyy potentsial sovremennogo kazachestva [Law Enforcement Potential of Contemporary Cossacks]. *Obshchestvo i pravo*, 2010: 2: 296–301 (in Russ.). EDN: NDAYGN.
25. Falaleev A. V. Mestnoe kazache samoupravlenie: pravovye osnovy, formy realizatsii, perspektivy (na primere Volgogradskoy oblasti) [Local Cossack Self-Government: Legal Foundations, Forms of Implementation, and Prospects (on the Example of the Volgograd Region)]. *Legal Concept*, 2012: 1: 67–71 (in Russ.). EDN: PBWJKR.
26. Arnold R. Testing Constructivism: Why Not More “Cossacks” in Krasnodar Kray? *Post-Soviet Affairs*. Palo Alto, 2014: 30(6): 481–502. DOI: 10.1080/1060586X.2014.889365.
27. Baranec T. Russian Cossacks in Service of the Kremlin: Recent Developments and Lessons from Ukraine. *Russian analytical digest*, 2014: 153: 9–12.
28. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity. *The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries»*. Amsterdam, 1994: 11–33.
29. Hamilton D. L., Sherman S. J., Lickel B. Perceiving Social Groups: The Importance of the Entitativity Continuum. *Intergroup Cognition and Intergroup Behavior*. Ed. by C. Sedikides, J. Schopler, C. A. Insko. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1998: 47–74.
30. Hechter M. Principles of Group Solidarity. Berkeley: University of California Press, 1987: 288.
31. Skinner B. Identity Formation in the Russian Cossack Revival. *Europe-Asia Studies*, 1994: 6: 1017–1037. DOI: 10.1080/09668139408412214.

The article was submitted on: January 6, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Puzankov, graduate student of the School of Sociological Sciences

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.9

EDN: EQIPNO

Поколенческие отношения в научно-педагогической общности: к постановке проблемы¹

Ссылка для цитирования: Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Костина Н. Б. Поколенческие отношения в научно-педагогической общности: к постановке проблемы // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 162–186. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.9; EDN: EQIPNO.

For citation: Ambarova P. A., Zborovsky G. E., Kostina N. B. Generational Relationships in the Academic and Teaching Community: A Problem Statement. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 162–186. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.9; EDN: EQIPNO.

SPIN-код: 1351-6671

Амбарова Полина Анатольевна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

p.a.ambarova@urfu.ru

SPIN-код: 9068-9732

Зборовский Гарольд Ефимович¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

garoldzborovsky@gmail.com

SPIN-код: 8328-9080

Костина Наталия Борисовна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

kostinanb30@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-18-00206.

Аннотация. Актуальность изучения поколенческих отношений в научно-педагогической общности обусловлена значительными пробелами в социологических исследованиях высшей школы. Образовательная общность вузовских научно-педагогических работников обладает сложной структурой, одной из разновидностей которой является поколенческая. Ее состояние и динамика изменений влияют на функционирование современных российских университетов, вызывая озабоченность как научно-педагогических работников, так и представителей университетского управления. Проблемы поколенческих отношений внутри общности научно-педагогических работников, обусловленные дисбалансами ее поколенческой структуры, стали предметом данной статьи. Целью представленного исследования является определение содержания и характера поколенческих отношений внутри научно-педагогической общности. В статье представлен анализ понимания научно-педагогическими работниками проблем поколенческих отношений, включая признаки их кризиса, ориентации на идеал межпоколенческих отношений. Рассмотрены причины актуализации поставленной проблемы, ее теоретическая и практическая значимость, научная новизна, обозначены возможности использования результатов исследования для решения важных задач развития вузов. Наряду с обзором литературы по данной проблематике представлен анализ теоретических оснований исследования с акцентом на концептуальное обоснование поколенческой проблематики в работах К. Мангейма. Эмпирической основой статьи являются данные двух социологических исследований (2023–2024 гг.), полученные в ходе проведения полуструктурированных интервью с представителями разных поколений научно-педагогических и административно-управленческих работников российских вузов. Научная новизна статьи состоит в фокусе внимания на противоречиях поколенческих отношений в среде научно-педагогических работников и выявлении потенциальных зон межпоколенческих напряжений и конфликтов. Основными результатами данного исследования являются: интерпретация ориентации научно-педагогических работников на достижение баланса поколенческих отношений; характеристика «политики омоложения» как фактора актуализации негативных возрастных стереотипов; определение научных школ и научного наставничества как бесконфликтных зон поколенческих отношений. Авторы указывают на риски преувеличения роли молодого поколения, порождаемые государственной политикой в сфере высшего образования. Сделан вывод о слабой обоснованности управленческой оценки поколенческой структуры вуза исключительно по количественным параметрам соотношения доли представителей молодого и старшего поколений научно-педагогических работников.

Ключевые слова: научно-педагогическая общность, научно-педагогические работники, административно-управленческие работники, межпоколенческие и внутрипоколенческие отношения, поколение в вузе, баланс поколенческих отношений, негативные возрастные стереотипы, научные школы, научное наставничество

Введение

Воспроизводство научно-педагогической общности сегодня проблематизируется не только тенденциями ее старения и слабым притоком молодых кадров в вузы научные организации, но и напряжениями в межпоколенческих и внутрипоколенческих отношениях между ее членами.

Наблюдается усиление межпоколенческих и внутрипоколенческих различий, возникновение вокруг них зон конфликтов и оснований для фрагментации университетского сообщества. Происходит ослабление

межпоколенческой преемственности и поколенческой идентичности, что приводит к разрушению традиций и ценностей академической культуры, к проблемам в кадровом воспроизводстве, функционировании научных школ, распространению эйджизма в его явных и латентных формах, что противоречит принципам социальной ответственности университетов.

Важным проявлением рассогласованности межпоколенческих и внутрипоколенческих отношений можно считать снижение уровня интегрированности молодых научно-педагогических работников (НПР) и студентов в университетское сообщество и качества их академической деятельности в силу отсутствия эффективных механизмов межпоколенческого трансфера профессиональных знаний, невостребованности наставнического ресурса старшего поколения. К этому можно добавить выгорание и истощение ресурсного потенциала среднего поколения научно-педагогических работников в условиях нарастания полифункциональности и интенсификации академического труда, а также снижение эффективности кадровой политики вузов, в том числе в вопросах регулирования их возрастной структуры, за счет внедрения количественного подхода, не учитывающего качество и дефициты человеческого капитала каждого поколения университетского сообщества.

Несмотря на кризисные проявления в поколенческих отношениях в научно-педагогической общности, в социологии высшего образования эта проблема практически не осмыслена – ни на теоретическом, ни на эмпирическом уровне. В связи с этим *цель статьи* состоит в определении содержания и характера поколенческих отношений внутри общности научно-педагогических работников. В статье затрагивается проблематика конфликтов и кризисных проявлений в этих отношениях, а в их решениях просматривается движение в сторону поколенческого консенсуса.

Новизна исследования заключается в актуализации положений теории поколений в контексте социологии высшего образования. Несмотря на значимость вопросов межпоколенческих отношений в университетском сообществе, в научной литературе они не только не концептуализированы, но и слабо представлены в эмпирическом плане. В научной литературе основной акцент сделан на межпоколенческих отношениях в обществе в целом, поколенческие исследования в высшем образовании затрагивают лишь межпоколенческие различия между студентами и преподавателями. Проведенное исследование направлено на восполнение пробелов в изучении противоречий межпоколенческих отношений в общности научно-педагогических работников российских вузов.

Практическая значимость исследования состоит в определении направлений поиска возможностей солидаризации различных поколений научно-педагогических работников. Проведенное исследование создает практические основания для разработки мер поддержки представителей различных поколений, создания дружелюбной академической среды, обеспечивающей высокое качество межпоколенческого и внутрипоколенческого, межобщностного и внутриобщностного взаимодействия, в конечном счете – оптимальное качество образовательной, научно-исследовательской деятельности и их результатов.

Обзор литературы по проблеме

Исследования проблемы поколений в современных гуманитарных и социальных науках характеризуются разнонаправленностью и междисциплинарностью. Среди этих исследований можно выделить четыре направления.

Первое направление – традиционное для данной области исследований – связано с определением и переопределением понятия поколения, типологии поколений и их границ. Основу данного направления составляют работы К. Мангейма [11], Т. Шанина [20], В. Семеновой [16], Р. Эйермана и Б. Тернера [28], Дж. Пилчер [31], У. Штрауса и Н. Хоува [33], Б. Даффи [27].

Второе направление образуют исследования, посвященные особенностям и траекториям формирования разных поколений. Пожалуй, это самое разработанное и объемное по количеству публикаций направление, как в России, так и за рубежом. Среди них – исследования проблем молодого и старшего поколений [3; 8; 14; 17]; поколений X, Y, Z [13; 15; 18], работы, посвященные критике концепции У. Штрауса и Н. Хоува [2; 12].

Третье направление поколенческих исследований посвящено разработке проблемы межпоколенческих отношений. В его рамках реализуются исследования в диапазоне анализа межпоколенческого конфликта (разрыва, разлома, войны, конкуренции) – солидарности (консенсуса, доверия, толерантности, контракта). Среди значимых работ российских социологов следует отметить статьи П. М. Козыревой и А. И. Смирнова [10], А. Г. Щелкина [21], И. В. Троцук [19] и др. Эти публикации отражают опыт как теоретического осмысления проблемы межпоколенческих отношений, так и их эмпирического изучения. При этом они отчетливо формируют вектор поиска оснований для солидарности поколений. Дискурс межпоколенческого конфликта, разворачивающегося в пространстве семьи, политики, макросоциальных изменений общества, социальной (не)справедливости, отражен и в публикациях ряда зарубежных авторов [22; 23; 26; 29].

Четвертое направление поколенческих исследований активно разрабатывается в основном зарубежными исследователями. Однако в последние годы к нему присоединились и российские авторы. Это направление посвящено политике возраста и поколений. В рамках данного направления можно выделить два тематических блока: политика поколений и возраста в организациях [5; 34; 35] и государственная политика поколений, направленная на регулирование межгенерационных отношений в обществе в целом [1; 30; 32; 37]. И первый, и второй тематический фокусы актуализированы обеспокоенностью общественности и ученых в отношении роста латентных и явных проявлений межпоколенческой интолерантности и эйджизма.

Таким образом, обзор показывает, что поколенческие исследования, в том числе реализованные на основе социологической методологии, сформировали динамично развивающуюся предметную область. Между тем, поколенческие исследования в сфере образования, осо-

бенно в высшей школе, пока занимают в ней маргинальное положение. Представленные выше работы многообразны, но напрямую не затрагивают проблему поколенческих отношений в университетах.

Поколенческие исследования в высшем образовании сосредоточены вокруг проблемы отношений и взаимодействий между студентами и научно-педагогическими работниками (НПР) как представителями разных поколений, а также между НПР разных поколенческих групп. Кроме того, во взаимодействие между вузовскими образовательными общностями, представляющими разные поколения, включены административно-управленческие работники (АУР), которые стремятся к эффективному участию в этом процессе. В публикациях акцентируется внимание на межпоколенческих различиях в восприятии информации, способах ее получения и использования, в отношении ценностей образования и знания.

Что касается иных аспектов поколенческих исследований российской высшей школы, то они ограничены изучением возрастной структуры вузов и проблемы старения научно-педагогических кадров. Вопрос о межпоколенческих и внутрипоколенческих отношениях и взаимодействиях, о динамике поколений в академической среде, об университетской политике возраста и поколений, об управлении поколенческим разнообразием системно и комплексно в российской социологии не изучается — ни в теоретическом, ни в эмпирическом плане.

Зарубежные исследователи также отмечают отсутствие исследований поколенческого многообразия и динамики поколений в академической среде. Они фиксируют большую изученность поколенческого фактора в корпоративном секторе, нежели в сфере образования [36]. Кроме того, отмечается высокая потребность и одновременно отсутствие исследований управления поколенческим многообразием в академической среде. В этом смысле примечательна работа М. Чавеса [25], в которой рассматриваются плюсы и минусы культурного многообразия в организациях высшего образования, в том числе возникающего за счет поколенческого фактора. В то же время автор ставит вопрос о том, как обеспечить в рыночных условиях справедливость и не допустить дискриминации, когда каждое поколение имеет свою «рыночную» ценность. Идея, обозначенная в названной работе, очень актуальна в контексте маркетинга российской высшей школы и академического капитализма.

Р. Берк отмечал [24], что, когда в университете трудятся научно-педагогические работники, разница в возрасте между которыми составляет 50 и более лет, неизбежно возникают различия в общении, стиле работы и амбициях в отношении работы / карьеры, противоречия в ценностях, верованиях и установках, коренящиеся в этих различиях, в удовлетворенности работой и продуктивности. В своем исследовании он постарался выявить межпоколенческие различия с наибольшим конфликтным потенциалом (потенциальные зоны конфликта), изучить распространенность дискриминации поколений в высших учебных заведениях и рассмотреть практические последствия этих проблем взаимодействия поколений для обучения и развития преподавателей и персонала. По мнению исследо-

вателя, все эти феномены неизбежно появляются в университетах в условиях быстро меняющейся академической среды, новых требований, повышенной нагрузки и стресса. Автор указывал на то, что цель управления поколенческим многообразием – переход к концепции университета, основанной не на продуктивности, а на целостном благополучии его участников. Отсутствие такого управления снижает потенциал университета и его общественную миссию: обучаясь в университете в условиях поколенческого разнообразия, студенты затем транслируют паттерны поведения на организационные практики.

Последние три упомянутые работы отражают существенную ограниченность разработки проблемы межпоколенческих и внутривпоколенческих отношений и взаимодействий в университетском сообществе как в российской, так и зарубежной науке. Мы раскрыли содержание этих статей, чтобы подчеркнуть актуальность, теоретическую новизну и практическую востребованность рассматриваемой проблемы. Что же касается научно-педагогической общности, то аналитические обзоры по предметному полю ее исследований представлены в других работах, в частности [6; 7].

Теоретические основания исследования

Теоретическим базисом данного исследования являются положения зарубежной и отечественной теории поколений, позволяющие проинтерпретировать феномен поколенческих отношений в научно-педагогической общности с позиций социологии, в том числе в контексте общностного подхода. Прежде всего, отметим, что мы исходим из базового понимания поколений как синхронно существующих социально-возрастных общностей (молодого, среднего, старшего поколений). Однако полагаем, что при исследовании этих общностей можно использовать и принципы социокультурного подхода, согласно которому представителей поколений объединяют общие ценности, картина мира, интерпретация событий и многое другое. Принципы демографического подхода дают нам возможность рассматривать и сравнивать представителей разных поколений как современников. Социокультурный же подход, чаще всего используемый для изучения исторической динамики поколений, дает возможность раскрывать содержание межпоколенческих отношений сквозь призму различий поколенческих ценностей, норм, стереотипов, поведенческих моделей и т. д.

Не случайно мы опираемся на понимание поколения К. Мангейма, изложенное им в классической работе «Проблема поколений» [11]. К. Мангейм трактовал поколение как группу людей, которая определяется не пребыванием в одном хронологическом периоде как таковом, а проживанием среди одних и тех же событий, существенным образом влияющих на жизнь людей.

Он не отождествлял поколение с социальной общностью, а разделял их на основе таких признаков, как наличие конкретного знания людей друг о друге и близости между ними в общности и отсутствие таковых в поко-

лении. Он писал: «Поколение не есть конкретная группа в том же смысле, что общность, т. е. группа, которая не может существовать, если ее члены не располагают конкретным знанием друг о друге и которая как интеллектуальное и духовное сообщество перестает существовать, если только нарушена “близость”. С другой стороны, оно никоим образом несопоставимо с ассоциациями ... которые служат сплочению группы, даже если в ней нет связей, определенных пространственной близостью и общностью жизни ... под конкретной группой подразумевается союз некоторого числа индивидов, осуществляемый в силу естественно развившихся или установленных осознанно-волевым усилием связей. Люди, принадлежащие к одному поколению, несомненно, некоторым образом связаны друг с другом» [11, с. 22]. Правда, в конце работы, в разделе «Статус поколения, поколение как реальность, поколение как общность» Мангейм пытается обосновать возможность общностного подхода к поколению, но делает это очень робко, почти незаметно.

Такой подход К. Мангейма позволил в конце XX в. начать дискуссию о соотношении понятий «поколение» и «социальная общность» и рассматривать поколение уже не только как возрастную когорту, но и как поколенческую общность. Эта идея опирается еще на один тезис К. Мангейма о роли социального местоположения в формировании поколения: «... для вывода относительно общности местоположения в некоем поколении простого сосуществования во времени недостаточно... Для того чтобы по местоположению находиться в одном и том же поколении ... нужно быть рожденным в одном и том же историческом и культурном ареале. Как реальность поколение подразумевает даже нечто большее, чем просто соприсутствие в подобном историческом и социальном ареале. Чтобы в действительности составлять поколение, необходимо дополнительное звено: участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности» [11, с. 36]. Обратим внимание: местоположение является как пространственным, так и социальным ограничением поколения. К этой характеристике поколения добавим еще один важный признак, описанный К. Мангеймом, – его необходимость в постоянной передаче культурного наследия [11, с. 33].

Рассмотренные тезисы работы К. Мангейма могут быть использованы в исследовании поколенческой проблематики в вузе. Это и трактовка поколения и его соотношения с социальной общностью, и наличие определенного типа близости (в том числе возрастной), и особенности ограниченного местоположения – пространственного и социального, и передача культурного наследия, и участие в судьбе исторической и социальной общности – как «современницы» поколения.

Для нас важными являются положения теории поколений, сформулированные на основе идей К. Мангейма его современными последователями. Среди них – обоснование Дж. Пилчер необходимости исследования качественных (опыт, идентичность, практики) и количественных (возраст, численность) параметров поколений [31].

Используя подход Мангейма и его последователей, а также придерживаясь принципов общностного подхода к поколениям, мы предлагаем для исследования поколенческой проблематики в высшем образовании ввести понятие «поколение в вузе». Мы понимаем под ним объективно складывающуюся, реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую и самостоятельную социальную общность близких по возрасту людей, объединенных в вузе демографическими, социокультурными, образовательными характеристиками, решением конкретных задач, полностью или частично занятых обучением, научными исследованиями, управлением процессами университетской жизни в схожих условиях социализации, реализации потребностей, интересов, ценностных ориентаций, идентифицирующих себя с определенным поколением.

Для изучения межпоколенческих отношений особо важной нам представляется мангеймовская идея о местоположении поколений. Социально-пространственная характеристика отношений поколений хорошо «ложится» на эту проблему в условиях относительно замкнутого вузовского пространства. В нем проявляет себя субъектность поколений вузовских образовательных общностей – научно-педагогических и административно-управленческих работников, студенчества. Поколенческие отношения влияют на степень согласованности действий, преобладающие формы их воплощения (диалог, сотрудничество, консенсус, кризисные ситуации). Рассматривать поколенческие группы в университетском сообществе можно в двух аспектах – относительно самих себя и относительно других поколенческих групп. В первом случае характеризуется поколенческая группа – ее возрастные параметры, историко-культурный контекст ее формирования и существования, ценностные приоритеты, самоидентификация, ключевые виды деятельности – научно-педагогическая для НПР, организационно-управленческая (плюс участие в научно-педагогической) для АУР, учебная (с элементами научной) и общественная – для студентов. Во втором случае в центре анализа оказываются отношения поколенческих групп, обусловленные их нетождественностью (различиями) в профессиональных компетенциях (знаниях, навыках, умениях), статусах, полномочиях, возможностях влиять на действия других групп.

Отношения между поколениями в университетском сообществе – это тождественность или различия их свойств как субъектов образовательной, исследовательской и иной вузовской деятельности, как носителей идей, доктрин, мотивов, ценностей. Понятие «межпоколенческие отношения в университетском сообществе» фиксирует равенство/неравенство поколенческих групп и образовательных общностей. Равенство, прежде всего, – перед действующими на всех уровнях нормативно-правовыми актами, от федеральных законов до норм и правил, утвержденных в конкретном университете. Равенство не препятствует распределению видов деятельности, ресурсов, статусов в зависимости от поколенческого капитала. Равенство перед законом, нормами и правилами не исключает неравенства по профессиональным, статусным, властным, ресурсным, ценностным признакам. Понимание этого – основа для реализации взаимодействий

образовательных общностей и их поколений, условие преобладания согласия, диалога, сотрудничества над противостоянием, конфликтами, кризисными ситуациями.

В конце XX – начале XXI вв. проблематика поколенческих отношений нашла свое продолжение в теориях конфликта. Конфликт стал рассматриваться как одна из основных форм межпоколенческих и внутрипоколенческих отношений, в первом случае характеризуя их на межобщностном, во втором – на внутриобщностном уровне. В зарубежных работах межпоколенческий конфликт обсуждается на материалах исследований семьи, социальной солидарности, социально-политических, культурных отношений в обществе, языковой проблемы [23; 26]. Что касается отечественной социологии, то диапазон исследований межпоколенческого конфликта, трактуемого в терминах разрыва, разлома, конкуренции, также оказывается достаточно широким, а работы направлены не столько на его фиксацию и конкретную характеристику отдельных форм, сколько на поиск средств преодоления противоречий и достижения консенсуса конфликтующих поколений [4; 10; 21].

Возникающие в университетском сообществе конфликты могут представлять опасность для устойчивого функционирования и развития университета, поэтому требуют обязательного регулирования, медиации. В то же время они могут рассматриваться и как ценность для сообщества, но ими нужно грамотно управлять, используя их позитивный потенциал. Риски «вырастают» из преувеличения роли молодого поколения, еще и закрепленного федеральными управленческими решениями по исключительно количественному соотношению молодого и старшего поколений (вне их связи с научным, педагогическим, личностным потенциалом). Это приводит к возникновению медийного мифа о том, что представители старшего поколения не владеют современными технологиями (прежде всего, цифровыми) при осуществлении педагогической деятельности, имеют низкие адаптивные возможности к пониманию нового, привержены стереотипам прошлого.

Студенты, воспринимающие подобное отношение к НПР старшего возраста, начинают считать их «отставшим от современности» поколением, у которого уже нечему научиться. Такая оценка может распространиться и на старшую подгруппу среднего поколения НПР. Мнение студентов может совпадать с мнением самой молодой подгруппы НПР, совсем недавно сменившей статус со студенческого на преподавательский. В то же время у среднего и старшего поколений НПР формируется мнение о вузовской молодежи как меркантильной, прагматичной, стремящейся не к освоению профессии и занятиям наукой, а исключительно к материальному достатку и комфортной жизни.

Недопущение перерастания межпоколенческих отношений в конфликтные предполагает установление диалога, доверия, преодоление нарушения справедливого распределения обязанностей и ресурсов. К конфликтам, имеющим позитивный потенциал для функционирования университетского сообщества и его развития, относятся идейные, теоре-

тические противоречия между приверженцами разных научных подходов и теорий – субъектами исследовательской деятельности, вытекающие из различного профессионального опыта поколений. Реализация позитивной составляющей таких конфликтов основывается на использовании преимуществ каждого поколения в знаниях и навыках, умениях адаптироваться к быстро меняющимся условиям деятельности, и возможна только при межпоколенческом диалоге, сотрудничестве. Деятельность научных коллективов, научных школ немыслима без межпоколенческого согласия, равно как и без дискуссий и согласований позиций.

Экстраполируя положения концепции конфликта поколений на задачи их исследования в вузе, мы опираемся на понятие кризиса поколенческих отношений в них. Под ним мы понимаем межпоколенческое дистанцирование и межпоколенческий разрыв. Проявляется он в неприятии ценностей и интересов представителей других поколений, их столкновении. Типичным примером является столкновение ценностей старшего и молодого поколений.

Кризис межпоколенческих отношений в вузах начинается с обострения противоречий и столкновения интересов представителей разных поколений. Проявляется он и через разбалансированность объективных процессов взаимодействия образовательных общностей и поколений в вузе и ее отражение на субъективном уровне их восприятия.

Для данного исследования имеет значение интерпретация понятия кризиса с позиций социологической теории. Ее рассматривает И. В. Катерный, обращающий внимание на то, что в 1970-х гг. понятие «кризис» приобретает новое эпистемологическое значение, а в 1980-х ««кризисный дискурс» становится глобальным по охвату и содержанию» [9, с. 15]. С 2000-х гг. формируется идея перманентного кризисного состояния общества [9, с. 15–16], нового понимания соотношения кризиса и порядка. Последнее эволюционирует от идеи чередования состояний кризиса и порядка, когда нарушение последнего посредством кризиса сменяется новым порядком, к идее о том, что характеристика современности – это кризисная социальность: «В XXI веке мы приходим к пониманию, что общество – не устойчивое и стабильное образование, с островками или периодами кризисности, а перманентно переходная (лиминальная) структура, которая никогда не выходит из переходности, образуя режим кризисной социальности. Особенностью этого режима является воспроизводство культурного и структурного лага инновациями и нормами, прошлым и будущим...» [9, с. 21–22].

Представляется, что указанная социологическая трактовка может стать теоретическим основанием для понимания конфликтности поколенческих отношений внутри научно-педагогической общности. Мы исходим из того, что между кризисными проявлениями и конфликтами межпоколенческих взаимодействий существует двусторонняя связь: конфликтные состояния приводят к возникновению кризисных явлений, влияющих, в свою очередь, на обострение конфликтных ситуаций. Конфликты поколенческих отношений – *это нарушение устойчивых, привычных, признаваемых*

нормативными отношений между поколенческими группами в процессе реализации различных составляющих профессиональной деятельности. Признаками таких конфликтов являются: ослабление межпоколенческой преемственности; отсутствие механизмов межпоколенческого трансфера; «выгорание» НПП среднего поколения (профессиональное и психологическое); отсутствие условий (нормативных и ситуационных) для интеграции молодого поколения в научно-педагогическую общность; недооценка продуктивных представителей старшего поколения НПП; преобладание количественного подхода к возрастной структуре НПП при реализации кадровой политики; истощение кадрового потенциала региональных вузов. Перечисленные признаки могут существовать в разных сочетаниях в разных университетах и иметь различную степень выраженности.

Эмпирическая база и метод исследования

В основу данной статьи легли результаты вторичного анализа данных двух социологических исследований – «Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в новых условиях реализации стратегии развития российских университетов: региональное измерение» и «Научное наставничество в российских вузах: институциональные модели, профессиональные роли, повседневные практики», реализованных в 2023–2024 гг.¹ Исходные эмпирические данные были образованы материалами двух волн полуструктурированных интервью: 1) с научно-педагогическими работниками ($n = 40$) и представителями университетского управления и его исследователями ($n = 25$) из вузов Уральского федерального округа; 3) с молодыми исследователями (магистрантами, аспирантами и соискателями, $n = 30$) и научно-педагогическими работниками, выступающими в роли научных наставников ($n = 30$) из 17 российских вузов².

Гайды первой волны интервью включали вопросы, касающиеся социально-демографической ресурсности НПП (возрастной структуры, уровня профессиональной активности НПП различных возрастных групп). Гайды второй волны интервью включали вопросы о характере взаимодействий в наставнической диаде, в том числе вопрос о наличии конфликтов между молодыми исследователями и их наставниками, а также об отношении наставников к университетской «политике омоложения». Кроме того, метод полуструктурированного интервью позволил зафиксировать упоминание респондентами ситуаций поколенческих взаимодействий в контексте управления ресурсностью научно-педагогической общности.

¹ Проект РНФ № 23-28-00028 «Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в новых условиях реализации стратегии развития российских университетов: региональное измерение» (рук. Г. Е. Зборовский); Проект РНФ № 23-28-01291 «Научное наставничество в российских вузах: институциональные модели, профессиональные роли, повседневные практики» (рук. П. А. Амбарова).

² В интервью приняли участие сотрудники вузов Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Тюмени, Казани, Владивостока, Омска, Саратова, Санкт-Петербурга, Калуги, Ставрополя, Перми.

Работа с материалами интервью осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе отбирались фрагменты интервью по указанным выше вопросам о социально-демографической ресурсности НППР и характере отношений в наставнической диаде. Кроме того, из транскриптов интервью были выделены другие фрагменты, в которых содержались упоминания отношений или взаимодействий представителей разных поколений научно-педагогических работников. Далее отобранные скрипты размечались в зависимости от интенций, в них содержащихся и фиксирующих кризисные проявления межпоколенческих отношений или же межпоколенческий консенсус.

Результаты эмпирического анализа

В подавляющем большинстве респонденты, независимо от их возраста и академического статуса, примерно в равной степени обращали внимание на проблемы каждого поколения НППР. Они делали акцент на необходимости привлечения молодежи, сохранения среднего поколения как главного ресурса научно-педагогической общности, бережного отношения к старшей когорте НППР. Их высказывания свидетельствуют о том, что НППР разных возрастов в целом осознают необходимость достижения поколенческой сбалансированности научно-педагогических коллективов, выступающей важнейшим условием осуществления и стратегического видения качественного образования и научных исследований.

При этом количественные параметры возрастной структуры НППР в интервью не были озвучены: респонденты либо затруднились определить их, либо выражали уверенность в том, что возраст никак не коррелирует с успешностью научно-педагогической деятельности:

«Ключевыми критериями при выборе кандидатов на должности являются их квалификация и компетенции, а не возраст. Возраст не является определяющим фактором для работы в нашей команде. Мы ценим и уважаем опыт старшего поколения, а также перспективность и высокую квалификацию молодых сотрудников. Мы не исключаем возможности найма бакалавров..., но выбор будет основан на их профессиональных компетенциях, а не на возрасте. Мы убеждены, что ключевым фактором для успеха в работе является наличие знаний и умений, а не возраст» (ж., 42 г., Тюмень, АУР¹).

С таким мнением представителей среднего поколения НППР солидарно поколение старшее, особенно если это касается научной составляющей их деятельности:

«Я считаю, что нельзя судить только по возрасту относительно ученых. Ученые – это люди, которые обладают опытом, знаниями и образованием, которые они получают в течение многих лет... Если установить возрастное ограничение до 30 лет, я считаю, это не совсем правильно... (ж., 51 г., Екатеринбург, НППР).

¹ АУР – административно-управленческий работник; НППР – научно-педагогический работник.

Иными словами, представители разных поколенческих общностей НПР во главу угла ставят совокупность признаков, благодаря которым достигается успешное функционирование вузовских кафедр, институтов, лабораторий. Среди них профессионализм, компетентность, опыт играют ведущую роль. Таким образом, оказалось, что в контексте повышения качества высшего образования и вузовской науки такая дискутируемая проблема, как старение научно-педагогической общности, не слишком волнует НПР. Решения, принимаемые университетским менеджментом относительно выстраивания поколенческой структуры, должны, по мнению опрошенных, учитывать, прежде всего, уровень профессиональных компетенций и приобретенного опыта. Такие решения создадут основания профилактики межпоколенческих конфликтов и достижения стратегических целей вуза:

«Некоторые цели и стратегии понятны, но иногда неясно, в каком направлении движется университет. Это относится и к сокращению преподавателей старшего возраста: обычно это отличные лекторы с богатым опытом, и теперь они должны быть замещены молодыми. Но если мы назначаем на должность ассистента 25-летнего, мы теряем опытных лекторов и базу знаний. Даже если мы выбираем преподавателей в возрасте от 25 до 30 лет, я считаю, что такой человек не сможет проводить масштабные потоковые лекции и обеспечить качественное образование» (м., 45 л., Челябинск, АУР).

Единственный проблемный аспект, который, по мнению респондентов, обусловлен старением научно-педагогической общности, – это трудности воспроизводства научно-педагогических кадров и сохранения преемственности поколений.

В связи с этим у опрошенных НПР доминируют критические оценки кадровой политики «омоложения», выдвигающей нормативные предписания определенного количественного соотношения молодых и более старших НПР. Прежде всего, отмечается принудительный характер таких требований:

«Молодые люди, они все время востребованы... Кафедры заставляют привлекать молодежь, даже когда она там не нужна» (м., 44 г., Москва, НПР).

Кроме того, представители научно-педагогической общности выразили несогласие с формальным подходом к установлению границ между поколениями НПР, приводящему к манипуляциям с возрастной структурой академического персонала:

«У нас есть А.С., которому будет 39 лет. Он считается уже старым, хотя является профессором. И его не допускают продвигаться дальше из-за возраста. Такое ограничение, действительно, абсурд. Зачем настолько привязываться к возрасту, чтобы сокращать некоторых старых? Я полностью согласна с тем, что нет необходимости ограничивать возможности опытных профессионалов, от которых все еще можно многое получить» (ж., 45 л., Екатеринбург, НПР).

Вместо того, чтобы кардинально улучшить условия академического труда, повысить имидж вузовских НПР и тем самым привлечь молодежь в академический сектор естественным образом, на вузы спускаются бюрократические нормативы доли молодежи в составе ППС и научных сотрудников. Администрация вузов вынуждена следовать этим установкам, серьезно нарушая процессы самоорганизации в университетском сообществе:

«Везде проблема связана с тем, что устанавливается эта отметка «39» и все. Условно, ученые после этого умирают, им надо ползти на кладбище? Хотя мы понимаем, что 39 – это самый оптимальный возраст. До 50 лет он может вполне ... После 50 открываются другие перспективы. А вынуждены брать аспирантов, которые поработают какое-то время, а потом они это все бросят. В научном плане все тащат люди постарше. Потому что у них связи, у них выходы и входы в научные журналы, выходы и входы с другими коллегами из других городов. Откуда они у магистра, бывшего магистра или у аспиранта? Как правило, таких нет» (м., 53 г., Пермь, НПР).

Акцентирование внимания исключительно на количественных показателях поколенческой структуры НПР приводит к формированию структуры НПР без учета профессиональных компетенций (шире – человеческого капитала) каждой поколенческой общности, вследствие чего возникают предпосылки межпоколенческих разногласий между ними:

«У нас сейчас много молодежи привлекли на кафедру, в связи с требованиями увеличить число молодежи. Но это создало одни проблемы. У них нет не только нужного уровня педагогических компетенций, но и некоторых профессиональных компетенций нет, потому что набирали, как говорят, «по объявлению». Кто согласился и кто соответствует минимальным требованиям, того и взяли. И теперь получается, что мы своей нагрузкой и всеми наработками должны поделиться с молодым ассистентом, а сами взять себе, как опытные, новые курсы. Мы еще должны научить этого молодого коллегу, а где-то и за него поработать, если он «не тянет». Вот у меня и вопрос: это почему? на каком основании? за какие коврижки? Я понимаю, что молодых надо привлекать, им надо помогать, но ведь не за наш счет» (ж., 61 г., Саратов, НПР).

Проведенные интервью показали, что достаточно большая часть НПР не понимает и не принимает политику «омоложения». Но в то же время анализ исследовательских материалов позволил увидеть, как подобные кадровые установки и меры активизируют негативные возрастные стереотипы в научно-педагогической среде. Некоторыми нашими респондентами высказывались негативные оценки старшего поколения:

«Более 70–75 лет – плохое качество, они не должны работать. Они не могут подстроиться под современных студентов, и в соответствии с современными подходами им даже ту же физику рассказать. ... Они неправильно оценивают уровень подготовки студентов, из-за чего у них требования к студентам в какой-то степени завышенные» (м., 39 л., Екатеринбург, АУР).

Зеркальные оценки представители данной группы респондентов давали молодым НПР, обосновывая меры не только их поддержки, но и позитивной дискриминации в сложных условиях академической среды: *«Мне кажется, что КПД от молодых людей всегда будет выше, чем от людей уже с каким-то определенным жизненным багажом. Они более активны, у них больше жизненной энергии, они горят желанием заниматься чем-то. Понятно, что молодой специалист с его ограниченностью жизненного опыта и профессиональных качеств, еще не до конца сформировавшихся, не очень конкурентен на рынке труда. И вот очень важно не погасить их желание, если создать для них специальные ставки, в рамках которых они могли работать»* (м., 58 л., Тюмень, НПР).

Между тем отметим, что высказывания самих молодых НПР, касающиеся негативного отношения к ним со стороны старшего поколения, были буквально единичными. Приведем одно из них, воспроизводящее довольно традиционную ситуацию:

«Буду уходить из вуза, потому что не нравится отношение ко мне как молодому сотруднику. Более старшие коллеги критикуют, не стесняясь, за любые ошибки. На кафедре нагружают всякими обязанностями, за которые больше никто не берется. Очень некомфортно в таком коллективе и при такой зарплате, может быть, я просто неправильно выбрала сферу профессиональной деятельности. Хочу попробовать что-то другое» (ж., 25 л., Сургут, молодой ученый).

На основании обобщения материалов интервью можно сделать вывод о том, что негативные возрастные установки проявляются асимметрично — сильнее они в отношении старшего поколения НПР, нежели в отношении молодого. Однако наличие этих установок не приводит к очевидной конкуренции между поколениями НПР, хотя и вызывает «нытье молодых» и «ворчание стариков»:

«Проблемы возникают, когда привлекали молодых на определенных условиях. Например, соглашаешься, когда он говорит: «ну, точно не буду преподавать, но буду писать научные статьи». Поскольку он молодой и выполняет этот показатель, который требуется руководству, то возникают сложности с коллегами на кафедре. Они видят, что в составе кафедры есть человек, который аудиторной нагрузки не несет, потому что его приняли на определенных условиях. С одной стороны, он нужен кафедре как молодой сотрудник, а с другой стороны, другие члены кафедры могут возмущаться: почему я должен вести 9 пар, а кто-то нет, чем он лучше? Ну, это же все равно неравные условия для всех остальных получают» (ж., 45 л., Екатеринбург, АУР).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что представители старшего поколения в целом с пониманием относятся к ситуации институциональной межпоколенческой конкуренции, основания которой формируются из-за политики «омоложения». Большую роль в сглаживании этого латентного конфликта играют линейные руководители вузовских подразделений (заведующие кафедрами и лабораториями):

«... для того, чтобы ввести новых молодых, нужно кого-то опытных подвинуть, чтобы они ушли с работы. Человек всю жизнь отдал университету, а ему говорят: все, до свидания, тебе больше 75 лет. А он еще, не знаю, фонтанирует идеями, статьи пишет постоянно. А руководство говорит: все, мы не можем продлить контракт. Ну, это тяжело. Мне приходится как руководителю кафедры разговаривать с ним. Тяжело это делать. Я даже не знаю порой, как. Просто разговариваю с людьми, чтобы обид не оставалось» (ж., 54 г., Москва, АУР).

Проведенное исследование показало, что в вузовском пространстве сегодня есть «территории», в целом не только свободные от межпоколенческих напряжений, но и способствующие гармоничному кадровому воспроизводству и сохранению преемственности внутри научно-педагогической общности. Интервью позволили выделить два таких фокуса – это межпоколенческие взаимодействия в научных школах (и постоянно действующих научных коллективах, выступающих прототипами научных школ) и в формате научного наставничества. Не останавливаясь здесь на соотношении феноменов научных школ и научного наставничества, кратко отметим, что научное наставничество, безусловно, выступает элементом функционирования научной школы, но может реализовываться и вне ее рамок.

Прежде всего, в контексте разговора о научных коллективах респонденты говорили о важности и ценности старшего поколения НПР, транслируя представление о нем как о поколении Учителей и Наставников:

«... мое глубокое убеждение, что мы должны знакомиться не только с трудами наших учителей, а еще изучать то, как они жили, с их биографией. Это такой важный аспект профессионального воспитания молодежи, вовлечение в научную школу, чтобы она дальше росла, развивалась» (м., 44 г., Екатеринбург, НПР).

В научных школах, по-видимому, в силу самой природы этого феномена складываются позитивные условия для конструктивных межпоколенческих коммуникаций. Деятельность научной школы невозможна без признания (не на словах, а на деле) авторитета старшего поколения НПР и значимости молодого поколения. Устойчивость подобных научных коллективов обеспечивается особым типом научных коммуникаций – поддерживающими, вдохновляющими, помогающими в личностном и профессиональном планах:

«Когда я только попал в этот научный коллектив, это был своего рода толчок, в первую очередь, личностного роста. Постоянная помощь товарищей, коллег... Они, помимо того, что помогают отвечать на какие-то вопросы, которые возникают в ходе исследований, предлагают коллективное решение каких-то более сложных задач. Тут и личностный рост, и какая-то уверенность в том, что кто-то подойдет, возьмет за плечо, поможет решить задачу. Как-то более уверенно себя начинаешь чувствовать» (м., 31 г., Казань, НПР).

На тех же принципах терпимости и взаимного уважения, которые являются базисными для научных школ, основываются наставнические взаимодействия. И хотя сам характер коммуникаций в научном

наставничестве иной (face-to-face), нежели в научных школах, соблюдение данных принципов обеспечивает формирование гармоничных межпоколенческих взаимодействий и в наставнических практиках. В нашем исследовании в фокусе внимания оказались наставнические взаимодействия между состоявшимися ННР и молодыми исследователями (студентами, магистрантами, соискателями), определенная часть которых была включена во «взрослые» научные проекты¹. В качестве партнеров «взрослой» вузовской науки молодые исследователи были рассмотрены нами как часть научно-педагогической общности. Отметим, что, во-первых, рассматриваемые наставнические практики носили преимущественно неформальный характер, во-вторых, в них межпоколенческие различия наблюдались априори. И в таком качестве они привлекли особый исследовательский интерес.

Абсолютное большинство опрошенных представителей молодого поколения, включенных в наставническое межпоколенческое взаимодействие на добровольных началах, отметило практически «нулевой» уровень конфликтности в общении и работе с представителями среднего и старшего поколений:

«В принципе, я бы не сказала, чтобы у нас были какие-то конфликты. Ну, может быть, кому-то что-то из нас и не нравилось, но мы это обсудим точно и все равно сделаем, чтобы было всем хорошо. Тут без этого никак – у каждого свое видение есть. И.С. для меня человек с высоким статусом, она все же больше и проработала, и больше знает, и связи больше у нее есть в области образования» (ж., 26 л., Москва, молодой ученый).

Солидарны оказались с этим мнением и сами ННР-наставники: *«Конфликтов не было никогда. Ну, ведь тут как раз история всегда очень добровольная. Как-то принуждать, что-то заставлять смысла нет» (м., 34 г., Сургут, ННР).*

Проведенные интервью позволили сделать вывод, что в тех сферах жизнедеятельности научно-педагогической общности, в которых сохраняются принципы саморегуляции и самоорганизации, нормы и ценности традиционной академической культуры, отсутствуют предпосылки возникновения межпоколенческих напряжений, способных перерасти в конфликт. Если межпоколенческие конфликты и возникают, то исключительно на индивидуальном уровне:

«Я полагаю, что ученик и его учитель могут разойтись – во мнениях, позициях. Некоторые могут расценивать это как предательство, конфликт. Но дело не в возрасте, а в идейных разногласиях, когда ученик «вырастает» из своих ученических «штанишек». Так бывает» (м., 75 л., Пермь, ННР).

Приведенное высказывание свидетельствует о том, что в научных школах все же есть основания для возникновения «внутришкольных» и внутригрупповых конфликтов. Но они обусловлены наличием различных точек зрения по поводу тех или иных научных проблем, причем в рамках

¹ Отбирались респонденты, включенные в грантовые проекты, работающие в научных лабораториях, на ставках вспомогательного персонала.

одного научного направления и даже у разных поколений представителей научных школ. Подобные конфликты, возникающие не в силу межпоколенческих противоречий, а в силу естественной конкуренции научных идей, не отмечены в практиках научного наставничества.

Заключение

Исследование общности научно-педагогических работников с позиций социологической теории поколений формирует особый фокус диагностики его состояния в российских вузах. Мы исходили из понимания того, что межпоколенческие отношения и взаимодействия в среде НПР могут служить как барьером, так и ресурсом их развития. Однако, поскольку в таком качестве они слабо представлены в повестке научных исследований и университетского управления, актуальность их изучения возрастает.

Основываясь на результатах проведенного исследования, мы можем сделать вывод о том, что поколенческая и возрастная проблематика плотно входит в «тематическую» систему саморефлексии НПР. Возраст и принадлежность к молодому, среднему и старшему поколению НПР осознаются и как зона общностного единства (консенсуса), и как зона разногласий (конфликта). Оценки НПР влияния поколенческого фактора на разные стороны академической жизни и профессиональной деятельности дают очень серьезный разброс интерпретаций – от позитивных до негативных.

Между тем, попытка наложить теоретическую рамку конфликтности межпоколенческих взаимодействий на имеющиеся эмпирические данные демонстрирует преимущественную ориентацию научно-педагогической общности на межпоколенческий консенсус как идеал и безусловную ценность академической культуры. Забота о старшем поколении и поддержка вузовской молодежи с очевидностью сохраняются как социально одобряемые паттерны академического поведения.

В то же время проведенные интервью позволили зафиксировать и конфликтные состояния межпоколенческих взаимодействий в среде НПР, обусловленные эндогенным управленческим влиянием, а именно – активной реализацией «политики омоложения» НПР. Данная политика имеет среди опрошенных как своих сторонников, так и противников (независимо от принадлежности респондентов к общности АУР или НПР). Их позиции обусловлены скорее личным опытом (позитивным или негативным) межпоколенческого взаимодействия, поскольку в целом подавляющее большинство разделяет ценности межпоколенческого консенсуса.

Важный вывод вытекает из данных, указывающих на особенности межпоколенческих взаимодействий в научных коллективах и наставнических практиках. По нашему мнению, «заточенность» этих взаимодействий на взаимное уважение и поддержку представителей разных поколений НПР обусловлена самой природой научных школ и наставничества. По сути, они представляют собой те элементы научно-педагогической общности и академической культуры, которые сохраняют свою относительную авто-

номность от внешних организационных факторов, в том числе и менеджериальной культуры современных вузов. Безусловно, такой вывод требует дополнительных аргументов, которые могут быть получены в дальнейших исследованиях. Однако то обстоятельство, что научные школы и практики научного наставничества базируются на принципах саморегулирующихся систем, дает нам возможность рассматривать их в качестве «территорий», свободных от бюрократического регулирования. А ведь именно в них мы обнаруживаем практически «нулевой уровень» межпоколенческих напряжений и противоречий.

Библиографический список

1. Барсуков И. Н. Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств // Социальное пространство. 2016. № 5(7). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2069?lang=en> (дата обращения: 27.02.2025).
2. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «Поколении Z» // Современная аналитика образования. 2019. № 1. С. 1–64. EDN: VBVYTA.
3. Видясова Л. А., Григорьева И. А. и др. Карьерные ожидания пожилых в России: на основе анализа базы резюме с портала Роструда «Работа России» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 26–47. DOI: 10.14515/monitoring.2024.1.2430; EDN: OKOFJO.
4. Волков Ю. Г. Межпоколенческое взаимодействие в российском обществе: поиск языка согласия и взаимопонимания // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 3. С. 30–42. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.2; EDN: USUAHO.
5. Волкова Н. В., Чикер В. А. Особенности карьерной мотивации в контексте теории поколений: результаты эмпирического исследования // Вестник СПбГУ. Менеджмент. 2016. № 4. С. 79–105. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2016.404; EDN: VLHYJT.
6. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 5. С. 147–180. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-5-147-180; EDN: DQKMBA.
7. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Противоречия развития научно-педагогического сообщества как проблема зарубежных и отечественных исследований // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 8–25. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.1; EDN: BBPWCF.
8. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 56–74. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.5; EDN: QATYVU.

9. Катерный И. В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 14–26. DOI: 10.31857/S013216250028301-4; EDN: NYHUDT.
10. Козырева П. М., Смирнов А. И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 49–60. DOI: 10.31857/S013216250014949-6; EDN: KNAУМК.
11. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / Пер. с англ. Е. Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с. EDN: LAFQOX.
12. Мифы и реальность о поколении зумеров. Доклад. М.: ИНЦ; ГК ЛАНИТ, 2022. 74 с.
13. Омельченко Е. Л. Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 10–28. DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.1; EDN: AATYIC.
14. Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.2078; EDN: XIXVYB.
15. Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019. 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1; EDN: STOTFS.
16. Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2003 / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213–237. EDN: PEOBWX.
17. Синявская О. В., Червякова А. А. и др. Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье людей старше 50 лет в европейских странах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 237–258. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12; EDN: JQDDWR.
18. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным / Пер. с англ. А. Толмачева. М.: РИПОЛ классик, 2019. 406 с.
19. Троцук И. В. «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста // Вестник РУДН. Социология. 2015. Т. 15. № 2. С. 19–35. EDN: TPTDDF.
20. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25. EDN: OLBGBQ.
21. Щелкин А. Г. «Отцы и дети» – социологический портрет поколений в онтологическом интерьере // Петербургская социология сегодня. 2022. № 18. С. 5–34. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.http8-1j56; EDN: DUPRNX.

22. Aboim S., Vasconcelos P. From political to social generations: A critical reappraisal of Mannheim's classical approach // *European Journal of Social Theory*. 2014. Vol. 17. No. 2. P. 165–183. DOI: 10.1177/1368431013509681.

23. Bengtson V., Giarrusso R. et al. Solidarity, conflict, and ambivalence: Complementary or competing perspectives on intergenerational relationships? // *Journal of Marriage and Family*. 2002. Vol. 64. No. 3. P. 568–576. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2002.00568.x.

24. Berk R. A. Multigenerational diversity in the academic workplace: implications for practice // *Journal of Higher Education Management*. 2013. Vol. 28. № 1. P. 10–23.

25. Chavez M. J. A. Generational Diversity in the Academia: Ramifications and Challenges for Educational Leaders // *Journal of International Education and Leadership*. 2015. Vol. 5. Iss. 1. P. 1–9.

26. Connolly J. Generational conflict and the sociology of generations: Mannheim and Elias reconsidered // *Theory, Culture & Society*. 2019. Vol. 36. No. 7–8. P. 153–172. DOI: 10.1177/0263276419827085.

27. Duffy B. *The Generation Myth: Why When You're Born Matters Less Than You Think*. Hachette UK, 2021. 288 p.

28. Eyerman R., Turner B. S. Outline of a theory of generations // *European journal of social theory*. 1998. Vol. 1. No. 1. P. 91–106. DOI: 10.1177/136843198001001007.

29. Favretto A. R., Balduzzi G. Intergenerational Justice as Intergenerational Inclusion: New Challenges for Welfare Systems // *REI – Revista Estudos Institucionais*. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 1417–35. DOI: 10.21783/rei.v6i3.447.

30. Krawchenko T., Foster K. “Generationing” Public Policy: A Multicountry Review of Intergenerational Equity Policies // *Public Policy and Governance Review*. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 95–119.

31. Pilcher J. Mannheim's Sociology of Generations: An Undervalued Legacy // *British journal of sociology*. 1994. Vol. 45. No. 3. P. 481–495. DOI: 10.2307/591659.

32. Sato Y. Intergenerational Inequalities and Policy Options for Achieving Generational Balance in Japan // *Modern Macroeconomics with Historical Perspectives*. Springer Singapore, 2023. P. 107–127. DOI: 10.1007/978-981-99-1067-0_6.

33. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Co, 1991. 538 p.

34. Urlick M. J., Hollensbe E. C. et al. Understanding and Managing Intergenerational Conflict: An Examination of Influences and Strategies // *Work, Aging and Retirement*. 2017. Vol. 3. Iss. 2. P. 166–185. DOI: 10.1093/workar/waw009.

35. Van Rossem A. H. D. Generations as social categories: An exploratory cognitive study of generational identity and generational stereotypes in a multigenerational workforce // *Journal of Organizational Behavior*. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 434–455. DOI: 10.1002/job.2341.

36. Velarde J., Caballero K. et al. Diversidad Generacional: Desafíos para la educación universitaria en el siglo XXI // *Revista de Filosofía*. 2022. Vol. 39. № 102. P. 664–673. DOI: 10.5281/zenodo.7063329.

37. Wistow J. The intergenerational contract // *Social Policy, Political Economy and the Social Contract*. Bristol University Press, Policy Press, 2023. P. 130–144. DOI: 10.51952/9781447352624.ch007.

Получено редакцией: 28.05.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарова Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления

Зборовский Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления

Костина Наталия Борисовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.9

Generational Relationships in the Academic and Teaching Community: A Problem Statement¹

Polina A. Ambarova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

p.a.ambarova@urfu.ru

ORCID: 0000-0003-3613-4003

Garold E. Zborovsky

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

garoldzborovsky@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8153-0561

Natalia B. Kostina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

kostinanb30@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1928-4835

For citation: Ambarova P. A., Zborovsky G. E., Kostina N. B. Generational Relationships in the Academic and Teaching Community: A Problem Statement. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 162–186. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.9; EDN: EQIPNO.

Abstract. The relevance of studying generational relationships in academic and teaching communities stems from significant gaps in sociological research on higher education. The academic community of university academic and teaching staff has a complex structure, the generational one being one of the variety. Its current state and changing

¹ **Acknowledgement.** The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 25-18-00206.

dynamics influence the functioning of modern Russian universities, raising concerns among both academic and teaching staff and university administration. The problems of generational relationships within the academic and teaching community, caused by imbalances in its generational structure, form the subject of this article. The purpose of the study is to determine the content and nature of generational relationships within the academic and teaching community. The article presents an analysis of academic and teaching staff's understanding of the problems of generational relationships, including signs of crisis and their orientation toward the ideal of intergenerational relationships. The article considers the reasons for the relevance of the problem, its theoretical and practical significance, scientific novelty, and outlines the possibilities of using the research results to solve important problems of university development. Along with a review of the literature on this issue, an analysis of the theoretical foundations of the study is presented with an emphasis on the conceptual substantiation of generational issues in the works of K. Mannheim. The empirical basis of the article is formed by the data of two sociological studies (2023–2024), obtained in the course of semi-structured interviews with representatives of different generations of scientific, pedagogical and administrative-managerial workers of Russian universities. The scientific novelty of the article lies in the focus on the contradictions of generational relations among scientific and pedagogical employees and the identification of potential zones of intergenerational tensions and conflicts. The main results of this study are as follows: interpretation of the orientation of scientific and pedagogical workers on achieving a balance in generational relations; characterization of the “rejuvenation policy” as a factor in the actualisation of negative age stereotypes; the definition of scientific schools and scientific mentoring as conflict-free zones of generational relations. The authors point to the risks of exaggerating the role of the younger generation, that are generated by state policy in higher education. They conclude that managerial assessments of a university's generational structure based solely on quantitative parameters of the ratio of representatives of the younger and older generations of academic staff are weakly justified.

Keywords: scientific and pedagogical community, scientific and pedagogical employees, administrative and managerial employees, intergenerational and intragenerational relations, generation in a university, balance of generational relations, negative age stereotypes, scientific schools, scientific mentoring

References

1. Barsukov I. N. Causes and consequences of generational conflict as a social problem of «aging» states. *Sotsialnoe prostranstvo*, 2016: 5(7). Accessed 27.02.2025. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2069?lang=en> (in Russ.).
2. Bogacheva N. V., Sivak E. V. Myths about the “Generation Z”. *Sovremennaya analitika obrazovaniya*, 2019: 1: 1–64 (in Russ.). EDN: VBVYTA.
3. Vidasova L. A., Grigoryeva I. A. et al. Career expectations of the elderly in Russia: based on the analysis of the resumes' database from the Rostrud portal “Work in Russia”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2024: 1: 26–47 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2024.1.2430; EDN: OKOFJO.
4. Volkov Yu. G. Intergenerational interaction in Russian society: The search for a language of consent and mutual understanding. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, 2018: 7(3): 30–42 (in Russ.). DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.2; EDN: USUAHO.
5. Volkova V. N., Chiker V. A. Features of career choices through the generation theory: the results of empirical research. *Vestnik SPbGU. Menedzhment*, 2016: 4: 79–105 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu08.2016.404; EDN: VLHYJT.
6. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development. *Obrazovanie i nauka*, 2022: 24(5): 147–180 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2022-5-147-180; EDN: DQKMBA.
7. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Contradictions in the development of the research and pedagogical community as a problem of foreign and Russian research. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 2023: 11(1): 8–25 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.1; EDN: BBPWCF.
8. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 2022: 28(4): 56–74 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.5; EDN: QATYVU.
9. Katerniy I. V. Development of the Theory of Crisis in Sociology: Evolving Ideas and Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 10: 14–26 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250028301-4; EDN: HYHUDT.
10. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Interaction of generations in modern Russia: An evolving rapprochement. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 11: 49–60 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250014949-6; EDN: KNAYMK.

11. Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations – competitiveness – economic ambitions. Transl. from Eng. by E. Ya. Dodin. Moscow, INION RAN, 2000: 164 (in Russ.). EDN: LAFOX.
12. Myths and reality about the buzzer generation. Report. Moscow, INP; GK LANIT, 2022: 74 (in Russ.).
13. Omelchenko E. L. Forgotten generation X. A retrospective look from the future. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*, 2024: 16(2): 10–28 (in Russ.). DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.1; EDN: AATYIC.
14. Omelchenko E. L., Lisovskaya I. V. Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2022: 2: 66–92 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.2078; EDN: XIXVYB.
15. Radaev V. Millennials. How Russian society is changing. Moscow, HSE, 2019: 224 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1; EDN: STATFS.
16. Semenova V. V. Modern conceptual and empirical approaches to the concept of “generation”. In *Reforming Russia. Yearbook – 2003*. Ed. by L. M. Drobizheva Moscow, IS RAN, 2003: 213–237 (in Russ.). EDN: PEOBWX.
17. Sinyavskaya O. V., Cherviakov A. A. et al. Happy helpers? The impact of social activity on the levels of happiness among people aged 50 and over in the European countries. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2019: 6: 237–258 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12; EDN: JQDDWR.
18. Twenge J. Generation I. Why the Internet generation has lost its rebellious spirit and become more tolerant. Transl. from Eng. by A. Tolmachev. Moscow, RIPOL Classic, 2019: 406 (in Russ.).
19. Trotsuk I. V. “White spots” of the generational analysis: objective and subjective meaning of the age. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya*, 2015: 15(2): 19–35 (in Russ.). EDN: TPTDDF.
20. Shanin T. The history of generations and generational history. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*, 2005: 3: 6–25 (in Russ.). EDN: OLBGBQ.
21. Shcelkin A. G. “Fathers and children” – a sociological portrait of generations in an ontological interior. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 2022: 18: 5–34 (in Russ.). DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.http8-1j56; EDN: DUPRNX.
22. Aboim S., Vasconcelos P. From political to social generations: A critical reappraisal of Mannheim’s classical approach. *European Journal of Social Theory*, 2014: 17(2): 165–183. DOI: 10.1177/1368431013509681.
23. Bengtson V., Giarrusso R. et al. Solidarity, conflict, and ambivalence: Complementary or competing perspectives on intergenerational relationships? *Journal of Marriage and Family*, 2002: 64(3): 568–576. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2002.00568.x.
24. Berk R. A. Multigenerational diversity in the academic workplace: implications for practice. *Journal of Higher Education Management*, 2013: 28(1): 10–23.
25. Chavez M. J. A. Generational Diversity in the Academia: Ramifications and Challenges for Educational Leaders. *Journal of International Education and Leadership*, 2015: 5(1): 1–9.
26. Connolly J. Generational conflict and the sociology of generations: Mannheim and Elias reconsidered. *Theory, Culture & Society*, 2019: 36(7–8): 153–172. DOI: 10.1177/0263276419827085.
27. Duffy B. The Generation Myth: Why When You’re Born Matters Less Than You Think. Hachette UK, 2021: 288.
28. Eyerman R., Turner B. S. Outline of a theory of generations. *European journal of social theory*, 1998: 1(1): 91–106. DOI: 10.1177/136843198001001007.
29. Favretto A. R., Balduzzi G. Intergenerational Justice as Intergenerational Inclusion: New Challenges for Welfare Systems. *REI – Revista Estudos Institucionais*, 2020: 6(3): 1417–35. DOI: 10.21783/rei.v6i3.447.
30. Krawchenko T., Foster K. “Generationing” Public Policy: A Multicountry Review of Intergenerational Equity Policies. *Public Policy and Governance Review*, 2016: 7(2): 95–119.
31. Pilcher J. Mannheim’s Sociology of Generations: An Undervalued Legacy. *British journal of sociology*, 1994: 45(3): 481–495. DOI: 10.2307/591659.

32. Sato Y. Intergenerational Inequalities and Policy Options for Achieving Generational Balance in Japan. *Modern Macroeconomics with Historical Perspectives*. Springer Singapore, 2023: 107–127. DOI: 10.1007/978-981-99-1067-0_6.
33. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York, William Morrow & Co, 1991: 538.
34. Urlick M. J., Hollensbe E. C. et al. Understanding and Managing Intergenerational Conflict: An Examination of Influences and Strategies. *Work, Aging and Retirement*, 2017: 3(2): 166–185. DOI: 10.1093/workar/waw009.
35. van Rossem A. H. D. Generations as social categories: An exploratory cognitive study of generational identity and generational stereotypes in a multigenerational workforce. *Journal of Organizational Behavior*, 2019: 40(4): 434–455. DOI: 10.1002/job.2341.
36. Velarde J., Caballero K., Landeo A. Diversidad Generacional: Desafíos para la educación universitaria en el siglo XXI. *Revista de Filosofía*, 2022: 39(102): 664–673. DOI: 10.5281/zenodo.7063329.
37. Wistow J. The intergenerational contract. *Social Policy, Political Economy and the Social Contract*. Bristol University Press, Policy Press, 2023: 130–144. DOI: 10.51952/9781447352624.ch007.

The article was submitted on: May 28, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina A. Ambarova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology and Technology of Public Administration

Garold E. Zborovsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Technology of Public Administration

Natalia B. Kostina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Technology of Public Administration

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.10

EDN: CGOQMN

Межпоколенческий анализ и визуализация образовательных траекторий: нелинейность, адаптивность, вариативность

Ссылка для цитирования: Попова Е. С. Межпоколенческий анализ и визуализация образовательных траекторий: нелинейность, адаптивность, вариативность // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 187–202. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.10; EDN: CGOQMN.

For citation: Popova E S. Variability of Educational Trajectories in an Intergenerational Context: From Simple to Complex Strategies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 187–202. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.10; EDN: CGOQMN.

**Попова
Екатерина Сергеевна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

espopova@isras.ru

SPIN-код: 8104-9095

Аннотация. В статье представлен результат социологического анализа изменений в образовательном поведении различных групп населения России. Он представляется значимым, так как образование принадлежит к тем областям социального, которые связаны с накоплением и применением человеческого капитала. А последнее актуализировано не только этапом современного социально-экономического развития, но и сложившейся геополитической ситуацией. Теоретико-методологические подходы к изучению социального поведения различных групп населения в этих сферах многомерны. В данной статье основным объектом исследовательского внимания являются образовательные, профессиональные траектории и стратегии. Автор дает определение этим концептам, акцентирует не-синонимичную природу траекторий и стратегий.

Целью статьи является уточнение динамики образовательных траекторий различных поколений. Анализируется длина, наполненность и вариативность образовательных траекторий в межпоколенческом контексте. Эмпирической базой выступает объединенная база данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994–2021 гг. по индивидам, в которой выделены шесть поколений россиян в классификации, предложенной В. В. Радаевым. Эксплораторный анализ 30-й волны обследования позволил выделить четыре поколения для дальнейшего сопоставительного анализа: поколение «застоя», «реформенное» поколение, поколение миллениалов, поколение зумеров – 25, 19,8, 24,1 и 24,6% от общего числа респондентов в 2021 г. соответственно.

Проведен содержательный анализ образовательных и профессиональных траекторий 16465 респондентов. Предложена типология их образовательных траекторий: прямые, многосоставные, кратчайшие, отсутствующие, расширенные. Показан рост доли выбираю-

щих многосоставные траектории среди представителей поколений миллениалов и зумеров. Рассмотрены условия реализации выбранной образовательной и профессиональной стратегии, какая совокупность факторов связана с выбором прямой или многосоставной образовательной траектории.

В результате выявлено, что при близости медианных показателей длины образовательной траектории различных российских поколений, выраженной в количестве лет обучения, их вариативность и наполненность негетогенна. С одной стороны, увеличение числа молодых людей среди поколений миллениалов и зумеров, выбирающих многосоставные траектории получения профессионального образования, связано с развитием сферы профессионального образования. С другой стороны, с позиции практических рекомендаций и социального управления в сферах образования и рынка труда приоритетно отметить относительную гибкость отечественной системы профессионального образования, позволяющую редуцировать неравенство образовательных шансов.

Ключевые слова: социология, образование, образовательная траектория, образовательная стратегия, межпоколенческие различия, человеческий капитал, социальная дифференциация

Изучение различных аспектов социального поведения молодежи, особенно в образовании и на рынке труда как главных жизненных сферах молодого поколения, является одним из ключевых направлений в социальных науках. Почти в каждой работе по этому направлению научного знания подчеркивается важность изучения человеческого капитала. Особенно когда речь идет о молодежи как специфичной социально-демографической группе, от образования, квалификации, инновационного потенциала и проактивности которой зависит развитие страны. Социальные явления и процессы в этих сферах приобретают особое значение в условиях геополитической конфликтности и антироссийских рестрикций.

Население нашей страны традиционно характеризуется достаточно высоким уровнем образования [10; 1], но при этом не самой высокой отдачей от него на рынке труда, тем более в ситуации дисбаланса структуры спроса и предложения работников по уровню образования [6], что не может не влиять на выстраивание молодежью образовательных и профессиональных стратегий.

В традиции социологии образования социальное поведение в образовании и на рынке труда рассматривается чаще всего как форма интеллектуального и культурного воспроизводства [4], как следствие воспроизводства неравенства доступа к образованию вообще [13] и в особенности к качественному образованию [7], результат влияния социального окружения, стартового социально-экономического и культурного капитала семьи [2; 10, с. 92], территориального и гендерного неравенства [3]. Основной исследовательской оптикой являются образовательные, профессиональные траектории и стратегии.

В анализе образовательной траектории чаще рассматриваются количественные характеристики и последовательность этапов ее реализации, то есть речь идет о некотором векторе социального поведения, его направ-

ленности. Образовательная стратегия скорее служит отображением не количественных показателей, а (*условно*) качественных характеристик: мотивации, целеполагания, интересов и ценностей, подразумевает наличие плана, позволяющего как в образовании, так и на рынке труда перейти от текущего состояния к целевому. В данной работе мы отталкиваемся преимущественно от количественных характеристик, потому основным объектом исследовательского внимания выступают образовательные и профессиональные траектории.

Целью настоящей статьи является уточнение динамики образовательных траекторий различных поколений. Для достижения поставленной цели мы обратимся к статистическим данным по охвату молодежи программами профессионального образования, применяя методологию сопоставительного анализа образовательных траекторий поколений, рассмотрим прошлые периоды в сравнении с текущей ситуацией, реконструируем образовательные и профессиональные траектории по критериям наполненности и вариативности, проанализируем, какие факторы или совокупность факторов связаны с выбором типа образовательной и профессиональной траектории различными поколениями.

Эмпирической базой исследования выступает объединенная база данных РМЭЗ НИУ ВШЭ¹ за 1994–2021 гг.² по индивидам, в которой выделены 6 поколений россиян согласно классификации В. В. Радаева³ [11, с. 49] (рис. 1). Эксплораторный анализ 30 волны обследования привел к необходимости сфокусироваться на четырех поколениях в дальнейшем сравнительном анализе, а именно: поколение «застоя», «реформенное» поколение, поколение миллениалов, поколение зумеров. В общем объеме данных за 2021 г. они составляют 25, 19,8, 24,1 и 24,6% соответственно.

Протяженность образовательных траекторий

Длина образовательных траекторий, выраженная в количестве лет обучения, является одной из самых распространенных характеристик в социологических исследованиях социального поведения в сферах

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

² Авторами намеренно выбран такой временной диапазон, чтобы посмотреть на динамику траекторий без влияния геополитических событий последних лет.

³ По той причине, что в основе применяемого В. В. Радаевым подхода лежит идея сопоставления с предшествующими поколениями в одной и той же фазе жизненного цикла, а именно в так называемые «впечатлительные годы» 17 – 25 лет, условный период взросления, когда люди заканчивают профессиональное образование, выходят на рынок труда и наиболее чувствительны к социальным изменениям. Обратимся к периодизации «границ» поколений, на рис. 1 отмеченные цифрами их периоды взросления: 1. «Поколение застоя» – Рожд.: 1947–1967 гг. Период взросления – 1964–1984 гг. 2. «Реформенное» – Рожд.: 1968–1981 гг. Период взросления – 1985–1999 гг. 3. «Миллениалы» – Рожд.: 1982–2000 гг. Период взросления – 2000–2016 гг. 4. «Зумеры» – Рожд.: 2001 г. +. Период взросления – 2017 г. +.

образования и на рынке труда. Особенно при анализе отдачи от образования и при эффективности накопления человеческого капитала. Однако, как видно из табл. 1, дескриптивная статистика оказывается малоинформативной для целей нашего текущего анализа. Количество лет обучения не отличается для большинства российских поколений, что прежде всего обусловлено самой системой образования, ее институциональными правилами игры.

Таблица 1 (Table 1)

Длина траекторий различных поколений, выраженная в количестве лет обучения

The length of the trajectories of different generations, expressed in terms of the number of years of education

Поколение	Метрики дескриптивной статистики				
	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максимум
Поколение «застоя»	12,5	12	11	0	27
«Реформенное» поколение	13,3	13	11	1	27
Поколение миллениалов	13,9	14	16	0	25
Поколение зумеров1	9,8	10	9	0	18

В анализе качественных характеристик образовательной траектории за одним и тем же количественным параметром стоят принципиально разные образовательные стратегии. Например, «основная общая школа (9 лет обучения) + программа подготовки специалистов среднего звена (4 года обучения)» или «средняя школа (11 лет обучения) + неоконченное высшее (2 года обучения)» с точки зрения наращивания человеческого капитала и эффективности его использования на рынке труда не идентичны при абсолютно идентичном количестве лет учебы.

Более того, в наших исследовательских проектах наглядно показано, что нелинейность становится одной из наиболее существенных черт поколений миллениалов и зумеров [8], когда получение профессионального образования нередко прерывается получением профессионального опыта на рынке труда, сменой профессии, а длина траектории, выраженная в количестве лет обучения, при этом остается неизменной. В связи с этими критическими соображениями возникает необходимость в реконструкции² образовательных и профессиональных траекторий российских поколений.

Реконструкция образовательных и профессиональных траекторий различных поколений

Для начала следует определиться с той вариативностью образовательных траекторий, которая была нами обнаружена в материалах мониторинга РМЭЗ НИУ ВШЭ. Были рассмотрены образовательные траектории

¹ На специфике расчетов для данного поколения остановимся несколько позднее.

² Под реконструкцией траектории понимается уяснение образовательного пути каждого респондента от школы до рынка труда.

для 16 465 респондентов. При этом рассматривались траектории получения именно профессионального образования¹. На следующем этапе анализа была предложена типологизация этих траекторий. Прямые траектории подразумевают переход в ту или иную организацию профессионального образования сразу после окончания основной или средней школы. Многосоставные траектории, как можно понять из названия, состоят из нескольких элементов (например, школа + среднее профессиональное образование + высшее образование) и характеризуются высокой вариативностью, часто носят черты нелинейности. Отсутствующая траектория свидетельствует об отсутствии профессионального образования у респондента. Кратчайшая траектория предполагает наличие только школьного образования и краткосрочные профессиональные курсы. Расширенная траектория высшего образования включает постдипломное образование, под которым понимаются программы аспирантуры или ординатуры. Была включена также дополнительная переменная в базе данных, в которой для каждого из респондентов был закодирован соответствующий его образовательной траектории тип.

Затем нами на серии из четырех последовательных диаграмм² была произведена визуализация образовательных траекторий того или иного поколения. В левой части диаграммы отображено, какое именно школьное образование было получено. По центру показано, какой именно тип профессиональной траектории реализован. И в правой части обозначено положение на рынке труда на момент 2021 г., то есть в 30-й волне РМЭЗ. Каждому респонденту соответствует одна линия, которые в совокупности образуют поток. Высота потока отображает его наполненность, значения приведены в частотах.

Как видно из рисунка 1, для поколения застоя характерно окончание 11 классов школы с дальнейшими прямыми траекториями профессионального образования. Многосоставные траектории мало распространены среди этой части респондентов. Многие из респондентов этого поколения достигли предпенсионного или пенсионного возраста, потому велика доля тех, кто уже не работает, что объясняется социально-демографическим составом данной группы.

¹ За скобками текущего анализа остались, например, прохождение курсов иностранных языков, вождения и т. д., участие в которых тоже рассматривается как инвестиция в человеческий капитал.

² На диаграмме Санкея (Sankey chart) отображаются потоки и их количественные величины в пропорциональном соотношении друг ко другу, визуализируются основные шаги и интенсивность протекания на каждом этапе. Диаграммы построены при помощи SankeyMATIC, веб-приложение для визуализации данных с открытым исходным кодом. SankeyMATIC [Электронный ресурс]. URL: <https://sankeymatic.com/> (дата обращения: 16.08.2024).

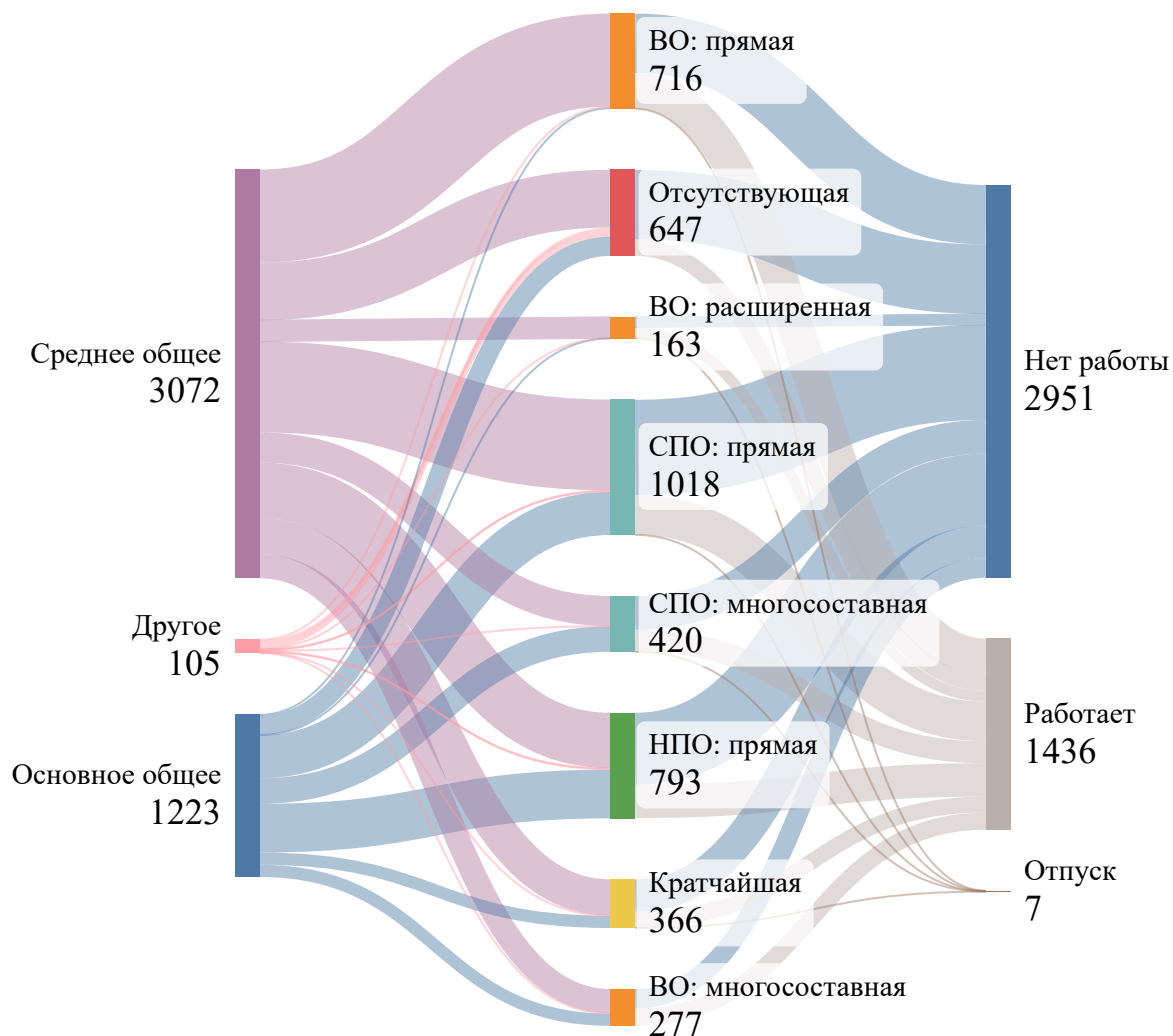

**Рис. 1. Реконструкция образовательной траектории, поколение «застоя»,
n = 4400, частоты**

*Figure 1. Reconstruction of the educational trajectory, the stagnation generation,
n = 4400, frequencies*

Среди представителей реформенного поколения по-прежнему преобладают прямые траектории (рис. 2), но и поток многосоставных уже ощутимо больше. При этом на уровне частотного анализа мы видим, что в ситуации безработицы оказываются пропорционально равные части от каждого потока образовательной траектории, что ставит соответствующие вопросы о сигнальной функции образования.

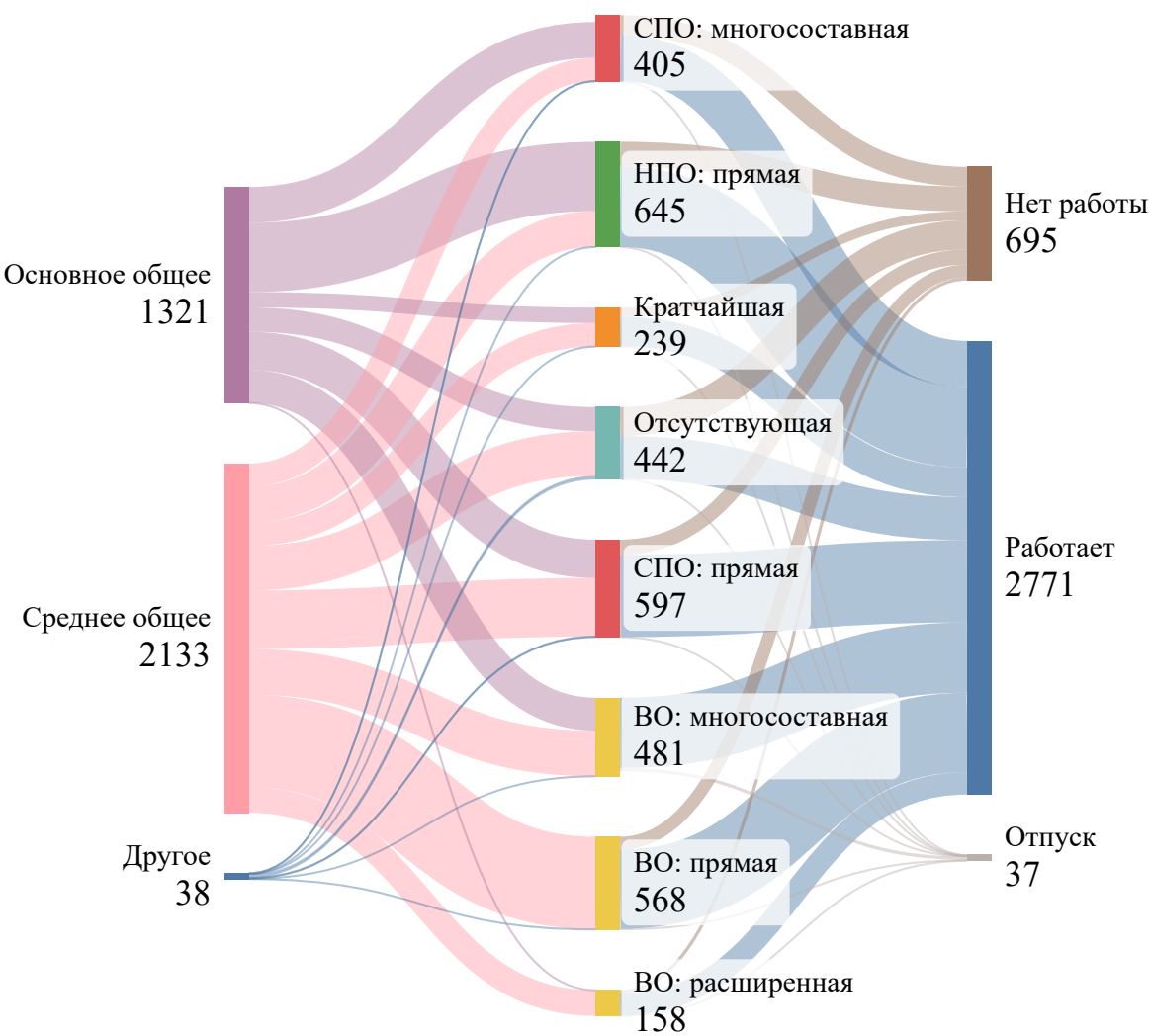

Рис. 2. Реконструкция образовательной траектории, «реформенное» поколение, $n = 3493$, частоты

Figure 2. Reconstruction of the educational trajectory, “reformed” generation, $n = 3493$, frequencies

Рост доли многокомпонентных траекторий начинается с поколения миллениалов (рис. 3), что не было характерным для представителей предшествующих поколений, но при этом и поток прямой траектории к высшему образованию тоже ощутимо больше, чем в предшествующие годы.

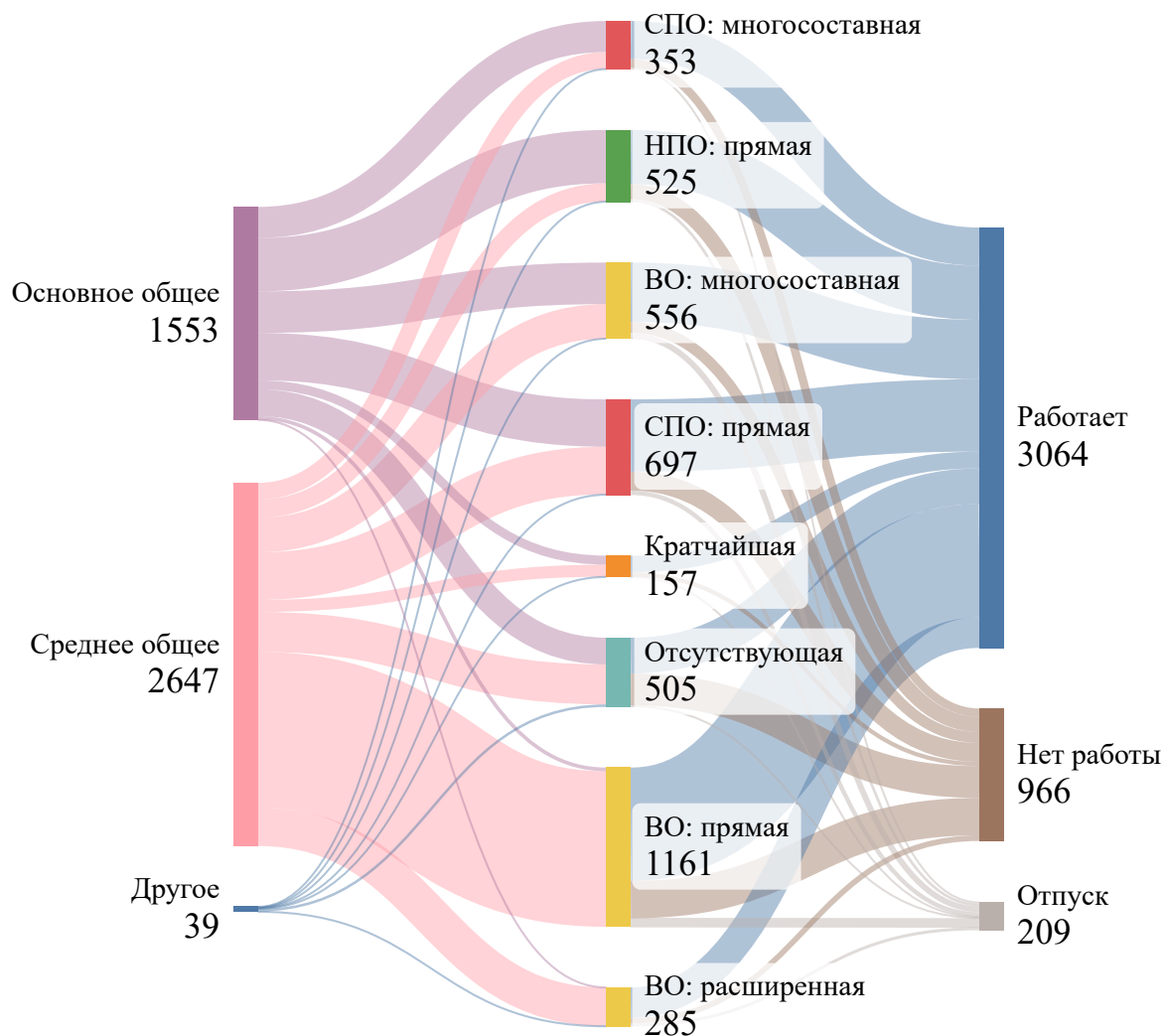

Рис. 3. Реконструкция образовательной траектории, поколение миллениалов, $n = 4239$, частоты

Figure 3. Reconstruction of the educational trajectory, millennial generation, $n = 4239$, frequencies

В отношении поколения зумеров ситуация особенная, как видно, рисунка 4 выбивается из общей массы: из 4333 респондентов реконструировать траектории удалось только для 707, то есть для 16,3% этого поколения, что не может адекватно репрезентировать ситуацию. По всей вероятности, многие из них еще получают профессиональное образование. Однако композиция текущего анализа и результаты предыдущих исследований¹ позволяют обосновать, что основной поток – это все же специалисты среднего звена.

¹ См., напр., Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 34–44; Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Среднее vs высшее // Мир России. 2020. Т. 29. № 2. С. 6–26; [8].

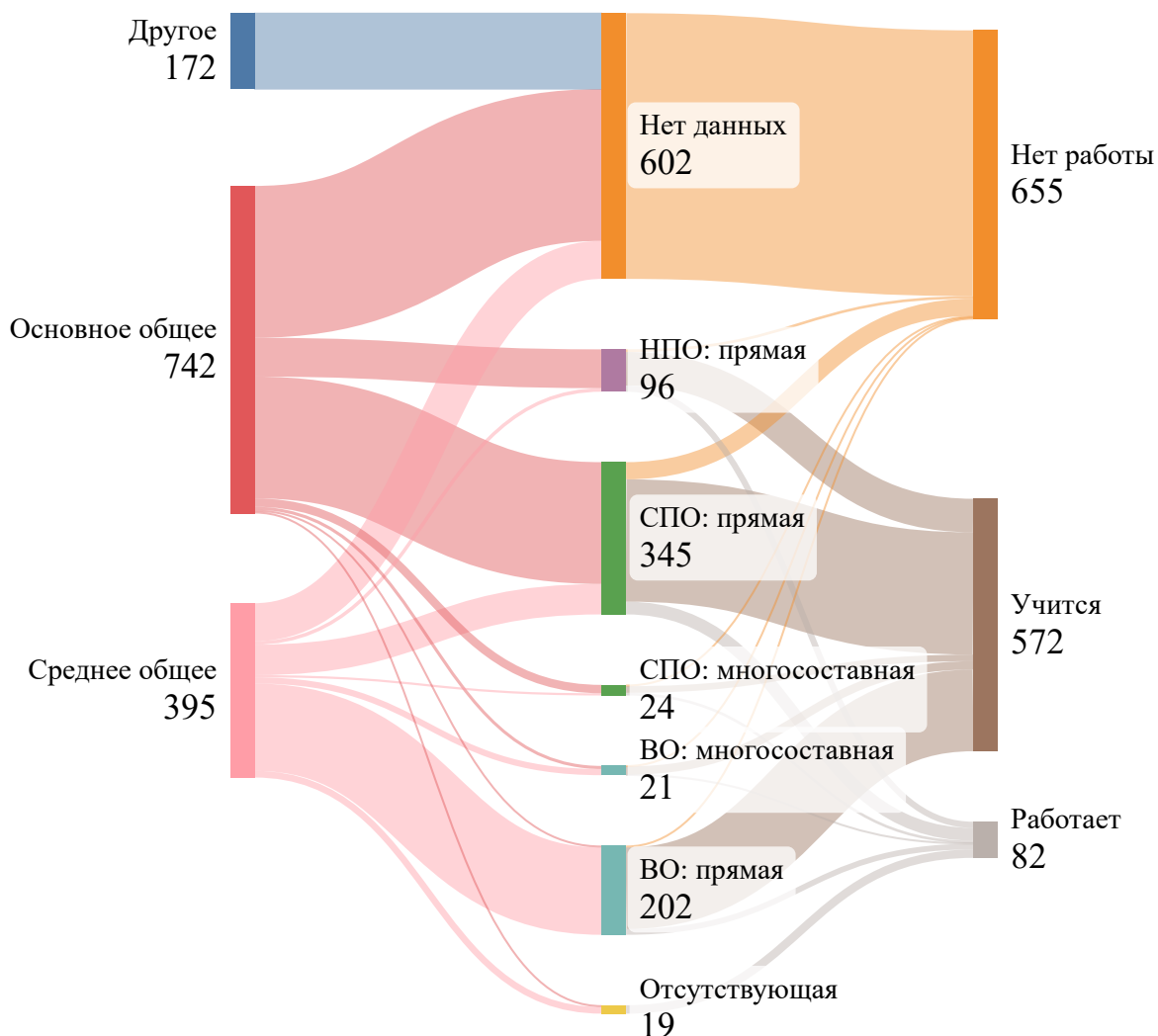

Рис. 4. Реконструкция образовательной траектории, поколение зумеров, $N = 4333$, $n = 707$, частоты

Figure 4. Reconstruction of the educational trajectory, Z-generation, $N = 4333$, $n = 707$, frequencies

Результаты эксплораторного анализа по реконструкции образовательных траекторий различных поколений однозначно показывают наличие двух укрупненных типов: прямых и многосоставных, характерных для всех поколений, однако в различных пропорциях и вариациях. Что определяет выбор между этими укрупненными типами образовательных траекторий?

Социальный контекст выбора траектории профессионального образования

В этой части статьи мы рассматриваем некоторые факторы, которые связаны с выбором той или иной образовательной и профессиональной траектории. На данном этапе работы анализируется именно связь¹, но не вли-

¹ Анализируется коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

яние, поэтому речь идет о социальном контексте реализации выбранной образовательной и профессиональной стратегии. Помимо этого, мы предприняли попытку проанализировать, какая совокупность факторов или какое их сочетание для различных поколений связаны с выбором прямой или многосоставной образовательной траектории. Для решения подобной аналитической задачи мы обратились к методу деревьев решений¹.

В перечень возможных факторов были включены переменные, связанные с образовательным неравенством, которые выявлены в результатах отечественных и международных социологических исследований: гендерное неравенство, уровень урбанизации населенного пункта, переменные, которые свидетельствуют о связи системы образования и рынка труда – принадлежность к профессиональной группе и удовлетворенность различными сторонами осуществления трудовой деятельности (условиями, оплатой труда и перспективами профессионального роста). Мы не включили категорию возраста, так как смотрим в разрезе межпоколенческого анализа. Мы были вынуждены исключить категорию региона из анализа по причине очень большого количества ее уровней в построении деревьев решений, что приводило к нестабильности результатов, но и позволило уточнить исследовательскую стратегию².

Безотносительно поколения уровень урбанизации связан с типом выбираемой образовательной стратегии. Кратчайшая, отсутствующая и прямые траектории среднего профессионального образования чаще распространены в малых городах и селах, в то время как прямые траектории высшего образования распространены в областных центрах, крупных городах. По понятным причинам тип урбанизации населенного пункта определяет и его образовательную инфраструктуру. По-прежнему тип урбанизации остается наиболее существенным фактором образовательного неравенства, который дополняет и углубляет его [9].

Тогда задаемся вопросом, что происходит в отношении территориальной мобильности. И в этом направлении анализа получаем подтверждение предыдущему аргументу о критичности территориального неравенства: связь выбора типа траектории с территориальной мобильностью статистически не значима, за исключением поколения миллениалов, среди

¹ Подобные методы аналитики, разработанные изначально для больших данных, сегодня имеют широкое применение в социальных науках, иногда превосходя стандартные регрессионные модели. Безусловно, как любой другой метод, так и деревья решений, обладают рядом преимуществ и недостатков. Деревья решений позволяют работать с большим числом независимых переменных любого типа – количественными, порядковыми, номинальными. На вход можно подавать все существующие переменные, алгоритм сам выберет наиболее значимые среди них, и только они будут использованы для построения дерева, это процедура автоматического отбора предикторов. Деревья решений более эффективны, по сравнению с регрессионным анализом, когда взаимосвязи между предикторами и зависимой переменной являются нелинейными, переменные имеют несимметричные распределения, наблюдается большое количество коррелирующих между собой переменных. К недостаткам можно отнести отсутствие простого общего прогнозного уравнения (в отличие от регрессионного анализа). В случае, когда зависимая переменная категориальная, этот метод называется деревьями классификации. Подробнее см. [15; 17; 16; 12; 14; 5].

² Которую мы попробуем реализовать в будущей работе. Целесообразно смотреть не на отдельные регионы, а на федеральные округа, что, вероятно, позволит соотнести результаты со спецификой экономической деятельности каждого округа.

которых ощутима доля тех, кто уехал за получением высшего образования (прямая траектория) в крупные города и региональные центры. В отношении поколения зумеров обнаружен следующий паттерн социального поведения в сфере образования: кто остается в малых городах и селах, «соглашается» на программы по подготовке специалистов среднего звена, кто стремится в вузы, переезжают в крупные города, где имеется соответствующая образовательная инфраструктура.

Для поколения «застоя» наблюдается линейная связь в отношении удовлетворенности оплатой труда: с ростом уровня образования растет удовлетворенность ею, такая же тенденция сохраняется в оценках возможностей к социальной мобильности, к перспективам профессиональной самореализации. Начиная с «реформенного» поколения обнаружена иная тенденция. Удовлетворенность оплатой труда в сравнении с предшествующим поколением выше среди обладателей среднего профессионального образования. Оценка же возможностей социальной мобильности выше среди обладателей высшего образования, хотя удовлетворенность оплатой труда у них ниже. Для поколения миллениалов при анализе коэффициентов корреляции и силы связи по этим параметрам тип траектории профессионального образования статистически не значим.

Среди поколения «застоя» велика доля тех, кто не ответил на вопрос о своей профессиональной принадлежности. В «реформенном» поколении выявлена сильная связь между типом образовательной траектории и принадлежностью к профессиональной группе¹: как правило, это специалисты высшего уровня квалификации, офисные служащие и специалисты по обслуживанию клиентов с многосоставной траекторией высшего образования; квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства; рабочие, использующие машины и механизмы, офисные служащие и специалисты по обслуживанию клиентов из малых городов и ПГТ с многосоставной траекторией специалиста среднего звена. В поколении миллениалов к обозначенным двум группам из «реформенного» поколения (в подобной преемственности мы видим воспроизводство социальной структуры между поколениями) добавляются законодатели, руководители высшего и среднего звена из областных центров и городов с прямой траекторией высшего образования, и это обстоятельство отчасти объясняет тенденцию с оценками удовлетворенности оплатой труда и возможностями социальной мобильности.

Результаты изложенного выше анализа обобщенно представлены в таблице 2.

¹ Здесь и далее наименования профессиональных групп приводятся в соответствии с терминологией, принятой в рамках мониторинга РМЭЗ НИУ ВШЭ, а именно Международной стандартной классификации профессии ISCO-08. Классификаторы профессий ISCO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/rlms/codifiers/isco> (дата обращения: 16.08.2024).

Таблица 2 (Table 2)

Совокупность факторов, связанных с выбором типа образовательной траектории
для различных поколений
*A combination of factors related to the choice of educational trajectory type
for different generations*

Факторы	Поколения			
	«Застоя»	«Реформенное»	Миллениалов	Зумеров
Тип урбанизации	Да	Да	Да	Да
Территориальная мобильность	Нет	Нет	Да	Да
Удовлетворенность оплатой	Да	Да	Нет	-
Социальная мобильность	Да	Да	Нет	-
Принадлежность к профессиональной группе	-	Да	Да	-

К выводам

Пространство образовательной реальности, как и социальный мир, становится в наше время все более комплексным. Длина образовательной траектории, выраженная в количестве лет обучения, остается удобной категорией для статистических расчетов, однако, как показало исследование, малоинформативной переменной в анализе качественных характеристик образовательных и профессиональных траекторий. Как видно, одна и та же длина траектории, выраженная в количестве лет обучения, может свидетельствовать об абсолютно разном образовательном опыте и качестве человеческого капитала, как и способах его конвертации на рынке труда.

Примечательно, что в разрезе межпоколенческого анализа не только увеличивается процент многосоставных траекторий, но и расширяется их диапазон, то есть набор элементов и опций, через которые респондент приходит к высшему образованию, а дальше к рынку труда. Результаты наших исследований, в том числе реализованные в качественной стратегии исследования¹, показывают, что получение высшего образования после получения квалификации специалиста среднего звена и непродолжительного периода работы по полученной специальности является следствием профессионального роста, но не изначальной причиной выбора многосоставных траекторий. Данное обстоятельство приводит к необходимости пересмотра понимания «обходного маневра» в интерпретации результатов изучения студентов среднего профессионального образования как особой социально-демографической группы². Бесспорно, в этой группе сохраняется доля тех, кто после окончания 9 класса выбирает программы среднего профессионального образования, руководствуясь стратегией избегания рисков и обхода ЕГЭ, особенно среди поколений миллениалов и зумеров, однако не они составляют сегодня большинство.

¹ РНФ, № 17-78-10204 «Горизонтальная профессиональная мобильность и образовательные стратегии населения в контексте технологического развития РФ (социологический анализ)».

² Такие шаги уже предприняты. См., напр., [15; 18; 17].

С одной стороны, рост доли молодежи, выбирающей многосоставные образовательные траектории среди поколений миллениалов и зумеров, является следствием многочисленных реформ высшего образования, его экспансии, нарастающей на рубеже веков автономии университетов, развития сегмента заочного образования. С другой стороны, нельзя недооценивать относительные гибкость и открытость отечественной системы профессионального образования, преимущество, которое позволяет во многом избегать «тупиковых» ветвей получения профессионального образования, редуцировать образовательное неравенство и относительно эффективно наращивать человеческий капитал нашей страны.

Библиографический список

1. Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю. и др. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83–109. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109; EDN: ZHRDRF.
2. Бессуднов А. Р., Малик В. М. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135–167. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-135-167; EDN: TNQFPW.
3. Богданов М. Б., Малик В. М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 391–421. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1603; EDN: NBXFVU.
4. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. с фр.; ред. Н. А. Шматко. М.: Просвещение, 2007. 267 с.
5. Груздев А. В. Прогнозное моделирование в IBM SPSS Statistics и R: Метод деревьев решений. М.: ДМК Пресс, 2016. 278 с.
6. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов: препринт WP3/2023/02. М.: ВШЭ, 2023. 78 с.
7. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСО, 2008. 551 с.
8. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. От восприятия перемен – к изменению социального поведения // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 31(1). С. 6–24. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-6-24; EDN: MQXZOT.
9. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Образовательная стратификация в российских городах // Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / Отв. ред. М. К. Горшков, Ли Пэйлинь и др. М.: Новый Хронограф, 2023. С. 294–332. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-415-4.2023; EDN: UWCMGA.

10. Косякова Ю., Куракин Д. Ю. и др. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. Т. XIX. № 5(88). С. 76–97.
11. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. М.: ВШЭ, 2020. 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2160-1.
12. Breiman L. Random Forests // *Machine Learning*. 2001. No 1(45). P. 5–32. DOI: 10.1023/A:1010933404324.
13. Coleman J. et al. Equality of educational opportunity. Washington D. C.: U. S. Government Printing Office, 1966. 548 p.
14. Gregorutti B., Michel B. et al. Correlation and variable importance in random forests // *Statistics and Computing*. 2017. No. 3(27). P. 659–678. DOI: 10.1007/s11222-016-9646-1.
15. Hindman M. Building Better Models: Prediction, Replication, and Machine Learning in the Social Sciences // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. No. 1(659). P. 48–62. DOI: 10.1177/0002716215570279.
16. Montgomery J. M., Hollenbach F. M. et al. Improving Predictions Using Ensemble Bayesian Model Averaging // *Political Analysis*. 2012. No. 3(20). P. 271–291.
17. Siroky D. S. Navigating Random Forests and related advances in algorithmic modeling // *Statistics Surveys*. 2009. No. 3. P. 147–163. DOI: 10.1214/07-SS033.

Получено редакцией: 02.10.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Екатерина Сергеевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.10

Variability of Educational Trajectories in an Intergenerational Context: From Simple to Complex Strategies

Ekaterina S. Popova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

espopova@isras.ru

ORCID: 0000-0002-9808-3152

For citation: Popova E. S. Variability of Educational Trajectories in an Intergenerational Context: From Simple to Complex Strategies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 187–202. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.10; EDN: CGOQMN.

Abstract. The article presents the results of a sociological analysis of changes in the educational behaviour of various groups of the Russian population. This analysis is significant because education is one of those social domains that are associated with the accumulation and application of human capital. The latter is relevant not only to the stage of modern socioeconomic development but also to the current geopolitical situation. Theoretical and methodological

approaches to studying the social behaviour of various population groups in these areas are multidimensional. In this article, the primary focus of research is on educational and professional trajectories and strategies. The author defines these concepts, emphasising the non-synonymous nature of trajectories and strategies.

The objective of the article is to clarify the dynamics of educational trajectories of different generations. The length, content, and variability of educational trajectories in an intergenerational context are being analysed. The empirical basis is formed by the combined RLMS HSE database for individuals from 1994 to 2021, that identifies six generations of Russians according to the classification proposed by V.V. Radaev. An exploratory analysis of the 30th wave of the survey allowed us to identify four generations for further comparative analysis: the “stagnation” generation, the “reform” generation, the millennial generation, and the zoomer generation – 25%, 19.8%, 24.1%, and 24.6% of the total number of respondents in 2021, respectively.

A substantive analysis of the educational and professional trajectories of 16,465 respondents was conducted. A typology of their educational trajectories is proposed: direct, multi-component, shortest, absent, and extended. An increase in the proportion of those choosing multi-component trajectories among representatives of the millennial and zoomer generations is demonstrated. The conditions for implementing the chosen educational and professional strategy are examined, as well as the combination of factors associated with the choice of a direct or multi-component educational trajectory.

It was found that, while the median lengths of educational trajectories for different Russian generations, expressed in years of schooling, are similar, their variability and fullness are not homogeneous. On the one hand, the increasing number of young people among millennials and zoomers choosing multi-component trajectories for vocational education is associated with the development of vocational education. On the other hand, from the perspective of practical recommendations and social management in education and the labour market, it is a priority to note the relative flexibility of the Russian vocational education system, that allows for the reduction of inequality in educational opportunities.

Keywords: sociology, education, educational trajectory, educational strategy, intergenerational differences, human capital, social differentiation

References

1. Bessudnov A. R., Kurakin D. Yu. et al. The myth about universal higher education: Russia in the international context. *Voprosy obrazovaniya*, 2017: 3: 83–109 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109; EDN: ZHRDRF.
2. Bessudnov A. R., Malik V. M. Socio-economic and gender inequalities in educational trajectories upon completion of lower secondary education in Russia. *Voprosy obrazovaniya*, 2016: 1: 135–167 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-135-167\$ EDN: TNQFPW.
3. Bogdanov M. B., Malik V. M. Social, territorial and gender inequalities in educational trajectories of the Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2020: 3: 391–421 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1603; EDN: NBXFVU.
4. Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction: Elements of the Theory of Educational System. Transl. from Eng. by N. A. Shmatko. Moscow, Prosveshchenie, 2007: 267 (in Russ.).
5. Gruzdev A. V. Predictive modeling in IBM SPSS Statistics and R: Decision tree method. Moscow, DMK Press, 2016: 278 (in Russ.).
6. Kapeliushnikov R. I. Returns to Education in Russia: As Low as It Can Get? Working Paper Series WP3/2023/02. Moscow, VSHE, 2021: 78 (in Russ.).
7. Konstantinovskiy D. L. Inequality and education. Attempt of sociological research on the life starts of the Russian Youth (1960th – beginning of 2000th). Moscow, TsSO, 2008: 552 (in Russ.).
8. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. From the Perception of Social Changes towards Social Behavior Change. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2022: 31(1): 6–24 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-6-24; EDN: MQXZOT.
9. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Education stratification in cities. In Urban development in Russia and China: patterns of modernization. Ed. by M. K. Gorshkov, Li Peilin et al. Moscow, Novyy Chronograph, 2023: 294–332 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-415-4.2023; EDN: MQXZOT.
10. Kosyakova Yu., Kurakin D. Yu. et al. Reproduction of social inequality in the Russian educational system. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2016: 5(88): 76–97 (in Russ.).
11. Radaev V. V. Millennials: How the Russian Society Changes. Moscow, VShE, 2020: 224 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2160-1.

12. Breiman L. Random Forests. *Machine Learning*. 2001: 1(45): 5–32. DOI: 10.1023/A:1010933404324.
13. Coleman J. et al. Equality of educational opportunity. Washington D. C., U. S. Government Printing Office, 1966: 548.
14. Gregorutti B., Michel B. et al. Correlation and variable importance in random forests. *Statistics and Computing*, 2017: 3(27): 659–678. DOI: 10.1007/s11222-016-9646-1.
15. Hindman M. Building Better Models: Prediction, Replication, and Machine Learning in the Social Sciences. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2015: 1(659): 48–62. DOI: 10.1177/0002716215570279.
16. Montgomery J. M., Hollenbach F. M. et al. Improving Predictions Using Ensemble Bayesian Model Averaging. *Political Analysis*, 2012: 3(20): 271–291.
17. Siroky D. S. Navigating Random Forests and related advances in algorithmic modeling. *Statistics Surveys*, 2009: 3: 147–163. DOI: 10.1214/07-SS033.

The article was submitted on: October 2, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Popova, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.11

EDN: HBXJLF

Менеджеристские основы нормативно-подушевого финансирования высшего образования и его социальные эффекты

Ссылка для цитирования: Дятлов А. В., Ковалёв В. В. Менеджеристские основы нормативно-подушевого финансирования высшего образования и его социальные эффекты // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 203–228. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.11; EDN: HBXJLF.

For citation: Dyatlov A. V., Kovalev V. V. On the Social Effects of the Managerial Approach and Per-Capita Normative Financing of Higher Education. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 203–228. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.11; EDN: HBXJLF.

SPIN-код: 8257-1109

Дятлов Александр Викторович¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

avdyatlov@yandex.ru

SPIN-код: 9331-9999

Ковалёв Виталий Владимирович¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

vitkovalev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение нормативно-подушевого финансирования как разновидности менеджеристского рейтинга, принятого в системе межвузовской конкуренции и его влияние на ситуацию в российской системе высшего образования. Цель исследования: выявить зависимость между управленческим содержанием нормативно-подушевого финансирования, как основного инструмента государственной поддержки университетов, и деструктивными социальными эффектами от его применения. Авторы показывают, что теоретические основания этого подхода к финансированию образования созданы с опорой на идеи государственного менеджеризма, разработанного для адаптации корпоративных способов управления к потребностям управления некоммерческим сектором.

Главная задача нормативно-подушевого финансирования – снизить расходы государственного бюджета, лишив низкорейтинговые университеты бюджетных ассигнований в порядке не выделения им контрольных цифр приема. В статье осуществлено качественное

и количественное измерение социальных эффектов от применения этого менеджеристского инструмента. Методы исследования: анализ документов; массовый опрос преподавателей; глубинные интервью с преподавателями, работающими на отделениях довузовской подготовки; глубинные интервью с преподавателями, ответственными за обеспечение показателей по трудоустройству. В результате установлено, что все показатели по нормативно-подушевому финансированию разделены на три категории: социально значимые, достигаемые имитационно; бесполезные, достигаемые имитационно; содержащие реальную угрозу снижению качества образования. Большая часть KPI в той или иной степени фальсифицируются, т. к. у вузов не хватает ресурсов для их выполнения. Возможности искажения показателей проистекают от глубокого разрыва сущности управленческой работы и научно-образовательной деятельности. Управление – это поточный процесс складывания цифр и формализованных процессов. Наука и образование – воспроизводство блага, каждая единица которого требует индивидуальной оценки. В менеджеристской управленческой модели преподаватель оказался в полной зависимости от управленца, индифферентного к смыслам того, чем он управляет. Сознательно или бессознательно эффективные менеджеры требуют результата любой ценой, предпочитая игнорировать вопрос качества создаваемых благ. Основная цель нормативно-подушевого финансирования – устранить из рынка образовательных услуг университеты, не способные сделать необходимый минимум по KPI. Поэтому массовые фальсификации в условиях нехватки ресурсов стали результатом адаптации к изначально дискриминационным обязательствам.

Авторы приходят к выводу, что региональные университеты имеют недостаточный потенциал для выполнения предлагаемого Минобрнауки KPI по нормативно-подушевому финансированию, что создает риски имитационного достижения показателей и ведет к снижению качества образовательного процесса, и вместе с тем, потери университетами своей социальной полезности, что может создать серьезные риски для развития страны.

Ключевые слова: университеты, нормативно-подушевое финансирование, KPI, показатели, имитация, фальсификация, менеджеризм, государственный менеджеризм

Введение

С нормативно-подушевым финансированием (далее – НПФ), как правило, отождествляется один из ключевых показателей эффективности – сохранность контингента студентов. Отчасти это, действительно, так. Именно с этих позиций НПФ подвергается резкой критике со стороны академического сообщества. С ним связывают необходимость доучивать всех обучающихся, не взирая на успеваемость и профессиональную пригодность будущих выпускников. Вузы с момента принятия Постановления Правительства РФ от 3 июня 2013 г. №467¹ столкнулись с неизбежностью искусственно контролировать количество студентов по всем направлениям и специальностям. Фактически это означает негласный запрет на отчисление академических задолжников и явное завышение оценок относительно реальных знаний. Потенциально такой подход способен деформи-

¹ Постановление Правительства РФ от 3 июня 2013 г. № 467 «О мерах по осуществлению перехода к нормативно-подушевому финансированию имеющих государственную аккредитацию образовательных программ высшего профессионального образования».

ровать профессиональную этику профессорско-преподавательского состава (далее – ППС), снизить качество подготовки выпускников, нанести ущерб мотивации студентов к учебной деятельности.

НПФ, на котором в настоящее время зиждется государственная поддержка университетов, это не только сохранность контингента обучающихся. Оно является составной частью управленческой модели, которая в нашей стране находит самое широкое применение для регулирования всех видов профессиональной деятельности. Идея нормативно-подушевого финансирования стала следствием повсеместного распространения менеджеризма как неолиберальной управленческой идеологии. Она основывалась на отказе от прямого руководства высшей школой в пользу передачи полномочий самим образовательным организациям, что, казалось бы, является более демократичным и прогрессивным по сравнению с централизованным управлением. Но этот подход нес в себе иной риск. Так, государство требует от университетов лишь достижения ключевых показателей. Выполняя их в заданном объеме, вузы подтверждают свой статус эффективно управляемых организаций, и именно это становится условием пролонгации финансирования. НПФ, таким образом, оказывается не чем иным, как основным инструментом работы по показателям, когда один студент приравнивается к фиксированному объему доходов, а оплачиваемое из бюджета количество обучающихся – производно от достигнутых результатов.

Таким образом, нормативно-подушевое финансирование можно понять лишь в совокупности с более универсальной управленческой политикой. Поднятую выше проблему демотивации студентов отменой отдельного показателя – сохранности контингента, решить невозможно. В рамках НПФ существует множество других показателей, которые имеют не менее отрицательный потенциал, негативно влияющий как на мотивационные установки обучающихся, так и в целом на образование и науку. Следовательно, осмыслить природу нормативно-подушевого финансирования и его социальные эффекты можно лишь в контексте общей управленческой политики.

Таким образом, цель нашего исследования: выявить зависимость между управленческим содержанием нормативно-подушевого финансирования, как основного инструмента государственной поддержки университетов, и деструктивными социальными эффектами от его применения.

Обзор научной литературы по проблематике исследования

Интерес к данной теме был вызван решением Правительства РФ перейти от метода финансирования по затратам к методу кредитования по результатам. На начальном этапе реформы ввиду отсутствия долговременных практик управления по новой модели, социальные эффекты НПФ оценить было невозможно. Поэтому в большей части работ того периода переход к нормативно-подушевому финансированию рассматривался как

шаг, в основе своей, позитивный. От него ждали повышения расходов государства на высшее образование, но, главное, корреляции между успехами образовательной организации и расширением ее ресурсного потенциала [4].

Критическое переосмысление НПФ возникло по мере получения негативного опыта. Так, М. Л. Васюнина и Д. Д. Филатова отмечают, что установленные государством нормативные объемы возмещения затрат на одного обучающегося значительно меньше реальных, из-за чего вузам приходится искать внебюджетные денежные ресурсы [5]. Е. В. Кизиль (с соавторами) пишет, что принятая Правительством концепция поддержки вузов не способна обеспечить справедливое распределение доходов между социогуманитарными и естественно-техническими направлениями [10]. А. А. Пунанцев указывает на разные ресурсные возможности столичных и региональных вузов, и предлагает переход на дифференцированные шкалы измерения эффективности [19]. С. К. Содномова обращает внимание на большое значение региональных различий, ставящих образовательные организации из разных субъектов федерации в неравное положение [22]. Е. В. Романов связывает применение НПФ со снижением качества научно-образовательной деятельности, обосновывая это ростом образовательной нагрузки на ППС [20].

Уязвимым местом всех рассмотренных публикаций следует считать отождествление нормативно-подушевого финансирования с двумя позициями: 1) установленными пропорциями между численностью ППС и количеством студентов и 2) сохранностью контингента обучающихся. На самом деле, НПФ является куда более широким понятием и любые его корректировки теряют свою научную актуальность, если не принимать во внимание его сложную многоаспектность.

При анализе нормативно-подушевого финансирования, как правило, игнорируется нормативная дефиниция из ст. 100 ФЗ Об образовании¹ о распределении бюджетных ассигнований между вузами с учетом контрольных цифр приема (далее – КЦП) по направлениям (специальностям). Этот важный аспект дискурса по НПФ развивается автономно от основной проблематики. Из проанализированных публикаций лишь в упомянутой статье Е. В. Романова имеются две отсылки к КЦП. Что касается специальных работ на эту тему, то все они написаны экономистами или математиками и построены на поиске новых формул для оптимизации действующих коэффициентов, устанавливающих конкретные цифры приема [1; 16; 17; 14; 25].

Существенным недостатком такого подхода выступает небрежение тем фактом, что НПФ и КЦП являются интегральными частями менеджеристской идеологии. Поэтому любые предложения, разрушающие логичную стройность менеджеристского управления, руководством Минобрнауки не будут приниматься как значимые. Следовательно, существует настоятельная необходимость теоретически обосновать взаимосвязь между нормативно-подушевым финансированием и идеологией менеджеризма.

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» // Российская газета. 2012. 30.12. (в ред. от 28.02.2025).

Теоретические основания и эмпирические методы исследования

Менеджеризм ведет свое происхождение из постулатов, высказанных в 1954 г. П. Друкером в книге «Практика менеджмента» [7]. Все его идеи вполне допустимо свести к двум базовым тезисам: 1) стратегическая цель компании может быть разделена на целевые показатели; 2) менеджеры должны стать значимой социальной группой. Из первого тезиса возникла концепция КРІ –ключевых показателей эффективности; из второго – замена принципа единоначалия на коллективное руководство. Предложения П. Друкера были ориентированы на преодоление кризиса мотивации сотрудников, возникшего у работников крупных корпораций, не заинтересованных в результатах собственного труда. «Добиться всего этого позволяет управление на основе поставленных целей и самоконтроля. Этот принцип делает достижение общего блага целью каждого менеджера. Он заменяет строгий контроль извне более требовательным и эффективным внутренним контролем» [7, с. 106]. Таким образом, менеджеризм нацеливался на перевод мотивов к трудовой деятельности из внешней сферы во внутреннюю.

В начале 1980-х гг. данные положения перенесли из корпоративного бизнеса в социальное управление. Первые опыты в этом направлении были проведены в Великобритании консервативным правительством М. Тэтчер [23]. Теоретическое обоснование они получили в работах Д. Осборн и Т. Геблер [18], К. Мейер [27], М. Консайдин [26] и др. Из их исследований сложилась идеология т.н. государственного менеджеризма, реализуемого в настоящее время в управленческих практиках российских университетов.

Опираясь на сформулированные указанными социологами идеи, мы предлагаем авторскую концепцию менеджеризма, адаптированную к особенностям российского высшего образования. В качестве оценочных позиций определим три тезиса: цели, трансформация государства, содержательные признаки.

Цели государственного менеджеризма

Менеджеризм применяется в государственном управлении для достижения двух целей: снижения расходов на бюджет и разрушения профессиональных сообществ. Каждая из них была декларирована еще М. Тэтчер [24] и остается актуальной до сих пор, в том числе в Российской Федерации.

Сокращение бюджетных трат стало вынужденной мерой из-за резкого роста объема финансирования образования, здравоохранения и других социальных институтов во второй половине XX в. Новые стандарты качества жизни, приведшие к выработке концепции государства всеобщего благоденствия, объективно способствовали истощению бюджетных ресурсов. Решение этой проблемы в условиях менеджеристской политики происходит

за счет переноса части расходов на самих пользователей общественных благ, что гипотетически допускается возможным благодаря коммерциализации профессиональной деятельности. В высшем образовании это проявляется в стимулировании именно тех показателей эффективности, которые обеспечивают прирост университетских доходов.

Вторая цель – разрушение профессиональных сообществ – это, с одной стороны, естественный результат принятия новой системы ценностей, несовместимой со старой профессиональной этикой, с другой, – целенаправленное подавление администрацией протеста профессионалов, не желающих воспринимать экзогенные их представлениям правила поведения. В системе высшего образования это проявилось в лишении академического сообщества его субъектности, которое имеет два основных последствия: 1) потеря свободы воли для принятия решений по видам своей профессиональной деятельности и 2) утрата профессиональных качеств, которые свойственны социальным статусам ученого и преподавателя [11]. Подробно оба этих аспекта будут рассмотрены ниже при анализе социальных эффектов от реализации нормативно-подушевого финансирования университетов.

Изменение природы государственной власти

Менеджеризм трансформирует государство всеобщего благоденствия в квазикорпоративное образование по воспроизводству новой системы правил и контролю над их соблюдением. Значительная часть полномочий по управлению производством благ и распределению ресурсов переносится на администрацию университетов, высшее управленческое звено которых включает эффективные контракты и из категории профессионалов переводится в категорию менеджеров, отвечающих за результаты перед вышестоящим менеджментом. Управление выстраивается на основе клиентоориентированного подхода. Все, кто нацелен на получение каких-то благ от высших учебных заведений, становятся их потенциальными клиентами. Это не означает, что блага автоматически перемещаются в разряд платных. Смысл замены одного термина другим состоит в изменении природы государственной власти. В логике менеджеризма государство должно стать слабоструктурированной корпорацией, состоящей из служб и агентств, нацеленных на взаимодействие с бизнес-сообществами и иными компонентами гражданского общества. Д. Озборн и Т. Геблер назвали это антибюрократической революцией [18], т. к. из предлагаемых ими мер следовало существенное снижение контрольных функций государства благодаря видоизменению надзора над профессионалами: от текущего контроля к оцениванию результатов по показателям. Следствием этого стало повсеместное внедрение KPI как способа увеличения производственной активности преподавателей и ученых. От них, в свою очередь, ждут развития навыков самоменеджмента.

Содержательные признаки государственного менеджеризма

Менеджеризм в коммерческих организациях – это, преимущественно, применение ключевых показателей эффективности для мотивации персонала. В государственном менеджеризме дополнительно добавляется новая система ценностей в виде глобальной коммерциализации и конкуренции. Бизнесу они свойственны атрибутивно. Старому академизму обе эти позиции абсолютно чужды. Их интериоризация повела за собой фундаментальную перестройку мышления преподавателей и ученых.

Чужеродность коммерциализации для профессорско-преподавательского состава вытекает из двух аспектов. Во-первых, его деятельность традиционно оплачивалась из государственного бюджета, а размер доходов строго связывался с академическим статусом. Во-вторых, ППС – слабый «игрок» на рынке. Большая его часть ориентирована на фундаментальные исследования, заинтересованность в которых потенциально способно проявить только государство. Оно же выступает главным, нередко единственным, источником финансовых ресурсов по заработной плате, грантам и т. п. Монетизация науки и образования в таких условиях есть заведомо бессмысленный проект. Выход был найден в создании особой формации квазиденег – баллов, присуждаемых за отдельные виды профессиональной деятельности. Интеграция их в КРП и придание им номинальной стоимости в денежном эквиваленте (прямо¹ или опосредованно), хотя и в своеобразной форме, но все же решает проблему коммерциализации. Конечно, это не снимает с образовательных организаций прямой обязанности зарабатывать «живые» деньги, но речь идет не об отдельных показателях, а о системной ориентации ППС на признание ценностей коммерциализации. Баллы складываются в рейтинг преподавателя, и, как предполагается, сотрудник университета приобретает возможность управлять своими доходами, публикуя статьи, организуя студенческие общества, участвуя в конференциях и реализуя прочие виды активностей. Именно этот путь ведет ППС к включенности в товарно-денежные отношения и переоценке ценностей по фундаментальным основам профессиональной этики. Значимость, как в бизнесе, приобретает только та работа, которая измеряема и оплачиваема.

Конкуренция в исторической перспективе также не играла существенной роли в интеракциях преподавательского сообщества. Безусловно, какое-то значение она имела, проявляясь в соперничестве за любовь студентов, получении более удобного расписания и т. п. Но, в целом, преподавательскому корпусу в большей степени было свойственно сотрудничество. В науке значимость конкуренции возрастала, но это касалось лишь отдельных специалистов, т. к. в основной своей массе ППС проявлял индифферентность к научной работе. Менеджеризм радикально изменил ситуацию. Теперь администрация вузов побуждает заниматься наукой всех. Грань между преподавателем и ученым отныне ликвидирована. Это обеспечивается

¹ В Южном федеральном университете один балл из преподавательского рейтинга приравнивается к 200 рублям. По итогам календарного года все полученные баллы (за вычетом 60 баллов для профессоров и 45 баллов для остального ППС) умножаются на 200. Искомая сумма является премией за эффективность. Такая практика действует с 2016 г. по текущий год.

реализацией специальных менеджеристских инструментов, в числе которых особое место занимают эффективные контракты и рейтинги. С их помощью соперничество проявляется в двух формах: внутривузовской и межвузовской конкуренции. *Внутривузовская* конкуренция – это борьба преподавателей за рейтинговые баллы, установление «особых» отношений с руководством за гарантированное прохождение по конкурсу на ученых советах, поиск «своих» людей для поддержки заявок на гранты и т. п. *Межвузовская* конкуренция выступает продолжением внутривузовской борьбы. Она имеет разные проявления, но в ее основе лежит стремление обеспечить желаемый объем нормативно-подушевого финансирования от государства. В этом контексте НПФ является не чем иным, как латентным менеджеристским рейтингом. Соперничество между вузами стимулируется начислением баллов по предписанному КРІ, и те из них, которые получают наибольшее количество баллов, вправе рассчитывать на больший объем финансирования.

Таким образом, нормативно-подушевое финансирование следует рассматривать как особую форму менеджеристского рейтинга, с помощью которого осуществляется распределение бюджетных ассигнований между университетами.

Эмпирическое исследование этого феномена построено с применением нескольких методов. В их числе два массовых опроса. Первый проводился в мае-декабре 2022 г. и назывался «Эффективность управления российскими университетами в условиях применения менеджеристских инструментов» [8]. Второй опрос – «Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления» – выполнен в сентябре 2024 г. [12]. Для оценки качества обучения иностранных студентов русскому языку было также проведено 6 глубинных интервью с преподавателями, работающими на подготовительных отделениях. Для изучения деятельности органов, ответственных за трудоустройство, проведено 5 глубинных интервью с сотрудниками университетов, ответственных за сбор информации о выпускниках¹. Также использовался документарный метод: изучались акты органов государственной власти и официальные сайты университетов, данные Росстата. Отдельно нужно упомянуть лонгитюдный метод, посредством которого нами выявлена взаимосвязь между успеваемостью по дисциплине «История» студентов первого курса и количеством баллов по единому государственному экзамену.

Результаты исследования

Менеджеристские основы нормативно-подушевого финансирования высшего образования

Смысл этого рейтинга предельно прост. Заказчик (государство) устанавливает для университетов через КРІ социально-полезные виды деятельности, за исполнение которых начисляет баллы. Соперничество за

¹ Все респонденты участвовали в опросе на условиях полной анонимности.

них идет не только среди университетов, но и внутри образовательной организации в границах укрупненных направлений (далее – УГСН). Именно они, в конечном итоге, получают баллы. На момент написания статьи основным регулятивным документом, формирующим ключевые показатели эффективности, является Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 28 августа 2023 г. № 824 (далее – Приказ № 824)¹. В нем устанавливаются КРІ для трех уровней образования: бакалавриата (специалитета), магистратуры, аспирантуры (ординатуры). В данном исследовании мы рассмотрим только первый образовательный уровень. Предполагается, что включенные в Приказ № 824 индикаторы, действительно, имеют социальную ценность. Государство, связывая полученные результаты с их безусловной полезностью, ожидает, что университеты достигнут весомых социальных эффектов. Если это так, то концепт НПФ имеет релевантность и валиден для его применения в высшей школе.

Ожидаемые эффекты формализуются по шкале минимального и максимального достижения. Показатели выше и ниже заявленных шкал не учитываются. К участию в конкурсе по УГСН допускаются исключительно те вузы, которые обеспечивают минимальный предел (пп. «г» п. 13 Приказа № 824). Судьба остальных УГСН может быть описана экономическим термином банкротство. На практике это означает отлучение от бюджетного финансирования в связи с недостижением социально полезных результатов по КРІ. Остальные образовательные организации, оказавшиеся состоятельными в межвузовской конкуренции, могут рассчитывать на тот объем финансирования, который обусловлен достигнутыми результатами.

Итак, нормативно-подушевое финансирование – это способ бюджетного ассигнования вузов на основе принципов менеджеристского управления. Переход от финансирования по затратам к финансированию по результатам есть перекладывание на университеты ответственности за то, сколько и в каких пределах государство обеспечит им гарантированных бюджетных мест. Чем лучше университет проявляет себя на рынке образовательных услуг, тем больше он финансируется государственной властью.

Социальные эффекты от нормативно-подушевого финансирования

Действующая модель государственной поддержки высшего образования внешне кажется привлекательной. Каждая образовательная организация может отслеживать рост ключевых показателей эффективности и на любом этапе корректировать их при отсутствии видимых достижений. Ее несомненным преимуществом для университетов является способность самостоятельно управлять своими доходами: как бюджетными, так и внебюджетными. Однако указанное достоинство безусловно только для высокостатусных вузов, как правило, из Москвы и Санкт-Петербурга.

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 28 августа 2023 г. № 824 «Об утверждении Порядка проведения конкурса по распределению контрольных цифр приема по специальностям и направлениям подготовки...».

Региональные же вузы имеют несоизмеримо меньший опцион возможностей, и их потенциала для полноценного выполнения предлагаемого Минобрнауки КРІ недостаточно [13]. Это создает имитационные риски и вероятность потери университетами своей социальной полезности.

Сформулированный тезис мы определили гипотезой. Ее проверка проводилась через анализ социальных эффектов от конкретных показателей, установленных Приказом № 824. Все показатели были разделены на четыре группы: качество приема обучения, качество технологий обучения, качество выпуска обучающихся, развитие образовательной организации. По каждому показателю применяется универсальная схема анализа: вначале заявляется его цель, согласованная с менеджеристскими ценностями, а далее оцениваются вызванные им социальные эффекты. Иными словами, проверяется связь между целями и результатами.

1. Показатели, характеризующие качество приема обучающихся¹.

1.1. Средний балл единого государственного экзамена. Это самый дорогой показатель. За него в рейтинг УГСН начисляется до 23 баллов.

ЕГЭ изначально задумывался в качестве инструмента, тесно связывающего через менеджеристскую идеологию среднее и высшее образование на началах конкуренции и коммерциализации. ЕГЭ делает образование в старших классах средней школы дисперсным: оно индивидуализируется, распадается на фрагменты, теряет системность и фундаментальность [15]. Его результатом становится не развитие личности, а «натаскивание» с целью получить больше баллов, чем конкурент за соседней партией. С этой позиции значимость ЕГЭ в системе межвузовской конкуренции порождает, как минимум, вопросы.

Для нас, безусловно, большее значение имеет то, существует ли взаимосвязь между успеваемостью в университете и в средней школе. Чтобы это выяснить, мы в течение пяти лет фиксировали учебные достижения по дисциплине «История» студентов 1 курса направлений «Конфликтология» и «Зарубежное регионоведение» Южного федерального университета (далее – ЮФУ) в период с 2017 по 2021 г. Исследование было завершено три года назад, поскольку администрация ЮФУ приняла решение скрыть на своем официальном сайте фамилии поступающих. Успеваемость студентов была просчитана в баллах по действующей в ЮФУ балльно-рейтинговой системе (далее – БРС). Если сопоставить их с полученными баллами ЕГЭ по итогам обучения в школе, то можно понять насколько качество общего среднего образования коррелируется с требованиями высшего образования.

При поверхностном просмотре полученных результатов может сложиться впечатление, что прямая связь существует. Но она видна только на крайних полюсах успеваемости. Что касается основной массы обучающихся, то в рамках диапазона баллов ЕГЭ от 71 до 90, представленного в виде четырех групп, взаимосвязь между высокими баллами в школе и полученными баллами в вузе отсутствует. Особенно показательным то, что получившие в школе высокие баллы, в вузе их понизили, а имевшие низкие баллы добились больших образовательных успехов.

¹ Укрупненные группы показателей пронумерованы арабскими цифрами. Показателям внутри укрупненных групп присвоены дополнительные цифры.

Таблица 1 (Table 1)

Успеваемость по баллам ЕГЭ в школе и БРС в вузе
(на примере дисциплины «История»), в единицах
*Academic performance on the Unified State Exam at school and the BRS at the university
(using the example of the discipline “History”), in units*

Школа		Высшее учебное заведение	
Баллы ЕГЭ	Количество студентов	Средний балл по БРС	
60–70	37	77	
71–75	76	82	
76–80	152	83	
81–85	108	81	
86–90	72	79	
91–100	14	86	

Как видно, польза для университетов от ЕГЭ сомнительна. На качество успеваемости, во всяком случае, в региональных вузах, оно практически не влияет. Между тем, напомним читателю, что по данному показателю вузы получают до 23 баллов. При этом имеются вполне ощутимые негативные эффекты. Например, ЕГЭ фактически разрушает систему подготовки инженерно-технических кадров. Для учащихся старших классов, с учетом огромных затрат родителей на подготовку (от 120 до 200 тыс. руб. в год¹), выгодно выбирать безрисковые стратегии поступления в университеты. В большинстве случаев они априори исключают подготовку по таким предметам как химия, физика, биология, математика. Выгоднее сосредоточить свое внимание на гуманитарных дисциплинах. В старших классах это приводит к тому, что ученики даже перестают посещать уроки по техническим и естественно-научным предметам. Их изучение рассматривается как неэффективная трата времени и сил. И эта тенденция усиливается. Следствием становится тотальная демотивация не только учеников, но и учителей, чей уровень профессионализма от года к году снижается.

Нельзя пройти мимо еще одного важного аспекта – финансового. Выше мы писали, что одна из целей государственного менеджеризма – снизить масштабы социального давления на бюджет. ЕГЭ достижение данной цели блокирует. Это очень затратный образовательный инструмент. Расходы на него подробно прописаны на сайте «РосТендер». Так, только в Ростовской области за 2023–2024 гг. траты составили 462,6 млн руб.² И это лишь один из 89 субъектов РФ. Общие же издержки на этот не имеющий никакого позитивного значения для качества образования институт исчисляются миллиардами рублей в год.

¹ Жандарова И. Эксперты оценили стоимость подготовки к ЕГЭ в 2024 году // Российская газета. 2024. № 34.

² Официальный сайт РосТендер [электронный документ]. URL: https://rostender.info/category/tendery-ege?active_filter=1&kladr62=on (дата обращения: 02.04.2025).

1.2. Процент приема в пределах контрольных цифр. Квалификационное значение имеют показатели в интервале от 80 до 100%. Оценка эффективности установлена до 3 баллов. Успешность выполнения государственного задания связывается с конкуренцией вузов за студентов. В логике менеджериума университет должен функционировать как студентоориентированная образовательная организация, предоставляющая услуги обучающимся, как своим клиентам. Если, как считают сторонники менеджеристской модели, услуги оказываются качественно, то у вуза не возникнут проблемы с заполнением выделенной квоты по бюджетным местам.

Невыполнение этого КРІ ведет к трем негативным последствиям. Во-первых, вузы обязаны переместить студентов, возмещающих за свой счет оказание образовательных услуг, на оставшиеся бюджетные места, а это ухудшает финансовые показатели университета. Во-вторых, на следующий год государство снизит количество оплачиваемых бюджетных мест, что приведет к сокращению ставок ППС и увольнениям преподавателей. В-третьих, и это наихудший сценарий, университет не допускается на конкурс по «проблемному» направлению (специальности), что ставит под угрозу существование структурных подразделений.

Пытаясь избежать этих последствий, университеты, так же, как и абитуриенты, выбирают безрисковые стратегии. Самая простая из них – набирать всех желающих, кто достиг минимально допустимого порога по баллам ЕГЭ. В таком положении абитуриенты с низкими баллами даже более удобный объект для набора, т. к. они актуальнее переживают страхи не пройти по конкурсу. Ситуация усложняется тем, что по действующему законодательству поступающие имеют право подавать заявления в 5 вузов или на 5 направлений (специальностей)¹. Поэтому ответственным за прием приходится буквально уговаривать абитуриентов и их родителей сдать документы на определенную программу и не изменять своих намерений. У значительной части будущих студентов еще до официального вступления в статус складывается устойчивое представление, что учеба по сравнению с поступлением является чем-то малозначительным и даже необязательным. Каждая сторона получает свое: студенты – обещанные в период поступления положительные оценки на сессиях, администрация университета – финансирование от государства.

2. Показатели, характеризующие качество технологии обучения.

2.1. Соотношение всех обучающихся и прослушавших курсы дополнительного профессионального образования. Смысл этого КРІ состоит в стимулировании доходов образовательных организаций за счет курсов ДПО. Здесь опять же органично сочетаются два главных менеджеристских признака: конкуренция и коммерциализация. Поощрение осуществляется в диапазоне от 0 до 20% и оценивается в 6 баллов.

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.11.2024 № 821 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» [электронный документ]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411290031> (дата обращения: 02.04.2025).

Реализация этого показателя проявляет его экзогенность по отношению к тому, на что способна высшая школа. Мы вовсе не утверждаем, что университеты не могут подготовить и провести качественную программу ДПО. Проблема в том, что у вузов разный объем ресурсов и, соответственно, разные возможности. Показатель же, в конечном итоге, надо делать для всех одинаково. Даже у ЮФУ, который является федеральным вузом, с этим имеются затруднения. Сошлемся на исследование, проведенное О. В. Богдановой [3]. Она провела пять глубинных интервью с руководителями программ повышения квалификации. Все ДПО были реализованы в основе своей имитационно: в режиме онлайн, с низким уровнем посещения занятий, без обратной связи из аудитории, проверочных заданий и итоговой оценки знаний. Социолог выделяет несколько обстоятельств, препятствующих развитию ДПО. Во-первых, отсутствие мотивации у тех, кто готовит соответствующие программы. Расход ресурсов на них порядком превышает потенциальную оплату труда. А это, в условиях роста нагрузки на преподавателей, следует считать значимым фактором. Во-вторых, основной контингент слушателей – сами же преподаватели, которым диплом ДПО нужен для перезаключения трудового договора. Без него в ЮФУ документы не принимаются на конкурс.

Основная проблема с этим показателем – в его невыполнимости. В обществе небольшой спрос на ДПО, который предоставляется в порядке свободной конкуренции. Он для каждого вида профессиональной деятельности стимулируется администрацией искусственно, с помощью формальных и неформальных норм. Но все рынки уже давно поделены. Однако преподавателей буквально понуждают и заявлять программы, и участвовать в качестве слушателей. «Адаптация к изменению институтов может приводить к выбору акторами поведенческих стратегий, которые можно охарактеризовать как послушание и молчаливый оппортунизм, когда за внешне респектабельным фасадом маскируется полное отсутствие содержания образовательного процесса» [6, с. 89]. В итоге, рынок образовательных услуг трансформируется в квазирынок, где роли продавца и покупателя исполняются имитационно.

2.2. Процент образовательных программ и обучающихся в сетевой форме. Квалификационная шкала измерения – от 0 до 40% (для программ специалитета до 60%). Рейтинговый показатель исчисляется одним баллом, но это сравнительно новый КРІ и в следующем приказе Минобрнауки его наверняка повысят.

Вузам обучение в сетевой форме разъясняется как шанс привлечь дополнительное количество обучающихся под авторитет статусного университета-партнера, с которым создана коллаборация. На самом же деле в него закладывается легитимная возможность постепенного поглощения сильными вузами «слабых». Это отражает менеджеристскую линию на конкуренцию, благодаря которой продолжится политика, направленная на укрупнение образовательных организаций. Уже сейчас в региональных вузах происходят сокращения кадров из-за ухода части образовательной нагрузки в сетевой формат к высокостатусным вузам. В перспективе

такая тенденция будет только усиливаться. Ее возникновение связано со стремлением Минобрнауки еще в предковидный период перевести образование в региональных вузах в онлайн формат. В принятой на тот момент программе «Развитие образования» (2018–2025 гг.) одним из 5 индикаторов эффективности закладывалось обучение не менее 6 млн. студентов по онлайн-курсу. Негативное восприятие дистанционного формата обществом и низкие образовательные результаты, полученные во время тотальной самоизоляции, вызванной пандемией 2020 г. [9], заставили сторонников онлайн-образования изменить тактику и отказаться от прямого давления на университеты. Т.н. «сетевая форма» есть не что иное, как новая модель электронного обучения, которая весьма остроумно применяется руками самих региональных вузов как оригинальный способ их самоликвидации. В интерпретации Минобрнауки это называется новой технологией, обеспечивающей качество образования.

3. Показатели, характеризующие качество выпуска обучающихся.

3.1. Среднегодовой процент сохранности контингента обучающихся. Удельный вес данного показателя – до 5 баллов; оцениваемый диапазон – от 75 до 90% всего контингента. Его смысл соотносится с понятиями «уровень обучающихся» и «качество обучения». Если университеты набирают студентов высокого образовательного уровня и обеспечивают им удовлетворительное качество обучения, то контингент, как считают в профильном ведомстве, никуда не исчезнет. Если же студенты отчисляются, по неуспеваемости или вследствие некачественного образования в вузе, то такая образовательная организация не вправе в будущем рассчитывать на бюджетные ассигнования. Такова логика показателя «сохранность контингента», буквально заимствованного из рыночной практики удержания клиентов.

С позиции клиентоориентированности подобная цепочка рассуждений вполне оправданна. С точки зрения учета множества других факторов – целей образования, ориентации на качество, реальных возможностей современных студентов, сложных жизненных ситуаций – она выглядит абсурдной. Вузы всегда отчисляли много студентов по разным причинам: потеря мотивации, утрата связи с организацией, несоответствие требованиям и т. п. Там, где был невысокий конкурс, поступить всегда было проще, чем учиться. Новые правила изменили ситуацию. Даже в столичных вузах стали разрабатывать технологии «сохранения контингента», в том числе на инженерно-технических специальностях. Так, в МАДИ в 2000 г. из 616 поступивших к концу первого курса было отчислено 368 студентов (59,7%). Но уже в 2018 г., спустя два года после введения анализируемого показателя, статистика изменилась: из 720 первокурсников отчислено лишь 228 (31,7%) [21]. Надо полагать, высокостатусным вузам проще восполнить убывающий контингент. Что касается регионов, то в них руководство вменяет негласный запрет на отчисление. Это подтверждается результатами нашего всероссийского исследования.

Таблица 2 (Table 2)

Отношение преподавателей к подушевому финансированию студентов, %

The ratio of teachers to per capita funding of students, %

Варианты ответов	Суммарный итог
Отрицательное, вузы практически перестали отчислять студентов, чтобы не уменьшалось штатное расписание	47,1
Положительное, подушевое финансирование – оптимальный инструмент государственной поддержки образования	6,7
Положительное, объем подушевого финансирования точно отражает итоги межвузовской конкуренции за ресурсы	13,9
Затрудняюсь ответить	32,3

Примечание. В табл. 2 результаты исследования приведены по: [8, с. 79].

Последствия такого подхода уже всюду проявляются в виде снижения качества образования: резко увеличилось количество пропусков занятий; уменьшился расход времени на подготовку к семинарам; вырос процент студентов, полностью потерявших связь с университетом. В ЮФУ качество успеваемости измеряется по стобальной шкале. Но в реальности оценок всего две: «хорошо» и «отлично». Все остальное («удовлетворительно», «не зачтено») – это меры воздействия, применяемые с целью восстановить постепенно исчезающую дисциплину. Ближе к году выпуска большая часть студентов просто перестает посещать занятия. И так происходит повсеместно: независимо от вузов и образовательных направлений.

3.2. Среднее соотношение дохода выпускников образовательной организации и прожиточного минимума. Стоимость показателя очень высокая – 12 баллов. А вот его социальная полезность вызывает большие сомнения. Здесь создатели КРІ в некотором роде превзошли самих себя, отождествляя полученную в университете профессию не с ее социальными функциями, а с монетарным эффектом для государственного бюджета. Такой подход отображает менеджеристскую направленность высшего образования на коммерциализацию.

Совершенно очевидно, что разные профессии априори имеют разный зарплатный потенциал. Банковские служащие, IT-специалисты, военные, работники в сфере туризма и пр. получают явный приоритет по сравнению, например, со школьными учителями. Данная норма явно обладает дискриминационным характером. Она во всех смыслах чужеродна природе образовательной организации и реальным потребностям общества. У вузов в такой ситуации два варианта: либо некорректно осуществлять процедуру расчета среднего дохода выпускников, либо сознательно увеличивать контрольные цифры приема по «выгодным» специальностям. Первый вариант чреват наступлением юридической ответственности; второй – недополучением обществом малооплачиваемых, но социально значимых профессий (учителей, врачей, социальных работников, преподавателей и др.).

3.3. Процент трудоустройства выпускников. Если выпускники вуза трудоустраиваются по профессии (зачитываемый диапазон 30–85%), то его рейтинг пополняется до 13 баллов. Полезность данного КРІ проявляется в способности вуза выпускать специалистов, которые востребованы на профессиональном рынке труда.

Его социальная пригодность не вызывает сомнений. Кроме того, это один из немногих показателей, который не способен повлиять на качество обучения при его фальсификации. В отличие от двух предыдущих из третьей группы, он не надуман и, действительно, отражает качество образования. Однако он не совместим с моделью нормативно-подушевого финансирования, в которой образовательные организации борются между собой за бюджетные места (КЦП). Любой показатель, который невозможно достичь, в конструкции НПФ неизбежно искажается. Проведенные в ведущих вузах Ростовской области на началах полной анонимности глубинные интервью со специалистами, ответственными за подсчет процента трудоустройства выпускников, показали, что заявить о выполнении максимального норматива в 85% несложно. Какой-то автоматизированной системы подсчета нет. О своем трудоустройстве сообщают сами выпускники, отвечая на СМС-рассылки университета. При отсутствии контакта имеется опция проставить трудоустроенность в графе «самозанятый». Контроль за предоставленными данными никем не ведется. Как показал анализ официальных сайтов (РГУПС, ЮФУ, РГЭУ, ДГТУ), все ростовские вузы «легко» выполняют анализируемый показатель. Мы не утверждаем, что отчетность фальсифицируется, но все наши информанты показали, что при необходимости готовы проставить такие данные по трудоустройству, которые требуются для достижения предписанной эффективности.

4. Показатели, характеризующие развитие образовательной организации.

4.1. Доходы от выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на одного НИР / Доходы из всех источников в расчете на приведенный контингент. Стоимость двух показателей – до 5 баллов каждый. Их характеристика всецело менеджеристская, ориентированная на коммерческую успешность.

Нормы сформулированы так, что они выступают катализатором имитационных процессов. Это обуславливается неравенством ресурсных возможностей разных типов университетов и образовательных направлений.

Во-первых, неравенство воспроизводится в связи с наличием несовместимого потенциала между гуманитарными и естественнонаучными / инженерно-техническими УГСН. Например, при распределении грантов преимущество отдается последним. Разумеется, это справедливо, т. к. их социальная значимость выше и для них требуется больше ресурсов. Но гуманитарные направления при таких раскладах превращаются для администрации в балласт, поскольку расчеты ведутся на одного НПР в общем массиве всех сотрудников.

Во-вторых, внутри самих УГСН имеются свои неоднозначные потенциалы в связи с разделением на прикладные и фундаментальные исследования. Прикладники имеют больше перспектив для монетизации результатов своих исследований, в том числе в коллаборациях с субъектами предпринимательства. И именно на такой формат администрация вузов ориентирует научную деятельность. Но прикладной тип работ не в традициях большинства научных коллективов в образовательных организациях. Университеты изначально были нацелены на фундаментальные исследования.

В-третьих, неравенство воспроизводится из-за предпочтительного спроса на рынке образовательных услуг на определенный вид профессий. Например, у абитуриентов готовность поступать с полным возмещением затрат выше на дизайн или маркетинг, чем на педагогические профили. Отсюда и у вузов имеется стремление расширить коммерческий контингент за счет популярных на рынке профессий. Педагогов же обучают по остаточному принципу, воспринимая как образовательное направление третьего сорта. А это неизбежно влияет на качество образования.

В-четвертых, возможности вузов разнятся в связи с их территориальным расположением. Москва и Санкт-Петербург имеют приоритеты по финансированию, а также потенциально больше платежеспособных заказчиков на рынке научных и образовательных услуг. Также у них выше стоимость обучения по всем программам. Регионы тоже неоднородны. Есть сибирские вузы с их опорой на нефтегазовый ресурс и преимущества от близкого расположения с КНР. Университеты же Северного Кавказа или центральной полосы России им не конкуренты.

Уязвимая позиция региональных университетов в системе межвузовской конкуренции подтверждается результатами нашего социологического опроса (четвертая строка в таблице 3).

Таблица 3 (Table 3)

Оценка объективности отбора заявок на гранты, %

Assessment of the objectivity of the selection of grant applications, %

Насколько объективно осуществляется отбор заявок на гранты?	Ваша ученая степень?			
	Доктор наук	Кандидат наук	Без ученой степени	Всего
1. Эксперты оценивают заявки беспристрастно и выбирают наиболее лучшие	15,7	14,1	24,0	17,9
2. Большая часть заявок отбирается заранее по договоренности с руководством фондов	37,1	27,8	16,8	24,8
3. Руководство фондов коррумпировано, и это препятствует справедливому отбору заявок	13,5	7,8	7,8	8,3
4. Выиграть конкурс участникам из региональных вузов практически невозможно	44,9	29,5	12,3	24,8
5. Затрудняюсь ответить	20,2	38,4	47,9	39,9

Не имея достаточного объема ресурсов для законного решения поставленных через КРІ задач, региональные вузы пускаются «во все тяжкие» с целью получить показатели любой ценой. «Одним из способов является сбор «добровольных» пожертвований со студентов, чаще всего заочной формы обучения, которым взамен проставляются оценки в соответствии с «прейскурантом». Далее это оформляется в форме выполнения хозяйственных обязательств от организации, согласной за соответствующее вознаграждение выступить в роли фиктивного заказчика. Данная практика получила достаточно широкое распространение в филиалах и небольших региональных вузах. Еще чаще встречаются «добровольные» пожертвования со стороны преподавателей, которые используются для обеспечения эффективности по аналогичной схеме, что и финансирование от студентов. Третий способ не направлен на ущемление интересов основных акторов института высшего образования, но такой же мошеннический. Он реализуется через заключение договора на выполнение услуг между двумя вузами через фирмы-прокладки. Объем финансовых средств возмещается на паритетных началах, что нивелирует их взаимные траты. В результате вузы не получают реального дохода, но в итоговом отчете показывают прирост по выплатам от вуза-контрагента. Такое становится возможным благодаря тому, что собственные обязательства перед партнером по договору нигде не фиксируются» [2].

Какие еще технологии применяет администрация – сказать сложно, т. к. подобного рода деятельность стараются не афишировать. Но вопрос даже не в этом. Вузы в принципе готовы делать все, что угодно, лишь бы не потерять финансирование.

4.2. Процент иностранных граждан в приведенном контингенте обучающихся. Квалификационный минимум установлен в 1%, а максимальный достигает 15%. Рейтинговое вознаграждение – до 5 баллов. Целевое значение этого КРІ – рост позиций российских университетов в международных рейтингах. Однако помимо конкуренции через него проявляется и вторая ипостась менеджерики – коммерциализация. Часть иностранных студентов поступают на основе полной компенсации образовательных услуг. Следовательно, университеты приобретают дополнительные источники доходов.

Сравнительно недавно этот показатель приобрел медийную окраску. Министр науки и высшего образования В. Н. Фальков сказал, что «лучше не выполнять показатели, но взять тех, кто действительно мотивирован на получение высшего образования, кто хочет учиться в России, кто приезжает сюда для учебы в университете»¹. Если воспринять пожелания руководителя профильного ведомства буквально, то в российских университетах практически не останется иностранных студентов. Этот вывод сделан на основе результатов, полученных из глубинных интервью 6 преподавателей,

¹ Фальков сообщил о низком качестве платных иностранных студентов в России [электронный документ]. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/03/2025/67dd31c99a7947d06790864c> (дата обращения: 04.04.2025).

работающих на подготовительных отделениях трех вузов Ростовской области. Поскольку ситуация в образовательных организациях типичная, мы считаем допустимым перенести их на все региональные вузы.

Уровень языковой компетенции по русскому языку у студентов, обучающихся на подготовительных отделениях, близок к нулевому. Практически никто из них не изучал язык принимающей стороны до приезда в Россию. По итогам довузовского обучения мало кому удастся продемонстрировать знания даже на уровне категории А1. На вопрос «Заметен ли прогресс в изучении русского языка в течение года?» все респонденты ответили «незначительный у примерно трети обучающихся». По включенности в образовательный процесс всех будущих студентов, приехавших в Россию из-за рубежа, можно разделить на три примерно равновеликие группы: первая совсем не посещает занятия, вторая приходит туда эпизодически, третья занимается более-менее регулярно. Именно в последней когорте виден небольшой прогресс успеваемости. Но способных после обучения на подготовительном отделении полноценно включиться в образовательный процесс университета практически нет.

Благодаря вопросу «Что, по Вашему мнению, мешает студентам успешно изучать русский язык?», были выделены три основные группы причин. Во-первых, неэффективный характер образовательного процесса: отсутствие контроля, низкий уровень преподавания, незнание педагогами языка иностранных абитуриентов, отсутствие единого образовательного центра с устоявшимся и методически подготовленным педагогическим составом. Во-вторых, многие иностранные студенты приезжают в Россию с целями, далекими от образования. Для них это легальная возможность трудоустроиться, завести семью, получить место в общежитии. Приобретение знаний по профессии не находится в приоритетной шкале ценностей. В-третьих, все они хорошо осведомлены, что в российских университетах иностранных обучающихся, как правило, не отчисляют. А для большинства отчисление – единственный мотив полноценно учиться. Региональные вузы с большим трудом достигают нормативов по набору обучающихся из зарубежных стран. Чтобы решить проблему, нередко завозятся сразу «оптовые партии» из одной страны. Поэтому даже систематические пропуски занятий иностранными студентами (а это обычная практика для подавляющей части обучающихся) не ведут к их отчислению. Беспокойство в деканатах вызывает лишь невнесение платы за обучение. Но даже игнорирование этой обязанности не ведет к разрыву формальных связей с университетом. Для администрации иностранные студенты – это всего лишь ресурс, используемый как средство выполнения показателей. Во многих университетах, и на подготовительных отделениях недостаточно подготовлены условия, необходимые для полноценного обучения иностранцев.

Трудно представить, что престижность российского образования в глазах мирового сообщества способна вырасти в таких условиях. Едва ли университеты играют предписанную им по КРІ роль «мягкой силы». Что касается сугубо образовательных эффектов, то наличие иностранных студентов, индифферентных к учебной работе, как минимум, не положительно влияет на местных обучающихся, показывая им успешные образцы имитационных моделей поведения.

Выводы

Если отталкиваться от целей государственного менеджеризма, обозначенных в теоретической части данной статьи, то главная задача нормативно-подушевого финансирования – снизить расходы государственного бюджета, освободившись от низкорейтинговых университетов. Математически рассчитать ее решение мы не можем. Для таких выводов у нас нет исходных данных. Но даже если предположить, что траты государства на высшее образование снизились, возникает вопрос цены, которую пришлось за это заплатить.

Все показатели по нормативно-подушевому финансированию, за которые присуждаются трансформируемые в бюджетные деньги рейтинговые баллы, можно разделить на три категории: социально значимые, достигаемые имитационно; бесполезные, достигаемые имитационно; содержащие реальную угрозу снижению качества науки и образования. Большая часть КРІ в той или иной степени фальсифицируются. У преподавателей недостаточно интеллектуальных, мотивационных, временных и иных видов ресурсов, чтобы достигать показателей развития, по которым университет признается эффективным. Но все проблемы нельзя списывать только на нехватку возможностей. Показатели уже сами по себе есть провокация к искажениям академической реальности. Это проистекает от глубокого разрыва сущности управленческой работы и научно-образовательной деятельности. Управление, согласно менеджеристскому подходу, есть поточный процесс складывания цифр из формализованных результатов. А наука и образование есть воспроизводство блага, каждая единица которого требует индивидуальной оценки. Однако в менеджеристской управленческой модели преподаватель оказался в полной зависимости от управленца, индифферентного к смыслам того, чем он управляет. Сознательно или бессознательно эффективные менеджеры требуют результата любой ценой, предпочитая игнорировать вопрос качества создаваемых благ. Подобные требования не могут проходить бесследно для профессиональной этики. Постепенно она деформируется, подстраиваясь под систему наказаний и поощрений. В конечном итоге, имитация трудовой деятельности оказывается нормой.

Основная цель нормативно-подушевого финансирования – устранить из рынка образовательных услуг университеты, не способные сделать необходимый минимум по КРІ. Это т.н. процедура квазибанкротства. Вполне вероятно, что власти рассчитывали на «честную» конкуренцию, итогом которой станет ликвидация «слабых» вузов. Если это так, то данный управленческий прием нельзя не признать виртуозным. Политически более правильно не закрывать университеты административными распоряжениями, а поставить их в такие условия, в которых они сами не смогут существовать. Но ожидать от вузов самороспуска – очень наивно. Образовательные организации, не способные выполнить показатели, просто приспособились. И смеем предположить, таковых подавляющее большин-

ство. Массовые фальсификации в условиях катастрофической нехватки ресурсов – всего лишь результат адаптации к изначально дискриминационным обязательствам.

С указанной точки зрения вопрос не в том, какие показатели являются правильными или неправильными, а также не в их удельной стоимости в баллах относительно университетского рейтинга. Так или иначе при необходимости они все будут фальсифицироваться. Если же оставить только те, которые менее всего подвержены искажению, тогда нарушится базовый принцип КРІ, предложенный еще П. Друкером, о системном охвате показателями всех сторон деятельности организации. И это уже приговор для менеджеристской модели управления как такой, основания для перехода к иным управленческим подходам.

Альтернативой финансированию по результатам, иными словами, – НПФ, может служить только один метод – затратный. Это традиционная форма финансирования некоммерческого сектора, которая повсеместно применялась в доменеджеристскую эпоху, т. е. до середины 1980-х. Он основан на точном расчете затрат на все виды и направления профессиональной деятельности, которые признаны государством целесообразными для общества в определенный момент времени. Затратный метод, разумеется, имеет свои недостатки, но нормативно-подушевое финансирование в том виде, в котором оно действует сейчас, это игра на государственные деньги по нечестным правилам. Одни на этой игре зарабатывают и делают карьеры, а другие – вынуждены воспроизводить социально бессмысленные результаты. Фундаментальная ошибка создателей НПФ – формальное перенесение правил рыночной экономики в общественный сектор. Между тем обществу нужны не только высокостатусные, но и остальные вузы. Все они выполняют социально значимые функции: учат и воспитывают молодежь. И чтобы прийти к этому простому выводу, не нужно уничтожать всю систему высшего образования.

Таким образом, мы выявили зависимость между управленческим содержанием нормативно-подушевого финансирования, как основного инструмента государственной поддержки университетов, и деструктивными социальными эффектами от его применения. Разрушение высшего образования проявляется в существенном снижении мотивации к образовательной деятельности у преподавателей и студентов, имитационном развитии ДПО, внедрении ведущих к снижению качества образования форм преподавания (сетевое, онлайн обучение), отождествлении обучающихся с единицей финансирования, восприятием ценности образования через доходы выпускников вместо его социальной значимости, а ценности науки – по результатам ее монетизации. НПФ разрушает профессиональную этику: снижает ценность преподавательского труда, учит хитрить и изворачиваться, создавать видимость работы там, где ее реально нет, превращает в привычные те действия, которые еще не так давно считались порочными и за которые было стыдно.

Библиографический список

1. Амирханян Л. Г., Амирханян А. Г. и др. Разработка многокритериальной модели распределения контрольных цифр приема // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2023. Т. 14. № 6. С. 169–185. DOI: 10.12731/2658-4034- 2023-14-6-169-185; EDN: VWINVE.
2. Берсеров Т. Б. Стимулирование предпринимательской активности как менеджеристский инструмент управления высшей школой // *Caucasian Science Bridge*. 2021. Т. 4. № 1. С. 76–83. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.1.8; EDN: CMGDJY.
3. Богданова О. В. Влияние менеджеристской модели управления университетами на институционализацию дополнительного образования // *Caucasian Science Bridge*. 2023. Т. 6. № 4. С. 57–64. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.5; EDN: FPKKHX.
4. Боровская М. А., Ястребова О. К. и др. Групповые нормативы затрат по специальностям и направлениям подготовки как ключевой этап реформы финансирования вузов // *Высшее образование в России*. 2012. № 6. С. 3–14. EDN: OZPHMB.
5. Васюнина М. Л., Филатова Д. Д. Финансовое обеспечение высшего образования в России // *Муниципальная академия*. 2018. № 3. С. 89–92. EDN: VMHXYW.
6. Вольчик В. В., Фурса Е. В. и др. Институциональная и организационная структуры дополнительного профессионального образования в Ростовской области // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2016. № 4. С. 79–91. EDN: XDYGAD.
7. Друкер П. Практика менеджмента / Пер. с англ. И. Веригина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 299 с.
8. Дятлов А. В., Ковалев В. В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов // *Вестник Института социологии*. 2023. Т. 14. № 2. С. 70–91. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.3; EDN: RGIKSM.
9. Иванова И. В., Мороз И. Н. Возможности и проблемы цифровизации высшего образования // *Высшее образование сегодня*. 2022. № 5-6. С. 30–35. DOI: 10.18137/RNU.NET.22.05-06.P.030; EDN: FYFCIA.
10. Кизиль Е. В., Нагаев Г. В., Усанов И. Г. Совершенствование методического обеспечения формирования и распределения финансовых ресурсов высшего образовательного учреждения в Российской Федерации // *Вестник КемГУ. Сер.: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 331–341. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-3-331-341; EDN: MWHYNU.
11. Ковалёв В. В., Дятлов А. В. Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления // *Наука. Культура. Общество*. 2024. Т. 30. № 2. С. 37–51. DOI: 10.19181/nko.2024.30.2.3; EDN: TDOEUA.

12. Ковалёв В. В., Дятлов А. В. Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления (на примере вузов юга России) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 849–869. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869; EDN: TKARIN.
13. Ковалёв В. В., Дятлов А. В. Ресурсообеспеченность преподавателей российских университетов в условиях реализации менеджеристской политики // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2024. № 4. С. 196–217. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-196-217; EDN: GOVYBK.
14. Лисутин О. А. О влиянии внешних факторов на распределение бюджетных контрольных цифр приема между вузами // *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. 2022. № 2(34). С. 122–132. EDN: TOSORM.
15. Малинецкий Г. Г., Подлазов А. В. ЕГЭ как катализатор кризиса российского образования // *Вестник Московского ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование*. 2011. № 3. С. 18–58. EDN: OWGATD.
16. Михель А. А. Выбор моделей интегрального оценивания при конкурсном распределении контрольных цифр приема в системе высшего образования // *Вестник Воронежского института высоких технологий*. 2015. № 14. С. 40–50; EDN: TZQPVN.
17. Нуриева Л. М., Киселев С. Г. Распределение контрольных цифр приема в вузы: проблемы конкурсного отбора // *Образование и наука*. 2019. Т. 21. № 6. С. 46–71. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-6-46-71; EDN: TLCBOB.
18. Осборн Д., Геблер Т. Обновленное правительство. М.: РГСУ, 2009. 311 с.
19. Пунанцев А. А. О соблюдение общедоступности образования в условиях нормативно-подушевого финансирования // *Среднее профессиональное образование*. 2018. № 11. С. 20–25; EDN: YTQOMP.
20. Романов Е. В. Феномен утраты неявного знания высшей школой: причины и последствия. Часть II // *Образование и наука*. 2019. Т. 21. № 5. С. 62–86. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-5-62-86; EDN: BSVPLA.
21. Смык А. Ф., Прусова В. И. и др. Анализ масштаба и причин отсева студентов в техническом университете // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28. № 6. С. 52–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-52-62; EDN: MFLTMU.
22. Содномова С. К. Оценка внедрения нормативно-подушевого финансирования на примере учреждений образования // *Мир экономики и управления*. 2018. Т. 18. № 4. С. 101–111. DOI: 10.25205/2542-0429-2018-18-4-101-111; EDN: VSBUZE.
23. Студенцов В. Б. Два течения в социальной философии британского неоконсерватизма // *Вопросы философии*. 1985. № 2. С. 103–114.
24. Тьерри Ж. Л. Маргарет Тэтчер / Пер. с фр. Ю. М. Розенберг. М.: Молодая гвардия, 2010. 528 с.

25. Федюлин А. А., Минаев В. А. Распределение контрольных цифр приема студентов в контексте эффективности деятельности вузов // Высшее образование сегодня. 2014. № 2. С. 25–28; EDN: RZCXGV.

26. Considine M. The corporate management framework as administrative science: a critique // Australian Journal of Public Administration. 1988. Vol. 47. № 1. P. 7–15.

27. Meier K. J. Public Administration Theory and Applied Economies: Some Intemperate Remarks // Administration and Politics: The Newsletter for the Section on Public Administration of the American Political Science Association. 1993. № 3. С. 3–6.

Получено редакцией: 23.04.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления

Ковалёв Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.11

On the Social Effects of the Managerial Approach and Per-Capita Normative Financing of Higher Education

Alexander V. Dyatlov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

avdyatlov@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5914-4744

Vitaly V. Kovalev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

vitkovalev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8439-3117

For citation: Dyatlov A. V., Kovalev V. V. On the Social Effects of the Managerial Approach and Per-Capita Normative Financing of Higher Education. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 203–228. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.11; EDN: HBXJLF.

Abstract. The article examines the use of per-capita normative financing as a type of managerial rating adopted in the system of inter-university competition and its impact on the situation in the Russian higher education system. The objective of the study is to identify the interconnection between the managerial content of per-capita normative financing, as the main instrument of state support for universities, and the destructive social effects of its application. The authors demonstrate that the theoretical foundations of this approach to education financing are based on the ideas of state managerialism, developed to adapt corporate management methods to the needs of the non-profit sector.

The main objective of per-capita normative financing is to reduce state budget expenditures by depriving low-ranked universities of budgetary allocations by not allocating them admission quotas. The article provides a qualitative and quantitative measurement of the social effects of this managerial tool. Research methods: document analysis; mass survey of faculty; in-depth interviews with faculty working in pre-university training departments; in-depth interviews with faculty responsible for ensuring employment indicators. It was found that all indicators for standard per capita funding were divided into three categories: socially significant, achieved through imitation; useless, achieved through imitation; and those posing a real threat to the quality of education. Most KPIs are falsified to varying degrees because universities lack the resources to achieve them. The potential for distorted indicators stems

from a profound disconnect between the essence of management work and scientific and educational activities. Management is a continuous process of adding up numbers and formalising processes. Science and education are the reproduction of a good, each unit of which requires individual assessment. In the managerialist management model, teachers find themselves completely dependent on a manager indifferent to the meaning of what they manage. Consciously or unconsciously, effective managers demand results at any cost, preferring to ignore the issue of the quality of the goods created. The main goal of normative per capita funding is to eliminate universities unable to meet the required minimum KPIs from the educational services market. Therefore, widespread fraud, amid resource constraints, resulted from adaptation to inherently discriminatory obligations.

The authors conclude that regional universities lack the capacity to meet the Ministry of Education and Science's proposed KPIs for normative per capita funding, creating the risk of imitation and leading to a decline in the quality of the educational process, as well as a loss of universities' social value, that could pose serious risks to the country's development.

Keywords: universities, normative per capita financing, KPIs, indicators, imitation, falsification, managerialism, state managerialism

References

1. Amirkhanyan L. G., Amirkhanyan A. G. et al. Development of a multi-criteria model for the distribution of admission control figures. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2023: 14(6): 169–185 (in Russ.). DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-6-169-185; EDN: VWINVE.
2. Berserov T. B. Stimulating entrepreneurial activity as a managerial tool for managing higher education. *Caucasian Science Bridge*, 2021: 4(1): 76–83 (in Russ.). DOI: 10.18522/2658-5820.2021.1.8; EDN: CMGDJY.
3. Bogdanova O. V. The influence of the managerial model of university management on the institutionalization of additional education. *Caucasian Science Bridge*, 2023: 6(4): 57–64 (in Russ.). DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.5; EDN: FPKKHX.
4. Borovskaya M. A., Yastrebova O. K. et al. Gruppovye normativy zatrat po special'nostyam i napravleniyam podgotovki kak klyuchevoj etap reformy finansirovaniya vuzov [Group cost standards for specialties and training areas as a key stage in the reform of university financing]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2012: 6: 3–14 (in Russ.). EDN: OZPHMB.
5. Vasyunina M. L., Filatova D. D. Financial support of higher education in Russia. *Municipal'naya akademiya*, 2018: 3: 89–92 (in Russ.). EDN: VMHXYW.
6. Volchik V. V., Fursa E. V. et al. Institutional and organizational structures of additional professional education in the Rostov region. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2016: 4: 79–91 (in Russ.). EDN: XDYGAD.
7. Drucker P. The practice of management. Transl. from Eng. by I. Verigina. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2015: 299 (in Russ.).
8. Dyatlov A. V., Kovalev V. V. Efficiency of management of higher education in Russia in the practice of using managerial tools. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14(2): 70–91 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.3; EDN: RGIKSM.
9. Ivanova I. V., Moroz I. N. Opportunities and problems of digitalization of higher education. *Vysshee obrazovanie segodnya*, 2022: 5-6: 30–35 (in Russ.). DOI: 10.18137/RNU.HET.22.05-06.P.030; EDN: FYFCIA.
10. Kizil E. V., Nagaev G. V., Usanov I. G. Improving methodological support for the formation and distribution of financial resources of higher educational institutions in the Russian Federation. *Vestnik KemGU. Ser.: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022: 7(3): 331–341 (in Russ.). DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-3-331-341; EDN: MWHYNU.
11. Kovalev V. V., Dyatlov A. V. Subjectivity of the academic community in the context of managerial management. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 2024: 30(2): 37–51 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2024.30.2.3; EDN: TDOEUA.
12. Kovalev V. V., Dyatlov A. V. Professional culture of teachers in the context of managerial management (on the example of universities in the south of Russia). *Oriental Studies*, 2024: 17(4): 849–869 (in Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869; EDN: TKARIN.
13. Kovalev V. V., Dyatlov A. V. Resource availability of Russian university teachers in the context of the implementation of managerial policy. *Byulleten Kalmyckogo nauchnogo centra RAN*, 2024: 4: 196–217 (in Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-196-217; EDN: GOVYBK.

14. Lisutin O. A. On the influence of external factors on the distribution of budget admission control figures between universities. *Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta*, 2022: 2: 122–132 (in Russ.). EDN: TOSORM.
15. Malinetsky G. G., Podlazov A. V. USE as a catalyst for the crisis of Russian education. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, 2011: 3: 18–58 (in Russ.). EDN: OWGATD.
16. Mikhel A. A. Vybor modelej integral'nogo ocenivaniya pri konkursnom raspredelenii kontrol'nyh cifr priema v sisteme vysshego obrazovaniya [The choice of integral assessment models in the competitive distribution of admission control figures in the higher education system]. *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokih tekhnologij*, 2015: 14: 40–50 (in Russ.). EDN: TZQPVN.
17. Nurieva L. M., Kiselev S. G. Distribution of control figures for admission to universities: problems of competitive selection. *Obrazovanie i nauka*, 2019: 21(6): 46–71 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2019-6-46-71; EDN: TLCBOB.
18. Osborn D., Gebler T. The renewed government. Moscow, RGSU, 2009: 311 (in Russ.).
19. Punantsev A. A. On the observance of the accessibility of education in the context of regulatory per capita financing. *Srednee professional'noe obrazovanie*, 2018: 11: 20–25 (in Russ.). EDN: YTQOMP.
20. Romanov E. V. The phenomenon of loss of implicit knowledge by higher education: causes and consequences. Part II. *Obrazovanie i nauka*, 2019: 21(5): 62–86 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2019-5-62-86; EDN: BSVPLA.
21. Smyk A. F., Prusova V. I. et al. Analysis of the scale and causes of student dropout at a technical university. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2019: 28(6): 52–62 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-52-62; EDN: MFLTMU.
22. Sodnomova S. K. Assessment of the implementation of per capita regulatory financing using the example of educational institutions. *Mir ekonomiki i upravleniya*, 2018: 18(4): 101–111 (in Russ.). DOI: 10.25205/2542-0429-2018-18-4-101-111; EDN: VSBUZE.
23. Studentsov V. B. Dva techeniya v socialnoi filosofii britanskogo neokonservatizma [Two trends in the social philosophy of British neoconservatism]. *Voprosy filosofii*, 1985: 2: 103–114 (in Russ.).
24. Thieriot J. L. Margaret Thatcher. Transl. from Fr. by Rosenberg Yu. M. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2010: 528 (in Russ.).
25. Fedulin A. A., Minaev V. A. Raspredelenie kontrol'nyh cifr priema studentov v kontekste effektivnosti deyatel'nosti vuzov [Distribution of student admission control figures in the context of the effectiveness of universities]. *Vysshee obrazovanie segodnya*, 2014: 2: 25–28 (in Russ.). EDN: RZCXGV.
26. Considine M. The concept of corporate governance as an administrative science: a critique. *The Australian Journal of Public Administration*, 1988: 47(1): 7–15.
27. Meyer K. J. Theory of Public Administration and Applied Economics: a few unrestrained remarks. *Administration and Politics: Newsletter of the Public Administration Section of the American Association of Political Sciences*, 1993: 3: 3–6.

The article was submitted on: April 23, 2025

INFORMATON ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Dyatlov, Doctor Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management

Vitaly V. Kovalev, Doctor Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology

Трибуна молодого ученого

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12

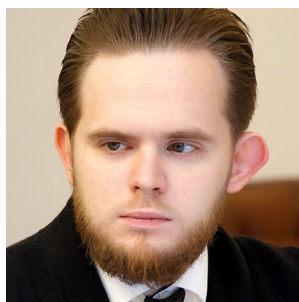
EDN: KFPBTV

Восприятие населением России противоречия между богатыми и бедными: динамика и факторы

Ссылка для цитирования: Дудин И. В. Восприятие населением России противоречия между богатыми и бедными: динамика и факторы // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 229–252. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12; EDN: KFPBTV.

For citation: Dudin I. V. Perceptions of the Rich-Poor Contradiction by the Russian Population: Dynamics and Factors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 229–252. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12; EDN: KFPBTV.

**Дудин
Илья Васильевич^{1,2}**

¹НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

dudiniv99@mail.ru

SPIN-код: 3798-0076

Аннотация. Противоречие между богатыми и бедными всегда являлось одним из наиболее болезненных для рядовых россиян, а их отношение к нему заметно влияло на уровень социальной напряженности в обществе и степень консолидированности общества. Учитывая значимость этой проблематики в условиях обострения внешних вызовов для нашей страны в последние годы, в статье на данных репрезентативных общероссийских исследований ИС ФНИСЦ РАН 2005, 2015 и 2024 гг. предпринята попытка показать, как менялось восприятие данного противоречия в последние десятилетия, а также какие именно факторы обуславливают болезненность его восприятия в современной России. В качестве основных методов исследования были использованы динамический и сравнительный анализ, а также различные версии корреляционного анализа. Показано, что популярность противоречия между богатыми и бедными за последние два десятилетия снизилась вдвое, и в 2024 г. оно стало третьим по упоминаемости. Двумя главными факторами, обостряющими его восприятие и действующими во взаимосвязи, выступают невозможность реализации желаемых стандартов повседневного бытия и ощущение несправедливости сложившихся в обществе «правил игры», порождающее ощущение бессилия и невозможности что-то самостоятельно изменить в своей жизни. При этом стандарты, о которых идет речь, достаточно скромны и относятся прежде всего к питанию, одежде и отдельным немонетарным сторонам жизни (возможности самому что-то в ней изменить, доступу к медицинской помощи и т. п.). Показано также, что именно субъективные (т. е. относящиеся к восприятию ситуации в обществе в целом и своего места в нем в частности), а не объективные характеристики человека имеют решающее значение для восприятия им противоречия между богатыми и бедными как одного из наиболее острых, влияя даже на электоральное поведение. Из объективных же факторов наибольшее значение имеют в порядке убывания значимости наличие в домохозяйстве хронических больных с ограниченной трудоспособностью, не

имеющих статуса инвалидов; принадлежность к низко- и неквалифицированным рабочим; низкий среднедушевой доход и пожилой возраст.

Ключевые слова: социальные противоречия, межгрупповые конфликты, межгрупповые противоречия, консолидация общества, социальная напряженность, массовое сознание, богатые и бедные

У каждого общества в зависимости от опыта его исторического развития есть свои особенности с характерными для него социальными противоречиями. Однако есть противоречие, которое в том или ином виде существует практически в любом обществе – неравенство экономических возможностей. Обычно его обозначают как противоречие между богатыми и бедными. Многие исследователи изучали влияние этого противоречия на социальные процессы, а также особенности его проявления в различных типах обществ. Привлекали их внимание и вопросы восприятия его людьми, и факторы, определяющие это восприятие, ведь одна и та же глубина неравенств может по-разному восприниматься не только в разных странах, но и в разных регионах одной страны. Особенно значимо понимание специфики восприятия этого противоречия в периоды усиления внешних вызовов, когда растет потребность в консолидации общества, для которой раскол по линии богатые/бедные представляет одну из наиболее значимых угроз.

Исходя из этого целью нашего исследования выступила оценка сравнительной роли различных факторов восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными и были поставлены следующие задачи:

1. Оценить место этого противоречия во взглядах россиян на наиболее острые противоречия российского общества и динамику его места.
2. Выделить на основе корреляционного и содержательного анализа объективные и субъективные факторы, способствующие острому восприятию противоречия между богатыми и бедными.
3. Оценить сравнительную значимость этих факторов, в т.ч. для выделяемых по различным основаниям полярных социальных групп.

Объектом исследования стало массовое сознание, а предметом – субъективные и объективные факторы, влияющие на восприятие россиянами рассматриваемого противоречия.

Методологические основания и методы исследования

Традиция изучения проблематики межгрупповых противоречий вообще, и, в частности, противоречий между богатыми и бедными насчитывает тысячелетия. Не уходя в историю вопроса, отметим, что для современных западных исследователей характерен интерес прежде всего

к глобальным формам проявления этого противоречия. Так, в исследованиях У. Бека содержится анализ разрыва между богатыми и бедными обществами. Автор выделяет страны, распределяющие богатства, и страны, распределяющие риски [2]. Э. и П. Даль Бё также обращают внимание на то, что противоречие между богатыми и бедными играет ключевую роль в формировании любых социальных конфликтов в современном мире на международном уровне, а не только на страновом [20].

С методологической точки зрения важно и то, что в последние десятилетия при анализе данного противоречия внимание обращается уже не столько на монетарные, сколько на немонетарные неравенства, связанные с различными видами рисков и деприваций. Поэтому противоречие между богатыми и бедными все чаще приобретает вид антитезы «благополучные vs неблагополучные». Тем не менее, исследования в классическом русле изучения монетарных неравенств и сейчас очень популярны. Одним из главных современных исследователей причин и видов монетарных неравенств, ведущих к поляризации бедности и богатства, является Т. Пикетти, сделавший в работе «Капитал в XXI в.» вывод, что неравенство в капитале всегда намного глубже, чем неравенство в труде [15]. При этом Т. Пикетти отрицал влияние «конфликта поколений» на ощущение противоположности богатства и бедности, о роли которого для восприятия межгрупповых противоречий вообще и этого в частности говорил М. Кастельс [8]. Дифференциация объемов собственности, по мнению Т. Пикетти, почти так же высока внутри каждой из возрастных групп, как и среди населения в целом. Иными словами, «война поколений» не приходит на смену классовой войне. При этом накопленный капитал воспроизводит сам себя быстрее, чем увеличиваются производство и зарплаты. Это ведет к усилению господства богатых над теми, кто владеет лишь своей рабочей силой, и с каждым поколением, при передаче богатства по наследству, эта тенденция усиливается. Так «прошлое пожирает будущее» [15, с. 666].

Если же говорить о роли для восприятия противоречия между богатыми и бедными уровня индивидуального дохода, то необходимо вспомнить Р. Истерлина, обнаружившего в ходе крупного межстранового исследования, что этот показатель имеет значение для ощущения собственного благополучия лишь до определенного момента, после чего относительно большее значение приобретает его субъективное восприятие [22]. Это явление получило название «Парадокс Истерлина». В развитие этой линии анализа Е. Динер и Р. Бисвас-Динер обнаружили, что экономический рост и увеличение индивидуальных доходов в развитых странах не сопровождаются ростом субъективного благополучия [21]¹. Обращал Р. Истерлин внимание и на связь восприятия любых социальных явлений с индивидуальным здоровьем [23].

Нельзя не упомянуть в этом контексте и о важности для восприятия противоречия между богатыми и бедными индивидуальной социальной мобильности и «туннельного эффекта», описанного А. Хиршманом [24]. Его

¹ Эту же закономерность на российских данных фиксировали отечественные исследователи [3; 18].

смысл сводится к тому, что вероятность восходящей социальной мобильности, которую человек наблюдает на примере своего окружения, повышает его толерантность к любым проявлениям социальных неравенств.

Таким образом, с методологической точки зрения при анализе восприятия данного противоречия надо учитывать не только степень благосостояния населения, которая должна быть в стране при определенном уровне ее экономического развития, но и глубину существующих в ней неравенств, их причины и специфику доходного распределения. Как уже было показано российскими исследователями [9; 10; 12; 13], для России в этом плане характерно неглубокое социальное неравенство в массовых слоях населения¹. При этом зафиксирован очень большой отрыв «верхушки» общества² от его остальной части, сравнительно невысокие при уровне экономического развития страны зарплаты и пенсии³, а также нелегитимность сложившейся модели доходных неравенств в общественном сознании [11].

Таким образом, с точки зрения факторов, определяющих восприятие противоречия между богатыми и бедными, в литературе представлен довольно большой спектр мнений. В их числе возраст, субъективное материальное благополучие, различные немонетарные характеристики жизни, здоровье, вектор социальной мобильности и т. д. Все это мы постарались учесть при выработке методологии нашего исследования.

Если же говорить о ситуации с восприятием противоречия между богатыми и бедными в России, то в основном отношение к социально-экономическим неравенствам связывается исследователями с ролью для него объективного и субъективного благополучия, включая возможность самостоятельно справиться со своими проблемами. Немаловажными, по мнению исследователей [9; 11; 12], являются соответствие доходов уровню запросов, «справедливость» их уровня или же роль для последнего

¹ Эта особенность системы распределения доходов сохраняются в нашей стране и сейчас. Так, по данным ФСГС РФ, децильный коэффициент составлял в 2023 г. всего 7,0 (при том, что в 2013 г. он был 7,3) (ФСГС РФ. Официальный сайт. Табл. Децильный коэффициент (соотношение минимальных доходов 10% наиболее обеспеченного населения и максимальных доходов 10% наименее обеспеченного населения). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 02.06.2025)).

² Эта «верхушка» традиционно немногочисленна, а в последние годы даже сокращается. Так, хотя число миллиардеров в России увеличилось в 2024 г. на 28 человек и достигло 146 человек (URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/510650-125-milliardero-rossii-rejting-forbes-2024> (дата обращения: 02.06.2025)), но число численность долларовых миллионеров сократилась на четверть и составила всего 68,4 тыс. (URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/01/2024/65b8ce659a79477ea2627f2c> (дата обращения: 02.06.2025)).

³ Так, хотя среднемесячная заработная плата составляла, например, в 1 квартале 2023 г. 74854 руб. (ФСГС РФ. Официальный сайт. Табл. Среднемесячная номинальная численная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2025 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 02.06.2025)), но при этом практически половина работающих получала зарплату менее 50 тыс. рублей (ФСГС РФ. Официальный сайт. Табл. Средняя заработная плата по 10-процентным группам работников организаций (без субъектов малого предпринимательства). URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 02.06.2025)). Что же касается страховых пенсий по старости, то их средний размер у неработающих пенсионеров составил в 1 квартале 2025 г. 24 059,12 руб. (URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/66b60ba29a7947be30eacb18> (дата обращения: 02.06.2025)).

социальной мобильности, поскольку поднявшиеся по «социальной лестнице» легче относятся к существующему неравенству, чем «сползающие» по ней вниз [5]. Однако, как правило, речь при этом идет о восприятии неравенств в целом, а не об отношении к противоречию между богатыми и бедными, которое в нашей стране практически не становилось в последние десятилетия предметом изучения. К числу немногих исключений можно отнести лишь отдельные работы [1; 6; 7; 8; 12], в которых рассматривалась специфика восприятия межгрупповых противоречий (в том числе и этого) разными группами россиян и динамика отношения к ним, а также была дана их типологизация. Возможно, это связано с тем, что линия социального напряжения, показанная еще в начале 2000-х гг., проявляется в России не столько в антагонизме «бедности и богатства», сколько в плоскости нелегитимности, «неправедности» богатства [17].

Такое восприятие отчасти оправдано. Несмотря на способствовавший смягчению остроты ощущения противоречия между богатыми и бедными, рост уровня жизни в России до 70–75% к 2010-м гг. (при 60–65% в 1990-х гг.) от средних западноевропейских значений, он был сильно дифференцирован по группам и формировался преимущественно за счет роста доходов верхних 10% (и особенно верхнего 1%) населения [25]. Причем, как предположил Т. Пикетти с коллегами, глубочайшее неравенство между «верхушкой» общества и его массовыми слоями кажется россиянам хоть сколько-то приемлемым, если олигархи в целом лояльны к российскому государству и национальным интересам [25]. На крайнюю неравномерность распределения совокупного роста доходов и ее нелегитимность в глазах россиян обращали внимание и другие авторы [12; 13; 16]. Придерживающиеся этой же точки зрения И. И. Корчагина и Л. М. Прокофьева выделяют также особую важность для восприятия социально-экономических неравенств таких факторов, как состояние здоровья и доступ к качественной медицинской помощи или доступность хорошего образования [9].

При выработке методологических подходов к нашему исследованию особую роль сыграло понимание необходимости использовать максимально полный список не только особенностей благосостояния человека в его объективной и субъективной формах или такие характеристики как возраст, состояние здоровья, вектор индивидуальной социальной мобильности и т. п., но и широкий спектр особенностей мировоззрения человека и его оценок происходящего в стране. Методически это означало необходимость анализа связей этого отношения со многими десятками переменных. Оптимальным для решения этой задачи является корреляционный анализ, причем для надежности полученных выводов были использованы разные его виды. Другими методами исследования послужили динамический и сравнительный анализ. Использовался также анализ таблиц сопряженности признаков со скорректированными стандартизированными остатками в программе SPSS Statistics.

Эмпирической базой исследования стали данные Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Использовались данные опросов, проходивших в октябре 2015 г. ($n = 4000$) и апреле 2024 г. ($n = 2000$), состав-

ленных по общероссийской квотной выборке, репрезентирующей население страны от 18 лет и старше. На первой ступени формирования выборки районирование осуществляется по федеральным округам. Вторая ступень предполагает выделение в составе каждого федерального округа типичных для него субъектов РФ. На третьей ступени внутри субъектов РФ на основе статистических данных рассчитываются квоты по типам поселений. На четвертой ступени, также на основе данных ФСГС РФ, определяются квоты по полу и возрасту. Наряду с данными Мониторинга использовались также данные исследования Института социологии РАН «Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность», проходившего в апреле 2005 г. ($n = 1750$). Выборка в этом исследовании строилась по тем же принципам, но вместо федеральных округов на первой ступени брались территориально-экономические районы в соответствии с районированием ФСГС РФ. Подробнее о выборках этих исследований см. [16].

Выделение соответствующих временных точек для исследования обуславливалось наличием необходимого для анализа эмпирического материала, а также стремлением использовать сопоставимые временные отрезки и рассмотреть восприятие противоречия между богатыми и бедными в разных условиях. Напомним, что весна 2005 г. являлась относительно спокойным периодом с точки зрения экономической ситуации, но для нее были характерны протесты против проведенной с 1 января 2005 г. монетизации льгот. Осень 2015 г. – период тяжелого экономического кризиса, вызванного западными рестрикциями против России в связи с украинскими событиями и присоединением Крыма. Весна 2024 г. – период СВО и беспрецедентной конфронтации России с НАТО и вообще Западом.

Восприятие россиянами остроты противоречия между богатыми и бедными и его динамика в 2005–2024 гг.

Оценить восприятие россиянами остроты противоречия между богатыми и бедными можно на фоне их оценок остальных межгрупповых противоречий в российском социуме при анализе ответов на вопрос: «Между какими группами российского общества существуют сегодня наиболее острые противоречия?»¹. Как видно на рис. 1, данное противоречие в 2024 г. называлось как одно из наиболее острых примерно каждым четвертым респондентом и заняло третье место по упоминаемости. Самым же острым, по мнению россиян, оказалось противоречие между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины.

¹ При ответе на данный вопрос можно было выбрать до 3 вариантов ответа или же вариант «никаких острых противоречий нет».

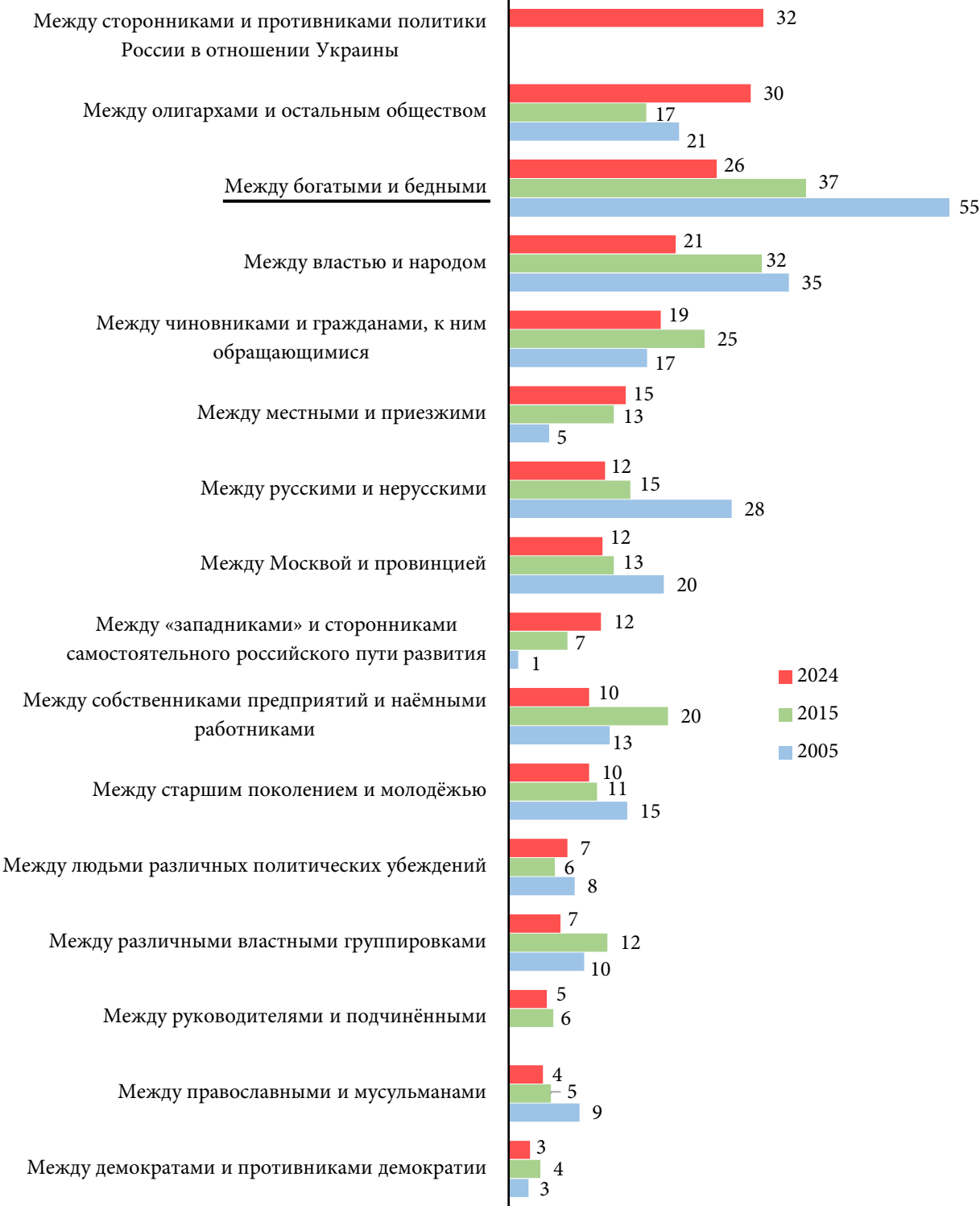

Рис. 1. Динамика ответов россиян на вопрос:
«Между какими группами российского общества
сегодня существуют наиболее острые противоречия?», 2005–2024 гг.,
% (отранжировано по данным 2024 г.)

Figure 1. Dynamics of Russians’ answers to the question
“Between which groups in Russian society today are there the most acute contradictions?
Between which groups of Russian society today are there the most acute contradictions?”,
2005–2024, % (ranked by 2024 data)

Вторым по упоминаемости стало противоречие между олигархами и остальным обществом, приобретшее в условиях СВО иной смысл, чем ранее. Вспомним в этой связи упоминавшееся выше предположение Т. Пикетти и его коллег о том, что огромный отрыв олигархов от остального общества кажется приемлемым для большинства россиян, пока олигархи лояльны к национальным интересам [25]. Однако после начала СВО, в связи с рестрикциями со стороны стран Запада, часть экономической элиты заняла по крайней мере противоречивую позицию по отношению к государственной политике, что способствовало актуализации противоречия между ними и остальным обществом. Таким образом, с началом СВО разрыв между олигархами и основной массой населения стал иметь уже не только экономическую, но и идеологическую основу. При этом противоречие между богатыми и бедными, напротив, потеряло в популярности за последние два десятилетия вдвое, что можно связать со смещением фокуса общественного внимания на противоречия идеологического характера и патриотической позицией многих представителей состоятельных слоев.

Важно отметить, что блок противоречий экономического характера¹, включавший противоречия между богатыми и бедными, олигархами и остальным обществом, Москвой и провинцией, а также собственниками предприятий и наемными работниками, традиционно является самым важным для россиян: более половины опрошенных в 2024 г. определяли хотя бы одно экономическое противоречие как острое. В то же время отчетливо прослеживается снижение остроты этой группы противоречий под влиянием консолидации российского общества в условиях внешних угроз (рис. 2) и улучшения материального положения значительной части массовых слоев населения с середины 2000-х гг. Конечно, может показаться, что на ослабление болезненности восприятия экономических противоречий влияет в том числе постепенная смена поколений и, соответственно, ослабевающий уровень влияния советской идеологии. Однако даже представители старших поколений не демонстрируют отклонений от общих тенденций в этом отношении. Значит дело не в этом, а, как будет показано далее, в характерных для России представлениях о справедливости. Что же касается противоречий политико-административного² и социокультурного³ характера, то их восприятие тоже заметно потеряло свою остроту с 2005 г., хотя они все еще беспокоят значительную часть россиян.

Если говорить о социальных группах, воспринимающих противоречие между богатыми и бедными острее остальных, то в 2005 г. выделялись три таких группы. Первая – жители сел, которые упоминали его в числе трех наиболее острых в 64,6% случаев. Вторая – россияне, которые на тот момент не были заняты в экономике, и прежде всего неработающие пенсионеры (63,6%). Третья – оценивающие свое материальное благопо-

¹ Более подробно о классификации противоречий см. [6].

² Т. е. противоречий между властью и народом, между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, между различными властными группировками.

³ Т. е. противоречий между местными и приезжими, между русскими и нерусскими, между православными и мусульманами.

лучие как плохое (59%). Однако к 2015 г. все эти группы стали воспринимать данное противоречие заметно спокойнее. Доля жителей сел, упомянувших его в числе трех наиболее острых, снизилась примерно на 30 п. п. (до 34,8%). У неработающих пенсионеров этот показатель упал до 36,9%, у субъективно неблагополучных он уменьшился до 43%. Причинами этого стали начавшаяся после «Крымской весны» консолидация российского общества, а также рост пенсий и постепенное улучшение условий жизни в селах за счет активного развития российского агросектора.

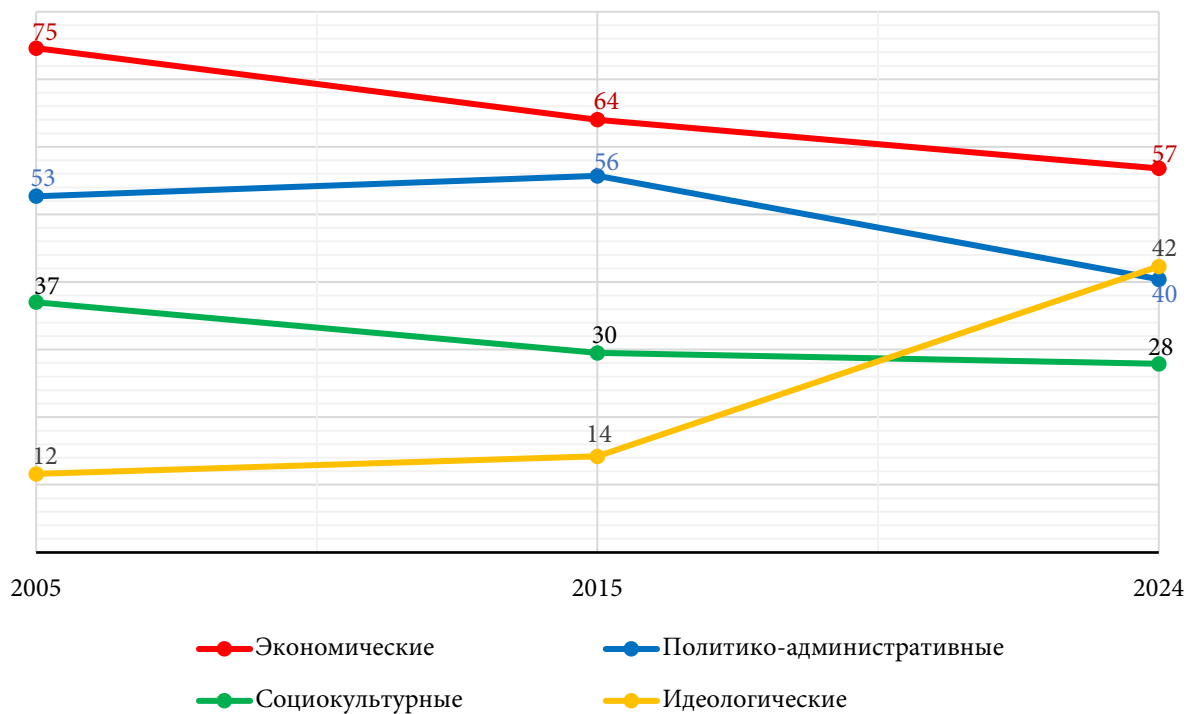

Рис. 2. Динамика доли выбиравших хотя бы одно противоречие в каждой из четырех рассматриваемых их групп, 2005–2024 гг., %

Figure 2. Dynamics of the share of those who chose at least one contradiction in each of the four groups under consideration, 2005–2024, %

Эта тенденция продолжилась и позже. Внимание жителей сел и неработающих пенсионеров к противоречию между богатыми и бедными снизилось к 2024 г. почти до средних по стране значений (26,1%). Сохранили свой интерес к нему и в условиях СВО субъективно неблагополучные – 38,4% выбора в 2024 г., хотя это все же на 4,5 п.п. меньше, чем в 2015 г., и на 20,6 п.п. – чем в 2005 г. В целом же восприятие массовыми слоями населения рассматриваемого противоречия в 2024 г. характеризовалось достаточно единодушным отношением к нему различных социальных групп. Таким образом, восприятие противоречия между богатыми и бедными в 2024 г. стало в сравнении с 2005 и 2015 гг. более спокойным и гомогенным, хотя оно по-прежнему входит, по мнению россиян, в тройку самых острых.

Какие же факторы влияют на остроту восприятия противоречия между богатыми и бедными на фоне консолидации общества?

Основные факторы восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными

Сравнительный анализ факторов восприятия противоречия между богатыми и бедными проводился нами несколькими методами. Прежде всего, учитывая большое количество детерминант, упоминающихся в литературе и неоднозначность вопроса их операционализации, был проведен анализ взаимосвязей всех переменных массива (общим число около 600) с упоминанием противоречия в числе наиболее острых для современного российского общества с помощью алгоритма Chaid¹. На основе его результатов и выявления примерно 10% переменных массива, имевших наиболее сильные статистически значимые связи с отношением респондентов к остроте рассматриваемого противоречия, применительно к этим переменным и отношением их к рассматриваемому противоречию были рассчитаны коэффициенты корреляции Спирмена. Также проводилось сравнение доли выбиравших соответствующее противоречие в полярных группах, выделенных по разным основаниям, в таблицах сопряженности. В целом этот анализ включил все характеристики, упоминавшиеся зарубежными и отечественными исследователями в связи с отношением населения к межгрупповым противоречиям вообще и рассматриваемым противоречиям в частности. При этом ряд из них оказался конкретизирован, а их общий список был расширен.

Согласно Chaid, наиболее значимым фактором болезненности восприятия этого противоречия является регион проживания, причем этот фактор не коррелирует ни с коэффициентом фондов, ни с коэффициентом Джини для соответствующих регионов по официальной статистике. В большей степени особенности его восприятия замыкаются, видимо, на специфику нормативно-ценностных систем их жителей. Однако углубленный анализ по региональному срезу нами не проводился в силу ограниченности численности выборки по каждому региону в отдельности.

Стало понятно также, что восприятие противоречия между богатыми и бедными слабо связано с политическими взглядами респондентов. Так, если человека волнует противоречие между богатыми и бедными, то его интерес к противоречиям политического характера или же к конфликтам России и странами «коллективного» Запада резко падает. Видимо, текущие материальные сложности отодвигают блок идеологических проблем в их сознании на периферию.

Что же касается других факторов болезненного восприятия противоречия между богатыми и бедными, то согласно Chaid выделились две основных их группы. Во-первых, некоторые мировоззренческие особенности остро воспринимающих данное противоречие, в частности **негативное восприятие ими динамики развития социально-экономической сферы**

¹ Алгоритм Chaid (Chi-square automatic interaction detection) используется для анализа статистической взаимосвязи переменных по показателям хи-квадрата. Он используется как рабочий инструмент для поиска взаимосвязи между большим числом переменных или построения деревьев классификации. Мы использовали первую из этих функций.

страны (убежденность в ухудшении ситуации в пенсионном обеспечении, уровне жизни населения, в сферах социальной справедливости и морали, ситуации в экономике и с коррупцией) за последние 10 лет.

К этой же группе факторов относятся и такие особенности представителей данной группы: чувство, что так дальше жить нельзя и ощущение несправедливости всего происходящего. Не случайно для упоминавших противоречие между богатыми и бедными в числе трех наиболее острых для современной России было характерно голосование на выборах Президента РФ в марте 2024 г. за выдвиженца КПРФ Н. М. Харитонов. Во-вторых, это характеристики, свидетельствующие о ярко выраженном **недовольстве своим положением** (как в целом, так и в отношении управляемости собственной жизнью, возможностей удовлетворения потребностей в питании, одежде, доступе к качественной медицинской помощи, в личной безопасности и т. п.).

Особо следует отметить также такую тесно связанную с остротой восприятия противоречия между богатыми и бедными характеристику жизни, как наличие в их домохозяйствах **хронических больных с ограничениями в трудоспособности**, но без инвалидности 1 или 2 групп. Их наличие в домохозяйствах заметно увеличивает расходы последних, что связано не только с ростом иждивенческой нагрузки или ограничениями для эффективной занятости остальных членов, но и со специфическими и не компенсируемыми за счет пенсии по инвалидности расходами на лекарства, уход и т. д.

Следующим шагом нашего анализа стала дополнительная проверка сравнительной значимости переменных, наиболее тесно связанных с восприятием противоречия между богатыми и бедными как острого, с помощью расчета коэффициентов корреляции Спирмена. В табл. 1 приведены значения этого коэффициента для 25 характеристик респондентов, которые при применении этого метода оказались наиболее значимыми и могли рассматриваться как факторы, влияющие на остроту восприятия рассматриваемого противоречия. Подчеркнем, что лидеры полученного списка и рейтинга, составленного при использовании алгоритма Chaid, практически совпадали, хотя порядок их разнился.

Как видно из таблицы 1, 19 из 25 сильнее всего коррелирующих с отношением к остроте восприятия противоречия между богатыми и бедными характеристик – это показатели, непосредственно относящиеся к месту индивидов в социально-экономических неравенствах; и в совокупности они довольно полно описывают восприятие ими своей жизни. Однако считать, что к болезненности восприятия этого противоречия ведет только неудовлетворенность собственной жизнью, тоже было бы преувеличением. Обычно недовольство ею срабатывает как механизм запуска восприятия противоречия между богатыми и бедными как острого лишь при связывании собственного плохого положения с несправедливостью устройства российского общества и ухудшении ситуации в нем по ряду параметров, относящихся к социальной сфере. Не случайно те, кто считал, что причиной бедности их личных знакомых была недостаточность социальных

пособий, называли противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых для современного российского общества вдвое чаще. В этом контексте становится понятнее и роль проблем со здоровьем как катализатора превращения недовольства своим положением в недовольство моделью социального неравенства, характерного сегодня для страны. Плохое здоровье, а особенно наличие в семье не получивших инвалидности тяжелых больных, не просто стимулирует ухудшение психологического состояния и рост общего недовольства «всеми на свете», но учитывая неизбежное ухудшение в этом случае уровня жизни семьи, стимулирует усиление чувства несправедливости сложившихся в обществе «правил игры».

Таблица 1 (Table 1)

Показатели коэффициента корреляции Спирмена для переменных, продемонстрировавших наиболее сильную связь с восприятием остроты противоречия между богатыми и бедными, 2024 г.¹
(отранжировано по показателям коэффициента корреляции Спирмена)
Spearman correlation coefficient values for variables that showed the strongest association with the perception of the severity of the rich-poor divide, 2024 (sorted by Spearman correlation coefficient)

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмена ²
Оценки изменений в пенсионном обеспечении в России за последние 10 лет	0,160**
Оценки изменений в уровне жизни населения в России за последние 10 лет	0,159**
Оценки своего материального положения	0,152**
Оценки своей жизни в целом	0,148**
Как часто испытывали ощущение, что так дальше жить нельзя	0,136**
Оценки своего питания	0,136**
Оценки своей возможности побывать в разных странах мира	0,135**
В домохозяйстве есть хронические больные с ограничениями трудоспособности, не являющиеся инвалидами 1 или 2 групп	0,131**
Плохое материальное положение как значимая проблема в последний год	0,131**
Оценки возможности влиять на то, как складывается их жизнь	0,126**
Оценки своей одежды	0,126**

¹ Показатели, относящиеся к разным смысловым группам, выделены здесь и в табл. 2, разным фоном. Желтым – показатели, относящиеся к динамике ситуации в стране и связанным с ней чувствами; голубым – оценки материального положения, его динамики и других связанных с местом в системе социально-экономических неравенств сторон жизни, включая оценки своей жизни в целом; розовым – характеристики здоровья самого респондента и членов его домохозяйства; зеленым – традиционные основания для выделения социальных групп; оранжевым – приводимые справочно особенности их идеологических воззрений и электоральных предпочтений. Курсивом здесь и в табл. 2 выделены характеристики, имеющие объективный, а не субъективно-оценочный характер.

² Учитывая многообразие этих факторов и огромное количество вариантов их комбинирования не удивительно, что показатели коэффициента корреляции Спирмена для каждого из них в отдельности были не очень высоки.

Продолжение таблицы 1

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмена ²
Оценки перспектив изменения своего материального положения на ближайший год	0,125**
Считают, что неравенств, которые были бы значимы лично для них, нет	-0,122**
Считают, что живут нормально и не сталкивались за последний год ни с какими серьезными проблемами	-0,119**
Оценки динамики своего материального положения за прошедший год	0,119**
Оценки своих возможностей получения качественной медицинской помощи	0,114**
Оценки своих возможностей проведения досуга	0,114**
Как часто испытывали ощущение несправедливости всего происходящего вокруг	0,113**
Оценки изменений с социальной справедливостью в России за последние 10 лет	0,106**
Отсутствие в собственности домохозяйства автомобиля	0,106**
Оценки своих жилищных условий	0,105**
Оценки своих возможностей получения необходимого образования, знаний	0,102**
Оценки возможностей самореализации в профессии	0,099**
Оценки своего положения, статуса в обществе	0,091**
Оценки состояния своего здоровья	0,090**
Справочно	
Оценки остроты противоречий между сторонниками и противниками СВО на Украине	-0,104**
Возраст	0,073**
Профессиональный статус	0,064**
Среднедушевые доходы в семье относительно поселенческой медианы доходов	0,058*

Примечания. **Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя). *Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

Таким образом, в основе восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными лежат обычно два фактора, которые в нашем массиве операционализировались через десятки переменных: 1) неудовлетворенность своей жизнью в тех ее аспектах, которые обуславливаются местом в системе социально-экономических неравенств; 2) ощущение не просто несправедливости «правил игры», обуславливающих степень благополучия граждан страны вообще и их лично в частности, но даже негативной динамики в этой сфере. При этом есть факторы, усиливающие вероятность сочетания этих двух групп факторов. Это объективные обстоятельства, осложняющие положение человека, главным среди которых является наличие не получающих государственной поддержки хронических больных с ограничениями трудоспособности в домохозяйстве, в то время как сам по себе уровень доходов без привязки к его при-

чинам или к специфике расходов оказался гораздо менее значим. Роль последнего во многом связана, видимо, с легитимностью в глазах человека причин, ведущих к значительному расхождению его доходов и запросов при невозможности что-то изменить в сложившейся ситуации своими силами. Не случайно оценки возможностей самому влиять на то, как складывается жизнь, оказались в топ-10 по силе связей с восприятием противоречия между богатыми и бедными. Такого рода умонастроения стимулируют снижение интереса к политической повестке дня, однако из них не вытекают ни протестные настроения, ни негативизм по отношению к реализуемому руководством страны курсу – лишь каждый четвертый среди говоривших об остроте рассматриваемого противоречия считал, что нынешний курс ведет страну в тупик (при 21,9% в среднем).

Особенности восприятия противоречия между богатыми и бедными в полярных социальных группах

Следующим шагом нашего анализа стала попытка понять, как работают эти закономерности в «абсолютных цифрах» применительно к разным полярным по разным основаниям группам. Результаты этого анализа, проведенного по отношению к тем 60 переменным, наибольшая значимость которых была установлена при анализе с помощью алгоритма Chaid, сведены в таблице 2.

Таблица 2 (Table 2)

Упоминаемость противоречия между богатыми и бедными в числе трех наиболее острых для современного российского общества в полярных группах, выделенных по разным основаниям, 2024 г., %¹
(ранжировано по показателям разрыва между полярными группами)
*The contradiction between the rich and the poor is one of the three most pressing issues in modern Russian society in groups selected on different grounds, 2024, %
(sorted by the gap between the polar groups)*

Группы, различающиеся отдельными характеристиками жизни и взглядов ²	В группах с плохими оценками	В группах с хорошими оценками	Разрыв, раз
Считают, что пенсионное обеспечение за последние 10 лет в России ухудшилось (улучшилось)	34,5	12,1	2,85
Считают, что уровень жизни населения за последние 10 лет в России ухудшился (улучшился)	33,1	12,1	2,74

¹ Приведены только статистически значимые согласно критерию Хи-квадрат ($\alpha < 0,01$) показатели. Жирным шрифтом выделены показатели, разница между которыми для полярных групп являлась по меньшей мере двукратной.

² В скобках указаны признаки для выделения альтернативной группы. В таблицу вошли только такие основания для выделения групп, при использовании которых максимальный показатель выбора рассматриваемого противоречия превосходил средний по массиву не менее чем на 3 п. п., а разрыв в показателях полярных групп составлял не менее 1,5 раз.

Продолжение таблицы 2

Группы, различающиеся отдельными характеристиками жизни и взглядов ²	В группах с плохими оценками	В группах с хорошими оценками	Разрыв, раз
Плохие оценки своего материального положения (оценили свое материальное положение как хорошее)	38,4	16,4	2,34
Плохие оценки своего питания (хорошие его оценки)	41,4	19,4	2,13
Плохие оценки возможностей влияния на свою жизнь (хорошие их оценки)	32,1	15,4	2,08
Плохие оценки своих возможностей получения качественной медицинской помощи (хорошие их оценки)	31,5	15,5	2,03
<i>Рабочие, имеющие не выше 2 разряда и без разряда (предприниматели и руководители)</i>	33,7	15,8	1,98
Плохие оценки своих возможностей одеваться (хорошие их оценки)	37,1	18,9	1,96
<i>В семье есть хронические больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся инвалидами (в семье нет представителей этой группы)</i>	47,7	25,1	1,90
Плохие оценки возможностей получения необходимого образования и знаний (хорошие их оценки)	33,5	18,1	1,85
Считают, что их материальное положение в ближайший год ухудшится (улучшится)	34,7	19,0	1,83
Оценки динамики своего материального положения за прошедший год	32,3	18,3	1,77
Считают, что ситуация с социальной справедливостью в России за последние 10 лет ухудшилась (улучшилась)	32,5	18,5	1,76
Есть значимые лично для них неравенства социально-экономического характера (таких неравенств нет)	29,1	16,6	1,75
Часто испытывали ощущение, что так дальше жить нельзя (практически никогда его не испытывали)	33,3	19,4	1,72
Часто испытывали ощущение несправедливости всего происходящего вокруг (практически никогда его не испытывали)	32,6	19,0	1,72
Плохие оценки возможностей самореализации в профессии (хорошие их оценки)	32,7	19,5	1,67
Плохие оценки возможностей проведения досуга (хорошие их оценки)	33,1	19,9	1,66
Сталкивались за последний год с серьезными проблемами (считают, что живут нормально и не сталкивались с ними)	29,3	17,7	1,66
Плохие оценки состояния своего здоровья (хорошие его оценки)	34,6	21,1	1,64
Плохие оценки своего положения, статуса в обществе (хорошие его оценки)	32,9	20,2	1,63

Окончание таблицы 2

Группы, различающиеся отдельными характеристиками жизни и взглядов ²	В группах с плохими оценками	В группах с хорошими оценками	Разрыв, раз
Плохое материальное положение входит в число наиболее значимых проблем за последний год (не считают это значимой для себя проблемой)	37,4	23,1	1,62
Считают, что никогда не смогут побывать в разных странах мира (уже побывали)	32,8	20,7	1,58
Считают, что ситуация с коррупцией за последние 10 лет в России ухудшилась (улучшилась)	30,7	19,9	1,54
Справочно			
Включают противоречия между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины в число наиболее острых (не включают)	37,2	15,2	2,45
На выборах Президента страны в марте 2024 г. отдали голос за Н. М. Харитонову (за В. А. Даванкова)	50,6	21,8	2,32
Старше 65 лет (до 25 лет)	29,6	18,8	1,57
Среднедушевой доход в семье менее 1,5 прожиточных минимумов для региона	31,2	20,0	1,56

Однако данная таблица включает только 25 продемонстрировавших наибольшую глубину разрыва между полярными группами характеристик респондентов, назвавших противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых. Смысл этого анализа не совпадает с проверкой силы корреляционных связей между переменными, часть из которых представляла собой шкалы (например, возраст) или широкий набор групп (профессиональный статус), а не альтернативные пары. Поэтому вошедшие в табл. 2 переменные не полностью совпадают с представленными в табл. 1.

Выводы из данных в таблицы 2 многоплановы. **Первое**, что бросается в глаза, это гораздо бо́льшая значимость субъективного восприятия, а не объективных характеристик реальности для восприятия противоречия между богатыми и бедными как острого. Так, подавляющее большинство переменных, наиболее тесно коррелирующих с отношением к этому противоречию, являются субъективными оценками.

Второе – ярко выраженных особенностей у называющих противоречие между богатыми и бедными оказалось не так уж много. И хотя статистически значимые связи прослеживались с десятками переменных, только один признак, причем заведомо не являющийся фактором восприятия противоречия между богатыми и бедными как острого (электоральное предпочтение на выборах Президента РФ в марте 2024 г.), сочетался с выбором этой позиции большинством данной группы. Даже двукратные разрывы в числе упоминавших его в полярных по разным основаниям группах без качественной их разницы относительно редки и относятся лишь к восьми из десятков рассмотренных характеристик.

Третье — на первое место среди всех объективных характеристик респондентов по своему влиянию на восприятие рассматриваемого противоречия вышла принадлежность к полярным профессиональным группам. Учитывая массовость неквалифицированных рабочих¹ и их негативные настроения в отношении социально-экономической динамики развития страны, это означает, что именно эта группа, а не жители сел, как было 20 лет назад, является сейчас основной питательной средой для формирования болезненного отношения к противоречию между богатыми и бедными. При этом самая большая (почти 48%) доля оценивающих его как острое, это те, у кого есть тяжело больные члены семьи, не получившие при этом инвалидность.

Четвертое. В контексте значимости состояния здоровья для отношения к противоречию между богатыми и бедными стоит упомянуть, что плохие оценки состояния собственного здоровья также оказываются значимым фактором, влияющим на восприятие этого противоречия. Что подтверждается, применительно к условиям России, выводами Р. Истерлина и других ученых о влиянии состояния здоровья на восприятие собственного благополучия и, как следствие, на восприятие социальных неравенств [9; 23]. Отчасти это связано с тем, что плохое состояние здоровья снижает уровень доходов (около 45% дающих своему здоровью такую характеристику имели среднедушевые доходы в домохозяйстве не более 0,75 медианы доходного распределения в их типах поселений и столько же характеризовали свое материальное положение как плохое; это в 1,5–2 раза больше, чем по массиву в целом). Однако только этим объяснить влияние фактора здоровья нельзя. Скорее можно говорить об обострении при плохом здоровье ощущения несправедливости жизни, поскольку это обычно не зависящий от самого индивида фактор.

Пятое, если продолжить рассмотрение сравнительной значимости разных детерминант, в наибольшей степени повышающих долю считающих противоречие между богатыми и бедными острым, то на втором месте в тройке лидеров после наличия в семье тяжелых хронических больных с ограниченной трудоспособностью, не имеющих инвалидности, оказалась оценка своего питания как плохого. Группа с такими оценками традиционно сравнительно немногочисленна (в апреле 2024 г. она составляла 5%), но нахождение в ней повышает упоминаемость противоречия между богатыми и бедными более чем до 40%. Немного уступала ей и оказавшаяся на третьем месте оценка своего материального положения как плохого, характерная для каждого шестого россиянина (16,8%). С ней соседствует восприятие своего плохого материального положения как серьезной и значимой для себя проблемы (20,5%). Обе эти оценки приводили к росту вероятности упоминания противоречия между богатыми и бедными в числе наиболее острых почти до 38%. При этом такая объективная характеристика жизни респондентов как низкий среднедушевой доход в семье оказалась гораздо менее значимой.

¹ Численность этой группы составляет почти 8% всего занятого населения и превышает 5,5 млн человек (ФСГС РФ. Официальный сайт. Труд и занятость в России. 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 02.06.2025)).

Шестое – данные, представленные в табл. 2 демонстрируют, что ключевыми для восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными являются разные группы характеристик, объединяющиеся в два фактора: 1) ощущение не просто несправедливости сложившегося в российском обществе и обуславливающего степень благополучия его членов «правил игры», но и негативной динамики в этой сфере; 2) неудовлетворенность своей жизнью, связанной с местом в системе социально-экономических неравенств. Для первого из них, как и в случае с показателями коэффициента корреляции Спирмена, наиболее важным оказалось видение вектора динамики в сферах пенсионного обеспечения и уровня жизни населения, а для второго – плохие оценки своего материального положения и возможностей удовлетворения базовых потребностей (питание, возможность влиять на собственную жизнь, получать необходимую медицинскую помощь и приобретать необходимую одежду).

Наконец хотелось бы обратить внимание, что при анализе таблиц сопряженности с данными по полярным группам и анализе с помощью коэффициентов корреляции Спирмена выявились сходства и определенные различия. Если говорить о сходствах, то три первых места в обоих случаях занимали те, кто оценил: 1) динамику изменений в пенсионном обеспечении в России за последние 10 лет негативно; 2) динамику изменений в уровне жизни населения в стране за этот же период негативно; 3) свое материальное положение как плохое. Те же или практически те же места в этих рейтингах занимали и индикаторы невозможности удовлетворения базовых потребностей (в питании и одежде), самостоятельно изменить что-то к лучшему в своей жизни и ряд других. Хотя желаемые стандарты жизни, которых не удастся достичь болезненно воспринимающим противоречие между богатыми и бедными, достаточно скромны, но у них все же нет ощущения, что нынешнее их положение временное и они сами или с помощью государства смогут что-то изменить к лучшему. Не срабатывает и «туннельный эффект»¹, описанный А. Хиршманом [24]. И напротив – показатель назвавших противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых минимален (12,1%) среди тех, кто видит улучшения в уровне жизни и пенсионном обеспечении граждан страны в последнее десятилетие.

В то же время в сравнении с анализом с использованием коэффициента корреляции Спирмена часть характеристик называвших противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых заметно потеряла значимость при анализе по полярным группам, в то время как другие в ней существенно выиграли. В числе первых – самооценки своей жизни в целом, возможностей побывать в разных странах мира, наличие/отсутствие проблем с материальным положением в последний год как серьезных, самооценки своей жилищной ситуации, наличие/отсут-

¹ А. Хиршман утверждает, что, наблюдая за людьми, чья жизнь кажется им похожими на их собственную, и видя, что кто-то из них осуществляет восходящую социальную мобильность, наблюдающие становятся более толерантны к социальным неравенствам, поскольку у них появляется надежда, что и их положение может измениться. В этом отношении ситуация похожа на ощущение автомобилистов в туннеле – если в пробке начинает двигаться соседний ряд, то возникает надежда, что скоро и ты поедешь.

ствие автомобиля¹. То есть на глубине разрывов между полярными группами в меньшей степени сказывались характеристики, связанные со степенью благополучия, а не неблагополучия положения респондентов. Это перекликается с уже установленной отечественными учеными закономерностью, что страты нашего общества сильнее различаются признаками своих возможностей, чем рисков и деприваций [14]. При этом среди характеристик, роль которых при анализе оценок полярных групп заметно выросла – возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала (доступность качественной медицинской помощи и необходимого образования), а также самореализации в профессии, на что применительно к разным стратам общества также уже обращалось внимание [14]. Кроме того, среди наиболее значимых характеристик называвших противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых при анализе полярных групп оказалась и принадлежность к низко- и неквалифицированным рабочим, составляющим «костяк» низшей страты [14].

Выводы

Противоречие между богатыми и бедными достаточно болезненно воспринимается россиянами и входит в тройку наиболее острых. В то же время за последние два десятилетия произошел спад его популярности вдвое. Более того – начиная с 2023 г. оно перестало быть для россиян самым острым межгрупповым противоречием как в целом, так и среди противоречий экономического характера, уступив первенство среди последних противоречию между олигархами и остальными членами общества. Одной из возможных причин этого является смещение фокуса внимания массовых слоев населения на противоречия идеологического характера в связи с острой конфронтацией России со странами Запада.

Решающую роль для формирования отношения к богатым играет субъективная реальность, картина мира, существующая в сознании россиян, а не объективно сложившаяся ситуация. Однако последняя может способствовать формированию этой картины посредством определенного личностного жизненного опыта. При этом в основе болезненного восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными лежит не зависть к более благополучным согражданам, а недовольство своим положением на фоне понимания невозможности изменить сложившуюся ситуацию в силу семейных обстоятельств или недостаточности знаний и навыков. В целом эту группу факторов можно назвать «Невозможность достижения желаемых стандартов жизни».

Такое восприятие собственной жизненной ситуации сопровождается ощущением несправедливости сложившегося порядка вещей на фоне убежденности в типичности аналогичных ситуаций для российского общества в целом. Не случайно восприятие остроты противоречия между бога-

¹ То же касалось и менее значимых (но все же значимых) для восприятия рассматриваемого противоречия наличия в домохозяйстве таких товаров длительного пользования как посудомоечная машина и кондиционер.

тыми и бедными в современном российском обществе четко коррелирует с восприятием ситуации в социальной сфере (пенсионном обеспечении, уровне жизни населения, ситуации с социальной справедливостью и т. д.). Можно говорить даже о существовании единого мировоззренческого блока, различные элементы которого тесно связаны между собой и вытекают из сопоставления нормативных представлений об оптимальном устройстве общества с повседневной реальностью. Условно этот блок взглядов россиян можно назвать «Запрос на социальную справедливость».

Если суммировать полученные результаты, то ключевые факторы, влияющие на остроту восприятия противоречия между богатыми и бедными в современном российском обществе, связаны, во-первых, с той картиной развития страны, которая существует в сознании граждан. Во-вторых – с теми материальными и нематериальными проблемами, с которыми они сталкиваются в своей реальной жизни, формирующими их социальное самочувствие. При этом есть и «катализаторы», которые усугубляют болезненное переживание ими своей собственной ситуации, ощущение ее несправедливости, влияя тем самым и на болезненность восприятия противоречия между богатыми и бедными. Прежде всего это серьезные проблемы со здоровьем у кого-то из членов семьи, с которыми люди остаются наедине, поскольку не получают необходимой помощи от государства. Принадлежность к низко- и неквалифицированным рабочим, а также низкий среднедушевой доход. Значимым «катализатором», повышающим вероятность наличия значимых для формирования болезненного отношения к противоречию между богатыми и бедными чувств и настроений, является и пожилой возраст, причем наиболее болезненно (32,8% упоминаемости) его воспринимают не самые старшие возрастные когорты, а россияне от 51 до 60 лет, которые еще работают, но чье положение на рынке труда в этом возрасте резко ухудшается.

В целом же анализ динамики и факторов, влияющих на остроту восприятия противоречия между богатыми и бедными, свидетельствует о: 1) возможности влиять на это восприятие мерами государственной социально-экономической политики, о чем говорит динамика восприятия этого противоречия жителями сел и пенсионерами за последние два десятилетия; 2) серьезных проблемах для этой политики, связанных с положением наименее квалифицированной части российских рабочих (конкуренцию которым традиционно составляли мигранты) и особенно, с положением домохозяйств, в составе которых есть люди с серьезными ограничениями трудоспособности, по разным причинам не имеющие возможности получить инвалидность 1 и 2 групп. Улучшение ситуации в этих социальных группах будет способствовать дальнейшей консолидации российского общества и снижению межгрупповой напряженности.

Библиографический список

1. Аникин В. А. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения // Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016. С. 313–333.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
3. Белопашенцева П. В., Слободенюк Е. Д. и др. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.
4. Гимпельсон В. Е., Монусова В. А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал ВШЭ. 2014. Т. 18, № 2. С. 216–248. EDN: SKFTQB.
5. Дудин И. В. Представления населения страны об основных противоречиях российского социума // Социальное пространство. 2023. Т. 9. № 2. С. 1–17. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.8; EDN: NGKOMG.
6. Дудин И. В. Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 1. С. 25–41. DOI: 10.19181/socjour.2023.30.1.1; EDN: GTQHVY.
7. Дудин И. В. Динамика восприятия социальных противоречий населением России (2005–2021 гг.) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 4. С. 128–146. DOI: 10.18522/2227–8656.2023.4.8; EDN: NJQNHJW.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 4. С. 4–21. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16742; EDN: DOBOJS.
10. Мареева С. В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник РУДН. Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695–707. DOI: 10.22363/2313–2272–2018–18–4–695–707; EDN: YNAKER.
11. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 39–60. EDN: MSBKFFV.
12. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37–67. EDN: WDEMBH.

13. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.317544469–1419–7.
14. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М: Весь Мир, 2022. 424 с. DOI: 10.55604/9785777708731; EDN: XJGBFE.
15. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер с фр. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
16. Российское общество и вызовы времени. Кн.7 / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М: Весь Мир, 2024. 352 с. EDN: OYVDFP.
17. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004. 259 с. EDN: NGCBZZ.
18. Сушко П. Е. Специфика субъективного благополучия россиян из разных типов поселений // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4; EDN: UQWQVD.
19. Тихонова Н. Е. Доходная стратификация в России: кросс-страновой и динамический анализ // Социологический журнал. 2017. № 4. С. 31–50. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5527; EDN: YLBEJS.
20. Dal Bó E., Dal Bó P. Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Working Paper. Providence, RI: Brown University, Department of Economics, 2004. No. 2004-11. P. 1–31.
21. Diener E., Biswas-Diener R. Will Money Increase Subjective Well-Being? // Social Indicators Research, 2002. Vol. 57. P. 119–169. DOI: 10.1023/A:1014411319119.
22. Easterlin R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz, 1974. P. 89–125.
23. Easterlin R. A. How Does Health Affect Happiness? In An Economist's Lessons on Happiness. Springer, 2021. P. 33–39. DOI: 10.1007/978-3-030-61962-6_4.
24. Hirschman A., Rothschild M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development. The Quarterly Journal of Economics, 1973. Vol. 87. No. 4. P. 544–566.
25. Novokmet F., Piketty T. et al. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905-2016 // The Journal of Economic Inequality. 2018. No. 16(1). P. 189–223. DOI: 10.1007/s10888-018-9383-0.

Получено редакцией: 06.01.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дудин Илья Васильевич, аспирант, стажер-исследователь Центра стратификационных исследований Института социальной политики; младший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12

Perceptions of the Rich-Poor Contradiction by the Russian Population: Dynamics and Factors

Il'ya V. Dudin

HSE University, Moscow, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

dudiniv99@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0025-9958

For citation: Dudin I. V. Perceptions of the Rich-Poor Contradiction by the Russian Population: Dynamics and Factors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 229–252. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12; EDN: KFPBTB.

Abstract. The conflict between rich and poor has always been one of the most sensitive issues for ordinary Russians, and their attitude toward it have significantly influenced the level of social tension and the degree of social consolidation. Given the significance of this issue amidst the intensification of external challenges facing our country in recent years, the article, using data from representative nationwide studies conducted by the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2005, 2015, and 2024, attempts to demonstrate how perceptions of this conflict have changed in recent decades, as well as the specific factors that contribute to its sensitivity in today's Russia. The primary research methods utilised were dynamic and comparative analysis, as well as various versions of correlation analysis. It is shown that the popularity of the conflict between rich and poor has halved over the past two decades, and in 2024, it became the third most frequently mentioned topic. The two main factors that exacerbate his perception and act in an interconnected manner are the impossibility of achieving the desired standards of everyday life and the feeling of injustice of the “rules of the game” established in society, giving rise to a feeling of powerlessness and the inability to independently change anything in one's life. The standards in question are quite modest and relate primarily to nutrition, clothing and certain non-monetary aspects of life (the ability to change something in it, access to medical care, etc.). It is also shown that it is precisely subjective (i.e., related to the perception of the situation in society as a whole and one's place in it in particular), rather than objective characteristics of a person, that are decisive for his perception of the contradiction between rich and poor as one of the most acute, influencing even electoral behaviour. Of the objective factors, the most significant are, in descending order of importance, the presence in the household of chronically ill people with limited working capacity who do not have the status of disabled; belonging to low-skilled and unskilled workers; low per capita income and old age.

Keywords: social contradictions, intergroup conflicts, intergroup contradictions, consolidation of society, social tension, mass consciousness, rich and poor

References

1. Anikin V. A. The Interests of the Person, State, and Society in the Mass Perception of the Population. In *Russian Society and the Challenges of Time. Book Three*. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves Mir, 2016: 313–333 (in Russ.).
2. Beck U. World risk society. Transl. from Germ. by V. Sedelnik and N. Fedorova. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000: 381 (in Russ.).
3. Belopashentseva P. V., Slobodenyuk E. D. et al. Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 4: 34–59 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.
4. Gimpelson V. E., Monusova G. A. Perception of Inequality and Social Mobility. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE*, 2014: 18: 2: 216–248 (in Russ.). EDN: SKFTQB.
5. Dudin I. V. People's Perceptions of the Main Contradictions in Russian Society. *Sotsial'noye prostranstvo*, 2023: 9(2): 1–17 (in Russ.). DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.8; EDN: NGKOMG.
6. Dudin I. V. The nation's Attitude towards the Main Social Contradictions in Russian Society: Current State, Dynamics, Factors. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2024: 30: 1: 90–112 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2023.30.1.1; EDN: GTQHVY.
7. Dudin I. V. Dynamics of the perception of social contradictions by the population of Russia (2005–2021). *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2023: 12: 4: 28–146 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2023.4.8; EDN: NJQHJW.
8. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Transl. from Eng. and ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, GU VShE, 2000: 608 (in Russ.).

9. Korchagina I., Prokofieva L. Subjective perception of social inequality – the population opinion about social justice. *Demograficheskoye obozreniye*, 2022: 9(4): 4–21 (in Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16742; EDN: DOBOJS.
10. Mareeva S. V. Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya*, 2018: 18: 4: 695–707 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313–2272–2018–18–4–695–707; EDN: YNAKEP.
11. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. et al. Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2022: 1: 39–60 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1982; EDN: MSBKfV.
12. Mareeva S. V., Tikhonova N. E. Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2016: 25: 2: 37–67 (in Russ.). EDN: WDEMBH.
13. Model of income stratification of Russian society: Dynamics, factors, cross-country comparisons. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018: 368 (in Russ.). DOI: 10.317544469–1419–7; EDN: YSPCNF.
14. Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow, Ves Mir, 2022: 424 (in Russ.). DOI: 10.55604/9785777708731; EDN: XJGBFE.
15. Piketty T. Capital in the twenty-first century. Transl. from Fr. A. Dunaev. Moscow, Ad Marginem Press, 2015: 592 (in Russ.).
16. Russian society and challenges of the time. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Book 7. Moscow, Ves Mir, 2024: 352 (in Russ.). EDN: OYVDFP.
17. Russia – a new social reality. Rich. Poor. The middle class. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Nauka, 2004: 259 (in Russ.). EDN: NGCBZZ.
18. Sushko P. E. Specificity of Subjective Well-Being of Russians from Different Types of Settlements. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 4: 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4; EDN: UQWQVD.
19. Tikhonova N. E. Income Stratification in Russia: Cross-country and Dynamic Analysis. *Sotsiologicheskiiy zhurnal*, 2017: 4: 31–50 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5527; EDN: YLBEJS.
20. Dal Bó E., Dal Bó P. Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Working Paper. Providence, RI: Brown University, Department of Economics, 2004: 2004-11: 1–31.
21. Diener E., Biswas-Diener R. Will Money Increase Subjective Well-Being? *Social Indicators Research*, 2002: 57: 119–169. DOI: 10.1023/A:1014411319119.
22. Easterlin R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*, 1974: 89–125.
23. Easterlin R. A. How Does Health Affect Happiness? In *An Economist's Lessons on Happiness*. Springer, 2021: 4: 33–39. DOI: 10.1007/978-3-030-61962-6_4.
24. Hirschman A., Rothschild M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development. *The Quarterly Journal of Economics*, 1973: 87: 4: 544–566.
25. Novokmet F., Piketty T. et al. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016. *The Journal of Economic Inequality*, 2018: 16(1): 189–223. DOI: 10.1007/s10888-018-9383-0.

The article was submitted on: January 6, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Il'ya V. Dudin, Postgraduate student, Intern Research at the Center for Stratification Research at the Institute of Social Policy; Junior Researcher

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.13

EDN: IPFACO

Социально-управленческие аспекты развития искусственного интеллекта (AI): по итогам методологического семинара ФНИСЦ РАН

Ссылка для цитирования: Богданов В. С., Шилова В. А. Социально-управленческие аспекты развития искусственного интеллекта (AI): по итогам методологического семинара ФНИСЦ РАН // Вестник института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 253–263. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.13; EDN: IPFACO.

For citation: Bogdanov V. S., Shilova V. A. Social and Managerial Aspects of Artificial Intelligence (AI) Development: Results of the Methodological Seminar of FCTAS RAS. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 253–263. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.13; EDN: IPFACO.

SPIN-код: 7496-3237

Богданов Владимир Сергеевич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

valarf@mail.ru

SPIN-код: 8158-6002

Шилова Валентина Александровна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

vshilova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен обзор теоретико-методологического семинара памяти проф. А. В. Тихонова «Возможности и риски использования технологий искусственного интеллекта на разных уровнях социального управления», прошедшего в июне 2024 г. Организаторами выступили Центр социологии управления и социальных технологий и Лаборатория инфосоциальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, и три исследовательских комитета Российского общества социологов («Социология управления и организаций», «Социология цифрового общества» и «Городского и регионального развития»).

В представленных в ходе семинара докладах раскрывается история вопроса создания и процесса институционализации искусственного интеллекта в ходе его интеграции в различные социальные практики и сферы общественной деятельности. Были выделены две стратегии развития гибридных систем управления с использованием ИИ (AI): на уровне государственного управления и бизнеса как унифицированная технократическая стратегия достижения целей, а также научно-обоснованная как социально-ориентированная стратегия

внедрения ИИ. Отмечены плюсы и минусы концептуальных оснований и прикладных подходов к изучению и разработке ИИ. Обозначена назревшая необходимость поиска и обозначения роли, места и значения социологии, отраслевых социологических дисциплин в этих процессах, а именно как науки, которая имеет возможность отслеживания, изучения и разработки социально обоснованных прогнозов для последующей адекватной запросам общества трансформации на фоне масштабных технических нововведений. Предложены различные точки зрения на современное состояние процессов разработки и интеграции технологий ИИ (AI) на различных уровнях социального управления: социетальном (институциональном) – взаимодействие государства и общества; отраслевом – организационное поведение и функционирование производственных структур; территориальном и локальном (межличностном).

Ключевые слова: социология, искусственный интеллект, стратегии унификации и разнообразия внедрения ИИ, социология управления, гибридные системы управления, цифровой контроль, умное управление, умное регулирование

Термин «искусственный интеллект» (artificial intelligence, далее – AI, ИИ) впервые был использован на семинаре в Дартмутском колледже в 1956 г., посвященном разработке методов решения логических задач. Примерно тогда же берут свое начало дискуссия и исследования в рамках установления и развития оснований ИИ. В этот период специалисты в области информатики, психологи, нейрофизиологи и философы (Д. Миллер, Д. Маккарти, М. Мински, А. Ньюэлл, А. Тьюринг, А. А. Ляпунов и др.) поставили вопрос о перспективах создания слабого (экспертные обучающиеся системы) и сильного искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence, Strong AI). С тех пор доминируют две концепции ИИ¹: *реалистическая*, реализуемая в форме перманентного проекта, и подразумевающая имитацию интеллектуальных процессов, поддающихся моделированию и *утопическая*, которая вряд ли когда-то может быть реализована в связи со сложностью задач, возникающих с учетом универсализма разрабатываемых систем (творческое мышление человека невозможно воплотить в технике, т. к. мышление человека феноменологично, базируется на психологических, семиотических и социальных основаниях). Несмотря на утопичность положений второй концепции, работы в этом направлении ведутся и даже появляются новые подходы к созданию социального компьютера, организации процесса схожего с принципами социализации личности, которые можно было бы заложить в программу машинного обучения².

Если обратиться к прогнозам великого социолога П. А. Сорокина о перспективах развития западного общества, сделанных им в работе «Социальная и культурная динамика» (1937)³, о возникших еще в то время,

¹ Розин В. М. Две концепции искусственного интеллекта: реалистическая и утопическая // *Философская мысль*. 2023. № 2. С. 102–114. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.2.39739; EDN: DDLZIT.

² Коллинз Р. Может ли социология создать искусственный разум? // *Личностно-ориентированная социология* / Пер. с англ. В. Ф. Анурина. М.: Академ. проект, 2004. 608 с.

³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Академ. проект, 2020. 988 с.

по его мнению, тенденциях распада «чувственной суперсистемы» Запада, то мы можем увидеть, как они сегодня реально сбываются и проявляются на фоне интеграции цифровых технологий в практику разработки и реализации управленческих решений на различных уровнях социального управления. Первое, на что можно обратить внимание, что теряют свою фундаментальную актуальность договорная демократия и договорной капитализм как основы договорного общества свободных людей. Западная мыслительная традиция пока ориентируется на технократическую стратегию унификации на основе конвергенции разнопорядковых технологий¹. К ним можно отнести технологии информационные, искусственного интеллекта, нано-, био- и др. В результате, как предполагается, должны сформироваться социальные отношения, где доминирующим признаком воспроизводства новых инфосоциальных структур становятся технико-технологические системы (платформы) регулирования, якобы позволяющие обеспечить новый социотехнический порядок в форме цифрового контроля на принципах BIG-data. На это указывает ряд авторов, в частности, М. Пасквинелли. Он утверждает, что в условиях развития машинного обучения и проникновения искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни и отрасли народного хозяйства, гибридные системы управления получают новое технократическое содержание в виде результирующей слияния автоматизации труда и социального управления. А это задает сегодня *сильнейшие тенденции для усугубления процессов накопления власти и роста информационных монополий, цифровой унификации общественного устройства*².

Вторая тенденция, отмеченная Сорокиным связана с нарастающей атомизацией «чувственных ценностей, включая самого человека, что обесценит их, сделает более чувственными и материальными, далекими от всего Божественного, священного, абсолютного... Чувственная ментальность все в большей степени будет трактовать человека и все его ценности «физико-химически», «биологически», «рефлексологически», «эндокринологически», «бихевиористически», «экономически», «психоаналитически», «механистически», «материалистически», то есть как мир атомов, протонов и электронов, заключающих в свои объятия и опутывающих своей липкой паутиной людей-роботов»³. В этой ситуации речь может идти о том, чтобы *переопределять сам предмет социологии, а также ее место, роль и значение в контексте выявления и уточнения контуров изучения ИИ как гибридного (социоцифрового) явления, его последствий в рамках воспроизводства новой гибридной искусственной социальности*. Среди различных подходов к этому вопросу стоило бы особо отметить позицию

¹ Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0; EDN: VSDAAV.

² Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта / Пер. с англ. И. Напреенко. М.: Individuum, 2024. 352 с.

³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Академ. проект, 2020. 988 с. С. 881.

В. В. Щербины. Он предлагает переформулировать предмет социологии, который должен базироваться в рамках постановки вопроса об изучении процессов развития современного общества и социальных сообществ на основе баланса двух императивов: «поддержания социального порядка, без которого социум гибнет, и императива изменения, что позволяет определить пути реформирования общества»¹. Такая дуальная позиция, по мнению, В. В. Щербины, позволит «сохранить и развивать социологию как полноценную социальную науку, ориентированную на объективное познание социальных процессов, протекающих в разнотипных социальных общностях, и на выход в сферу активной социальной практики»². В этом ключе логично определяется место и двух социологических отраслевых, социолого-регулятивных дисциплин: 1) социологии управления, роль «которой как социологической теории изначально была ориентирована на создание теоретической основы для решения практической проблемы – осознанного и успешного осуществления программ социальных изменений»³, 2) социологии организаций, роль которой заключается в изучении процессов, направленных на поддержание социального порядка, социальной целостности общества.

Таким образом, помимо вопроса о влиянии развития AI на общество в целом, следовало бы сфокусироваться и на проблеме его влияния на социальные науки, на том, какими эти науки, и в первую очередь, социология должны стать в самое ближайшее время, чтобы быть адекватными новым вызовам и задачам.

В целях приближения к решению обозначенных задач, история возникновения процесса институционализации искусственного интеллекта в обществе, а также перспективные формы его внедрения и регуляции в рамках поддержания и изменения социального порядка, были обсуждены в ходе теоретико-методологического семинара памяти проф. А. В. Тихонова «Возможности и риски использования технологий искусственного интеллекта на разных уровнях социального управления», прошедшего в июне 2024 г. Организаторами выступили Центр социологии управления и социальных технологий и Лаборатория инфосоциальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, исследовательские комитеты «Социология управления и организаций», «Социология цифрового общества» и «Городского и регионального развития» РОС. К обсуждению были предложены следующие теоретико-методологические вопросы: (1) концептуализация управления, как социального явления, в контексте цифровизации общества; (2) гибридные системы управления: от онтологических аспектов цифровизации социального управления к концепту-

¹ Покровский Н. Е., Симонова О. А., Матвеева Е. В. Социология и общество в XXI веке: кризисы и образы будущего (круглый стол) // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 54. DOI: 10.31857/S013216250009157-5; EDN: EWHOEQ.

² Щербина В. В. Обосновано ли существование социологии управления как специальной социолого-регулятивной теории? // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 62. DOI: 10.31857/S013216250013727-2; EDN: FILOVZ.

³ Там же. С. 61.

ализации феномена; (3) искусственный интеллект в российских медиа и образовании: управленческий аспект; (4) Возможности и риски применения технологий искусственного интеллекта в экспертном обосновании управленческих решений; (5) Виртуализация управления и социальные цифровые технологии; (6) Особенности использования цифровых технологий и искусственного интеллекта в управлении на диагностическом, прогнозном и проектном этапах.

В рамках обозначенной дискуссии **А. А. Мерзляковым** отмечалась актуальность вопросов, связанных с внедрением ИИ: 1) в части концептуализации феномена искусственного интеллекта, 2) в контексте разработки востребованных наукой и управленческой практикой теоретических конструктов и прикладных моделей. Акцент был сделан на наметившейся актуализации разработки образовательных и прикладных исследовательских программ, направленных на кумуляцию знаний о закономерностях и механизмах регуляции (формальных и неформальных) внедрения искусственного интеллекта в процессы социального воспроизводства и конфигурации современного общественного порядка, что подтверждается, в частности, увеличением доли научных статей, посвященных вопросам интеграции и регуляции ИИ в различных сферах общественной жизни.

В. И. Демьяненко предложил рассматривать цифровизацию и внедрение ИИ, как некое социальное явление, переход к новым формам организации и воспроизводства социальной реальности, новым цифровым и социальным технологиям, инструментам в государственном управлении, в бизнесе и в общественной жизни в целом. В таком контексте было выделено два теоретико-методологических вопроса:

- что в обществе происходит спонтанно, естественным путем, а что требует постоянных усилий, рационального вмешательства?
- что детерминировано, а что социальный индивид может изменить, и каков при этом риск неопределенных последствий?

Докладчиком был поставлен вопрос насчет доминирующего субъекта цифровизации. Кому в первую очередь нужна цифровизация? Чьи цели и мотивы обеспечивает этот процесс? Было отмечено, что большинство технологий, связанных с цифровизацией, это те, которые внедряются субъект-объектно, а соответственно они внедряются или используются в чьих-то интересах. Предложенный докладчиком концепт как раз позволяет научно обоснованно разделить в контексте управления процессы на саморегулируемые и управляемые. Последнее позволяет создать типологию процессов технического и социального развития, отвечающую принципу методологической строгости.

В продолжение дискуссии **В. А. Шилова** отметила, что общество сегодня развивается куда более интенсивно, появляются новые технологии, а понятийные матрицы и модели, концепции, которые существовали до этого, устаревают гораздо быстрее. В связи с этим она предложила ввести понятие «социальное управление» в основной теоретический каркас социологии, поскольку общество переходит на новую стадию социотехнического

развития, а в социологической теории управление становится значимой универсалией. Таким образом понятийная матрица, которая будет наложена на изучение управленческих процессов в обществе, детерминирует адекватную современным технократическим вызовам объяснительную модель управления.

В. С. Богданов акцентировал внимание на том, что рамках современных управленческих наук, социолого-регулятивных теорий и концепций, конвенциональность феномена искусственного интеллекта конфигурируется в процессе поиска ответов на вызовы, связанные с внедрением ИИ (AI) на разных уровнях социального управления, и которые в социологии управления рассматриваются как онтологические уровни управленческой практики: 1) социетальный – касается цифровой трансформации государственного управления и роли общества в этих процессах; 2) организационный – цифровая трансформация управления и организации отраслевых и производственных объектов; 3) цифровая трансформация территориально-поселенческих объектов (умные агломерации и города). В результате возникает вопрос о необходимости разработки и применения социальных технологий для наделения технико-технологических преобразований социально-обоснованными идеями развития.

В предложенном контексте интеграции ИИ на разных уровнях социального управления прослеживается дуальная перспектива гибридизации: технократическая (унификация, модернизация и контроль сверху) и социально-контекстуальная (учет потребностей и интересов снизу, развитие с учетом жизненных стратегий).

А. А. Почестнев поднял важный вопрос о том, что именно мы, социологи, исследуем, когда говорим о современных гибридных системах – гибридность управленческой системы (гибридный субъект) или же гибридность социальной реальности, в которой происходят социальные взаимодействия индивидов и их организация? Исследовать первый вариант на социетальном уровне преждевременно, в связи с тем, что разработка ИИ происходит медленно, а его внедрение в практику управления идет точечно и фрагментарно. Действительно, в настоящий момент существует мало исследований, подтверждающих правильность выводов о детерминации гибридных объектов над гибридизирующимися субъектами управления, о низкой сенситивности к спонтанным процессам социально-сетевого группообразования, о противоречии технократического и социально-ориентированного подходов к применению ИИ в социальном управлении. Совершенно точно, что в последнее время в научной среде чаще поднимается вопрос о новом типе человека, и ответы на него создают достаточно позитивный образ. Докладчик обозначил свою позицию по данному вопросу, базирующуюся на представлении о редукции мыслительных процессов современных людей в связи с использованием ИИ, что приводит к сложностям самостоятельного принятия решения, снижению самоконтроля, ослаблению воли, вследствие чего человек становится легко доступным для манипуляции.

В. В. Зотов сосредоточил внимание на проблемах включения систем искусственного интеллекта в экспертно-аналитическую деятельность, определении их ролей и возможных функциональных задач, а также потенциальных рисков. Докладчик обратил внимание на организацию деятельности экспертов на соответствующих цифровых платформах. Он отметил, что алгоритмы взаимодействия между акторами (экспертами) и актантами (механизмы поддержки принимаемых решений) определяются системами искусственного интеллекта. Он отметил также, что сегодня много говорится о том, что можно создавать более прозрачные алгоритмы отбора экспертов и принятия решений интеллектуальными системами. Но проблема остается, и всегда есть опасность, что такая система будет использовать потенциал совместной работы человека и машины в собственных интересах, а точнее – в интересах разработчиков алгоритмов. И здесь проявляется проблема ориентированности таких систем на проблемы общества, а не владельцев экспертных цифровых платформ.

Л. А. Василенко обратила внимание на проблему формирования нового типа человека, который должен участвовать в управлении, владеть определенными навыками, которых не было раньше, в т. ч. цифровыми. Такие люди, включаемые в разработку и принятие решений, по сути, формируют новый тип элиты (социально-технологическую), которая будет влиять на решение определенным способом, определенными методами, которые отмечал в своем докладе В. В. Зотов. К этой элите можно отнести управленцев, экспертов, которые помогают принимать те или иные решения. Докладчик обозначила необходимость разработки и масштабирования технологии установки критериев экспертного отбора. То же касается теории конфигурирования стейкхолдеров. Экспертная помощь в виде персонального редактора, усердного ассистента, непредвзятого аналитика, во-первых, уже работает, а, во-вторых, появилась специальная профессия промпт-инженера, подготовлены инструкции и правила запросов к ИИ, появились учебники по данному вопросу. Признанным фактом является то, что зарубежные системы ИИ отличаются от отечественных, которые интегрируются в зарубежные генеративные нейросети, но при этом наполняются оригинальными данными и алгоритмами. И здесь эксперты видят две проблемы: первая – незнание, какие алгоритмы и культурные коды «защиты» в зарубежных системах; вторая – как алгоритмы самообучения российских надстроек выстрают приоритеты? Удастся ли обновить коды этих систем адекватно российским цивилизационным паттернам, будут ли алгоритмы генеративных нейросетей понятны управленцам, будет ли ясна логика их использования? Разработчики генеративных нейросетей, по утверждению докладчика, должны нести свою долю ответственности, учитывая латентные угрозы.

С. Г. Давыдовым были представлены современные методики измерения и анализа сфер разработки и использования технологий ИИ, проведенных им в сотрудничестве с АНО «Цифровая экономика», РАЭК, НИУ ВШЭ, журфаком МГУ. Внимание сосредоточилось на двух разных индустриях (образование и медиакоммуникация), потому что в процессе исследова-

ний обнаружили некоторые пересечения. Так, эти сферы не являются лидерами-индустриями в области внедрения технологий искусственного интеллекта, и не относятся к числу ресурсоемких сфер как, например, банковская отрасль, телекоммуникации, промышленное производство и т. п. Последние, очевидно, имеют больше возможностей в плане инвестиций или привлечения необходимых специалистов. Поэтому именно в этих сферах происходит освоение, внедрение технологий интеллектуальных систем с некоторым опозданием. С другой стороны, это те индустрии, в которых ожидаются наиболее существенные трансформации и последствия от внедрения ИИ, поскольку и в образовании, и медиакоме, основной продукт и основная деятельность связаны с информацией. На основе последней ИИ как инструмент, средство обработки, создания, распространения данных способен очень много поменять.

По результатам опроса, большинство журналистов связывает с внедрением ИИ в первую очередь возможности, зафиксирован технократический оптимизм, но то же самое наблюдается среди педагогов и музейных работников, по результатам ранее проведенных исследований. Разные индустриальные и профессиональные группы показывают схожие результаты, а именно, что внедрение ИИ – это прогрессивно и на благо общества.

К. Э. Гусейнова в продолжение обсуждения результатов исследования С. Г. Давыдова, выделила первый актуальный вопрос, связанный непосредственно с возможностью деградации науки из-за машинного обучения и того, как искусственный интеллект может искажать реальность, подменять эмпирические данные. На фоне постепенного перевода ИИ на синтетические модели (когда ИИ самостоятельно начинает генерировать данные), ошибки будут только нарастать, т. к. генеративный интеллект перейдет к созданию моделей на основе синтетических данных и расчетов. В свою очередь, последние могут быть недоступны для оценки и контроля обычному пользователю, аналитику, ученому.

Освоение финансирования, запланированного на развитие сквозных технологий ИИ, создания специальных научных дисциплин и исследовательских центров, внедрения технологий ИИ в учебные заведения может актуализировать проблему неравенства в образовании. Запуск ИИ – это дорогостоящий процесс, который смогут позволить себе не все образовательные учреждения.

А. Н. Расходчиков в своем выступлении проблематизировал городское управление в контексте внедрения технологий ИИ. По мнению докладчика, интеллектуальные технологии, которые используются в городской среде, можно разделить условно на три типа по степени участия в них людей: компьютерные модели, регулирующие технические и технологические системы (электричество, инженерные коммуникации и т. п.); связанные с интеллектуальными системами организации городской среды, например, регулирование светофоров автоматизированными системами управления общественным транспортом; интеллектуальные системы, касающиеся социальных процессов, взаимодействия людей, где цифровые платформы выступают информационной или виртуальной средой огра-

ниченного, формализованного и регламентированного взаимодействия. Докладчик обратил внимание на такое новое явление, как виртуализация систем управления и государственной политики, в результате которого существенно изменяются не только субъекты управленческих взаимодействий, но и сама система отношений и подходы к формированию смыслов. В городах эти изменения обобщены в концепции «умного города», которую часто представляют довольно узко, как внедрение интеллектуальных систем в городскую среду. Европейские коллеги уже отошли от сугубо технологической трактовки умного города, представив в 2020 г. концепцию «социально-умных и устойчивых городов». Однако более взвешенным видится подход Н. Комниноса, продолженный в работах А. И. Щербинина, где «умный город» сочетает три основные составляющие – умное управление, умные технологии и умные сообщества. По его мнению, на новом технологическом витке необходимо вернуться к идеям Т. М. Дридзе, где значимыми субъектами городских изменений становятся городские сообщества, а цифровые технологии предоставляют им новые возможности для самоорганизации, проектирования и взаимодействия с городскими властями.

И. А. Савельев также отметил важность проблематики конвергенции сквозных технологий искусственного интеллекта и городского управления, и апеллировал в этом контексте к В. А. Лекторскому и А. В. Тихонову. Первый, на одной из недавних конференций констатировал сложность рефлексии протекающих процессов интеграции ИИ в общество. Второй всегда настаивал на том, что ни в коем случае нельзя подменять социологию большими данными (big data), т. к. сразу возникает вопрос с их интерпретацией, возможностью аналитического теоретизирования на основе полученных данных.

В завершение дискуссии **Н. Н. Мещерякова** акцентировала внимание на том, что главным вопросом является не то, как использовать или не использовать ИИ, а то, как его использовать так, чтобы он служил человеку и обществу, а не наоборот. Поэтому часто возникающий вопрос, кто ответственный, кто субъектен, скорее вообще неправомерен, т. к. как только мы говорим «нет, это не я субъект, а субъект – это искусственный интеллект», вот тут получается, что мы ему уступили.

Если говорить в этом контексте про диагностику, прогнозирование и проектирование, то больше всего примеров такого рода наберется по организации процедуры диагностики с использованием ИИ (особенно медицинская диагностика). При этом всегда важно помнить и понимать, что диагностика это или принятие решения на проектной стадии, субъектен всегда человек. Что бы ни делал искусственный интеллект, он – лишь в помощь.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что сегодня во всех сферах наблюдается разрыв между различными повестками обсуждения искусственного интеллекта: академической, управленческой, инженерной, девелопер-

ской и индустриальной. На этом фоне заметно выделяются две стратегии интеграции ИИ в общество. Первая – унификация поведенческих и институциональных норм, правил в контексте поддержания сложившегося социального порядка. В частности, на уровне государства и бизнеса это прослеживается как создание доминирующего цифрового субъекта, имеющего главной целью – установление параметров и регламентов регуляции сверху, а именно за счет наличия технико-технологических ресурсов, предоставляющих возможность прогнозировать и корректировать поведение различных социальных групп, отдельных социальных индивидов. Вторую стратегию можно обозначить как социально-контекстуальную, цель которой – выяснить, изучить разнообразные повестки, тенденции и возможные условия социально-ориентированного внедрения ИИ в сферы и регулятивные формы социальной организации общества, понять приемлемые меры, характер и масштабы изменения социального порядка.

Сегодня возникает запрос именно на второй тип стратегии, т. к. очевидным становится неконтролируемый скачок цифровизации и других технологий, являющихся составляющими процессов организации и регуляции в обществе. В свою очередь обозначенный социальный запрос формирует научный интерес к феномену «управление», как социальному явлению, как новым возможным формам и механизмам социальной регуляции управленческого типа.

Получено редакцией: 30.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

Шилова Валентина Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.13

Social and Managerial Aspects of Artificial Intelligence (AI) Development: Results of the Methodological Seminar of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Vladimir S. Bogdanov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

valarf@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0176-1007

Valentina A. Shilova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

vshilova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8899-2707

For citation: Bogdanov V. S., Shilova V. A. Social and Managerial Aspects of Artificial Intelligence (AI) Development: Results of the Methodological Seminar of FCTAS RAS. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 253–263. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.13; EDN: IPFACO.

Abstract. The article provides an overview of the theoretical and methodological seminar in memory of Prof. A.V. Tikhonov, “Possibilities and Risks of Using Artificial Intelligence Technologies at Different Levels of Social Management,” held in June 2024. The seminar was organised by the Center for Sociology of Management and Social Technologies and the Laboratory of Infosocial Technologies of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, and three research committees of the Russian Society of Sociologists (Sociology of Management and Organisations, Sociology of Digital Society, and Urban and Regional Development).

The papers presented at the seminar explore the history of the creation and institutionalisation of artificial intelligence through its integration into various social practices and areas of public activity. Two strategies for developing hybrid governance systems using AI are identified: one at the level of public administration and business, as a unified technocratic strategy for achieving goals, and a strategy for implementing AI scientifically grounded as a socially oriented. The pros and cons of conceptual foundations and applied approaches to the study and development of AI are highlighted. The urgent need to identify and define the role, place and significance of sociology and industry-specific sociological disciplines in these processes is identified, namely, as a science that has the ability to track, study, and develop socially grounded forecasts for subsequent transformation adequate to the needs of society against the backdrop of large-scale technical innovations. Various points of view are proposed on the current state of the processes of developing and integrating AI technologies at various levels of social governance: societal (institutional) – interaction between the state and society; industry – organisational behaviour and functioning of production structures; territorial and local (interpersonal).

Keywords: sociology, artificial intelligence, strategies for unification and diversity of AI implementation, sociology of management, hybrid management systems, digital control, smart management, smart regulation

The article was submitted on: June 30, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir S. Bogdanov, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher

Valentina A. Shilova, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

EDN: NXPNJG

Александр Бенционовичу Гофману – 80 лет!

Редколлегия и коллектив редакции сетевого научного журнала «Вестник Института социологии» поздравляют доктора социологических наук, главного научного сотрудника ФНИСЦ РАН, профессора **Александра Бенционовича Гофмана** со знаменательным юбилеем — 80-летием! Мы выражаем глубочайшую признательность Александру Бенционовичу за неустанный труд на благо развития отечественной социологической науки. Александр Бенционович являет собой живой пример бескорыстного, искреннего служения науке. Он по сей день вдохновляет коллег, учеников и всех, для кого социология – больше чем просто профессия, а поиск истины – дело жизни. Как автор академических переводов, научных публикаций, энциклопедических статей, учебных пособий и монографий он не только раскрыл культурное значение классиков социологии от Конта до Мёртона, но и сделал их идеи доступными, понятными, значимыми для современников.

Александр Бенционович всегда утверждал «позитивистскую» направленность научной мысли, он показывает личным примером, что такое наука и что значит быть ученым в эпоху релятивизма и постмодернистского плюрализма. Профессор Гофман неизменно отстаивает идеи профессионализма и свободы научного поиска, являясь ориентиром для молодого поколения исследователей.

В эти юбилейные дни мы не только вспоминаем достижения, но и сердечно благодарим юбиляра за активную работу: участие в дискуссиях, преподавание, публикацию новых работ, за то, что делится своим уникальным опытом с коллегами, учениками и студентами.

Особенную благодарность Редакция выражает Александру Бенционовичу за помощь и участие в нашей работе. Его замечания к представляемым в журнал рукописям всегда давали богатую пищу для размышлений, указывали авторам на пробелы и недосказанности, часто помогали им самим четче, точнее сформулировать собственные научные выводы. Как рецензент он твердо стоит на страже методологической строгости, и благодаря его участию, журнал поддерживает планку высоких научных стандартов в публикуемых работах.

Академическое сообщество справедливо отметило вклад профессора Александра Бенционовича Гофмана в науку самой почетной для российского социолога наградой – Серебряной медалью РАН им. Питирима Сорокина.

Дорогой Александр Бенционович! Искренне желаем Вам крепкого здоровья, вдохновения и радости от каждого нового дня! Пусть Ваши идеи и далее обогащают российские социальные науки, и Вы всегда будете окружены любовью близких, уважением коллег.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

EDN: LSTUGZ

Поздравляем Зарэтхан Хаджи-Мурзаевну Саралиеву!

Редколлегия и коллектив редакции сетевого научного журнала «Вестник Института социологии» поздравляют доктора исторических наук, профессора ННГУ им. Н.И. Лобачевского Зарэтхан Хаджи-Мурзаевну Саралиеву, выдающегося исследователя семьи, теоретика социальной работы и социальной политики. Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна стояла у истоков социологического образования в России и ее деятельность во многом определила его современный облик и содержание. С именем профессора Саралиевой связано начало подготовки социологов и социальных работников в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, превращение социальной работы в научную дисциплину, утвержденную на теоретическом фундаменте социологии, развивающуюся в соответствии с высокими академическими стандартами.

З. Х.-М. Саралиева родилась в Москве, училась в МГУ им. М. В. Ломоносова, на историческом факультете. Научная карьера ее также началась в столице – в Центральном государственном архиве РККА, затем – в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Но Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна решающий выбор сделала в пользу региона и переехала в Нижний Новгород (в то время Горький), к берегам Волги. Все свои силы с тех пор посвятила она Нижегородскому государственному университету им. Н.И. Лобачевского. Почти 60 лет трудится она в стенах этого вуза, из которых 36 – заведовала кафедрой общей социологии и социальной работы. За это время профессор Саралиева создала и долгие годы возглавляла диссертационный совет по социологическим наукам, подготовила 10 докторов и 38 кандидатов

наук, выступила организатором 40 международных научно-практических конференций. Под ее руководством выполнены десятки масштабных социологических исследований, посвященных семье, родительству, детству, межпоколенному взаимодействию, проблематике насилия и его деструктивной роли в процессе социализации. Отдельно стоит отметить многолетний интерес Зарэтхан Хаджи-Мурзаевны к проблеме сохранения исторической памяти (и прежде всего о событиях Великой Отечественной войны) у подрастающих поколений; этому вопросу посвящена и ее статья, опубликованная в данном выпуске нашего «Вестника».

На протяжении многих лет Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна является редактором социологической секции «Вестника Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки», членом редколлегии журналов «Женщина в российском обществе» и ряда других. Входит она и в состав международного редакционного совета нашего журнала с самого дня его основания.

З. Х.-М. Саралиева – автор многочисленных научных работ, в которых ею была предложена и обоснована субъект-субъектная парадигма как единственно возможная модель взаимодействия в помогающих отношениях, например, в диаде «социальный работник – клиент». Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна внесла большой вклад не только в науку, но и в социальное и социологическое образование.

Дорогая Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна, поздравляем Вас, и желаем долгих лет жизни, крепкого здоровья, творческого вдохновения и новых талантливых учеников и верных последователей!

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

EDN: NEKCI

Михаилу Федоровичу Чернышу – 70 лет!

26 августа отметил 70-летний юбилей научный руководитель ФНИСЦ РАН, директор ИДИ ФНИСЦ РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета (ГАУГН), доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН **Михаил Федорович Черныш**.

Редколлегия и коллектив редакции сетевого научного журнала «Вестник Института социологии» поздравляют члена-корреспондента РАН Михаила Федоровича Черныша с юбилеем! Желаем ему крепкого здоровья, долголетия, новых творческих успехов, оптимизма и научного любопытства, интересных поисков и открытий, талантливых учеников и многих лет плодотворной научной жизни!

Михаил Федорович – один из видных российских ученых, талантливый преподаватель, мудрый руководитель и просто замечательный человек.

В своей исследовательской работе профессор Черныш органично сочетает разработку фундаментальных теоретических положений с масштабностью эмпирических исследований. Круг его научных интересов исключительно широк: от анализа классовой структуры современного российского общества и проблем социальной мобильности до исследований межэтнической напряженности, институциональных систем и цифровизации. Его перу принадлежат более 200 научных работ в российских и зарубежных изданиях, в числе которых недавно вышедшая в свет монография «Инструмент массового опроса: логика и практика конструирования», которая уже успела снискать популярность среди исследователей и студентов

социологов, за короткое время сделавшись библиографической редкостью. Научные работы М.Ф. Черныша – пример научного поиска, основанного на принципах методологической строгости, публичной и критической социологии. Особую ценность представляют его исследования в области социологии науки, раскрывающие видение ее институционального устройства в современных условиях, важность кадрового потенциала и социальных условий для развития ученого. Проведенный им анализ современных тенденций развития социологической мысли проясняют и место отечественной социологии в глобальном научном поле.

Помимо научной, Михаил Федорович ведет и активную преподавательскую работу. Он разработал и читает несколько уникальных курсов по основам социологии и методологии социологического исследования. Многие из тех, кто, завершив обучение в вузе, остался в науке, работает в структуре ФНИСЦ РАН, могли бы сказать, что именно его занятия пробудили в них любовь к социологии и научной деятельности в целом.

С самого основания нашего журнала, он сотрудничал с нами и как автор, переводчик и эксперт. Позднее, став директором ФНИСЦ РАН – ключевого социологического научного центра страны, М.Ф. Черныш, несмотря на огромную занятость продолжал сотрудничество с нашим журналом. Если возникала необходимость он всегда находил время для вдумчивой работы с рукописями. Благодаря его участию, качество научных публикаций в нашем журнале остается всегда высоким, отвечающим академическим стандартам.

Профессор Черныш одинаково открыт и для коллег, и для студентов, аспирантов, нуждающихся в профессиональном совете. Все, кому довелось с ним работать, относятся к нему с большими уважением и теплотой.

Дорогой Михаил Федорович, от лица всего коллектива «Вестника», всей Редколлегии и всех наших авторов поздравляем Вас, и желаем долгих лет жизни, крепкого здоровья, творческого вдохновения и новых талантливых учеников и верных последователей!

ВЕСТНИК *Института* **Социологии**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Полина Михайловна Козырева,
Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория K1, индексируется RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2025. Том 16. № 3. Дата выхода в свет 30.09.2025.
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>